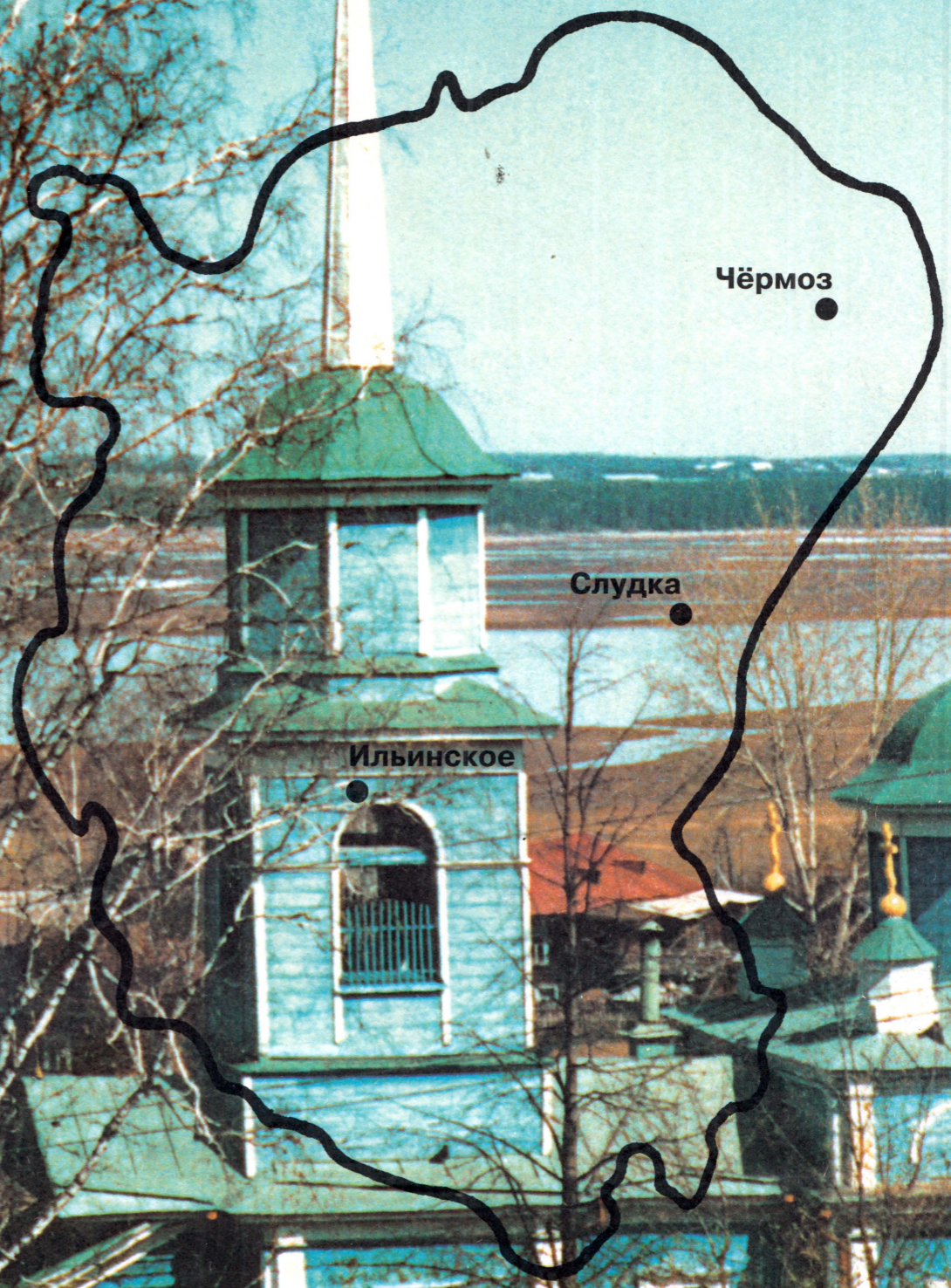

УРАЛЬСКИЙ
снегониим
10•12•98

ISSN 0134-241X

ISSN 0134-241X Индекс 73413, «Уральский следопыт», 1998, №10-12

Чёрмоз

Слудка

Ильинское

**Строящийся мост через Обвинское
«море» в районе пос. Ильинского.**

Фото Аллы МОЛОДЦОВОЙ

**Прялка составная-расписная. 1877 г. Обвинский мастер.
Дерево, резьба, точение, масло, краска, роспись.**

Ильинский краеведческий музей. Фото Олега ОТАВИНА.

**Велосипед. Первая пол. XIX в.
Мастер С.М. Абрамов.
Дерево, резьба, точение, сталь,ковка;
масло, окраска, роспись.**

Редакция:
 Герман ИВАНОВ
 (главный редактор),
 Юний ГОРБУНОВ,
 Сергей КАЗАНЦЕВ,
 Анна КОСТРИКОВА
 (художественный редактор),
 Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ следопыт

УЧРЕДИТЕЛИ –
 СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ
 РОССИИ,
 ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
 Виктор АСТАФЬЕВ,
 Кир БУЛЫЧЁВ
 Владислав КРАПИВИН,
 Станислав МЕШАВКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
 Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
 Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
 Анна КОСТРИКОВА,
 Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
 620142, Екатеринбург,
 ул. Декабристов, 67
 Телефон редакции:
 (3432) 224-501

Рукописи принимаются
 перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28-30 строк на странице.
 Материалы на дискетах
 рассматриваются в первую
 очередь.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.
 По вопросам подписки
 и доставки обращаться
 в районные отделения
 «Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры
 отправлять
 в ФГУИПП «Уральский рабочий».

Рег. № 441 от 13.12.90
 Подписано к печати 19.11.98
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага газетная.
 Печать офсетная.
 Усл.печ.л. 15,12.
 Уч.-изд.л. 18,6.
 Усл.кр.-отт. 15,12.
 Тираж 3 500.
 Заказ № 319.
 Все претензии по ошибкам в тексте
 предъявлять
 редакции журнала «Уральский следопыт»
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ФГУИПП «Уральский рабочий»
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Фото на 1-4 стр. обложки –
 поселок Ильинский и его окрестности.

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1998 г.

В номере: 10-12 '98

Историей заповедано	2
Ильинское на Обве Олег ОТАВИН	4
«Капитал — не в материальном наследстве» Наталья ГОЛОХВАСТОВА	7
О чем молчит гудок Чёрмоза Сергей ВАСЕВ	10
Тропой поиска	13
Родина первого апреля Александр ЧУМАНОВ	20
«Слушать звенящие далью ключи...» Сергей МЕРКУЛЬЕВ	32

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Злые сумерки невозможного мира Александр КОЛОСОВ	33
Заочный КЛФ	87
«Я утверждаю, что — невинна» Ольга ЩЕРБИНИНА	91
Командорская каюта	95
Собака Алексей КОШКИН	112
Павленковская библиотека	117
Сын крепостного Вадим БЕРЕСНЕВ	118
Краеведческая копилка	119
Самосел Валерий НЕЧИПОРЕНКО	122
Краеведческая копилка	133
Годовое содержание «УС»-98	137
Шахматный пилигрим	139
Тишка. Ежиное семейство Юрий МАТАФОНОВ	141
Кисть крепостного Нина КАЗАРИНОВА	143

ЖУРНАЛ
 ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ.

ЗАПОВЕДАНО ИСТОРИЕЙ

(ТРИ ВОПРОСА ГЛАВЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)

Ильинский район Пермской области. На карте он сразу различим: по его территории простирает свои голубые щупальца крабовоподобное Камское водохранилище. Это широкие и мощные Обвинский и Иньвинский рукава, помельче — Чёрмозский, Гаревской...

Но карта — картой, а мы — на живой ильинской земле. Почему дорога привела именно сюда? Только ли грядущее в декабре 75-летие района? Что выделяет его среди прочих на пермской земле?

Первое слово конечно же пристало сказать и первому человеку в районе, главе его администрации Леониду Киприяновичу Гуляеву.

Л.Г.: Наверное, все ильинцы согласятся с тем, что притягательная особенность нашего района — это его богатейшие историко-культурные традиции. Говоря языком статистики, их на душу населения у нас куда больше, чем у соседей по области. Кто на Урале не слышал хотя бы краем уха об имении Строгановых — селе Ильинском с его образцовым лесоустройством, крепостными художниками и театром? Кто не знает о заводе в Чёрмозе, его мастерах и умельцах, его знаменитом обществе вольности? Кто не слышал о слудских речниках — капитанах? Я назвал только то, что лежит на

Леонид Киприянович Гуляев

поверхности нашей отечественной истории и культуры, делает район одним из уникальных не только на Урале, но и в России и придает ему характер национального заповедника.

Заповеден и неповторим ильинский край и сохраненными в первоначальной чистоте реками, лесами, недрами. Отсутствие железных, а до недавнего

времени и хороших шоссейных дорог и мостов в соединении с традициями земле- и лесобережения, оставленными нам в наследство семьей ученых-лесоведов Теплоуховых, создали в Ильинском районе уникальный экологический микроклимат. В наших реках пока самая чистая рыба, в лесах — самый непуганый зверь и птица. Это, можно сказать, наше второе «фирменное блюдо».

Прямой связи у района с центром никогда не было. Это обстоятельство ставило его в автономный режим развития. И вот тут-то культурная традиция, обычаи, истоки — все богатейшее наследие нам и пригодилось. Мы сохранили исторические корни, самобытность.

Корр.: В Ваших словах уже прозвучала мысль о районе-заповеднике, об экологической и культурно-исторической уникальности его. Наверное и какие-то практические шаги сделаны по созданию индустрии заповедности и туризма?

Л.Г.: В 1990 году решением Ильинского райисполкома был создан историко-музейный комплекс и намечены пути его развития. И кое-что сделано в этом направлении. Капитально отремонтирован Ильинский краеведческий музей. Он расширился за счет передачи историко-музейному комплексу здания бывшего Дома культуры. Едва ли найдется в России село, где бы функционировали два музея. Отремонтирован и дом Теплоуховых, наведен относительный порядок в уникальном лесопарке «Кузьминка». Все это теперь активно используют студенты, школьники как материал для изучения края, воспитания патриотизма. Этим летом, например, в Ильинском базировался областной детский лагерь «Пушкинист», ведь от Ильинского идут тропинки и к Пушкину... Надо ли говорить, что только финансовая нестабильность не позволяет нам интенсивнее развивать музейно-культурный комплекс.

Корр.: Однако же есть в Ильинском районе еще один уникальный объект — строящийся двухкилометровый мост через Обвинское «море», который наконец-то соединит настоящей связью две части района. Стройка уникальна не только народно-хозяйственным значением для района и области, но поражает еще и тем, что в пору финансового кризиса в стране мост строится неостановимо, финансируется бесперебойно. И скоро трудяга-паром, связывающий летом обвинские берега, тоже отправится в историю. Такой совершенно уникальный режим благоприятствования невольно вызывает у ильинцев подозрение в некоем «секретном» предназначении моста, например, для транспортировки радиоактивных отходов с целью их захоронения либо на территории Коми-Пермяцкого автономного округа, либо даже Ильинского района. Согласитесь, что подозрения небезосновательны.

Л.Г.: Считаю, что оснований нет. Было бы буквально самоубийством для Перми, крупнейшего экономического и культурного центра России, позволить подобную акцию, ведь все водные артерии, питающие областной центр и всю область, идут с севера. А благоприятный режим стройки мы, я считаю, обеспечили себе сами. Подступы к сооружению моста были сделаны еще в конце 80-х годов. Нужнее моста ни тогда, ни сейчас не было для нас объекта. За рекой, отрезанная от райцентра, проживает половина населения района. Весной и осенью — в общей сложности 2,5-3 месяца — между берегами нет сообщения. Вот почему заранее и тщательно был разработан проект, вся необходимая документация. Для Челябинского мостопоезда, соединяющего обвинские берега, был создан надежный и постоянный фронт работ.

Надо также сказать, что за последние 15-20 лет дорожное строительство в районе было приоритетным направлением в хозяйстве. В прошлом году, например, в дорожное строительство мы вложили 62 млн. новых рублей. Это каждый ильинец ощущает на себе. Традиционно бездорожный район сегодня обеспечил дорожную связь со всеми сельскими административными центрами.

Итак, «Уральский следопыт» впервые совершает экскурсию по одному району необъятной России и знакомит читателей с его историко-культурными ценностями. Конечно, всего сразу нам было не объять, многое из увиденного и услышанного осталось «в запасниках». Но ведь запас карман не тянет.

Редакция ждет приглашений и от других городов и районов. Звоните, пишите — об условиях договоримся.

Материалы ильинской подборки организовал и подготовил Юний Горбунов.

Олег ОТАВИН

ИЛЬИНСКОЕ НА ОБВЕ

Верхнее Прикамье, в том числе и Обвинское поречье, в начале второго тысячелетия н.э. начали заселять предки народа коми-пермяков. Об этом свидетельствуют археологические находки и топонимика края. Например, название р. Обва некоторые исследователи переводят с коми-пермяцкого как «луговая вода». Колонизация Прикамья Великим Новгородом в XI — середине XVI веков, похоже, мало коснулась Обвинских земель: далековато они находились от верховья Камы и других северных водных путей. Только после присоединения Прикамья к русскому государству в 1472 году Обвинское поречье начало говорить и по-русски.

Первое письменное упоминание об Ильинском относится к 1579 году. Тогда в отхожем стане Чердынского уезда значился «погост Обва на реке Обва, а в нем церковь строения деревянного во имя святого пророка Ильи и 13 дворов пашенных крестьян». А в писцовых книгах Кайсарова (1623-1624 гг.) уже встречаем название «Ильинский». Теперь перепись говорит о стремительных темпах колонизации Обвинского поречья: «В погосте Ильинском 37 дворов пашенных крестьян, 1 мельница, 1 кузница». В 1640-х годах обвинские земли перешли в административное подчинение к Соликамску.

Во второй половине XVIII века темпы коло-

Сцена из спектакля «Тарас Бульба». Начало 1900-х годов

низации и хозяйственного освоения Обвинского поречья еще ускоряются. Население растет за счет пришлых людей, в основном из посадов и уездов центрального Поморья и Поволжья.

В XVIII веке прежде свободное здешнее население попало в крепостную зависимость от Строгановых. Историк Дмитриев писал: «В счастливейшем для Строгановых 1700 году июля 1-го состоялся именной указ Петра Великого об утверждении за Григорием Дмитриевичем Строгановым пожалованных на Обве, Иньве и Косье погостов, с чем вместе отошло ему 14003 человек мужского пола казенных людей...»

Тогда же на Урале возникает и развивается крупная металлургическая промышленность. В вотчинах Строгановых — горнозаводская и солеварение. Сельское хозяйство играло уже подсобную роль. Как раз Обвинское поречье и стало одним из основных сельскохозяйственных районов Строгановских вотчин.

А в 1771 году в село Ильинское из Нового Усолья переместился центр всего Строгановского имения. Ильинское становится «столицей» громадной уральской вотчины площадью более миллиона десятин земли. На этой территории в середине XIX века работали пять заводов, Усольские и Ленвинские соляные промыслы, а число жителей достигало 170 тысяч человек. Село Ильинское и Обвинский край пошли в гору. Ревизия Ильинского и окружающих деревень 1795 года показала, что население округа достигло 3160 человек.

Преобразился внешний вид села. В 1775 году построили каменную Пророко-Ильинскую церковь, в 1801-м — дом управляющего, в 1805-м — здание конторы управления. Появляются ряд жилых домов для служащих, административные и хозяйственные постройки. Село застраивают не как-нибудь, а по генеральному плану, под приглядом строгановских архитекторов.

Село с той поры становится одним из культурных центров Прикамья. Сюда перевозят из Пысгора иконописную мастерскую, открывают первое в имении Строгановых приходское училище, библиотеку, фельдшерский пункт, а в 1820-х годах — даже театр. Трудно удержаться и не процитировать писателя Мельникова-Печерского: «...мы отправились в театр!!! В особое здание, исправлявшее прежде должность приходского училища, со сценою, с оркестром, с партером и с креслами. Шутите, в Ильинском?! В самой Перми до сих пор не видывали комедий, а в Ильинском есть театр. И на нем играют не странствующие сыны Мельпомены, нет, ак-

теры имеют в Ильинском постоянные жительства и служат писчиками в вотчинном правлении... женские роли выполняли мужчины с усамми, с небритой бородой, в чепцах, сарафанах и драдедамовых платках. Чудесно! Приезжие из Перми таяли от удовольствия; жители Ильинского восхищались и не жалели рук для аплодисментов...» Разгадка этого культурного феномена проста: Строгановы для управления имением использовали исключительно своих крепостных. Получив высшее образование в Петербурге (для этого Строгановы финансировали там специальную школу) новоиспеченные служащие возвращались в Ильинское и, естественно, вели образ жизни, отличающийся от других сел Прикамья. Имена некоторых из тех служащих теперь известны всей России.

В Ильинской иконописной мастерской учился будущий архитектор А.Н. Воронихин. Трудились здесь первые русские лесоводы А.Е. и Ф.А. Теплоуховы, ботаник Сюзев, составитель русско-коми-пермяцкого словаря Рогов, художник С. Юшков. И этот список можно продолжать.

Село славилось крупной торговлей. Еще в конце XVII века ильинцы ездили на Макарьевскую ярмарку, доставляя туда хлеб, пушнину, кожи, сало, льняное масло... Начиная с «лотка», некоторые крестьяне становились богачами. В самом Ильинском торговало три торжка: Никольский, Благовещенский и в первый воскресный день первой седмицы Великого Поста. Оборот торжков достигал 150 тысяч рублей серебром.

И вот как выглядело село в 1897 году, когда проходила первая Всероссийская перепись населения. В границах нынешнего Ильинского района обитало тогда более 60 тысяч жителей, а в самом Ильинском — 1460. Здесь располагалось волостное правление, две церкви — православная и единоверческая, учили две школы, лечили и обихаживали две больницы и богадельня. Располагались заведения по выделке овчин, кож, спичек, патоки, мыла и свеч, топки сала. Каждую субботу гомонили торжки, а два раза в год — ярмарки.

Тяжелую память оставили у Ильинцев события Гражданской войны. 31 января 1918 года в селе была провозглашена Советская власть. Не все приняли это событие однозначно. Летом в Ильинском формируется 10-й красный кавалерийский полк. А в декабре, когда Пермь сдалась белым, этот полк поднял мятеж против Советской власти, в плен к белым попали добрянские красногвардейцы. Вступившие в село колчаковцы расстреляли сотни людей. В конце июня 1919

года село снова заняли части Красной армии, но «классовая борьба» сразу не закончилась. Жертвы несла как та, так и другая стороны.

В начале двадцатых возникают первые коммуны, земельные общества, кооперативы. Первый колхоз «Уралсепаратор» ведет свою историю с 1928-го; в 1932-м начала работать Ильинская МТС. Образование колхозов повлияло на миграцию населения: оно в районе уменьшилось до 40 тысяч. Селяне уходили в город.

Не обошли Ильинское и сталинские репрессии. До сих пор не установлено точное число пострадавших — расстрелянных, раскулаченных, сидевших в тюрьмах. Секретарь Дмитриевского сельсовета вспоминал: «Сверху приходила разнарядка — какое количество плотников, каменщиков раскулачить и отправить на строительство Березниковского калийного комбината...»

На фронта Великой Отечественной войны ушли 18, 5 тысяч ильинцев. 10 тысяч отдали свои жизни в боях за Родину. Среди погибших два героя Советского Союза — Виктор Егорович Ершов и Иван Ульянович Бутырин. Не меньший подвиг совершили ильинцы в тылу (а были это в основном женщины, старики, дети). Они сдавали России зерно, мясо, картофель, молоко, помогали освобожденным районам Сталинградской, Ростовской и Смоленской областей. В Ильинском

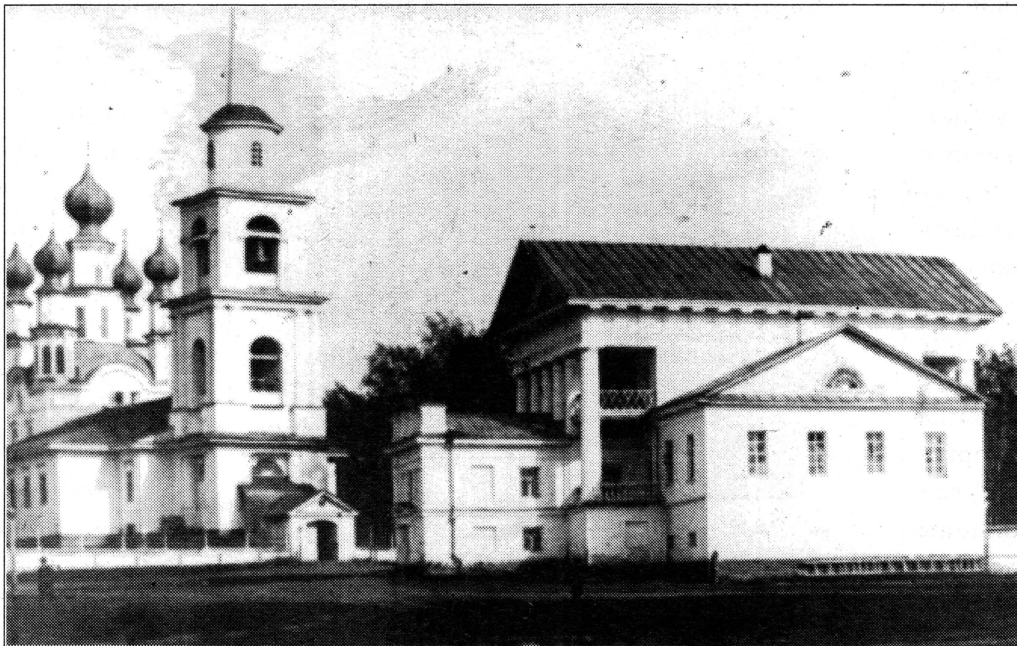
разместились сотни эвакуированных людей, работал госпиталь.

В послевоенные годы, несмотря на сокращение населения растет производство сельхозпродукции, возникают мелкие промышленные предприятия, идут значительные лесозаготовки.

В 1955-56 годах с образованием Камского водохранилища значительная часть села оказалась в зоне затопления. Село перенесли на возвышенное место. Появились дома-новоселы из соседних деревень, другие строились заново. Ильинское потеряло облик столицы Строгановских владений, а стало центром сельскохозяйственного района. Правда, большая часть селян работала на мелких предприятиях, а после открытия Васильевского месторождения нефти (1962г.) процент рабочих в селе еще увеличился. «Решением сельского облисполкома от 13 апреля 1964г. с. Ильинское и слившиеся с ним деревни Семина и Сучкина преобразованы в рабочий поселок Ильинский».

Что сегодня в активе Ильинского? Леспромхоз, молочный завод, средняя школа, профтехучилище, одна из старейших в области библиотек, Дом пионеров, Дом культуры, кинотеатр, музей...

История продолжается.

**Пророко-Ильинская церковь. 1775 год.
Дом правления Пермскими именами Строгановых. 1805 г., 1837 г.**

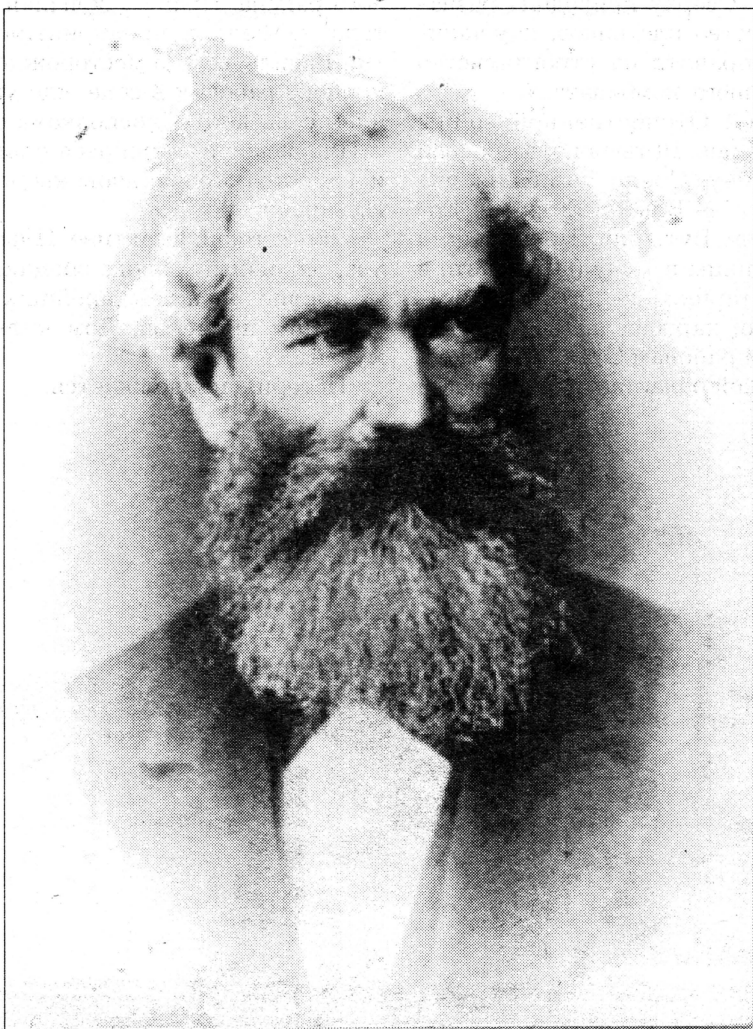

Наталья ГОЛОХВАСТОВА

«КАПИТАЛ — НЕ В МАТЕРИАЛЬНОМ НАСЛЕДСТВЕ...»

Фамилия «Теплоуховы» у пермяков давно на слуху. Знали ее и за пределами уральской провинции. Несколько поколений Теплоуховых «состояли на службе» у известных на всю Россию заводчиков, землевладельцев, меценатов Строгановых. Но повсеместную известность получили благодаря ученому с мировым именем — Александру Ефимовичу Теплоухову. Его вкладу в развитие лесоводства, археологии и других наук посвящены книги, статьи, музейные экспозиции и выставки.

Основой всей жизни Александра Теплоухова стало

**Теплоухов Александр Ефимович. 1811-1885 гг.
Ученый-лесовод,
основатель лесопарка «Кузьминка».**

лесоводство. Знаток этой науки во всех ее тонкостях он почти сорок лет работал в должности главного лесничего Пермского не-раздельного имения графов Строгановых и через всю жизнь пронес удивительно нежное, почти трепетное, даже романтическое отношение к природе, к лесу.

Что это был за человек? О чем он думал, оставаясь наедине с самим собой? Попробуем чуть-чуть приоткрыть завесу и заглянуть во внутренний мир молодого Теплоухова — строгановского служащего XIX века.

«...Представь себе приятное

утро... мы отправляемся в лес: пение птиц приветствует нас там, утренний ароматический воздух придает нам бодрость и оживляет воображение, с веселия взираю я на высокие столетние деревья, которые гордо распростирают ветви свои надо мною, каждый цветок, каждое насекомое обращает мое внимание; я смотрю на тенета паука! с каким редким искусством утвердил он их между деревьями; как ярко блистает на оных лежащая роса, солнцем освещенная; с удивлением рассматриваю я искусного мастера сей работы... Я, беседуя так с Природой, позабываю человека — сего жалкого спутника, отягощенного суетными заботами».

Так писал Александр Теплоухов своему бывшему соученику по петербургской школе А.М. Пестрякову. Эта любовь к лесу и стала фундаментом отношения Александра Ефимовича к делу как творчеству. Личность творческая начала проявляться уже в молодом крепостном слуге. Канцелярская работа, которой Александр вынужден был заниматься на протяжении несколь-

ких лет (1830-1833) после окончания Петербургской школы земледелия и горнозаводских наук, не удовлетворяла его: «...Я замучился ныне от занятий, почти каждый день с 7 часов утра до 11 часов ночи сижу, согнувши свой горб и переписываю бумаги или прею над проклятыми отчетами. Прекрасная работа!» — это из письма к другу. Появилась потребность в более полном профессиональном образовании — как дорога к работе творческой. Поехал учиться за границу. Но не в горную академию, как хотела графиня С.В. Строганова, а в лесную. То есть выбор профессии крепостной слуге сделал самостоятельно, даже вопреки желанию «хозяйки».

Человек, полностью зависимый, он тем не менее осознавал себя не только гражданином «строгановской империи», но и россиянином. «...Научась в Германии любить свое Отечество, я имею и буду иметь ввиду кроме интересов моих доверителей (Строгановых. — Н.Г.) и пользу общую. Я еще молод практической службой на поприще наук лесоводческих, но пламенная моя

В саду у дома Теплоуховых. 26.06.1903 года.

любовь к сему предмету, надеюсь, сделает меня полезным хотя сколько-нибудь любезному моему Отечеству», — писал А.Е. Теплоухов в рапорте Императорскому Вольному экономическому обществу.

Он выделяет себя из массы зависимых и безликих и создает в одном из писем своеобразный «манифест» крепостной интеллигенции: «Я удивлял своих слушателей, рассказывая им об отеческом об нас попечении господ наших, старании их вывести нас из обыкновенного круга раболепных и недостойных служителей; они дали нам просвещение; обязанности к Богу, Отечеству, долг у нас перед глазами, а посему мы не должны служить им, как другие: мерзкое, незаконное стяжание корыстию, наружное почтение и повиновение и подлая месть должны быть нами презрены, но исполнение должных обязанностей по возможности, чистая совесть, прямодушие и искренняя сыновья любовь к добрым господам и начальникам — вот прямые средства угодить Богу и людям, вот источник счастья и душевного спокойствия... Я чувствую в себе большие недостатки в скором соображении и увертливости, говорят, в свете столь нужной, но о том нисколько не сожалею и путь, усеянный терниями, пройду с осторожностью и старательностью».

Многое из сказанного подтверждалось и жизнью. «...Осиротели и мы, ...осиротели многие, потеряв благодетеля нашего, заботившегося о нас, как о детях своих... Солнце наше закатилось навеки!» — так искренне переживал Александр Теплоухов смерть князя Василия Голицына — зятя графини С.В. Строгановой, у которого он служил в Главной конторе Строгановых в Санкт-Петербурге. Но в чувствах этих никогда не было слепого подобострастия. Например, о дочери графини — А.П. Голицыной — встречаем замечания такого рода: «Эта госпожа была добра и глупа, просто сказать нуль». А чересчур резкие, бесцеремонные реплики графа Строганова по поводу нерасторопности юного секретаря выз-

вали резкий внутренний протест: «Вчерашний день был для меня самый несчастный... Это все равно, что меня выставить на площадь с надписью: дурак. Это меня совершенно сразило... Самолюбие мое жестоко оскорблено».

Отнюдь не забитым крепостным предстает Александр Теплоухов со страниц своих писем и дневников. Он стремится достичь совершенства в немецком языке, его привлекает русская поэзия, восхищает роман Пушкина «Рославлев»... Крепостной юноша жаждет увидеть мир, с восторгом узнает о возможности посетить Англию: «О радость!.. Видеть Лондон, видеть Англию, страну, славную просвещением, образованием, правами и деятельностью своего народа, страну, совершеннейшую во всем мире — есть счастье, которое редкому из нас предоставится...»

На первом месте у юноши Теплоухова были так называемые «ценности высшего порядка». Посетив немецкое кладбище в Риге, он записал свои впечатления в дневнике: «Посередине кладбища стоит подвал — я зашел в него: множество гробниц, великолепно убранных, лежат одна на другой. Здесь находятся знатные фамилией и богатством: вот их почести, вот богатство: тесный гроб заменил великолепные дома, вся слава и власть покрыты гробовой доской. О вы, гордящиеся своим могуществом и славою и почитающие себя выше всех, и вы, наслаждающиеся всеми временными благами — помыслите о будущем...» А будучи уже зрелым человеком, достигшим высокого для своей среды положения и благосостояния, Александр Ефимович не изменил своим юношеским убеждениям, считая, что «главный капитал лежит не в материальном наследстве, состоящем из бранных и сгораемых вещей, а в христианских и гражданских добродетелях, в уме, знании наук и трудолюбии». Это слова из завещания А.Е. Теплоухова, написанного в 1859 году. Может быть, стоит нам на минуту остановиться, обернуться назад, вдуматься в эти строки...

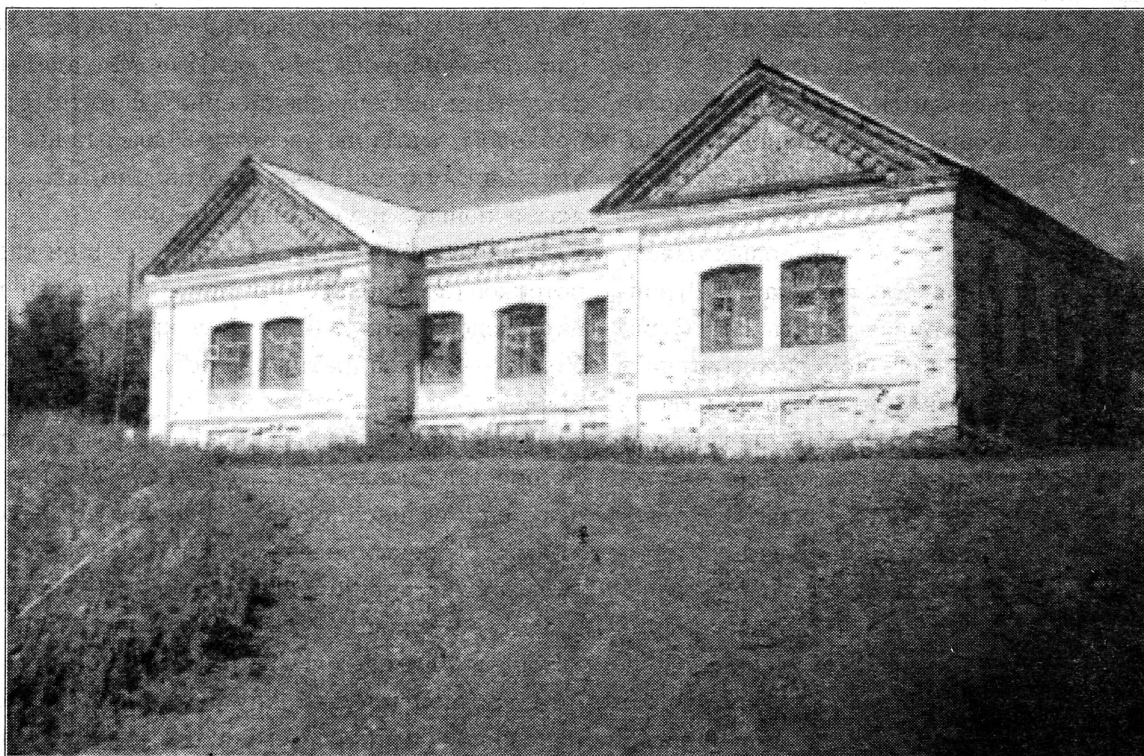

Сергей ВАСЁВ

О ЧЕМ МОЛЧИТ ГУДОК ЧЁРМОЗА

Чёрмоз... Единственный город в сельском Ильинском районе. Чёрмоз, побывавший столицей владений заводчиков Абамелек-Лазаревых, Чёрмоз — родина знаменитого «общества вольности»... Его не менее знаменитый железодельный завод замолчал в советское время, буквально обескровив город. Но Чёрмоз живет — надеждами, памятью, смелыми планами, а главное — несокрушимым дружеством. Об истории Чёрмоза рассказывает заведующий городским архивом.

**Чертежная Чёрмозского железодельного завода
(в советское время — лаборатория Чёрмозского металлургического завода).
Год постройки — 20-е годы XIX века.**

Первое упоминание о Чёрмозе относится к 1701 году. Его обнаружили в отказных книгах К.Ф. Цызарева москвичи, но уроженцы Чёрмоза — Валентин Иванович и Маргарита Николаевна Чуприяновы. В книгах они нашли упоминание о трех поселениях с таким названием: Чёрмоз-первый — 51 житель мужского пола; Чёрмоз Верхний — 35 жителей и деревня Чёрмоз по обе стороны р. Чёрмоз — 42 обитателя.

А.С. Кривошекова-Гантман выводит это название от коми-зырянских слов «чер» — приток и «моз» — наст, ледяная корка на снежном покрове. Получается, что Чёрмоз — это «ледок по притоку» или «зимний санный путь». Еще возможен вариант — «Коровий приток», если по коми-зырянски «мэс» — корова.

Городок расположен на реке с тем же названием — правом притоке Камы. После основания здесь медеплавильного (1761), а потом чугунолитейного и железодельного завода деревня превратилась в заводской поселок. А в 1943 году Чёрмозу присвоен статус города.

Он основан на землях Строгановых. После раздела 1762-63 годов поселок, как и строящийся завод, стали принадлежать Г.Н. Строганову. А его наследники, спустя пятнадцать лет, продали завод и все земли за 450 тысяч рублей выходцу из Армении И.Л. Лазареву.

Так Чёрмоз стал частью огромной уральской вотчины Абамелек-Лазаревых. В Прикамье она занимала территорию бывших Пермского, Оханского, Соликамского и Чердынского уездов. Одни исследователи называют 830 тысяч десятин, другие — 1056 тысяч.

В августе 1800 года хозяин — И.Л. Лазарев — дает распоряжение: учредить при Чёрмозском железном заводе Главное правление железных и соляных заводов — в самом центре вотчины. Потом оно не раз меняло свою структуру, но неизменными оставались три отделения: вотчинное, заводское и соляных

заводов. В 1807-м был учрежден Чёрмозский горный округ.

Центр Лазаревских владений развивался тогда стремительно. Перепись населения 1887 года насчитала в Чёрмозе 5488 человек, обитающих в 1136 домах.

В первой половине XIX века начинается его планомерная застройка, характерное для заводского Урала прямоугольное расположение улиц. Чёрмоз разделился на Гору (возвышенная часть с административными зданиями и домами заводского персонала) и Подгору (низинная часть около завода, где жили семьи мастеровых).

Строятся каменные здания. Лазаревы создавали хорошие условия для своих инженеров и чиновников — готовили преданные кадры. Чертежи многих жилых домов присылали сами. Так появились здания госпиталя, главного заводоуправления, дом заводовладельца, 2-этажная аптека, соединенная с госпиталем проходом, училище — тоже в два этажа. Все эти здания (кроме дома заводовладельца) служат и поныне и украшают Чёрмоз.

В начале XIX века разбили большой сад с ротондой (беседкой). Открылся живописный вид на заводской пруд (а он был крупнейшим на Урале — 28 квадратных верст). Была и оранжерея.

Деревянную церковь Рождества Пресвятой Богородицы освятили в 1792 году, а четверть века спустя началось сооружение каменного храма. Проектировал его архитектор И.М. Подъячев, учившийся в Петербурге, Москве и Риме. Церковь — внешне она напоминает собор — поражает своим внешним и внутренним великолепием. Вокруг главного купола с позолоченным шаром и крестом возвышались четыре башенки-звонницы (ныне отсутствуют). Квадратное в плане здание окружают четыре дорических портика. Иконы внутри были копиями икон Казанского и Исаакиевского соборов, писанные чёрмозскими богомазами. А

копию знаменитой «Сикстинской мадонны» Рафаэля выполнил дрезденский художник Вольф. Святыней почиталась и икона святителя Алексея, митрополита московского с частью его мощей. В 20-е годы нашего века все иконы (не менее 24-х) были перевезены в Пермь, в фонды областной Картинной галереи, где след многих из них и теряется.

Неизвестна точная дата открытия первой школы в Чёрмозе. Исследователи на сходятся во мнении. Но точно известно, что 21 апреля 1811 года официально открыто «народное училище», куда по Уставу принимались только дети членов Правления, приказчиков и должностных служителей. Через четыре года начальное приходское училище стало 2-классным и в нем занималось 50 мальчиков. Еще пять лет спустя только во втором классе обучалось 76 ребятишек.

Училище в ту пору считалось одним из лучших на Урале. Дети проходили 9-летний курс обучения и осваивали географию, историю, геодезию, горнозаводскую механику, минералогию, металлургию и заводскую архитектуру, а также основы риторики, законоведения и латынь. В 30-х годах при училище создается горная студия, где готовили инженерно-технические кадры для заводов Лазаревых. И еще — лекарская студия, где дополнительно изучали медицину и хирургию.

Когда же в 1836-37 годах в Чёрмозском училище власти раскрыли тайное общество «верных приверженцев свободы», ставившее целью уничтожение власти помещиков над крестьянами, училище временно было закрыто и возобновилось уже с обычной программой.

В годовщину 300-летия Дома Романовых по распоряжению С.С. Абамелек-Лазарева в двух мужских школах Чёрмоза введена система военного обучения, созданы по типу петровских две «потешные» роты. Ввели соответствующую военную форму, изучали строевую под-

готовку, ружейные приемы, совершали походы на выносливость. Командирами взводов и отделений ставили детей заводской администрации и духовенства. Курсанты чёрмозских рот даже становились призерами губернских соревнований.

Почти одновременно с училищем возникло в Чёрмозе библиотечное общество из учителей, чертежников, конторщиков. На ежегодные взносы по 10 рублей составили библиотеку. Потом библиотеки были открыты также при заводе, училище и больнице.

По воспоминаниям писательницы А.А. Кирпищиковой и заводоуправляющего Н.Н. Новокрещенных уже в середине прошлого века действовал в Чёрмозе клуб для заводских служащих и интеллигенции. Оба свидетельствуют, что раз в неделю давались здесь любительские спектакли.

В канун Первой мировой войны Чёрмоз представлял собой крупный заводской поселок — экономический, административный и культурный центр Соликамского уезда. Здесь располагалось волостное правление, начальник 5-го земского участка и становой пристав. К услугам обитателей Чёрмоза были православная церковь и три часовни; три училища и две школы, библиотека, почтово-телеграфное отделение, больница, ветеринарный пункт, метеорологическая станция Уральского общества любителей естествознания, два Общества потребителей, 63 торговых лавки. Здесь же располагалось также Чёрмозское главное правление заводами и соляными промыслами Абамелек-Лазаревых. Оно включало в себя общее присутствие, а также управления — училищное, госпитальное, взаимных сношений всех мест, и отделения — вотчинное, заводское и соляное, главного лесничего и сельские земские избы. В него же входило и правление Чёрмозского горного округа, включая Чёрмозский, Кизеловский и Поладзинский заводы.

Елена ГОРНОСТАЕВА

ЕГОРКИНЫ КУРАНТЫ

Историю Чёрмоза нельзя представить без часов-курантов на фасаде храма Рождества Пресвятой Богородицы. «Уральский следопыт» уже писал об этом уникале (1986, №7), но жизнь курантов не стоит на месте. А Елене Горностаевой их судьба близка еще и потому, что к ним приложил руку ее дед — Алексей Ефимович Беклемышев.

Мы печатаем отрывки из реферата — экзаменационной работы Елены Горностаевой, ученицы чёрмозской средней школы им. Виктора Еришова.

Чёрмозский завод строили крепостные ба-
рона Строганова. В 1778 году завод по купчей
перешел к Лазареву.

С увеличением населения назрела необхо-
димость собственной церкви. В мае 1827 года

был заложен каменный храм в честь Рожде-
ства Богородицы. Это монументальное строе-
ние с четырьмя дорическими портиками ар-
хитектора Подъячева. Его отличие — в широ-
ком применении чугунного литья. Полы и от-

Куранты, построенные Егором Епишкиным.

мостики вокруг церкви застелены плитами, портики крыты фигурным литьем и купол тоже. Все отливалось на местном заводе.

А вот выписка из архивной справки: «Ранней весной 1847 года из разговора между механиком и управляющим завода Поздеевым установлено, что в механическом цехе есть один умелец, сын объездчика Епишкина — Егорка, который изъявил желание к открытию храма Господня сделать и установить у входа в церковь часы с боем, а также поставить указатель чисел месяца и фаз луны»

Егорке Епишкину в материалах отказано не было, и уже в 1848 году Христофор Лазарев слушал мелодичный звон часов-курантов. Двести рублей ассигнациями получил Егорка за свою работу.

Егоркины куранты имеют два циферблата по полтора метра диаметром. На правом ведется отсчет часам и минутам. На левом циферблате часовая стрелка показывает дни месяца, а маленькая месяцы года. В фигурном вырезе окна появляются изображения фаз луны, соответствующие дате. Колокола размещались в двух малых главках. В двух остальных колокола отсутствовали. Когда реорганизовывали церковь, главки ликвидировали, колокола повесили на антресоли. Более века часы шли, а потом встали и молчали более 10 лет. Часами заинтересовались ильинцы, предлагая перевезти их к себе. Пер-

мяки обещали отремонтировать за 14 тысяч. Тогда за реставрацию курантов взялся А.Е. Беклемышев.

Алексей Ефимович родился в 1915 году в Чёрмозе в семье рабочего. Работал на Чёрмозском металлургическом заводе слесарем. Слесарем же стал и вернувшись с Великой Отечественной.

После закрытия завода устроился в сплавном рейде мастером ремонтно-механических мастерских. Более ста его рационализаторских предложений внедрены в производство. А первое он испытал в семь лет: сделав из картона крылья, прыгнул с крыши...

Часовому делу научил его Пётр Григорьевич Балашов, который учился у того самого Егора Епишкина. На склоне лет тот оказался одиноким без кола и двора и дожил свой век у Петра Балашова, оставаясь верным своим изобретательским чудачествам. Например, потехи ради вмонтировал в дверной косяк установку, которая за счет энергии открывания и закрывания двери печатала и выбрасывала к ногам входящего медные пятаки...

Когда Алексей Ефимович осмотрел часы, то обнаружил, что многие детали исчезли. Кое-что пришлось менять, вносить изменения в конструкцию, делать технические расчеты.

То, что сделал Алексей Ефимович, видно по акту приемки. Этот документ тоже уже история.

АКТ

приемки часов-курантов в гор. Чёрмозе

...При реставрации была проведена следующая работа:

№№ пп	Наименование работ	Количество	Стоимость в рублях
1.	Замена тросов подвеса гирь, основного механизма и механизмов	50 м.	80-00
2.	Изготовление и установка новых втулок осей и шестерен механизмов боя.	18 шт.	28-00
3.	Изготовление и установка новых втулок осей и шестерен основного механизма.	24 шт.	38-00
4.	Изготовление и монтаж новых тяг механизмов боя.	10 шт.	23-00
5.	Изготовить и установить гайки крепления верхней плиты М-24	2 шт.	4-00
6.	Изготовить и установить новые оси кулачков механизмов боя	10 шт.	21-00
7.	Изготовить новые шестерни основного механизма и установить их	4 шт.	360-00
8.	Изготовить и установить новое коромысло маятника.	1 шт.	15-00

9.	Установить подшипники для блока подъема троса механизмов боя и установить на фундамент.	4 шт.	13-00
10.	Изготовить и смонтировать крепление ударников колоколов.	6 шт.	15-00
11.	Изготовить и смонтировать новые шестерни механизмов боя.	4 шт.	25-00
12.	Заменить струны механизмов боя.	12 шт.	8-00
Всего:			630-00

Согласно утвержденной ведомости по реставрации часов-курантов гор. Чёрмоза не отремонтирован и не отрегулирован механизм передачи и показа календаря и фазы луны ввиду отсутствия запасных частей.

Качество выполненных работ хорошее.

Работу сдал:

Мастер РММ Чёрмозского рейда —

/Беклемышев А.Е./

Работу приняла комиссия:

1. Механик ПЭЮГЗ —

/Кетов А.А./

2. Мастер Рембыгтехники г. Перми —

/Мельчаков Ю.В./

3. Секретарь ООПИК пос. Ильинское —

/Евсина Р.М./

21 декабря 1976 г.

От лунного календаря остался лишь передаточный вал и большая шестерня. Но скоро был восстановлен и лунный календарь.

И снова поплыл по Чёрмозу малиновый звон. Куранты, как и прежде, отбивают каждый час и каждые 15 минут.

Днем и ночью или спозаранку
Отбивают время каждый час
В Чёрмозе старинные куранты,
Словно о былом ведут рассказ.

Это строки из стихотворения «Чёрмозские куранты» моего земляка Федора Яговкина.

Лариса СОБОЛЕВА

РУКОПИСИ КРЕСТЬЯН ДЕМИДОВЫХ

В 1970 году вдова известного пермского художника-педагога А.Н. Зеленина передала в краеведческий музей и картинную галерею Перми собрание рукописных книг XVIII - начала XIX веков и архивные документы.

Рукописи и архив не были случайными на-

ходками художника, а представляли собой родовую коллекцию, старательно собираемую несколькими поколениями. в XVIII-XIX веках эти книги принадлежали крестьянской семье Демидовых из села Слудки - в прошлом крепостных Строгановых. К роду Демидовых при-

надлежала жена А.Н. Зеленина, урожденная Теплоухова, отец которой основал в XIX веке музей в селе Ильинском. К ней по наследству перешли рукописи и документы, счастливо сохранившиеся в сложных исторических обстоятельствах нашего времени.

Слудка находилась на интенсивном торговом пути - слиянии рек Обвы и Камы. Судоходство становится для жителей села основным занятием начиная с XVIII века. Будучи крепостными крестьянами Строгановых, они на время судоходства переходили на положение наемных рабочих, занимались сопровождением грузов, работали лоцманами и караванщиками, приобщались к торговле. Естественно, все это требовало грамотности, умения вести деловые операции, разбираться в торговых документах. Эти занятия расширяли представления крестьян о мире, формировали оборотистость и предприимчивость. Даже внешний облик села, одежда жителей, бытовой уклад отличались от традиционно крестьянского. Вторым фактором явилась причастность жителей Слудки-Ильинского к делам по управлению имением. В XVIII веке в Слудке, а затем в Ильинском находилось главное управление вотчин. Из жителей сел Слудка и Ильинское формировались писцы, канцеляристы и управленцы, что стимулировало овладение различными областями знаний, в том числе гуманитарными. В Ильинском была реальная возможность сделать карьеру. Хорошая служба вознаграждалась морально и материально. В этом «культурном гнезде» в конце XVIII века была открыта школа, а в XIX веке - первый общественный театр и сельская публичная библиотека. Ильинское было крупнейшим культурным центром на Урале со своей иконописной мастерской и светскими живописцами. В отличие от столичных, эти круги были более тесно связаны с традициями народного искусства.

Складывались династии резчиков, купцов, чиновников, в чьей деятельности соединялись профессиональные и творческие интересы. Крепостные Строгановых, приобщенные к слою образованных людей в первом или втором поколениях, имели возможность постоянно расширять свой кругозор. Высок был уровень письменной культуры, грамотность

была повсеместной, существовали семейные архивы и традиция написания завещаний. Жителями Слудки-Ильинское, по нашим сведениям, начиная с середины XVIII века, собираются частные библиотеки. Одна из подобных библиотек, владельцами которой было семейство Демидовых, сохранилась до нашего времени. В ее составе переписаны увлекательные произведения древнерусской и новой литературы. Тексты памятников сохранялись владельцами для собственных целей, немаловажная из которых - читательское удовольствие от хорошей книги. На полях и в конце рукописей (сейчас их известно около 30) встречаются многочисленные записи владельцев и переписчиков библиотеки. Проведенный анализ состава библиотеки и конкретных текстов позволяет раскрыть богатый внутренний мир строгановских крестьян, размышляющих о законах человеческой судьбы, противоречиях в мире, ищущих новые жизненные впечатления. Этой библиотекой владело несколько поколений Демидовых. Впоследствии Сила Демидов стал купцом первой гильдии и в сохранившемся портрете велел изобразить себя с гусиным пером в руке. на фоне реки с плывущей баркой. Из многочисленного рода Демидовых вышли работники речного флота, учителя, библиотекари, ученые и чиновники, хорошо помнившие своих предков и места, откуда они родом. Недаром среди них оказываются работники музеев (директор музея речного флота, основатель музея предпринимательства в Екатеринбурге).

Экономическое освоение Урала, начавшееся в XVI веке, сопровождалось у Строгановых поисками способов тесного прикрепления людей к конкретному региону. Это приводило к необходимости заботиться о строительстве церквей и их снабжении книгами. Книжное собрание Строгановых восходило к XVI веку, было самым обширным из библиотек частных лиц и насчитывало к XVII веку 800-900 книг. «Вряд ли в провинции в то время, - замечает М.И. Слуховский, - были библиотеки более богатые, чем у Строганова».

Необходимо иметь в виду, что, по мнению исследователей, книжные собрания приходских церквей можно считать волостными библиотеками, которые в силу «тесной связи с

широкими народными массами... имели большее культурное значение для развития культуры (грамотность, нравственное воздействие), чем огромные библиотеки монастырей, скрытые за толстыми стенами и доступные немногим».

Большая часть книг XVIII века связана с родом Василия, Петра и Ивана Демидовых. Среди произведений, собранных и переписанных в рукописную библиотеку Демидовых, можно выделить несколько направлений.

Помимо апокрифических «Страстей Христовых», хранились и читались «Житие Евстафия Плакиды», которое пришло «в менах» на «гисторию о некоем царе Батые», отдельно переписано «Житие Василия Нового». Привлекал крестьян образ Стефана Пермского и эпизод из жития северно-руского святого Артемия Веркольского.

Активным переписчиком книг «вотчинным крестьянином» Григорием Богдановым в 1780 году переписано апокрифическое слово Паладия мниха «О втором Христовом пришествии и о страшном суде». Богданов указывает источник: «Списано с некоторого летописца». В сложном по составу сборнике конца XVIII века рядом с поучениями Иоанна Златоуста переписывается притча о богатых и скупых «от болгарских книг», слова и повести нравоучительного содержания, предписывающие правила поведения человеку. Пожалуй, это один из немногих сборников собрания, где регламентируется жизнь человека по традиционным христианским нормам.

Выстраивая внутреннюю структуру собрания, можно выделить два главных направления в содержании большинства произведений: стремление проникнуть во внутреннюю сущность окружающей действительности и выявление закономерностей в судьбе человека.

Система различных представлений энциклопедического плана, включая богословские и естественнонаучные, содержалась в списке Луцидариуса XVIII века - популярного апокрифического сочинения древнерусской литературы начиная с XVI века. На списке «Лусидора, сиречь Златого бисера», как озаглавлена рукопись, Василий Демидов оставил свои записи несколько раз, указав, что он получил ее «в менах» от Василия Плотникова в 1780

году, вторая запись относится к 1782 году, а в 1788 году рукопись подписывает Григорий Богданов. Как видим, эта рукопись активно читалась крестьянами. В одном ряду с Луцидариусом находится сборник, содержащий апокрифические вопросы, толкование скорописным словам, отражающий стремление к систематизации представлений о мире. Неоднократно в составе рукописей переписывается апокриф «Иерусалимский свиток», обосновывающий в ярком сюжетном рассказе, наполненном чудесами и пророчествами, необходимость праведного поведения, почитания пятницы, рясующий апокалиптическую образную картину наказания грешников. В одном из этих сборников рядом с апокрифом, утверждающим покорное, традиционно-идеальное христианское поведение, помещается озорная «Переписка чигринских казаков с турецким султаном», в которой крестьяне находили пример свободного раскованного сознания, способного активно противостоять злу.

Крестьяне, давая оценку миру, обращаются и к традиционным фольклорным жанрам, делая их фактом письменности. Так, Василий Демидов собственноручно переписывает небольшой, но достаточно емкий «Лечебник», содержащий, помимо советов, как лечить различные заболевания, еще и рекомендации бытового характера, заговоры, советы по применению магии для нужд социального плана.

Традиционная приверженность народного искусства к фантастическому, занимательно-му вместе с привычными сюжетами, посвященными поискам героев прекрасной земли, реализовалась в чтении «Повести об Индейском царстве», переписанной в одном сборнике с «Повестью о царе Агее». Последняя, рассуждающая о наказании гордого правителя, открывает нам размышления крестьян о возможности резких поворотов в человеческой судьбе. Причастность крестьян Слудки к профессиям, связанным с поездками, подкрепляла их интерес к жанру путешествий, хождений. Не случайно в собрании сохраняется «Хождения Трифона Коробейникова».

Существенной частью рукописной библиотеки являются сборники, содержащие рыцарские повести. Особого внимания удостоивается «Повесть о Бове», в двух списках и

отрывок из «Повести о цесаревиче Диокле-тиане». Рыцарские повести, близкие по своим приключениям и конфликтам к столкновениям сказочного характера, вместе с тем открывали крестьянину новый для него мир рыцарской любви и верности, где осуждались предательство и измены, прославлялись верность и беззаветная храбрость героев.

Перед нами вариант «народной библиотеки», сложившейся в результате творческого целенаправленного отбора, переписывания и

обмена нужной литературы и отразившей многогранные, глубокие народные мировоззренческие, нравственно-моральные и эстетические интересы. В какой мере эту библиотеку можно считать типично крестьянской? Скорее всего перед нами момент формирования и раскрытия в составе библиотеки интересов зарождающейся крепостной интеллигенции и купеческого сословия, из которого, как мы знаем, в XIX веке вышли многие представители разночинцев, оставивших свой след в развитии русской культуры.

Виктор КАЧУСОВ

«ТИХИЙ» БУНТ В КЫЛАСОВО

Приказная изба в Кыласово стоит с петровских времен.

Дело было до отмены крепостного права. Администрация Кыласовской приказной конторы посылала крестьян на отработки. Доведенные до отчаяния крестьяне Наум Архипов и Симонов отказались выполнять посылочную повинность и обратились с прошением о злоупотреблениях приказчика Подвинцева к Главному управляющему именем Лазарева в Чёрмозе. Они писали: «Нас посылают отбывать посылочную повинность, в то время как наши хозяйства хиреют, а семьи голодают. Доколь это будет продолжаться? Просим убрать приказчика Подвинцева».

14 августа 1853 года крестьяне по наущению Симонова подбросили Подвинцеву записку следующего содержания: «Ты берегись, отсель более не насылайся. Нето ты, дурак, погибнешь. Не насылайся, а убирайся... Нето не постоим за дом, с тобой сождем. Нас сотни». Приказчик Иван Подвинцев подал рапорт в Чёрмоз о принятии мер к бунтовщикам. Это было первое организованное требование крестьян сменить администрацию и улучшить жизнь.

Главное управление срочно сообщило о случившемся в Петербург Лазареву. Ответ был краток: «Главному управлению разобратся, проверить состояние хозяйства каждого крестьянина, его обеспеченность продуктами и кормами. Нуждающимся помочь из господских запасов». Три чиновника, отправленные из Чёрмоза в Кыласово, обследовали крестьянские хозяйства. В сохранившемся подробном отчете они привели данные о состоянии семьи Архипова, земельном наделе и снятом урожае, о наличии скота, заработках и расходах.

Решением Главного управления семье Архипова выдано из господских запасов 103 пуда сена, 76 пудов зерна. Менее обеспеченным се-

мьям помогли кормами, зерном, деньгами. Лазарев хорошо понимал, что разорившийся крестьянин не принесет дохода ни ему, ни своему хозяйству.

Бунт в селе Кыласово показал, что нужны радикальные меры по технической оснащённости крестьянских хозяйств, повышению урожайности зерновых культур. Заинтересованный в капитализации своего хозяйства, Лазарев срочно закупает в Голландии несколько образцов конских телег, литовок, плугов и размещает заказы на своих заводах. Так, Чёрмозский завод изготовил более 200 литовок, 52 плуга. Литовки, плуги и телеги отдали крестьянам за плату с отсрочкой на пять лет.

Владелец имения заботился о грамотном ведении крестьянского хозяйства. Направленные в московскую школу земледелия Чернов и Надуткин после ее окончания работали при Главном управлении агрономами. Мастерские Чёрмозского завода имели свою пашню, сенокосные угодья, пастбища. На период заготовки кормов Лазарев останавливал завод и отпускал мастеровых, зная, что простой предприятия в этот период потом окупится трудом рабочего люда.

Словом, Лазарев еще до отмены крепостного права проводил в своем имении курс на капитализацию сельского хозяйства. К концу XIX- началу XX века в Кыласовской волости было уже несколько хозяйств, владевших сельхозмашинами иностранного производства.

Уроки истории поучительны.

Сложилась парадоксальная ситуация: покупаем на валюту иностранные «тряпки», видеоаппаратуру, отдавая за это почти что даром, что имеем. Где гордость русского народа? Где тревога за свое Отечество? Что мы оставим своим потомкам?

Фото Аллы МОЛОДЦОВОЙ.

Трибуна писателя

Александр ЧУМАНОВ

РОДИНА ПЕРВОГО АПРЕЛЯ

Рисунки Ольги СТУЛОВОЙ

1.

Весна. Апрель. Холод собачий. Ветер рвет провода, ломает деревья, задирает подолы. Заледневшие сугробы лежат вдоль дороги, как почерневшие, не востребованные из морга мертвецы.

Я, навалившись необъятным пузом на подоконник, гляжу в окно. Внук Иванушка, забравшись мне на спину, занят тем же. Он, собственно, всегда занят тем же, чем я, или, наоборот, я занят тем же, чем он — без меня он не ест, не играет, не гуляет. И только спать его укладывают родители, озабоченные одним-единственным — добыванием денег.

— Смотри, деда, денежка, — говорит вдруг малыш.

— Ага, — отзываюсь я, размышляя о бесконечном своем.

— Правда, правда, смотри — вон! — тербит он меня за ухо.

— Не вижу...

— А ты повидь получше!

— Надо говорить «посмотри»...

— Ну — посмотри!

И я, совершив над собой определенное усилие, меняю настройку глаз, всматриваюсь в детали находящейся за окном действительности. И, наконец, обнаруживаю то, что завладело вниманием ребенка: за окном, где в данный момент совершаются некие ламинарные, а возможно, и турбулентные воздушные процессы, раненым воробушком порхает потрепанная неденоминированная тыща.

— И впрямь — денежка...

— Сходи, деда!

— Да она сейчас все равно улетит, смотри какой ветер...

— Может, успеешь.

— Не успею.

— Да успеешь...

Так мы вяло препираемся какое-то время, а тыща, между тем, покругившись перед самими, считай, глазами, ложится в глубокий след на окаменевшем снегу и лежит себе, нервно подрагивая крыльшком.

— Иди, дед, — непреклонно велит внук.

— Это маленькая денежка, Иванушка, — на нее ничего не купить, — еще продолжаю сопротивляться я.

— А если много маленьких денежек, то — купить?

— Если много — да.

— Ну, так вот...

И я иду на холод. А Иванушка смотрит на меня через окно и следит за вольной пока еще ассигнацией. Он думает, что я принесу ее домой, но я, возвращаясь, засакиваю в магазин, который от моей «хрущобы» — через стенку, и в котором я как бы работаю. И приношу малышу вместо

почти нематериальной тыщи коробочку апельсинового сока с трубочкой.

— Вот, — говорю ему через минуту, — купил на твою денежку. Немного добавил и купил.

И пьет Иванушка свой сок с особым, как мнится мне, чувством. А может, и без особого, потому что я уже сам с трудом различаю грань, за которой суровая реальность переходит в мои бесконечные фантазии. Тоже, впрочем, как правило, отнюдь не радужные...

Мне сейчас всего-то сорок семь. В этом возрасте мне бы больше подошло, наверное, шастать по божественным тусовкам, презентациям, издательствам. Словом, делать все для того, чтобы не растерять ту минимальную, едва народившуюся писательскую известность, которую дали мне мои первые появившиеся на свет книжонки. Вон ведь как шустрят некоторые, так и мелькают в телевизоре одни и те же рожи!

Мне бы, черт возьми, хотя бы попытаться освоить ремесло, приносящее верные «бабки» — вон ребята, научившиеся строгать «крутой детектив», утверждают, что дело это нехитрое...

Да, в конце концов, ёкарный бабай, мне б еще всюю за чужими бабами ухлестывать!..

Но я вместо этого цацкаюсь с внуком и люблю его так, как самого себя никогда в жизни не любил. И ни на какие презентации меня не зовут, ни из каких издательств не звонят, никакой детектив меня не влечет, не то, чтобы написать — прочесть ни одного не могу.

И главное, нет ни малейшего желания переломить сложившуюся ситуацию.

И еще: я даже свои сочинения читать не в силах. А ведь все, что сделано, было, выражаясь высоким штилем, пропущено через сердце, представлялось откровением, по поводу которого хотелось по-пушкински восклицать и по-пушкински хлопать себя по ляжкам. Какая же глупость однако, какая самонадеянность невежды, черт меня подери!

И все же никогда ни строчки не написал я ради денег. А все — ради идеи. Ради вечной и прозрачной идеи русской литературы, которую усвоил не из университетских учебников, а выстрадал лично.

Может быть, если бы не вел смолоду нездоровый образ жизни, если бы удосужился получить систематическое гуманитарное образование, мне б легче было расстаться с этой бредовой, как утверждают теперь многие, идеей?

Ведь именно от людей, обоедших меня сегодня по всем статьям, от людей, которым я не нахожу слов возражать, я то и дело слышу: «Литература не улучшает нравов общества, и нечего лезть в миссионеры...»

«Так-то оно так, — размышляю я потом сам с собой, — но ведь никто не знает, каким бы

оно сегодня было, это общество, если бы не изобрели до сих пор литературу...»

В общем, мне в моем возрасте, наверное, имело смысл хотя бы попытаться догнать этот давно и основательно тронувшийся поезд жизни. Но так совпало, что одновременно перестали кого-либо всерьез интересоваться мои писания и родился Иванушка. Возможно, он-то меня и добил, произвел в профессиональные дедушки. А я с легкостью вошел в этот образ и выйти из него уже не могу. И сам себе уже давно не даю своих лет.

Живи я в другой стране, возможно, мне удалось бы убедить себя в необходимости проконсультроваться у психоаналитика. Хотя — вряд ли. Куда бы я девал врожденный скепсис по поводу каких бы то ни было чудотворцев?

А что до наших палестин, так и вовсе смешно. Во-первых, наши психиатры не тому в институтах учились, чтобы вникать во всякие причуды, случавшиеся с вполне нормальными людьми. А во-вторых, что для неисправимого провинциала крайне существенно, общественное мнение оценило бы контакт с психиатром совершенно однозначно и бесповоротно...

Так что я теперь, размышляя о себе и мире, в котором угораздило жить, всегда прихожу к одному и тому же: что поделаешь, если я устроен так, если мир этот устроен так?

2.

А жизнь, между тем, продолжает если не изумлять, то забавлять. Наводить на некие размышления, которые до сих пор хочется облекать в некую словесную форму, неформальную, как всегда.

Жизнь, прямо скажем, даже балует на старости лет, что совершенно неожиданно. Хотя тут решающее значение имеет, само собой, уровень притязаний, который и прежде-то был не слишком высоким, а нынче и вовсе пал. Но я, ребята, горжусь моими «неразвитыми потребностями», ибо считаю, что именно «развитые потребности» когда-нибудь погубят мир...

С самого детства обретаюсь в одной и той же родительской хрущобе. Живу себе на первом этаже, а за окнами моими — унылый северо-восток да весьма оживленная и, конечно же, не первого сорта дорога. С одного конца дома — молочная кухня, с другого — магазинчик...

Еще при социализме я ждал перемен, ради которых не надо и пальцем шевелить. Молочная кухня несколько раз расширялась, поглощая квартиры, переселяли соседей в лучшее жилье. Отчего бы, по-обломовски, то есть, чисто по-русски, мечтал я, не развиваться магазину?

А потом социализм кончился, иссяк, но замаячили новые перспективы — ну вот, наконец-

то, кто-нибудь купит мою конуру, должно же когда-нибудь мое выгодное географическое положение быть как-то компенсировано!

И свершилось! Правда, не совсем так, как мечтал. Но, может быть, даже и лучше. Осязаемей, я бы сказал.

В очередной раз поменялись хозяева магазинчика, и пришло-таки им в голову элементарное — магазин надо охранять. Но так, чтобы охранное помещение было — вне.

И пришла ко мне в дом сама удача в образе незнакомой, но приятной женщины. А говорите, «под лежащий камень вода не течет». Течет, если долго и упорно лежать у нее на пути.

Так и «работаю» теперь. Без отрыва от кровати. Всего-то и делов — раз в месяц в ведомости расписаться. И уже не берусь я утверждать, что не об этом мечтал всю предыдущую жизнь...

Так вот уже год тружусь круглосуточно и без выходных. В отпуск пора. Но если предложат работать без отпуска, что ж, соглашусь, наверное, на денежную компенсацию...

А прошлой осенью еще одна работа подвернулась. И тоже совершенно случайно. В смысле, тоже я ее не искал. Пошел в «казенную» баню попариться, а пару нет. И начальник нашего ЖКУ там. И тоже понапрасну веник принес.

Я возьми и скажи:

— Антоныч, ё-моё, когда нормального кочегара наймешь?

— Может, ты возьмешься?

— А что? Дело, в принципе, знакомое. Сколько дней в неделю робить-то, два? Или еще чем-нибудь заниматься заставишь?

— Нет, не заставлю.

— А какую зарплату положишь?

— Пятьсот где-то.

— Ну что ж, подходяще...

Скоро выяснилось, что поступил я довольно опрометчиво, не присмотревшись предварительно к рабочему месту. А проблема-то, оказывается, не только в кочегаре была, а в том, что печка никудышная и уголек дрянь.

Но идти на попятную... Да я никогда в жизни не ходил на попятную!

И стал работать, отчетливо сознавая — если что, разъяренные любители парилки никаких объяснений не примут, а незамедлительно выскажут мне свои соображения: «Ты что, бля писатель, романы писать сюда пришел?!»

Ну нет, решил я, нам этого не надо, нам надо, чтобы люди сказали: «Надо же, писатель, а робит, как заправский кочегар. И банька — куда с добром!»

Нет, ты только вникни, читатель! Для того, чтобы иметь право написать предыдущие несколько строчек, мне пришлось по всей округе собирать старые автопокрышки да возить ото-

всюду, откуда только можно, отработанное моторное масло, и всем этим добром топить чертову баню!

Но пошел народ из бани с мордами красными и чрезвычайно довольными. Он же такой качественной бани давным-давно не видал, потому что хороший уголь в наших краях иссяк, наверное, одновременно с золотыми россыпями. И я почти без привычной самоиронии подумал: только этого мне не хватало. И если дело дальше так пойдет, то обрету я куда большую популярность, чем дали мне мои несметные литературные труды...

Не сбылось, по независящим от меня причинам. Старый котел дал течь. И его уже полгода ремонтируют. Но люди останавливают меня на улице до сих пор.

— Когда баня будет?

— Говорят, скоро.

— А ты случайно не уволился?

— Нет пока.

— Смотри, не увольняйся. Мы на тебя рассчитываем.

А ведь еще минуту назад этот человек был мне явно несимпатичен...

И вспоминается мне недавно прошедший на телевидении российский сериал «Зал ожидания». Не вдаваясь в эстетические достоинства данного телепроизведения, без меня есть кому, позволю себе обозначить два маленьких соображения. Одно — прямо относящееся к тому, что сказано выше, другое — не прямо...

Первое: братцы, они же всерьез думают, будто мы, дети российского захолустья, все поголовно лишь о том и мечтаем, чтобы любым способом обосноваться в ихней засраной Москве! Что до меня, так я бывал в столице тыщу раз, но всегда в первый же день меня со страшной силой тянуло назад, в мою забытую Богом дыру, где меня, черт возьми, знают и любят, где я хоть завтра, если захочу, точнее даже, если соглашусь, то официально стану почетным гражданином города Арамиля, где, когда наступит срок, на мои похороны соберется тыща народу, и это я знаю точно, потому что были прецеденты, потому что у нас умеют провожать в последний путь достойных людей, потому что у нас умеют ценить нормальное человеческое слово, вышедшее из сердца, а не из другого какого-нибудь места...

А второе соображение таково: до чего же слаб творческий человек, если, достигнув в жизни всего, до конца дней своих не может отказаться от сомнительной публичности — лишь бы мелькать, лишь бы тебя не забыла твоя публика!..

Возвращаясь, однако, к бане, хочу добавить лишь: банька не работает, но зарплата каплет. Правда, не пятьсот, а четыреста, но я уж мол-

чу, не возникаю, правда, с трехмесячной задержкой, но это даже хорошо, уволюсь если — еще некоторое время будут сколько-то выдавать. И смех, ей-Богу, и грех...

Недавно дочь сообщила, что Лена, на которую я работал в киоске два года, и которая сохранила обо мне самые лучшие воспоминания, приглашает караулить ее автомагазин.

А я сказал:

— Да не, сколько можно, и так на двух работах пластаюсь. Да еще пишу ведь иногда...

Правда, за писанину не платят. И пишу-то Бог весть что. По сути — дневник. Но, может быть, это отчет о длительном, растянувшемся на целую жизнь эксперименте над самим собой.

Скажете, у каждого такой эксперимент? Верно. Однако не у каждого такой отчет.

3.

Итак, заботами о хлебе насущном я, во всяком случае, на данный момент, не обременен. Волшебное, между прочим, ощущение. Тело и душа свободны для самого важного и абсолютно не нужного никому, кроме меня. Что тоже прекрасно, поскольку это же моя душа и мое тело. И какое мне, собственно, дело до кого бы то ни было?..

Нет, конечно, меня постоянно и очень сильно волнует судьба моих близких. И так, вне всякого сомнения, будет всегда. Но что такое «близкие»? Да это же я сам и есть! Что, наверное, банально, однако каждый осознает данную простую истину самостоятельно.

Как и другую: все, что мы в жизни делаем хорошего, мы делаем для себя. И лишь тем самым — для других...

Или подобные умозаключения лишь неизбежный побочный продукт праздности?

Однако мне бы не хотелось считать мой нынешний образ жизни абсолютно праздным. В недавние годы я очень много и очень тяжело работал. И это дело мне необычайно нравилось. А потом я вдруг ощутил себя инвалидом самого разнообразного труда.

Вообще-то, я очень надеюсь снять с себя когда-нибудь эту инвалидность, ну, по крайности, перейти в третью группу, которая, как известно, рабочая. Но пока не знаю...

Можно, конечно, все это назвать элементарной ленью. Но было бы слишком элементарно. И по-моему, дело в другом: исчерпана моя программа. Правильно или нет, но я уже додумался до всего. И либо мне удастся совершить некий прорыв в иное пространство моего бытия, либо — нет. Боюсь, что более вероятно второе. Во всяком случае, никаких резервов в себе я не ощущаю, ни что во мне, выражаясь до крайности пошло, подспудно не зреет.

Короче, жизнь, хоть вы меня убейте, все отчетливей представляется мне недоразумением. Более того, даже там, за чертой всего земного, я не могу представить ничего такого, что обещало бы хоть какой-то интерес. Про канонический рай даже и говорить смешно.

То есть, если рай и впрямь существует, то должно там быть нечто, что перевешивало бы все, оставляемое здесь. Нечто настолько значительное, что не дай, как говорится, Бог.

Или мы, отправляясь туда, должны напрочь отказать от всего, что при жизни составляет нашу неповторимую суть? Но чем тогда смерть отличается от бессмертия?

Конечно, любой «специалист» усмехнется и скажет, что все мои соображения — лишь банальный еретический блуд, обусловленный опять же бездельем, что прелести лучшего мира мы будем способны понять и оценить только попав туда, а пока это недоступно по определению...

И все равно — не греет! А надо, чтобы грело...

Как-то разговорился я недавно с одним знакомым, бывшим начальником нашей милиции, а с недавних пор молодым пенсионером. Еще совсем недавно это был веселый, энергичный парень, до водки и баб охочий, но, одновременно, и не чуждый высоких помыслов о благе поднадзорного ему народа.

Но «укатали Сивку крутые горки». Хватил парня инфаркт, и почти сразу — еще два. Я даже не знал, что так бывает.

Выкарабкался однако. Хотя сердце останавливалось дважды. И сказал мне так:

— Вранье это все. Не видел я там никакого яркого света и тому подобного. И никакой радости от близкой встречи с Богом не ощущал. А вот Берию почему-то видел. Лаврентия Палыча. Хотя послужить под его знаменами не успел. Был он в сером пальто, пенсне, шляпе. На трибуне мавзолея стоял...

В общем, я думаю, что все это лишь последние, порой весьма причудливые вспышки уходящего разума. И каждому мнится то, что казалось ему самым реальным в прожитой жизни...

Впрочем, последняя фраза, пожалуй, больше авторская...

А у нас, как, наверное, и везде теперь, люди в религию кинулись. Нет, я не о тех, кто ради прикола в престольные дни за святой водой, которую пожарники только успевают подвозить, в очереди ломится. Я о тех, в большинстве своем не прочитавших Евангелие, но всерьез озаботившихся спасением души. Причем — не только собственной.

Грустно мне смотреть на них. А им — на меня, пожалуй, противно. Хотя, по идее, они обязаны меня жалеть. Но это ж — Россия. Тут недавно я стишок в городской газете опубликовал, где та-

кие, в частности, строчки: «Я потолкну с Богом сам, на что мне пастырь из ячейки...» Так они, я слышал, хотели меня от церкви отлучить, как Льва Толстого когда-то. Вот бы я загордился. Но — не отлучили. Возможно, навели справки и выяснили, что я нехристь. То есть, меня сперва прилучить надо, а уж потом...

В общем, в том же самом органе, а он публикует абсолютно все, что ему предлагают, разразились наши праведники рифмованной, абсолютно беспомощной и маловразумительной отповедью мне...

Но у меня и в мыслях не было оскорблять их чувства, я вполне готов признать, что стишок мой весьма фарисейский, однако Господь наш, буде Он «еси на небеси», я уверен, не дурак, иначе не держал бы в друзьях небезызвестного Фому...

В общем, я православные материалы в городском органе почитаю. С любопытством и сочувственно. Лишь отмечаю невольно про себя, что у «катехизатора» (такой специальности я даже у Даля не нашел), неважно с родной грамматикой, хотя она по основной специальности учительница, и когда-то я сидел с ней за одной партией, она была отличницей круглой, а я только «полу». Потом Аля жила разнообразно и трудно, как и меня, ее не миновали некоторые небезобидные увлечения. И вот теперь она служит небесам. Весьма, между прочим, характерная биография для подобного служения.

Вон и у батюшки нашего аж два высших образования. Зачем два-то? Или на том поприще, которое избрал он первоначально, вышла неувязочка?..

Словом, не числю я себя нищим духом, а заодно и телом. И пусть делает церковь свое вечное и полезное в основном дело, пусть страшает и врачует слабые, подверженные мирским соблазнам и порокам души, но пусть не лезет от имени Господа в мою. Ее мандат фальшивый. Господь никаких полномочий никаким конторам не давал, это мне известно очень хорошо...

Да, насчет полномочий. Об этом я немало размышлял. И раньше думал, что их вообще ни у кого нет. А потом вдруг осенило — есть!

Они у тех и только у тех, кого осенил Всевышний Своим даром. То есть, у людей талантливых.

(Видит Он, что мне сейчас ой как не хочется говорить о себе грешном, но ведь не получается — фигура умолчания была бы слишком очевидной, и, прочитав эти строки, каждый непременно усмехнулся бы и сказал: «Так вот он куда клонит!» Ну да, клоню, ибо тоже слаб, как и все человеки...)

Так вот: имеющие явные полномочия от Бога как-то не слишком ревностно следуют указани-

ям и канонам церкви. Часто вообще не следуют.

Но если же священнослужитель безусловно талантлив, так он всю жизнь балансирует на грани ереси, и не видать ему высокого сана, как своих ушей...

Сейчас вот в разгаре Великий Пост. И я ни за что не поверю, будто полуголодный человек способен проводить дни и ночи в непрерывных молитвах и мыслях о вечном. Его же видения обильной жратвы будут преследовать, как бы он, бедняга, ни сопротивлялся. Но если человека как следует накормить, то — да! Вот и я, грешный, только что кофе попил да два бутерброда с колбасой навернул, и могу теперь даже о «парадигме» размышлять, хотя все еще так и не знаю, что оно такое.

Когда придет мой срок, когда предстану перед Ним, то скажу:

— Здравствуй, Господи, я рад Тебя видеть. А Ты — меня?

И пусть говорят катехизаторы и попы, что такая самонадеянность на грани богохульства и даже за гранью, я им не поверю.

Потому что если в небесной канцелярии не имеют возможности для поголовной индивидуальной работы, то чем тогда она отличается от всех земных канцелярий?

Словом, я настроен на долгий разговор с Ним...

4.

Нет, ну когда же, наконец, наступит весна?!

Утром встал — на градуснике за окном минус десять. Хорошо, что стих вчерашний ураган, и днем можно рассчитывать на послабление...

Мне гнать сегодня в Катайск — сто сорок км в один конец, это я на очередную работу нанялся. Впрочем, «работа» — условно говоря, потому что о зарплате не было сказано ни слова.

Просто один приятель, возможно даже друг, этого же сразу не поймешь, попросил меня покатавать его на «УАЗике». «УАЗик», разумеется, его, и сам он тоже водитель, но года два назад перевернулся на «БМВ», с тех пор комплексует. Со мной такое тоже было, и я Женю прекрасно понимаю.

Как вы уже догадались, мой приятель из «богатеньких». Но сейчас у него затруднения. А главное, он уже столько на меня потратил, что мне, хоть умри, не расплатиться с ним никогда. Впрочем, об этом речь не идет. И не пойдет никогда.

А дело в том, что на Женины денежки издал я год назад книжонку с претенциозным названием «Приключения мысли», точно также, если наладятся у него дела, намереваюсь издать «Приключения мысли 2», тоже сборник рифмованных соображений по разным поводам...

Хваленый новый «УАЗик», а по возрасту он действительно новый — всего год в эксплуата-

ции, оказался весьма потрепанной проституткой, на которую кто только ни залезал.

Свои машины я ни разу не доводил до подобного состояния, и в дальние концы всегда отправлялся совершенно безбоязненно. А тут еду и не знаю — вернусь ли. Однако еду, хрен ли мне — машина не моя. И разговариваю я с ней так: «Ты, машина, довези меня до дому, и я больше тебя не трону».

Но слово свое сдержать мне пока не удастся.

— Женя, — честно предупреждаю я, — Евгений Александрович, раз тебе так больше нравится, мы ведь все равно в конце концов вернемся домой на веревке. Если вообще вернемся.

А он в ответ смеется:

— Ты паникер и пессимист. Нормально съездим.

Рисковые ребята эти коммерсанты. И страшно самоуверенные. Именно потому они и коммерсанты. А мы... А мы теперь вообще неизвестно кто...

На днях мы с Женей прошвырнулись до Ирбита. Проскакали за день полтыщи километров через всякие там белоярские, богдановичи, сухие лога, камышловы и пр. Примерно так же невесело путешествовал в незапамятные времена мой полный тезка Радищев. Тоже писатель был, правда, еще хуже, чем я. Однако справедливости ради нужно заметить, что он, сочиняя свое сочинение, рисковал головой, а я ничем не рискую. Разве что Евгений может обидеться, так и то вряд ли — он не обидчив, за что и люблю. Впрочем, разумеется, не только за это...

Путешествовать по забытым Богом и начальством местам — такая же тоска смертная, как и двести с лишним лет назад. Даже хуже — ибо целых двести лет прошло. Все та же грязь, все те же разбитые дороги, все те же знаки запрещающие. Хотя, знаки, может, и не совсем те. Словом — выморочные места...

Ирбитский партнер моего благодетеля, чудак парень, два часа возил Женю по городу — показывал достопримечательности. А делового-то разговора — на пять минут.

Нет, не понять мне местечкового патриотизма. Тем более, что я великодержавного-то не понимаю. По мне так Ирбит этот древний — раскопанный и уже загаженный бесчисленными туристами Карфаген. Раскопали его археологи, а реставрировать и благоустроить некому. Для Карфагена оно, возможно, и в самый раз, но для Ирбита, в котором люди пытаются жить и автомобили ездить — как-то не очень...

Два часа я сидел в машине дурак-дураком. Нет, не нравится мне в личных водителях. Ладно, хоть в рот глядеть не требуют...

Пока томился в машине, мимо «Волга» милицейская с громкоговорителем четыре раза проехала. Из громкоговорителя всякий раз доноси-

лись слова. Некоторые удавалось разобрать. Но большинство — ни Боже мой.

Ясно было лишь одно — агитируют. Насчет выборов. Скоро ведь выборы опять. Или «выбора»...

И в общем, это опять он, старый знакомый — российский идиотизм. Ну, на что, спрашивается, рассчитывают эти агитаторы хреновы?! Что люди будут бежать за машиной, боясь пропустить хоть словечко?

То есть, я, хотя они четырежды мимо меня проехали, так и не понял, за кого надо голосовать.

Эти «выбора», мать их...

А каким сознательным гражданином я был, когда наша специфическая демократия только-только начинала покрываться легкомысленным розовым пушком! Проигнорировать очередное всенародное волеиспускание — Боже упаси! И в мыслях не было. А теперь есть.

Словом, не пойду и все. Потому что выборы эти нужны лишь кандидатам, и никому кроме. Впрочем, еще, наверное, их братве.

Но, допустим на момент, что все эти человеки обещающие мне нравятся. Но ведь даже при большом желании, проникнув во всякие думы, они же по определению никакие народные проблемы не будут полномочны решать единолично. А только в консенсусе... Тьфу! Но возможность решить какие-то собственные проблемы, конечно же, возникнет...

Хотя по-человечески довольно легко понять подоплеку даже самых фантастических посулов. Поскольку, если откровенно сказать избирателю, дескать, обещаю аккуратно посещать все заседания, высиживать до конца и честно голосовать за все, что будут ставить на голосование и в первом, и во втором, и даже в третьем чтении, то кто же тебя, сироту, изберет в депутаты?

Но, вообще-то, кандидаты попадаются прикольные. В то время, когда, выражаясь высоким штилем, вся российская земля вопиет и орет благим матом о дефиците профессионализма на необъятных просторах, один совершенно серьезно, будучи по образованию инженером-металлургом, навеличивает себя «специалистом по антикризисному управлению», а другой то и дело подчеркивает, что по жизни он «потомственный медик», но нелегкая судьбина заставила его обучаться в горной академии.

Однако самый верный козырь у всех — совершенно очевидные шалости центральной власти. То есть — областной в сегодняшнем случае. Имеются в виду верхотурские «Нью-Васюки», губернаторская резиденция и пр.

Но ведь это тоже — как посмотреть. Тоже по-человечески понять можно — ну, хочется

любой ценой превратить Екатеринбург в третью столицу! В смысле, чтобы так полагали не только мы, мы-то уже всюю полагаем, но и всевозможные «они». Не исключая, разумеется, иностранцев.

А будет третья столица, и попрут в нее всевозможные приятные инвестиции. Остап Бендер ведь именно этим васюковцам головы кружил. В смысле, инвестициями. Хотя в ту пору они, вероятно, как-то иначе назывались.

Да и возно с царскими костюмами тоже ведь, в конечном счете, не ритуальные соображения вдохновляли...

И вот уже в Екатеринбурге полно всевозможных генеральных консульств да представительств. Всякие консулы, советники и атташе так и спуют, так и спуют. Одних вице-президентов, может быть, целая тыща!

Недавно по телевизору показывали одного генерального консула — симпатичный такой паренек, и жена у него симпатичная, и дочка.

Там, в заграничах-то, как рассуждают: надо вам консула — нате, жалко, что ли, у нас этого добра...

Словом, как мы теперь, извините за выражение, друзья, так мы вам — чего угодно, но в разумных пределах...

Кто только не мчит в «третью столицу» — по ней уже стало невозможно проехать. Вечные ментовские кордоны, запоры на дорогах. Это очередных причиндалов встречаем по высшему, разумеется, разряду...

Но все, в том числе и это, можно было бы стерпеть, утереться, да вот с инвестициями — облом. Как видно зачавшие к нам причиндалы у себя на родине еще вчера в очереди за социальным пособием стояли, а теперь мы для них создали прекрасные рабочие места. Такое уже бывало в России многожды, заболела она то одной заграницей, то другой, так что болезнь можно теперь смело считать хронической...

Мне от этой жизни уже почти ничего не хочется. От власти — вообще ничего. Разве что самую малость: чтобы предпринимая то или другое, она изредка спрашивала себя мысленно: «А что скажут люди?» Но именно этот вопрос российской власти и не имеет обыкновения себе задавать. Зато я постоянно задаю его себе. И наверное, поэтому не бываю мне никогда ни политиком, ни соискателем премии Букера.

Я прошлой осенью купил-таки хорошую антенну и поставил на крыше. И стал смотреть по телевизору двенадцать каналов. Прежде никогда не увлекался этим зельем, а как антенна новая появилась, так чуть было не приобрел еще одно болезненное пристрастие. Будто мало мне других.

Однако — пронесло. В смысле, прошло, как понос. И тем не менее, иной раз прислушива-

юсь, о чем там говорят, приглядываюсь изредка — «чо кажут».

А там «кажут» про неких энтузиастов, убывших в кругосветное путешествие аж на четыре года. Потому что — на лошадях. И не просто — чтобы проветриться, но это как бы акция — привлечь внимание мирового сообщества к бедственному положению российского коневодства.

И еще «кажут» рекламу журнала с характерным названием «Отдохни!» Господи Иисусе, хоть бы кто-нибудь начал выпускать на Руси журнал «Устань!» Или лучше — «Устань, сволочь!» И этот журнал учил бы людей не на фондовой бирже играть, а элементарно работать, то бишь заботиться о себе самом...

В общем, реальность в нашей стране если и не на сто процентов «виртуальная», то на девяносто.

5.

Едем мы с Женей-меценатом по Уралу, беседуем о том, о сем уже много-много часов, дребезжит машина железными своими членами, бренчат пальцы в моторе от паршивого бензина, Женя меня пытается наставлять, дескать, этот автомобиль рассчитан на крейсерскую скорость не более семидесяти, но я в таких вопросах принципиален — не хрен, говорю, указывать водителю, водитель, говорю, сам знает, как ехать, и будем мы перемещаться в пространстве с максимальной возможной для этой трахомы стремительностью, иначе мы будем как те мужики, которые на лошади вокруг света...

Но в основном-то наш разговор, конечно же, не о железяке долбанной, а о другом, неизмеримо более высоком.

Едем мы по Среднему нашему Уралу, который, на мой взгляд, разумеется, много ниже среднего, а на Женю — куда как выше, философствуем в меру нашей примерно одинаковой дремучести, мне-то, по крайней мере, доводилось в моей жизни иметь дело с докторами и кандидатами философии да филологии, а также с одним железнодорожным академиком и по совместительству генерал-майором. А Женины пути с этим контингентом не пересекались пока, зато в последнее время он изрядно начитался всевозможной околорассудочской лабуды, увидевшей свет при явном попустительстве соответствующих органов...

В общем, ни в чем-то я для моего друга не авторитет. Как его угораздило отвалить мне на книжку десять «лимонов» да пообещать еще столько же на вторую — полная загадка...

Вот дискутируем мы, например, о профессионализме и прочем, что может отсюда вытечь. А вытечь отсюда, как не трудно догадаться, может все, что угодно.

Начинает дискуссию всегда он, потому что еще не надискутировался и это у него впереди. Я же, в меру скромных моих сил, стараюсь уклониться от полунинтеллигентской макулатуры и без всяких церемоний обзываю его скроверное словесным поносом. Но он, благодетель мой, как уже говорилось, не обидчив...

В общем, он меня в конце концов достает. А большинство его аргументов основываются на одном и том же: ничего абсолютного в мире нет. Нет, стало быть, никакого профессионализма, нет дилетантов, графоманов и самозванцев...

Помните рассказ Шукшина «Срезал»? Так вот, это про нас с Евгением.

Но вообще-то, он часто идет тем же самым путем, каким шел некогда я. Каким многие ходили. Совершает собственные открытия и пытается оценить их по моей реакции. Конечно, его она огорчает.

Я говорю ему, что он гложет пустую кость, которую до него глодали тысячи зубов. А он мне толкует, что всякие горизонты раздвигают исключительно неучи да невежды, потому что, мол, их не связывают по рукам и ногам никакие догмы. Я возражаю, дескать, это вовсе не правило, а исключение, он же толкует про загадочный погрязлый обычай одного африканского племени и, кажется, искренне при этом убежден в безусловной связи данной проблемы с обсуждавшейся ранее...

В сердцах я останавливаю машину. Надо же когда-то справить малую нужду да и поостыть заодно. И еще надеюсь, что потом удастся переключиться на что-нибудь более для меня нейтральное. И переключиться впрямь удастся, но какой ценой!

Машина вдруг отказывается ехать дальше. Мотор работает, передача включена, педаль сцепления отпущена, а машина стоит. Врубаю «раздатку», «УАЗ» трогается, но что-то в нем весьма недвусмысленно скрежещет. Либо полуось «крякнула», либо вообще не знаю. В таких ситуациях я утрачиваю способность соображать технически. Может, вытащить полуось? Или «кардан» отвинтить? Благо, их два...

Вытаскиваю полуось. Для этого, по крайней мере, под машину ложиться не надо. Трогаем. Скрежета нет. Подбрасываю «коксу». Вроде все нормально. Едем теперь на переднеприводном автомобиле. Как на какой-нибудь навороченной «десятке». А когда до Арамиля остается паршивый десяток километров, мой оптимист, до того напряженно молчавший, расслабляется, делает улыбку и говорит: с хитрецей заглядывая мне в глаза:

— Ну вот, и опять не на веревке. А ты боялся!

И его, в преддверии нашего скорого расставания опять тянет на разговор о том, что не сулит ни прибыли, ни банкротства.

— Слышь, Сань, а ты первого апреля над кем-нибудь пошутил?

— Нет. Вообще никогда не имел обыкновения.

— Что так? Ведь ты же, насколько я понимаю, не чужд юмора.

— По-моему, правильно понимаешь. Все, что я написал, не только грустно, но, надеюсь, и смешно. И уверен, что только так надо.

— Тогда — почему?

— Да как-то не приходят в этот день в голову стоящие шутки. Только всякая глупость и банальщина... Но главное, не устраивает меня одна вещь...

— Какая?

— А вот такая: день смеха выдумали профессионалы жанра. Они передернули карту, и я не понимаю, зачем. Ведь в народе и раньше, и сейчас этот день считается днем вранья. Над которым, конечно, можно посмеяться. Но чаще плачут. Потому что шутить необидно у нас мало кто умеет...

Может, дело в том, что мы живем в такой стране, где вранье по-особенному обыденно... И понадобился еще специальный день... Словом, я не люблю первое апреля...

— Нет, ты невозможный человек, — говорит Женя с нехарактерной для него печалью в голосе.

— Весьма вероятно...

Евгению Александровичу пятьдесят лет от роду. Он прожил сложную, путаную жизнь, которую не раз начинал с нуля, он абсолютно не похож на тех новых русских, которыми нас постоянно страцают по телевизору, он явно хочет потратить остаток жизни не только на зарабатывание и проматывание денег, а еще и на то, чтобы как можно больше понять про себя и окружающую действительность. У него, как и у меня, напряженные отношения с алкоголем, а точнее, в данный момент, вообще никаких отношений нет...

Да, пока не забыл: это ведь он, Женя, наш городской депутат предложил мне почетное гражданство. И будто бы у них в думе не он один считает совершенно уместным...

Но я отказался. Возможно — пока. Потому что, во-первых, не уверен, хватит ли сил до конца жизни соответствовать, а во-вторых, сразу представил, как бурно может отреагировать социум, когда вдруг узнает, что Сана Чуманов у него почетный гражданин. Это ведь может моментально остудить явно наметившуюся в последние годы теплоту наших с ним отношений.

Однако рано или поздно нашему начальству все равно придется прибить к моей облупленной хрущобе мемориальную доску. Так я только что сейчас придумал текст, а то ведь они, начальники, и пишут с ошибками, и без штампа не ступят ни шагу. Жаль только — надо было

этот текст поставить эпиграфом, да чего уж теперь...

Вот: «Здесь жил, работал, пил водку, а также занимался прочими разнообразными делами, отчего в конце концов и помер малоизвестный русский писатель, но мужик нормальный вообще Александр Чуманов». И не надо никакого отчества — не пристало писателю отчество. Тем более что, оно, действительно, за всю жизнь ко мне так и не пристало...

Ну, читатель, ты, наконец, понял как я в последнее время сочиняю мои тексты? Да, именно так: накапливаю некоторый комплект некоторых деталей, а уж потом свинтить из этих разнообразных деталей что-нибудь — дело техники...

6.

«Все бабы — дуры и стервы. Они абсолютно не способны улавливать самые сокровенные движения тонкой мужижкой души. Им неведома настоящая любовь!» — сколько раз эта отчаянная мысль заходила мне в голову в процессе жизни.

Она заходила, а потом уходила, чтобы вернуться вновь в несколько измененном, трансформированном виде, так что иной раз трудно было ее узнать. И все ж таки при более пристальном рассмотрении это опять и опять оказывалась она: «Женщины и мужчины — два разных вида разумных существ на этой планете.» Или: «Мужчина гораздо уязвимей, чем женщина, потому что мужчина — излишество природы, ее причуда. Как говорится, «сбоку бантик». По сути дела, природа могла бы замечательно обойтись без самца, лишь устранив незначительные недоделки. Но не обошлась — видно скучно ей было без него.» Или: «Мать — существо биологическое. Отец — социальное. Это общеизвестно. Но тогда дедушка — вообще ангел без крыльшек, чудотворное.» Последнее, как не трудно догадаться, из последних достижений моей досуговой и сентиментальной мысли.

Но самое-самое свежее открытие мое вот какое: «Конечно, все бабы дуры и стервы, но мужики в таком случае и вообще дерьмо.» То есть, я вдруг осознал, что мысль, периодически посещавшая меня всю жизнь, основана на ложном, потому что идеалистическом, посыле: «Женщина обязана быть на две головы выше мужика.»

А с чего я, собственно, это взял? А ни с чего. С того, что я сам лично так устроен. Не знаю, с какими генами попало в меня это явное донкихотство, но попало. И ни черта с ним не сделалось в процессе долгой жизни, состоящей из бесконечной череды несовпадений с моим существом.

Спросите, а как у меня дома? Да ничего, вроде. Ссоримся довольно редко и обижаемся друг на дружку недолго. Хотя...

Хотя меня почти никогда не хвалили. Мною, тем более, не восхищались ни разу. Когда я пытаюсь угадывать будущие поступки и сегодняшние мысли моей жены, она ужасно злится и кричит: «Вечно ты за всех все знаешь!»

А я со всей доступной мне мягкостью отвечаю:

— Конечно. Ведь я какой-никакой писатель. Но главное, не воображай, пожалуйста, что ты для меня — загадка. И раньше-то загадкой не была, а теперь — чего уж... И не злись, все же элементарно — в стандартных ситуациях люди поступают стандартно. Так что и во мне ничего загадочного нет. И это хорошо. Потому что если человек делает не то, что от него ожидают, то его называют неадекватным, непредсказуемым. С ним опасно иметь дело...

В общем, для жены, как и для Жени, я тоже ни в чем не авторитет. Только она со мной очень редко спорит. Чаще — молчит. О-о-о, как она умеет молчать! Как здорово ей удается держать язык за зубами!..

Таким образом, я всегда первым произношу сакраментальное «ну ладно тебе...» Что можно поделаться, если человек из породы никогда не кающихся вслух? Из породы тех, кому быть противным куда комфортнее, чем прощенным? Для кого покаяние и унижение одно и то же...

В общем, первая моя любовь аж с пятого класса до канонического образа Дульсинеи не дотягивает. Так ведь и Дульсинея не дотягивала. Но какое до всего этого дело нам, донкихотам?..

Вот я чуть раньше обмолвился, что мне бы в моем возрасте еще всюю за чужими бабами шастать. И не оттого, что всегда был так уж уныло высококонравственен, а просто, случаев не подворачивалось. Или подворачивались, да я — лопух.

А теперь что ж — даже если вынести за скобку моральную сторону вопроса и рассмотреть лишь чисто техническую — ведь конфуз может выйти, ведь не двадцать лет мальчику...

Итак, до образа Прекрасной Дамы мы не дотягиваем, но при нашей-то развитой фантазии, при нашей незаурядной способности сублимировать...

Впрочем, жена, конечно, знает, что может вызвать у меня бурную отрицательную реакцию, а от чего я лишь досадливо поморщусь. И она изредка может, если я уж как-то особенно взволнован, прочесть мой очередной опус. Но по собственной охоте она никогда ничего у меня не читала. Поэтому я почти бестрепетно пишу эти строки. И продолжаю, несмотря ни на что, испытывать все то же изнурительное чувство к этой расплывшейся, очкастой тетеньке, будто я до сих пор двенадцатилетний пацан, которому еще несколько лет ждать, пока его преданность будет,

наконец, рассмотрена положительно. Вот дурак, да? Но тогда я — дважды дурак. Потому что и к родине испытываю абсолютно то же чувство. Вот только вряд ли дождусь, когда она ответит взаимностью. И даже мое беспримерное упорство не поможет...

Прости, брат-читатель, если все еще читаешь это мое писание, я же, начиная главу, кажется, хотел не о том... Я думал, ну, раз мы с тобой вдвоем сейчас, раз мы почти знакомы, то как обойдешь не нами придуманную традицию? То есть, про политику было, про автомобили было, про спорт я ничего не знаю, стало быть, надо еще побеседовать про них, про наших сестер по разуму. А вдруг Родину приплел...

7.

Апрель. В разгаре очередной весенний призыв арамилских алкоголиков на небо.

Хотя, возможно, они, бедолаги, убывают в лучший из миров отнюдь не по сезонному приказу, а круглый год и вполне, что называется, ритмично. Но мне кажется, что весна все же более чревата, нежели другие времена года.

А наверное, потому мне так кажется, что у меня самого самый критический месяц в году — март. Не апрель, конечно, однако — рядом. Дело в том, что именно в марте угораздило появиться на свет многих моих родственников, и череда праздников в этом месяце порой доводит до полного изнеможения...

Бедные мои родственники, как молоды, веселы и предрасположены к еще большему веселью они были, когда я появился у них, а они, соответственно, — у меня!

(Речь идет, как уже можно догадаться, о родственниках со стороны жены. Настоящая же моя родня никогда не была многочисленной и такой сплоченной, чтобы можно было ее воспринимать как некую безусловную человеческую общность. Разве что — как советский народ.)

Когда я появился среди теток и дядьев моей жены, и без всяких формальностей был причислен к своим людям, меня это подкупило, конечно. И шумные ихние гульбища мне понравились необычайно. Кормили и поили на них всегда очень щедро и обильно, кормежка меня никогда особо не занимала, а вот выпивка — да!

Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что я ни коей мере не отношу мое раннее алкогольное созревание на счет бесхитростных этих людей. Потому что и до них уже был не дурак выпить и покуролесить.

Куда только смотрела моя будущая жена? Впрочем, девушки ее возраста всегда смотрят не туда. Это потом уж, когда хлебнут горюшка.

То есть, уже тогда можно было весьма точно предсказать наши ближайшие с ней перспек-

тивы. А отдаленные, благополучные, наоборот, ни за что нельзя было предсказать. Разве что сугубо гипотетически...

С тех пор много воды и, что самое существенное, много водки утекло. Прежних шумных застолий давно нет и в помине, а теща моя, рано овдовевшая, с фантастическим упорством продолжает по праздникам накрывать обильные столы и ждать гостей. И приходят один-два вымороженных человечка, вяло тычут вилками в замечательные тещины салаты, выпивают, сколько могут, а могут теперь уже мало, иной раз пытаются петь, но, как и прежде, ни одной песни до конца допеть не могут. Раньше-то хоть громко баззали, а теперь — немощь жалкая.

Родня поредела, состарилась, обзавелась бесчисленными болячками, а вот молодым, полно-весным пополнением как-то не обзавелась — комплектная семья вроде моей у нас почему-то редкость. Зато моих детей, моего внука, считается, что все любят, как своих собственных. Хотя любовь эта выглядит со стороны уж очень вымученной и как бы недоношенной. Вот ведь как жестоко мстит природа за уклонение от ее стандартов.

А между тем, давным-давно заведенный порядок продолжает из последних сил соблюдаться. Не посидеть за столом в чей-нибудь день рождения, значит, не поздравить, значит, не уважить. И мартовские бесчисленные именины, а также популярный половой праздник мы неизменно отмечаем хорошим застольем. И не важно, что потом все заготовленное, нажаренное-напаренное почти нетронутым отправляется на помойку. Важно традицию соблюсти.

И на все мероприятия упорно тащат меня. А то, дескать, неудобно. Дескать, посидишь маленько и уйдешь.

— Послушайте, — говорил я им уже не раз, — я прихожу, сижу перед вами, как немой укор, неужели вам не тошно смотреть на мою кислую морду?..

А самым близким моим родственникам я еще и другое не раз говорил:

— Вы плохо кончите, ребята. Неужели мой поучительный пример вас ни в чем не убеждает?

Они смеются. Они мне не верят. Господи, кого им еще надо, чтобы поверили?!..

Я им галдычу:

— Жизнь, ребята, если смотреть на нее под определенным, незаметно становящимся привычным углом, есть не что иное, как бесконечная череда всевозможных поводов выпить и закусить.

— Да мы же редко. И помалу. А вовсе без этого — грустно...

— Согласен. Грустно. Вам — иногда, мне — всегда. Но так и должно быть. Жизнь вообще не-веселая штука...

— У тебя слишком богатое воображение. И ты слишком наслушался наркологов. А для них все люди алкоголики. Как для психиатров — психи.

Против столь сильного аргумента я не сразу нахожу, что возразить. Как знать, может, я и впрямь?..

И мы бредем на последний в этом бесконечном месяце день рождения. Все-таки нагрузка на организм велика, и, пожалуй, мои близкие идут без прежней охоты, но идут. Как невольники на лесоповал или как штрафники в атаку. И словно позади у них — заградительный отряд...

Господи, что делают с народом традиции! Что делают с ним высосанные кем-то из пальца праздники!..

Вася К. умудрился насмерть замерзнуть в апреле, видать расслабился после зимы. Вова В., отчаявшись выйти из запоя, пытался перерезать вены. А Юра Н., что совсем уже смешно, соблюдая полную трезвость, всерьез сошел с ума. Говорят, из-за полной трезвости и сошел.

И совсем свежий пример: Валера Г. так рад был надвигающемуся своему юбилею, что начал праздновать недели за три до того. И уж совсем изнемогал, плакал, чтобы вывели из запоя. Ну — вывели. А через два дня — дата. И наверное, жена хотела, как лучше. В смысле, по-человечески чтоб.

По-человечески и вышло. Даже слишком по-человечески. На днях зарыли Валеру.

Эх, Россия, страна жутковатых крайностей! И ты не только в большом отечестве не пророк, но даже и у себя дома. И уже кажется, что нет ничего более бесплодного, чем стремление послужить народу. Не идет ему впрок ничье целенаправленное служение, а если идет что-то, так лишь всевозможные случайности, которые, пожалуй, и можно без натяжки назвать Промыслом Божьим.

Что интересно, нам, русским, не идет впрок ничей чужой опыт. И это несмотря на известный пиетет перед заграницей. Вот и наркомания у нас расцвела за непостижимо короткий срок.

Ну, что, народ богоизбранный, согласишься что ли на ту участь, для которой тебя Господь избрал?!.. Безропотно согласишься?.. А я? Ну что — я? Выше менталитета, как говорится, не прыгнешь. Нет во мне местечкового патриотизма, как уже говорилось, нет и великодержавного, никакие этнография и краеведение меня сроду не занимали, чувством гордости не переполняли сердце...

Но я тоже без конца впадаю в крайности, у меня в нужные моменты неважно с чувством меры и здравым смыслом, я тоже весьма крепко задним умом.

Короче, я так устроен. И так я пишу...

Сергей МЕРКУЛЬЕВ

«СЛУШАТЬ ЗВЕНЯЩИЕ ДАЛЬЮ КЛЮЧИ...»

***

Ветер ли, птица ли, вор,
Что вас опять завертело?
Угомонитесь, это ли дело
Дергать оконный затвор?

Город к окну накреня,
Чуете камня истому?
Выпал из города, вышел из дому,
Нет, нету дома меня.

Нету... Но не забуду
В поздней, огнем убеленной ночи
Слушать звенящие далью ключи
Скважин, замков и дверей
пересуды.

Все разделил на три четверти
Штраус,
Гонит, гонит за выдохом вдох.
Эта боязнь остановок и пауз
Может и есть человеческий бог?

***

Дорога, не оглядываясь,
Проносится через мрак,
В ковчет кидая звонкую грязь
Бросая на цепь собак,

Вздыхая перед каждым холмом,
Дрожа над рельсов резьбой,
Сгоняя с обочины шаткий дом,
Как нищего с сумой,

Гуденье вытянув на версту —
Ни ржанья, ни стука копыт, —
Только шлагбаумов персту
Послушная устоит,

И снова, сматывая клубок,
Мчит шуршащим ядром
Туда, где вспыхнул ей поперек
Храпящий аэродром.

И счастлив, не оглядываясь,
Кто мчится по ней вперед.
И счастлив, не оглядываясь,
Кого она обойдет.

Другой Париж

Дорога — измена порядку вещей:
За Барбизоном влажный магнит
Окон парижских властно манит,
Но тяга Лилля и Брюгге мощней.

Путь меняет оптики строй:
Арки и Лувра в фокусе нет,
Традиционный план и сюжет
Реализует кто-то другой.

В центре сюжета — встреча
иль въезд,
Первая фраза, когда не сыт
Разворачивающийся вид
Достопримечательностям окрест.

Мчишься через бульвары
в Нантер
Ждет на Дефансе мсье Косса,
«Русскою мыслью» застит глаза
И говорит: «Я Пиотр... или Пьер

Если угодно...»
Латинский квартал.
Звучная вывеска «Имка-Пресс».
Сонный клошар,
пропуская в подъезд,
Что-то по-русски пробормотал.

И разбегается по углам
Город, бывший у всех на устах.
Сена от замков и башен устав,
Их расставляет по берегам.

Что-то готовит грядущий день?
А не пора ли нам по домам?
Книгу приносит Ив Аман,
Дар свой и труд «Александр Мень».

Фразы французской
простынет след.
Лишь покачнется слегка абажур,
Будто приметит на Рю де ла Тур
Нины Мануйловой силуэт.

Позже опять восстановит мозг

Цельность картины, стройность
строки,
Город, пылающий в лаве реки
И заплывающий в памяти воск.

***

Жимолость — горькая сладость!
Чем же душа напиталась,
Как же отбилась от рук,
Если всего и случилось —
Цвели да вкуса — лишь звук?

Легче он, легче, все легче
И ничего не залечит,
Чтит, удаляется, мстит,
Сладости горечь перечит,
В горечи сладость молчит.

Ягод укор и упорство.
Господи! Черпать их горстью?
Медля беру по одной...
Любы они и не любы —
Ягоды, годы и губы,
Сладкого яда причуды,
Едкого чуда настой,

Сладость восславим! Промчалю
Лето, волною с причала
Звезды сшибая в песок.
И дословесность звучала
Словом, нашедшим начало, —
Жимолость, горечи сок.

***

Когда-то это дом дворцом
Купцы считали. Сыр и сед
Дым сигаретный. Лунный снег
Вдруг пахнет огурцом.

Двор отворен, — куда ни выдь,
Хоть до небес — пешком.
Несытых сил растущий ком
Потратить иль копить?

Хозяин, ты изрядный мот,
Ведь половина мира в нем,
Но нас вторая ждет...

АЭЛИТА-98

Александр КОЛОСОВ

ЗЛЫЕ СУМЕРКИ НЕВОЗМОЖНОГО МИРА

Рисунки Елены ВЛОХ

Никто не знает истины. И это обидно вдвойне. Во-первых, потому что вообще обидно чего-то не знать. А во-вторых, потому что получается, будто любое самое, так сказать, нутряное слово твое приобретает оттенок лживой увертливости. Даже тот, кто с великолепным нахальством заявлял, что ничего не знает, безбожно кокетничал, рассчитывая подобным меморандумом добиться кратчайшего и наилегчайшего пути к обретению истины. Дескать, обратите внимание, дорогие гетайрос, на глубинную бездну мудрости, таящуюся в моем аналитическом раскладе: чем не истинно мое незнание истины, раз уж она изначально непостижима? Соответственно, я-то и есть тот самый единственный и неповторимый, кто непостижимое постиг, пусть с «черного хода», но добился! Ах, шалун! Он и не подозревал, что древнеафинский ОВД окажется гораздо мудрей вертлявого интеллигента, привычного к прихотливым, изменчивым очертаниям мысли.

Истина ОВД сомнению не подлежит, ибо звучит она предельно безоговорочно: нет человека, который бы ничего не знал или не знал хотя бы чего-нибудь. А тот, кто утверждает абсолютность собственного незнания, по тому горячими слезами заливается укромный мешок наисырейшего карцера...

Андрей Васильевич Евдокимов в этот дедуктивный подход укладывался по всем параметрам. Была пятница, обычная летняя пятница, не предвещавшая ничего худого, а как раз совсем наоборот. Год назад Андрей Васильевич — в ту пору совладелец нескольких кооперативных отхожих мест, промышленявший по совместительству скупкой ваучерной макулатуры — обменялся в присутствии свидетелей обручальными кольцами с выпускницей института народного хозяйства Колычевой Мариной.

Молодые супруги, по уверению знакомых и многочисленной обоюдосторонней родни, жили дружно и серьезных раздоров не затевали.

В пятницу накануне годового юбилея Андрей и его благоверная пригласили свидетелей и парочку-другую нынешних приятелей на небольшое праздничное мероприятие, местопребыванием которого был назначен стол в «Харбине». Родственников намечалось угощать в субботний вечер, чтобы избежать шероховатостей смычки молодых и преуспевших со старой гвардией, так что компания подобралась исключительно соответствующая нынешнему положению молодоженов. Были там, в частности, Матвей и Светлана Литовцевы, торгующие валютой на электронной бирже, глава процветающего торгового дома Николай Симонов со своей длинноногой секретаршей Людочкой, представитель лизинговой компании «Олдермэн» Виктор Шинкарев с подружкой, занимающей какую-то туманную должность в штате одного очень среднего банка, и, наконец, владелица массажного салона Маргарита Ветлицкая, прибывшая в сопровождении своего нового воздыхателя Семена, работающего в ассоциации охранных агентств.

258) Вечер не просто удался, а удался на славу. По этому расхотеться не торопились, а решили продлить его очарование. Затарившись на Малышева ассортиментом качественных, хоть и несколько дороговатых напитков, компания направилась к берлоге Евдокимовых на кавалькаде частных такси. Сабантуй продолжался до половины третьего; когда никто из присутствующих не мог уже ни есть, ни пить, ни танцевать, ни разговаривать, Андрей вызвал такси для транспортировки гостей. Хозяйка ушла наверх, в спальню, пораньше, так что не легкая доля швейцара выпала Андрею. Поэтому в отделении он твердо и уверенно заявил, что проводил в с е х без исключения и собственноручно задвинул массивный патентованный засов на не менее патентованной двери.

Еще он показал следующее: будучи от природы аккуратен, он решил навести в гостиную порядок, хотя бы относительный, минимальный. Сбор грязной посуды и переноска ее в направлении кухни заняли примерно пятнадцать-двадцать минут, так что в спальню он поднялся около трех, но супруги не обнаружил. Решив, что она, ввиду изрядно ослабленного состояния, ошиблась «номером» и обосновалась в спальне для гостей, Андрей заглянул и туда. Марины не было.

Это его слегка обеспокоило, и он обошел все помещения их просторной квартиры с великолепной последовательностью, сделавшей бы честь самому добросовестному агенту Комитета госбезопасности. Жены не было! Не было, и все тут!

Зато в спальне к своему великому удивлению Андрей Васильевич обнаружил большое пятно крови овальной формы. Он клялся и плакал, размазывая по потному лицу мутные похмельные слезы, и кричал, что в первый заход пятна не наблюдалось. По крайней мере, он его не заметил, хотя при повторной проверке увидел тотчас.

Следователь — пожилой капитан с заспанными глазами цвета местного мрамора и худым прямоугольником лица, изрезанным глубокими продольными морщинами — с мрачной усталостью смотрел на холеного обладателя двухэтажной квартиры. «Засадить бы тебя на полгода в следственный изолятор... — думал капитан. — Конечно, к исчезновению потерпевшей ты вряд ли причастен, если, конечно, не полный дурак, но как превентивная мера, за бывшие и будущие грехи — было бы весьма кстати».

Несмотря на то, что высоких чинов капитан не снискал, он совершенно справедливо считался надежным, матерым зубром практической криминалистики. Кровь, разлитая в спальне, совпала по группе с кровью пропавшей девицы. Эксперт Семенов, которому можно было доверять на все «сто», утверждал, что происшествие имело место быть в рамках от двух-пятнадцати до трех. На подоконниках не осталось никаких следов, значит тело могло быть вынесено только в дверь. Но муж потерпевшей упрямо доказывал, будто в квартире никого не было и проникнуть в нее никто не мог. Одно из двух: либо гражданин Евдокимов круглый осел, либо имеет особые причины для подобного утверждения. Тут явно было что-то не так.

— Поймите меня правильно, гражданин Евдокимов, — сказал капитан, со вздохом потирая ладонью морщинистый лоб. — Если в квартире кроме вас и потерпевшей никого не было, логично будет предположить, что именно вы вынесли тело и скрыли его.

— Я понимаю, — поспешно закивал Андрей и вдруг осекся. До него, видимо, только-только дошло, в какую ситуацию ставит его собственное заявление. Он просто остолбенел, растерянно помаргивая мокрыми веками. — Но вы же не думаете, что это я? Перед годовщиной... Зачем?

«Это не он, — подумал следователь. — Чертовщина какая-то». На своем веку он повидал немало преступников и мог оценить, на что способен парень, сидящий напротив. Максимум, чего от него можно было ждать, так это убийства по неосторожности. А вот на то, чтобы хладнокровно припрятать труп, да еще милицию вызвать, он явно не тянул. Впрочем, вовсе не это беспокоило сейчас Эдуарда Трофимыча...

— Хотя бы затем, чтобы очевидной нелепостью и просчитанным риском отвести подозрение от себя, — ответил он безутешному Андрею. — Лично я в это не верю, но хочу предупредить сразу: вашу невиновность доказать нет никакой возможности. Приготовьтесь к худшему. Если у вас имеется адвокат, позвоните ему, пусть возьмет под залог, а я вынужден вас арестовать, уж не взыщете — служба обязывает.

2.

Артём проснулся от того, что солнечный луч, проскользнув сквозь неплотно прикрытые шторы, уперся ему прямо в лицо. Во рту было сухо и гадостно, просыпаться не хотелось, но куда денешься? Рядом с кроватью на банкетке, обитой роскошной парчовой тканью, стояли пепельница, до отрыжки заполненная окурками, и полупустая бутылка выдохшейся минеральной воды.

Вкус у напитка был мерзкий, но язык, жесткий, как кровельное железо, слегка размягчился. Сигареты валялись на полу. Артём вынул из пачки одну, оказавшуюся, впрочем, последней, и закурил, морщась от сизых клубов, с нехорошей настырностью лезших прямо в глаза.

Не везет. А когда не везет, пиши — пропало!

Служба в детективном агентстве Симагина начиналась просто великолепно. Четыре дела подряд ему удалось довести до логического завершения, хозяин нахваливал, клиенты платили, не скупясь. Именно тогда, потеряв голову от бесперебойных успехов, он накопил массу ненужных и очень дорогих вещей. В частности, вот эту банкетку! Гадство! Деньги, брошенные на ветер, сегодня могли пригодиться ой как! Наступившая полоса невезухи выдоила его досуха. Пожертвования на текущие расходы положения не меняли, хотя Симагин старался раскрутить клиента по максимуму.

В последний раз от него требовались сущие пустяки: установить круг лиц, с которыми общался некий господин М. Особенное внимание следовало уделить тем, с кем этот господин встречается

украдкой. Артём так старался, что перешагнул рамки задания и выяснил даже, кто именно интересовал клиента в первую очередь. С ликованием в сердце и небрежным видом он хлопнул папку со снимками и записью разговоров на стол шефу и сообщил, что пора и расчет произвести. По предварительным прикидкам, ему причиталось что-то около тысячи «зелеными».

— Вот твоя доля, — буркнул в ответ зеленый от злости шеф и бросил поверх папки хрустящий сторублевый билет. — А твои сведения этому проходимцу теперь ни к чему! Через восемь лет все равно устареют!

Артём с трудом выбрался из-под простыни, пытаясь в спущенных до щиколоток джинсах. Не дотянул, видать. Хорошо, хоть кроссовки снял... Холодной воды не было, так что пришлось умываться едва ли не крутым кипятком.

После фиаско с последним заказчиком клиент пошел редкий и преимущественно очень мелкой руки. Здесь уже и расчет ненамного превышал текущие расходы. За два месяца ни единого крупного дела! Он еще кое-как поддерживал свою репутацию крутого и удачливого детектива, но для этого пришлось сдать в прокат новенькие «Жигули» и продать золотую печатку с бриллиантовым глазком. Вчерашний вечер, начатый с «Метаксы» и «Генерала» и закончившийся портвейном «Анапа», служил прекрасной иллюстрацией к его нынешнему положению.

На часах значилась половина второго, соседи по квартире давным-давно просиживали на службе свои мозолистые кормовые места. Они хорошо ладили с Артёмом — в наши беспокойные времена очень удобно иметь в собственной берлоге злющего боевого медведя. Злющего, но получившего достойное воспитание.

Нет, что ни говорите, а везение, безусловно, принадлежит к явлениям синусоидальной природы. Артём едва успел разменять в киоске последнюю пятидесятирублевую купюру, как позади раздался приятно-визгливый присвист тормозящих колес. В следующую секунду хлопнула дверца, и озабоченный голос Николая Штокмана возвестил Артёму, что его мытарствам приходит конец.

— Артём Геннадьевич, вы свободны?

Самое главное заключалось в том, чтобы не спугнуть госпожу Удачу. Артём с великолепным равнодушием во взгляде окинул адвоката с головы до ног. Штокман являл собой воплощенное пресупевание.

— Не то, чтобы абсолютно, — сказал Артём, — но для вас у меня время найдется. Предупреждаю сразу — по мелочам размениваться не намерен.

— Садитесь, — предложил Штокман. И Артём, не торопясь, влез на заднее сиденье адвокатского «Вольво». Еще в далекие перестроечные годы за Штокманом утвердилась репутация очень дорогого, но разворотливого и везучего защитника по запутанным, закрученным делам. Он на иномарках ездил уже тогда, когда Артём другого транспорта, кроме общественного, не знал. Разве что служебный «бобик»...

— Знакомьтесь, — сказал Штокман, — это мой

клиент — Андрей Евдокимов, торговый представитель Новотрубного завода и его совладелец.

Артём внимательно посмотрел в лицо потенциального клиента, и оно ему крепко понравилось. Несмотря на угнетенный вид, лицо Андрея не выражало и намека на уголовные наклонности. Широкий лоб, короткий прямой нос, большие серые глаза с тяжелыми нижними веками. Такие люди упрямы и вспыльчивы, могут при случае и словчить, но крайне редко сознательно вступают в противоборство с законом по-крупному.

— А это, пожалуй, единственный человек, который в состоянии вам помочь, Андрей. Следовательно от Бога, раскованное мышление, безукоризненная честность в делах. Достаточно сказать, что в восемьдесят восьмом мне до зарезу требовалось заглянуть в один документик... Заметьте, не получить его, не внести в него изменения, а просто заглянуть... Артём Геннадьевич отказал мне в этой пустяковой просьбе, а ведь мог бы, кажется, провести отпуск на теплых и ласковых Канарах. Его дважды увольняли со службы. Первый раз при Горбачеве за то, что не посадил того, кого было нужно. Второй — при Ельцине, за то, что посадил кого не следовало. Если он возьмется, можете спать спокойно.

— Вы забыли упомянуть одну важную деталь, — сказал Артём. — Я стою недешево.

— Назовите сумму. — Недоверие в глазах Андрея густо мешалось с выражением безумной надежды. На секунду Артём почувствовал себя наследником рыцаря из Ламанчи, но парень, сидевший напротив, все-таки слабовато смахивал на нищего трактирского служку, и бескорыстие обратилось в позорное бегство.

— Аванс на время расследования обойдется вам в тысячу. Еще две — по окончании дела. Дополнительные траты — особой статьей.

— Две, — сказал Штокман. — И пятьсот авансом.

— Походите по базару, — предложил Артём. — Авось подешевле найдете.

Евдокимов думал недолго. Разговор в суде во время внесения залога наглядно показал ему, что если чуда не произойдет, ему выходит полная крышка. Не исключено — гробовая, и без аллегорий.

— Я согласен на ваши условия, — сказал он обреченно. — Добавлю еще пятьсот, если выручите.

Чем дальше продвигался рассказ, тем больше мрачнели глаза Артёма. Дело было безнадежным до такой степени, что будь на нем проштемпелевана соответствующая печать, оно б хуже не выглядело. Тут что-то не так...

— Давай откровенно, дружок, — проговорил Артём, отводя глаза в сторону и пристально рассматривая тлеющий кончик «данхилл». — Чего ты от меня хочешь? Чтобы я нашел придурка, на которого можно откинуться? Так ведь статья расстрельная, а сумасшедшего, что согласится, первый же эксперт расколлет. Дверь закрывал ты, частицы пыли на створках окон не тронуты... ну кто поверит, что тело испарилось без твоего участия?!

— Возможно, я действительно полный «валет», — тихо и упрямо сказал Андрей. — Но свою Маринку я в жизни и пальцем не тронул.

— Подожди, — подал голос молчавший ранее Штокман. — Ты не слышал: она вены себе никогда не вскрывала?

Андрей отрицательно покачал головой.

— Вен не вскрывала, рук сигаретами не прижигала, татуировкой не баловалась. Ёрзать в постели с такими мне доводилось, но жениться?.. Маринка у меня барышня. Хотя и выпить может, и компанию поддержать, а барышня.

Дым сизыми слоистыми полосами лениво блуждал по салону, нехотя мигрируя в водительское окно. Некурящий Штокман морщился, но терпел, из чего следовало, что и он оторвал у своего подзащитного хороший кусок. Артём Штокмана не любил. Отчасти из чувства зависти, отчасти потому, что профессионально не любил адвокатов.

— А ты не помнишь, — спросил он Андрея, затягиваясь с мстительным наслаждением, — чтобы кто-нибудь из гостей уходил, скажем, с разбитой мордой, головой или еще каким повреждением?

— Все было шумно и благопристойно, — ответил Андрей. — Люди проверенные, бизнес точек пересечения не имеет, а Семен — самый крутой — вообще не пил. Да и наверх никто не поднимался. Точно.

Ну ясно, дело абсолютно гиблое. Надо было просить на расходы побольше. Артём так и сказал, по-честному.

— Шансов у тебя, дружок, ноль целых, хрен десятых, — добавил с беспощадностью хирурга-экспериментатора. — Один против триллиона. Все, что могу тебе обещать — я использую этот мизер, выжму, как губку. Это гарантирую. Теперь — запасной вариант, им займешься ты, Нико.

— И он будет учить меня, как мне делать мое дело! — восхитился Штокман. — Мальчишка! Нет никакой запасной лазейки. Это говорю тебе я! Я же вижу, ты хочешь спустить дело в долгий ящик, но уже все проверено: у Мариночки так называемая Христова кровь. Редчайшая группа!

— Тогда я пошел, — сказал Артём, протягивая руку Штокману. Тот со вздохом извлек из «дипломата» банковскую пачку купюр...

Через час, отобедав и поправив здоровье, Артём сыто развалился в парикмахерском кресле. Кассирша Лидия Павловна привычно названивала по адресам, выявляя добровольца с мотором на сто рублей до полуночи. К тому времени, когда подстриженный, побритый и наодеколоненный Артём выходил из стеклянных дверей салона, его уже поджидал крепенький мужичок в модной шерстяной рубашке, со старенькой, но хорошо отлаженной «Волгой» у бордюра.

— На Викулова, — сказал Артём, усаживаясь на заднее сиденье.

3.

— Ну, привет, — Эдуард Трофимович сухо и крепко хлопнул ладонью об ладонь бывшего сослуживца. — Проходи, доставай магарыч, угощай табачком заморским.

Артём скинул кроссовки и, с удовольствием

АЭЛИТА

ощущая прохладу половых досок горячими со вчерашнего ступнями, прошествовал в любовно отделанную кухню. Всякий, кто хотя бы раз испытал острую сладость охотничьей тропы, знает: допинг и «экстази» рядом с нею — ничто. Сердце то замирает в предвкушении фантастики фарта, то мощно и ровно гонит кровь по каждой мельчайшей жилочку. Запахи щекочут раздутые ноздри, ухо отлавливает гармонию разноречивых тонов, глаз пронзает стоверстные горизонты.

Дело было стопроцентно пропащее. Артём знал это лучше, чем кто-либо другой, но полная безнадега предприятия, не сулящая ценного приза, дразнила и бесила его, точно мулета. Закуси удила, прё на красный, и будь что будет! Когда за штурвалом ас, опасайся желанного зеленого света!

Жена Эдуарда Трофимовича — симпатичная и живая хохлушка средних лет — приветливо кивнула Артёму и вышла в гостиную за конфетами. Не впервой, ритуал известен. Артём, между тем, выставлял на столик настоящий «Мартель». Капитан с преувеличенным тщанием надзирал за тем, как янтарная жидкость, благоухая, наполняла высокий конический фужер, с некоторых пор получивший громкое прозвище «консульского», потому что «консультантский» выговаривать было несравненно сложнее.

Они сели на табуреты, обшитые кусками пурпурной ковровой дорожки, осторожно позвенели бокалом о рюмку и пригубили.

— Я тебя ждал, — признался капитан. — Этот безутешный супружник действительно тянет разве что на свидетеля, но других подозреваемых у нас нет. Слезь я с него, он же меня и съест. Дело нечисто, в самом что ни на есть метафизическом смысле, да разве кому объяснишь? Жалко пацана, но себя всегда жалче.

Артём был согласен с Эдуардом Трофимовичем, его били не менее хлестко, но у него нет семьи, не так страшно. Паскудное стремление к компромиссу, благодаренье Богу, еще обходило его стороной.

— Если не ошибаюсь, вы как-то рассказывали про уникама, который проводил следствие по делу, напоминающему сегодняшней артефакт, — сказал Артём.

— Давай без выпендрёжа, — предложил капитан. — Это ты у нас скакун чистых кровей, а я просто рабочая лошадка следственного отдела.

— Я бы сказал жестче — ломовой битюг. Вы умеете протаранить любую паутину, будь она хоть из причальных канатов.

— Но не сплетение прокурорских коридоров, — уточнил капитан. — Тут нужна ловкая рука с длинными чуткими пальцами. Штокман, едва врубившись, насчет тебя стал грузило закидывать, так что, сам понимаешь...

Артём понимал. И даже очень. Эдуард с небрежностью великого мастера откинулся на него, предоставив сомнительное право выкручиваться за двоих. И совесть чиста при любом исходе, и делать ничего не надо, и «консульские», хочешь-не хочешь, а предавать. Но, с другой стороны, что бы он делал сегодня, не будь Эдуарда? Маялся от-

безделья, в тридцатый раз пересчитывая стремительно тающие хрусты?

— Спасибо, что вспомнил, — сказал Артём, криво усмехаясь и пряча глаза. — Не забуду. А сейчас дайте мне этого вашего знакомца с аналогией.

Капитан вдруг резко нагнулся, что-то высматривая под ногами, но, едва Артём подался вперед, вскинулся и сцепил взгляд своих сузившихся зрачков с уклончивым взглядом приятеля.

— Это делается так, Тёма, — объяснил, удовлетворенно прищелкнув пальцами. — Мальчишка ты еще. Талантливый, ушлый, но зеленый пока. Ты думаешь, я не вижу, что у тебя в черепушке шевелится? «Не забуду!» Надо же, какая глубина, какой подтекст... Хемингуэй! Времени у меня нет с твоим миллиардером возиться. Зато у тебя, как у шибко принципиального, его хоть отбавляй. Вот и побегай, разомни суставчики, — он больно ткнул Артёма пальцем прямо в солнечное сплетение, — может, поменьше умничать станешь. Запиши адрес.

4.

Иван Петрович, фамилия которого существенной роли в повествовании не играет, проживал в одном из дореволюционных купеческих особняков красного кирпича, с маленькими арочными оконцами. В темном и тесном дворе машина развернулась впритирку, водила оглянулся на маячивших бритоголовых туземцев и на всякий случай потянулся за монтировкой.

— Если начнут разбойничать, — беспечно сказал Артём, выходя из машины, — сигнал. Я им без ломика все кости переломаю.

В прихожей его встретил сухощавый старик с заметной и в его немалые годы военной выправкой и аккуратной щеточкой седых усов. Поредевшие пегие пряди волос старательно уложены в «политический зачес». Ногти на высохших, потемневших руках тщательно обработаны пилкой. Если бы не последнее, Артём немедленно причислил бы его к категории служак-педантов. Ухоженные руки же определенно означали, что перед ним представитель старинного, ныне забытого, да и в прошлом не больно-то многочисленного сословия потомственных интеллигентов.

— Что вам угодно, молодой человек? — спросил он, безбоязненно впустив незнакомца в квартиру.

— Я от Эдуарда Трофимовича, — сказал Артём. — Нужна консультация.

— Прошу, — старик посторонился, пропуская гостя в небольшую, заметно вытянутую комнату, заставленную старинной мебелью.

На стенах, оклеенных зеленоватыми обоями, было развешено с полдюжины очень недурных пейзажей конца прошлого века в затейливых, потемневших от времени рамах. В красном углу — портрет необычайно красивой девушки на фоне дачного ландшафта.

— Жена, — пояснил Иван Петрович, перехватив оценивающий взгляд посетителя.

— Вам повезло, — вздохнул тот.

— Да, — просто подтвердил хозяин. — К

сожалению, ненадолго. Питер, зима сорок второго.

— Простите, — сказал Артём.

— Не за что. Присаживайтесь. Вам чай или кофе?

— Благодарю, но времени в обрез. Во дворе меня ожидает нервный извозчик, опасющийся ваших соседей.

— Здесь не шалят, — сказал старик. — Я, знаете ли, пятьдесят два года прослужил в следственном отделе.

— Боятся?

— Принимают в расчет. Так что у вас ко мне?

Артём рассказал, обрисовал суть проблемы.

— Понятно, — кивнул Иван Петрович, внимательно выслушав юного коллегу. — Вам нужно обратиться к Володе Сицкому.

— А это кто?

— Старый оккультист, промышлявший этим занятием в те годы, когда нынешние «гуру» читали популярные лекции по научному атеизму. Очень любопытный товарищ. Его опыты подтверждаются практически на все сто. У меня было похожее дело, но группа крови пропавшей женщины совпала с группой крови одного из гостей, которому, кстати, разбили нос на той вечеринке. Пропавшая и разбила. Как выяснилось в дальнейшем, она разыграла всю эту историю, чтобы насолить своему любовнику — хозяину квартиры, ветренному юнцу. Пакостное дело; извращенная психика сбившихся в компанию недоумков изрядно запутала ситуацию. Ощущение было такое, будто в помойке копался.

Пришлось обратиться к Володе. Он по фотографии определяет состояние здоровья оригинала. Якобы исчезнувшая девица оказалась живой и здоровой. Володя даже подсказал район, в котором она обреталась в ожидании дальнейшего развития событий. Остальное, как говорится, дело техники.

— Спасибо, понял, — сказал Артём. — Где мне найти вашего знакомого? И в какую сумму вы оцениваете свою консультацию?

— Я на пенсии, — спокойно ответил старый следователь. — Заметьте — на пенсии, в отставке. Я профессию не менял, в Шерлоки Холмсы не нанимался. Если жизнь человеку спасете, считайте, что и со мной разоглись.

Артём кивнул, показывая, что понимает, но счел необходимым уточнить ситуацию:

— Человек, о котором идет речь, весьма богат и согласен оплатить услуги, оказанные ему. Условия оговорены, так что ничего незаконного в этом нет.

— Наиболее существенным моментом я считаю его невиновность. — На ухоженном лице старика не дрогнула ни единая жилочка. — Богат ли он или нищ — не суть важно. Мне платят за то, чтобы я помогал людям бесплатно. Улавливаете?

— Но вы в отставке...

— С ежемесячной пенсией, — настойчиво повторил Иван Петрович. — А значит — не вполне свободен. Вы на службе взятки не брали?

— Нет, — сказал Артём.

— Ну и я не беру, — улыбнулся старик, подходя к черному от времени секретеру. Артём ни грам-

ма не сомневался в том, что в недрах этого древнего сооружения благополучно хранятся не только интересующий его адрес, но и многие другие бесценные документы.

— Вот, — сказал Иван Петрович, протягивая Артёму аккуратно надписанный бумажный квадратик, — прошу вас.

— Благодарю, — Артём наскоро пробежал взглядом по тексту и поднял глаза. — Иван Петрович, у вас наследники есть?

— Кто? — удивился старик, и по тону, каким это было произнесено, Артём понял все. Нет у него никого. Жена умерла слишком рано, и он запомнил ее такой же юной красавицей, какой потерял. И не сумел найти ту, которая смогла бы затмить в памяти восхитительный образ, закрепленный старым холстом.

— Послушайте, Иван Петрович, — сказал Артём, чувствуя труднопереносимое жжение в глазах, — я знаю, как жестока нынешняя жизнь. Будь я богачом, вроде моего клиента, я бы предложил вам более солидную сумму... Хотите честную сделку?

— На предмет чего?

— Вы старый заслуженный ас, но ваш архив расплыт по ветру, если не найдется преемник. Я обещаю вам сделать все от меня зависящее, чтобы выцарапать Евдокимова из-под «вышки». А когда я сделаю это и получу награду, что вы скажете насчет тысячи долларов за содержимое вашего секретера? Нет, я не претендую на изъятие. Отпишите мне его в завещании.

Старый ас внимательно и придирчиво разглядывал настырного «благодетеля»; он тоже видел его насковозь и размышлял совсем не над тем, что за человек сидит напротив. Дело было совершенно в другом: на чашах внутренних весов одинокого, всеми заброшенного пенсионера причудливо балансировали духовная независимость, столь ценяемая его изношенным сердцем, и желание быть полезным грядущему миру.

— Я не думаю, чтобы мои записки стоили таких денег, — проговорил он с некоторым, не очень искренним сомнением, — но если вы оцениваете их именно так...

— Да, — сказал Артём. — Но, поверьте, только потому, что не могу предложить больше.

— Мне, право, неловко, — признался Иван Петрович, и вдруг в его глазах мелькнуло выражение веселой находчивости. — Ба! — воскликнул он, улыбаясь. — Вот что мы сделаем! Я оставлю вам и картины, но при одном непременном условии!

— Охотно выполню, — успокоил старика Артём. — А в чем оно заключается?

При этих словах нерешительность вновь овладела хозяином комнаты.

— Видите ли, это не совсем обычная просьба... Боюсь, как бы вы не сочли меня немного не в себе... В общем, я прошу проследить за тем, чтобы вместе со мной был погребен этот портрет.

— Не нахожу в вашем условии ничего странного, — сказал Артём. — Это так естественно...

— Вы полагаете? — Иван Петрович смотрел исподлобья, остро и недоверчиво. — Лично я не так уверен в собственной нормальности. Вот вы, Ар-

тём, глядите на меня и думаете втихомолку: «От чего не потешить бедного, одинокого старичка, хохорящегося от сознания собственной ненужности? У него никого нет, кроме этого довоенного портрета кисти очень среднего мастера. Вот он и хочет уволочь с собой в могилу если не покойную жену, похороненную в Питере, так хотя бы ее изображение». Ведь так, коллега?

Артём пожал плечами: труднее нет переговоров с братьями по профессии!

— Примерно так, — сказал честно, — только без лишнего уничтожения. Я уже говорил, что считаю ваше пожелание вполне объяснимым и даже закономерным.

Старый ас одарил его неожиданно загадочной улыбкой.

— Закономерное — да, — сказал, прищурясь. — А вот насчет объяснимости, Артём, вы, пожалуй что, поспешили. Впрочем, я думаю, у нас еще будет время поговорить подробнее. Когда закончите ваши поиски, приезжайте на вечерок. Посидим, поболтаем...

5.

На часах было без четверти восемь вечера, когда безбожно молодящаяся «Волга» доставила Артёма в район старого ВИЗа, к дому, выстроенному в эпоху повального увлечения квази-классицизмом. Впрочем, следовало признать, выглядел он довольно приятно — этаким российский барин, увалень-аристократ в окружении ветхих аскетов, серых и угрюмо-бежевых.

По просторной каменной лестнице, освещаемой посредством мнимо готических окон, Артём поднялся на второй этаж и решительно брякнул бронзовым кольцом по львиной бронзовой морде, намертво привинченной к тяжелой натурально дубовой двери. Звуча шагов он не услышал; масляно-скользко щелкнул засов, дверь распахнулась.

— Чем обязан? — раздался покровительственно-раскатистый голос.

Человек, стоящий напротив Артёма, явно принадлежал к миру, знакомому ему по фильмам о гражданской войне. Среднего роста, жутко фигуристый, несмотря на легкую возрастную расплывчатость, с глазами цвета морской волны, человек этот излучал прямо-таки физически ощутимое добродушие. Впрочем, нотка некоего превосходства, сквозившая в его по-кошачьи бархатистом барионе, в корне пресекала малейшее поползновение на панибратский тон. Одет он был в бархатную малиновую куртку-«венгерку» и белые полотняные брюки. На ногах — к полнейшему изумлению Артёма — индейские мокасины. Похоже, что настоящее. А лет ему было слегка за пятьдесят.

— Я к вам от Ивана Петровича, — сказал Артём.

— Тогда заходите, — согласился господин Сицкий. Иначе, чем «господин», называть его было затруднительно. — Как вас по имени-отчеству?

— Артём Геннадьевич Баца, — представился

Артём, вступая на скользкий паркет прихожей. —

Можно просто — Артём. Я все-таки помоложе. Господин Сицкий неспешно затворил дверь, задвинул бронзовый засов и жестом пригласил в гостиную — просторную квадратную комнату с алебастровой лепниной по высокому потолку, с большим двустворчатым окном, затененным малиновыми шторами натурального бархата и атласной белой портьерой. Комната была обставлена пристенным гарнитуром итальянского производства и набором, состоящим из дивана, четырех кресел и бронзового стола с сандаловой столешницей. В этой квартире определенно водились хорошие деньги.

Артём с удовольствием погрузился в плюшевые объятия кресла, жестом попросил разрешения закурить; хозяин молча подтолкнул к нему хрустальную пепельницу.

— А как прикажете называть вас? — спросил Артём.

Хозяин неопределенно пожал плечами.

— Вообще-то, по идее, надо бы — «ваше высочество», — сказал он, улыбнувшись, — но не обижусь и на Владимира Александровича.

— Не знал, что судьба сведет меня с титулованной особой, — улыбнулся Артём. — Но этот вечер приносит мне любопытнейшие встречи. Одно знакомство с Иваном Петровичем чего стоит!

— А вы его раньше не знали?

— Нет, — сказал Артём. И рассказал все по порядку.

Сицкий слушал, не перебивая. Видно было, что дело не нравилось и ему.

— Так, — промолвил он, когда гость умолк. — Грустная история. Что вы хотите от меня, Артём?

— Экспертизы. Нужно установить, жива ли потерпевшая. А если жива...

— Послушайте меня, молодой человек, — хмуро сказал господин Сицкий. — К чему лукавить? Кровь на полу, свидетель, кочующий из кухни в гостиную, запертая дверь... Чтобы осуществить вынос тела без его участия, потребовался бы не какой-нибудь заурядный ниндзя, а целое подразделение спецназа.

— Без участия кого? — уточнил Артём.

— Труп, естественно. Вы детектив? Тогда должны понимать: ваш клиент своими показаниями однозначно копает себе могилу.

— Следовательно, вы априори уверены в смерти его жены?

— Я не люблю повторяться, — покачал головой Сицкий, — но, видимо, придется: это грустная история, печальная история, а если быть абсолютно точным — настоящая трагедия. Мне даже на место ехать не нужно, чтобы...

«Ясно, — подумал Артём. — Сейчас ихнее высочество начнет пудрить мозги лоху-сыщику, чтобы вытрясти из клиента побольше».

— А в чем заключается сущность трагедии? — спросил сухо.

— Да как же, молодой человек... — вздохнул Сицкий. — Впрочем...

— Нельзя ли более определенно, Владимир Александрович? — подстегнул его Артём.

— Видите ли, Артём, самая точная определен-

ность вам вряд ли поможет. Я могу подсказать, где искать потерпевшую, но как вы осуществите поиск — вот вопрос.

— Так где же она? Жива или мертва?

— К сожаленью, жива, мой милый, — вздохнул Сицкий. — В Аду мертвых нет.

«Так, — подумал Артём. — Он еще и сумасшедший впридачу!»

— Да, — усмехнувшись, добавил старый оккультист. — Уж лучше б я и впрямь был слегка не в себе. Оно бы спокойнее, но — увы!

— Это не смешно, Владимир Александрович, — сухо заметил Артём. — Я знаете ли, следователь и тоже умею просчитывать варианты. Не надо мне на психику нажимать.

— «Сейчас ихнее высочество начнет пудрить мозги лоху-сыщику...» — сказал Сицкий. — А так умеете?

Легкий дымок «данхилла» встал Артёму поперек горла. Сицкий смотрел участливо, без иронии. Выждав, пока гость справится с неожиданным недомоганием, он продолжил:

— Даже великий Шекспир понимал, что на свете существует масса непонятных явлений. Мы с вами подразумеваем разные понятия. Вы мыслите в традиционалистском стиле, а я говорю об оккультном мире.

— Мне бы попроще, — попросил Артём.

— Проще? Ну что же, попытаюсь. Вы знакомы с теорией Вернадского?

— Что-то о мысленной сфере? Более или менее.

— А можете представить себе мир, основанный на стойком ощущении страха? Если существует мысленная сфера, почему нельзя допустить существования отражения этой сферы в материальном мире? Понимаете? Принцип перископа зиждется на двух или нескольких зеркалах. Ваше отражение появляется на втором зеркале, хотя смотрите-то вы в одно-единственное. Вот оно — первое — и есть ноосфера Вернадского. Но, в оккультном смысле, вторичное отражение в материальном мире носит условное деление на Ад и Рай. И тот, и другой, при совпадении определенных моментов, имеют способность соприкоснуться с нашей собственной физической сферой. Вам приходилось слышать о встречах с чертями, странными животными и прочими нонсенсами реальности?

— Но ведь это, простите, бред сивой кобылы!

— Конечно. Конечно, дорогой мой! — охотно подхватил господин Сицкий. — Карпатские оборотни при помощи этого бреда перекидываются во все, что им заблагорассудится. И делается это предельно просто — сквозь ноосферу проскакивают в Ад, а потом возвращаются в физический мир.

Артём автоматически полез за носовым платком — уж очень душно стало ему в прохладных покоех Владимира Сицкого.

— Вы хотите сказать, что в мире идей возможно пребывание физических тел?

— В ноосфере? Нет. Там — никогда. Но Ад и Рай, отчасти как и наш мир, представляют собой отражения ноосферы. И там возможно все, что угодно!

— Так вы полагаете...

— Да, — сказал Владимир Александрович Сицкий. — Я боюсь, что жена вашего клиента угодила в самый настоящий Ад.

— Утешили, называется, — выдохнул Артём после минутного замешательства. — И что же теперь прикажете делать?

Сицкий огорченно развел руками.

— А что тут поделаешь? Знать и уметь — вещи несоотносимые. Конечно, если вы подвергнетесь нападению в моем присутствии, я смогу бы вас защитить. Но это в н а ш е м мире. Теоретически — я мог бы даже проникнуть в Ад. Только обратный путь мне неизвестен...

Недаром, ох недаром это дело вызвало у Артёма столько опасений. Чувал, что здесь не все, как всегда. И не он один. Впрочем...

— Вы говорили про оборотней... — напомнил он Сицкому.

Тот посмотрел на Артёма с ласковым вниманием психиатра, наблюдающего интересный случай «сдвига по фазе».

— Держитесь от них подальше, мой милый, — посоветовал он очень доверительным тоном. — Это не те люди, которым стоило бы доверять.

— Мой клиент мог бы хорошо заплатить...

Усталая усмешка тронула узкие губы знатока тайных сил.

— Деньги-то они возьмут, — сказал он, согласно кивая. — Еще как возьмут! Не знаю только, кто после этого вас с вашим клиентом разыскать сумеет. Лично я — не рискну. Видите ли, мой дорогой, я, так сказать, специалист по жреческой методике. Да и то не местного производства. А оборотни используют массу технологий славянской и русской магии. Рядом с ними я такой же профан, как и вы.

— Но ведь должен же быть какой-нибудь выход!

— Сто «зеленых», — ответил Сицкий.

«Ну, наконец-то!» — вздохнул Артём и тут же поежился, вспомнив про удивительные способности визави.

— Не дорого? — поинтересовался тот. — Могу скинуть.

Артём только рукой махнул.

— Тогда слушайте. Несколько лет назад группа молодых безумцев начала комплексное исследование мест соприкосновения различных сфер. В древности на этих местах, как правило, строились культовые сооружения — скиты, церкви, монастыри. Еще раньше — капища. Информацию о результатах одной из экспедиций ищите в «Комсомолке». Начните с восьмидесяти седьмого и по девяносто первый.

— Понял, — сказал Артём. — Извольте расписку.

Домой он вернулся к десяти-тридцати. Соседи, следуя какой-то забугорной диете, чинно вкушали вечерний кефир с подсушенным хлебом. Их восьмилетний потомок, активно не приемлющий молочные продукты, задумчиво пыхтел над горячей чашкой турецкого чая. Духота стояла невыносимая, невзирая на настужь распахнутые окна.

— Привет, — сказал Артём. — Как я вчера? Не бузил?

Сосед Игорёша, молодой лысоватый блондин в золоченых очках, полосатой майке и брезентовых шортах, отрицательно помотал головой.

— Только ругался, да и то шепотом. Как у тебя? Все по-прежнему?

Артём улыбнулся, хотя выглядело это не очень-то оптимистично, с кислинкой.

— Да есть одно дельце...

— Такое дохлое? — посочувствовала соседка Любаша.

— Более чем...

— Лишь бы заплатили, — утешила соседка.

— Это вряд ли, — вздохнул Артём.

В комнате творился полный бедлам. Кое-как прибравшись, Артём поменял постель и принял обжигающий душ. С утра предстояла напряженная бумажная работенка, столь же нелюбимая, сколь необходимая. Следовало выспаться. Он долго лежал, старательно вслушиваясь в автомобильный уличный гул, действующий на него примерно так же, как на иного добрая пригоршня люминала. Но сон не шел. Конечно, даже в самые дремучие застойные годы Артём смутно подозревал, что мир гораздо сложнее, чем представляли его преподаватели диалектического материализма, но чтоб настало! С другой стороны, какими бы способностями не обладал господин Сицкий, вся эта его теория пока что ничем не подтверждалась и вполне могла оказаться всего-навсего одним из способов сравнительно законного изъятия гонорара из небрежно застегнутого кошелька. Артём никогда не интересовался вопросами религии, он с трудом улавливал разницу между католиками и православными, а о концепции переселения душ знал только то, что известный бард сообщил в своей популярной балладе. Противопоставить Сицкому он ничего не мог, и не исключено, что тот этим воспользовался. На этой успокоительной ноте Артём и заснул.

С утра он первым делом востребовал назад свой автомобиль, съездил на заправку, позавтракал, позвонил клиенту.

— Вы хоть что-нибудь прояснили? Ну хоть что-нибудь? — донеслось из трубки.

— Качаю шанс, как и обещал, — сказал Артём в ответ. — Дело оказалось еще сложнее, чем представлялось. Нет, мое слово — закон, сделаю, что смогу.

В «Белинке» ему выдали могучую кипу подшивок и том исторической энциклопедии на букву «С». С него Артём и начал. Оказалось, что Владимир Александрович Сицкий, если, конечно, был тем человеком, за которого себя выдавал, действительно мог претендовать на княжеский титул. Его род входил в клан Романовых-Кобылиных и принимал активнейшее участие в интригах Смутного Времени. Как криминалист Артём давно подозревал Романовых в развязывании всероссийской бучи XVII века. А в свете вчерашней беседы действия бояр-заговорщиков приобретали в глазах Артёма довольно странный оттенок.

Он хмыкнул и переключился на подшивки «Комсомольской правды». Шелест газетных страниц вдруг напомнил ему шорох сыплющегося песка. Казалось, само время заговорило своим тихим невнятным шепотком, исполненным смутного предостережения: «Не лезь... не лезь...». Артём не верил в предчувствие, а интуицию считал выводами подсознательного компьютера, мгновенно обрабатывающего комплекс малозаметных фактов. Тряхнув головой, он отбросил сомнения и удвоил темп работы.

Его старания увенчались успехом. Ухватить фортуны за хвост — это уже кое-что; оставалось, правда, самое сложное — осторожно и цепко тянуть его до появления реального результата. Оседлав телефон переговорного центра, загрузив карман полной пригоршней жетонов, он плотно приступил к осаде редакции. Бесстыжий аппарат с веселым звонким смешком глотал металлические кругляши один за другим, записная книжка заполнялась строчками промежуточных координат... Есть!

— Простите, пожалуйста, — ласково пропел Артём, — это не вы писали об экспедиции в карпатский монастырь? Да! Да! Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы дали мне координаты руководителя группы.

— Погиб, — ответили из Москвы.

— Его помощника...

— Скончался.

— Ну хоть кто-нибудь остался в живых? — сумрачно уточнил Артём. И услышал в ответ:

— Живые, конечно, есть...

— Как бы мне их найти? — обрадовался Артём.

— Это предельно просто, — буркнул недовольный голос. — Звоните на Канатчикову Дачу; номера в справочной!

...Нужно было что-то делать, искать другой след, выцарапывать из черного клубка новую нить, но взгляд застилало туманом разочарования, и ухватиться было категорически не за что. В самую пору набрать номер Евдокимова и посоветовать ему плюнуть на залог и срочно уносить ноги. Судьба снова жестоко подшутила над оставшим следователем: поманила, подразнила, а когда он клюнул на ее обольстительный призыв — метко и беспощадно, будто старая бывалая шлюха, лягнула прямо под ложечку. Спокойно! Спокойно!

В киоске на углу он купил две двухлитровые пластиковые «торпеды» английского пива «Монарх», баночку маринованных огурцов, жесткой копченой колбасы и две коробки лососевой икры. Для непутевого отпрыска зверски интеллигентных соседей, в подобные минуты составлявшего ему иронично-сочувствующую компанию, в том же киоске были приобретены полугоралитровая бутылка «Фанты» и несколько пачек разноименной жвачки. Подобно ему самому, Никитка задарма не сочувствовал, за что Артём его тихонечко, незаметно презирал, в той мере, в какой настоящий «профи» презирает малоопытного «любителя».

Когда он, нагруженный продовольствием и напитками, пытая от сдвоенного — душевного и фи-

зического — дискомфорта, наконец взобрался на свой родной третий этаж, его уже поджидали. Одного взгляда на человека, скромно присевшего на приятно прохладный бетон подъездной лестницы, было достаточно, чтобы признать в нем представителя множашейся и расцветающей низовой придонной прослойки. Одет он был в относительно чистые брюки и почти новую трикотажную футболку, тщательно побрит и старательно причесан, однако неуловимый, но реально ощутимый привкус босяковщины пронизывал, казалось, не только его самого, но и вполне respectable лестничную площадку.

— Артёму Геннадьевичу наш пламенный комсомольский привет! — бодро продекламировал бомж, отрывая от гостеприимной ступени тощую бродяжку задницу.

— Гусь? — удивился Артём. — Вот уж — кого не ждал, то и явился! Тебе чего?

— Дело есть, — сказал Гусь. — На два миллиона.

— Он тут часа два трется, — подтвердил Никитка, высовывая из прихожей розовый веснушчатый нос. — Вас спрашивал, все пытался в квартиру пролезть.

Первобытная донская злоба лишь на мгновение проскользнула в глазах Артёма, но Гусь ее заметил.

— Никуда я не лез, — сказал с обидой. — Ты-то меня хорошо знаешь, лейтенант, за мной криминала нет, и не было никогда. Конечно, я понимаю, моя рожа на детей действует однозначно, но я-то думал, что ты дома, просто никого видеть не хочешь.

— А с чего это ты так решил? — хмуро полюбопытствовал Артём.

— Да уж есть с чего, — уклонился Гусь. — Говорю ведь — дело у меня. Впустишь?

— А если нет?

— Решать, конечно, тебе, — предупредил Гусь. — Но учти — плакать будем вдвоем.

Он нагнулся над потертой хозяйственной сумкой и гордо продемонстрировал бутылку молдавского коньяка:

— Видал? Два дня — ни капли, чтобы не с пустыми руками! Врубаешься?

Да, для Гуся это был подвиг неслыханной самоотверженности. В дни их последней встречи он пил все, что горит. Что не горит — тоже.

История его падения была вполне заурядной, удручающе банальной. Жил-был рядовой советский инженер, ну, не совсем рядовой, а подающий большие надежды. Была у него любимая живая работа, красавица жена и двое чудных ребятишек. И все это ухнуло в тартарары, когда выяснилось, что все его достоинства заключены исключительно в длинных, хорошо сформированных ножках его драгоценной супруги, каковые она неоднократно и весьма охотно предоставляла в распоряжение вышестоящих и руководящих... На свою беду нынешний Гусь — а по тем временам Пал Палыч Гуселетов — в один прекрасный момент очутился в кабинете одного из этих руководящих, причем в то самое время, когда его любезная находилась, так

сказать, при исполнении своего интимного долга...

Рассказывать о том, что устроил этот крупный мужчина в кабинете «друга семьи», вряд ли особенно необходимо. Хорошо, что располагался кабинет, как и положено, в бельэтаже, так что дело закончилось набором сильных ушибов и психологическим шоком. Для потерпевшего. Гуселетов же сломал себе жизнь. Будучи по натуре человеком порядочным, жилье он оставил семье. С работы выперли тихой сапой. А где еще найти утешение убитому горем рассейскому мужику, прочно засевшему под тонким слоем культурного грима в каждом из нас, как не на дне граненого стакана? А переход со дна стаканного на дно социальное — дело верное, хотя и не на все «сто».

Его дважды привлекали за бродяжничество, и оба раза судьба сводила его с Артёмом. Криминала за ним действительно не наблюдалось, а кроме того, его взгляды на жизнь были весьма занимательны, так что вместе они провели времени больше, чем многие из закадычных друзей.

— Ладно, — сказал, подумав, Артём. — Даю тебе сорок минут, — и ногой отодвинул дверь вместе с Никиткой.

— Ты мне только сорок секунд предоставь, — пробурчал Гусь, входя, — потом умолять будешь, чтоб остался.

Никитка разочарованно смотрел им вслед, он крепко подозревал, что задушевной беседы с «шерлоком холмсом» сегодня ему не видать. Но его бурная грусть тут же испарилась, стоило Артёму подбросить в воздух пачку «LM».

— Неважно живешь, лейтенант, — говорил между тем господин Гусь, водружая коньяк на журнальный столик. — Не многого ты добился в мое отсутствие.

Артём выставил два толстодонных чешских стакана и коньячную рюмку. Повздыхав, распечатал икру и огурцы, нарезал колбасу и хлеб...

— Мне тоже рюмку давай, — сказал Гусь. — Хочу быть в форме.

— Ты что? Всерьез думаешь, будто я твое пойло глотать стану? — огрызнулся Артём и налил себе пива.

Бомж медленно потянул рюмку ко рту, с вождением вдыхая ароматы дубовой древесины, исто-во, словно причащаясь, выцедил коньяк до капли.

— Потому и живешь ты паршиво, лейтенант, что зажрался, — промурлыкал он, блаженно откидываясь на спинку кресла. Артём невольно отметил про себя, что накидушку придется выбросить: кто его знает, какие бациллы свили гнездо в одежде бродяги? — Ты ведь не ловчишь, не воруеть. Тебе, как честному работяге, надо жидким чайком глотку споласкивать. А ты дармовым коньяком брезгуешь.

Артём, следуя примеру собутыльника, медленно, маленькими глотками выдул стакан пива и принялся намазывать икрой полупрозрачный лепесток «бородинского».

— Закусывай, — сказал он Гусю. — И выкладывай, зачем тебя сюда занесло.

— Сначала дело, — ответил Гусь, — со жратвой успеется. Я промышляю «пушниной». Вчера

рыскал в торговом центре и услышал прелюбопытнейший разговор. На твоё счастье, лейтенант, с добычей намерен было негусто, так что был я свеж и трезвехонек на загляденье.

— Собеседников знаешь? — спросил Артём, запивая бутерброд изрядной дозой темного бархатистого пива. Пиво было относительно холодным, потому что киоск располагал вместительным холодильником.

— Одного знаю, — сказал Гусь, бережно извлекая из красной бумажной пачки длинный, хорошо сохранившийся окурок. — Угости огоньком ценного информатора.

Артём чиркнул зажигалкой.

— Ты помнишь Штокмана? — сказал Гусь после долгой, глубочайшей затяжки. — Второго не знаю, но понимаю так, что это кто-нибудь из приятелей твоего нынешнего клиента: здоровый таковой лосина с «пушкой» под пиджаком.

— О чём речь вели? — насторожился Артём. При ведении дел Штокман разборчивостью не отличался. Нынче они играли в одни ворота, но кто его знает, что у него на уме?!

— О чём? — ухмыльнулся Гусь. — Да ни о чём. Обычные иудины штучки. Сломок любопытствовал насчет того, сможешь ли ты вытащить клиента. Между прочим, отзывался о тебе весьма уважительно. Штокман тоже, но утверждал, что даже тебе ничего не светит, потому что дело с явным инфернальным оттенком.

— С каким?

— Ну, с дьявольским, чтоб тебе понятнее было. При этом ссылался на мнение Эдуарда.

— Ясно, — сказал Артём, а про себя тихонько удивился интуиции хронического капитана. — И что? Гуселетов довольно прижмурился, наслаждаясь ядовитой крепостью «Примы».

— А ты меня впускать не хотел, — попенял он в ответ. — С лестницы спустить собирался.

— Замнем, — предложил Артём.

— Сперва извинись.

— Пока не за что. Изыскания Штокмана меня занимают в очень незначительной степени.

— Ладно, — сказал Гуселетов. — Возможно, тебе будет интересно узнать, что он затевает у тебя за спиной, но это не главное.

Артём смотрел тяжело, исподлобья, хруст маринованного огурчика показался посетителю хрустом зубов. Не исключено, что и его собственных, в перспективе. Гусь быстро наполнил коньяком рюмку и опрокинул ее в горячие глубины алкогольного естества. Галлюцинация исчезла, теперь собеседник выглядел хмуро, но не столь угрожающе.

— Ну, — поторопил он Гуселетова, взявшегося за колбасу.

— Насколько я понял, Штокман подбивает свидетелей на сговор.

— Ссылаясь на «отключку» клиента?

— Да. Была драка, и потерпевшая убежала.

— Ловко, — одобрил Артём.

Гуселетов посмотрел ему прямо в глаза и усмехнулся.

— Он забыл, с кем играет в команде, я полагаю? — спросил с откровенной подначкой.

— Правильно полагаешь, — подтвердил Артём. — Клиент клиентом, но девушку надо найти. Вопрос престижа.

Гуселетов налил полстакана и сделал хороший глоток.

— На это я и рассчитывал, — сказал он. — К делу. Ты мне двести баксов, я тебе — спеца по инфернальным вопросам.

— Спец у меня уже есть, — Артём стряхнул пепел в пасть бронзового льва, стоящего на задних лапах между собеседниками. Не хотелось думать о том, что двухсот рублей, выброшенных на эту безделушку, сегодня хватило бы дней на пять. — Ты мне докажи, что твой моего круче.

Бомж зачем-то оглянулся на дверь, придвинулся ближе.

— Субъект, о котором я тебе говорю, ходит в Ад. А твой?

Артём прикрыл глаза, сдерживая радостный вопль плотно стиснутыми зубами. Слух напряженно ловил тяжелое дыхание Гуся.

— Для тебя и полдня без опохмелки — Чистилище, — хмыкнул Артём, беря стакан.

— Быстро ты наворстился цены сбивать. — В зрачках Гуся затаилась неизъяснимая бездна иронии. — Вот только захлебываться нужно поменьше, да волосы подлиннее отпустить.

— А это еще зачем? — удивился Артём.

— Чтобы уши прятать, если торчком встают! — Гуселетов не спеша вынул сигарету из артемовской пачки, закурил и, откинувшись на спинку кресла, с безнаказанностью единственного свидетеля бросил на стол зажигалку. Артём смолчал, ожидая продолжения, но Гусь молчал тоже — он прочно владел создавшимся положением и явно подчеркивал это.

— Что ты со мной в игрушки играешь? — сдался сыщик. — Колись!

— Денег не вижу, — ответил Гусь.

— Да зачем тебе столько? Отберут ведь. А не отберут — горячку схлопочешь.

Гуселетов, не торопясь, отхлебнул из стакана и, зажав сигарету в зубах, принялся за изготовление чудовищного сэндвича: намазал два куска хлеба толстым слоем икры, накрыл пластиком колбасы, а сверху прилепнул кружки огурцов, затем соединил куски вместе.

— Я собираюсь завязать, — сообщил он Артёму, наполняя стакан. — Пью последнюю и, заметь, в приличной компании. Вздрогнули!

Загипнотизированный сыщик чокнулся со своим бывшим подследственным.

— Встретил я недавно хорошую женщину, — с чувством сказал Гусь. — Красивая, молодая... по крайней мере для меня. У нее в Истоке нечто вроде частного детского сада. Ну, то да се... пообщались, поговорили... Детсад — дело хлопотное, без мужика — почти невыгодное. А какой из меня работник, когда с утра до вечера руки — будто отбойный молоток?! Хватит! Надоело! Завязываю!

— А как же свобода? — подначил Артём. — Помнишь, как ты мне насчет нее соловьем заливался?

— Дурак был, вот и заливался, — помрачнев,

АЭЛИТА

ответил Гуселетов. — Не отрекусь — грешен. Но человек — не ангел. Не божественным разумом жив, сердцем трепещущим. Что на сердце, то и в голове. А в сердце у меня тогда пусто было. Поверь старому бродяге, лейтенант: для человека свободы нет. Я не шучу, на своей шкуре испробовал, своими мозгами дошуропил: человек без обязанностей хуже змея. Единственно возможный вариант свободы — это выбор души, кем ей быть: Сатаной или Человеком. В высшем понимании принцип воли означает только одно — способность осознанного причинения Зла.

— Ого, куда тебя занесло! — ухмыльнулся Артём. — Уж не адопроходец ли тебя на эту мысль натолкнул?

— Он тоже, — угрюмо ответил Гусь. — Весной я обитал в дачных поселках: сегодня там, завтра здесь. И в конце апреля набрел на один особняк. Дворец, понимаешь ли, а оградка плевая, можно сказать — никакой. Откуда мне было знать, что у него собаки ученые и по пустякам не визжат?! Перемахнул изгородь, тут они меня и взяли в клещи, сбили с ног, прижали рожей к земле... Все, думаю, пришел мой смертный час — загрызут. — Он хватанул добрую дозу успокоительного и продолжал, заметно повеселев. — На мое счастье, хозяин дворца был дома, и охрана не дремала — откуда ни возьми нарисовались два добрых молодца и освободили меня из собачьих клыков. Ну, скажу тебе, лейтенант, и хоромы же у него! А пошло! А закусы! Был он изрядно во хмелю, и по этому случаю обрадовался захожему человеку, даже такому, как я. Говорил он мало и путано, больше пил, но и того, что я услышал, оказалось довольно, чтобы волосы дыбом поднялись. Согласись, лейтенант, что не каждый день встречаются люди, посещающие Ад так же просто, как мы сортир!

— Это в Аду, что ли, капитал себе сколотил? — перебил Артём.

— Посредством своих путешествий, — кивнул Гусь. — Я плохо понял, поскольку был уже изрядно «под шафе», но за экспедиции платят ему сумасшедшие бабки.

— Кто?

— Да все, у кого они есть! — огрызнулся Гусь при виде скептической физиономии собеседника. — Просидели мы с ним, сколько, даже не знаю, залили изрядно и слопали груды всевозможных деликатесов, а потом отправили меня восвояси с бутылкой виски, батоном колбасы и предостережением насчет вторичного появления. В другой раз нарисуешься, говорят, собакам скормим. И помалкивай.

Он аккуратно, почти нехотя, допил стакан и запустил зубы в свое кулинарное сооружение.

— Виски я обменял на ведро браги, — продолжил, насытившись, — и помалкивал, пока не услышал про твои затруднения. Вот тогда все и сошлось. Есть под Кунгуром старушенция, которая, по слухам, освобождает организм от алкогольной зависимости. Соображаешь, лейтенант? Хочешь — пьешь, не хочешь — плюешь. Красотища! Но и берет два «лимона» по-старому. Да еще дорога в оба конца, да прожитье... Короче, как ни крути,

двести «зеленых» надо иметь. И дашь их мне ты, лейтенант! За консультацию. Или за информацию — это, как хочешь, так и решай.

Артём вылил в стакан остатки пива. За разговором и не заметил, как опорожнил первую «торпеду». История, рассказанная Гуселетовым, очень походила на правду, да и не осмелился бы Гусь, зная характер Артёма, врать для обычной корысти. Уж очень плохо могло это для него кончиться. А с другой стороны, чужих денег не жалко — пускай берет. Лишь бы впрок пошли.

— Короче, сделаем так, — сказал строго. — Под мое честное слово даешь координаты. Завтра на вокзале перед отбытием получаешь билет и деньги, вручаешь расписку. Но учти, Гусеныш, если от тебя хотя бы отдаленно пахнуть будет... ты у меня вместо «бабок» получишь!..

Ответ был вполне в гуселетовском духе: полупустая бутылка «Белого аиста» со свистом выпорхнула в раскрытое окно. Проделав сию незамысловатую операцию, Гусь открутил голову пластиковой «торпеды» и налил в стакан «Фанты».

— Договорились, — сказал он, вынимая из кармана грязноватый листок бумаги, аккуратно сложенный четверо. — А зовут его, на предварительной стадии, просто — Большой.

6.

Утро было свежим и солнечным. А свежим, наверное, потому, что Артёму давно не приходилось подниматься в такую рань. Приняв душ и позавтракав остатками вчерашнего пиршества, он уселся за руль своего «лимузина» и позвонил Андрею.

— Слушаю, — раздался усталый, опустошенный голос несчастного миллионера.

— Есть важная информация, парень, — сказал Артём. — Еду проверять. Гарантировать ничего не могу, но если выгорит, готовь двести баков к четырнадцати ноль-ноль. Расписку получишь вечером после восьми. И передай Штокману, чтоб у меня за спиной не егозил, не дергался. Так и скажи — ноги вырву!

— Не понимаю...

— Зато он поймет! А ты на его хитрые варианты не клей, ему главное — процесс выиграть, репутацию лишней раз подкрепить. А то, что нынешние свидетели при первой же возможности тебя догола разденут — ему плевать! Если сам знаешь, что невиновен, жди меня до двух пополудни. Там решим, как быть. Врубился?

— Жду до двух, — ответил Андрей и повесил трубку.

Артём сунул сигарету в зубы и включил зажигание.

«Московский тракт проложен до Берлина, Сибирский тракт ведет во Владивосток...»

Любопытная дорога: оба названия присвоены ей от промежуточных пунктов. Читателю, скорее всего, абсолютно безразлично, на каком отрезке какого именно направления наш герой свернул на малозаметную лесную дорогу... Вглубь вела одна-единственная колея, но через полкилометра уха-

бистые вмятины от колес, то там, то здесь пере-черкнутые змейками одеревеневших корней, вдруг преобразились в трехметровую полосу из каменных плит, аккуратнейшим образом забетонированную в стыках. Если бы не опасение нарваться на встречный транспорт, по ней можно гнать не хуже, чем по скоростной автостраде, а может, и лучше. По сторонам неспешной рысью пробегали стройные смолистые сосны, бросавшие на дорогу узорчатое кружево тени. В открытое окно автомобиля вливались темные струи озона, жужжание ос и шмелей и базарная птичья трескотня.

Все вокруг располагало к покою, умиротворенно и праздности. Что ж, адский «челнок» выбрал себе подходящее место для восстановления сил. Артём ему даже немного завидовал, хотя лично ему — истинному горожанину — куда больше импонировала сугубо урбанистическая обстановка. Он любил уличную толчею и не считал город за город, если до окраин его можно было доехать за полчаса. И все-таки какая-то маленькая, почти неощутимая частичка души в самой глубине его дремучей сущности неизменно тянула на дикий, вольный простор.

Дорога совершила плавный вираж и неожиданно уткнулась напрямик в массивные листовенные ворота, окованные узорчатой бронзой. Артём огляделся и невольно присвистнул. Если его не впускать, обратный путь придется проделывать задним ходом.

По обе стороны от ворот, насколько хватало глаз, тянулась невысокая — по грудь — каменная стена, исчезающая за частоколом сосновых стволов и подлеска. Артём выбрался из машины и, предупрежденный горьким опытом Гуселетова, заглянул поверх ограды. За воротами дорога вливалась в квадратную каменную же площадку, окруженную крепко прореженным сосняком, обширной лужайкой с тщательно подстриженной травой и окаймленную широкой полосой махровых георгинов лилового цвета, плавно переходящих к бледно-розовому слева направо. Кроме сосен, на пространстве лужайки в живописном беспорядке там и здесь были разбросаны группы кустарников, приобретших округло-волнистые очертания отнюдь не по причине природной склонности к благородству.

На площадке располагался дворец, столь поразивший воображение Гуселетова. Внешне выглядел он не так, чтобы очень: одноэтажное строение на низком фундаменте из полированного розового гранита, метров сорока-сорока пяти в длину и метра четыре по вертикали. Перпендикулярно к основному фасаду в сторону Артёма протянулся солидный флигель с трапециевидным верхом в торце. Меньшая сторона разделенного флигелем здания смотрела на сыщика тремя огромными окнами в обрамлении коричневых глянцевых ферм из непонятого материала. Верхние концы ферм были загнуты под углом примерно шестидесяти градусов. Три длинных стекла второго уровня сверху были накрыты сплошной плитой того же материала. Сквозь рамы виднелись богатые заросли комнатных растений. Большая сторона оказалась абсолютно глухой. Солнечные блики, отра-

жаясь от глянцевых плит, больно стреляли в глаза.

Над перекрестьем строений возвышался второй этаж — по фасаду метров восьми, с двумя широкими окнами и скатами опущенной черепичной крыши. С боков намечались выступы — предположительно, козырьки окон. Венчала все это веселое сооружение могучая и столь же блестящая каминная труба, защищенная от шалостей непогоды игривой крышницей с флюгером-петушком.

«Лихо!» — подумал Артём, хорошенько разглядев подробности, и уверенно утопил большую малиновую кнопку звонка, выведенного на правую стойку ворот. Ничего не произошло. Артём подождал с минутку и повторил сигнал. С тем же результатом. Правда, из-за ближайшего плюснутого зеленого шара, под изысканными линиями которого скрывалась оскорбленная поросль калины, выглянула на миг хитрющая морда добермана, но тут же исчезла. Артём мысленно поблагодарил Пал Пальча Гуселетова за предупреждение и, на всякий случай, приоткрыл дверцу «Жигулей». Он совсем было собрался применить в дело автомобильный гудок, когда из-за угла короткой стороны фасада показались две человеческие фигуры.

Чуть впереди неспешно семенял тощий коротышка в широченной соломенной шляпе, майке лимонного цвета и синих японских штанах. Следом лениво вышагивал здоровенный верзила с непокрытой копной светло-русых волос; короткие джинсовые шорты и безрукавка той же ткани абсолютно не скрывали чудовищно-рельефной мускулатуры рук, торса и ног. При ближайшем рассмотрении коротышка оказался вылитым корейцем — темное скулатое лицо, в узком разрезе глаз насторожено поблескивали антрацитовые зрачки. Верзила держался с ленивым добродушием истинного мордovorота.

— Сяво надо? — подозрительно спросил кореец.

— Не сяво, а каво, — ответил Артём.

По бронзовой роже мордovorота, обросшей предвестием рыжеватой курчавой бородки, плавно скользнула тень веселой усмешки.

— Будесь дразнился, баску просыбу! — взвился коротышка. — Отвесьяй, твою мать!

Матерился он очень даже чисто, без малейшего акцента.

— Не заводись, Тигр, — прогудел здоровяк и положил на ворота свою ручищу, толщиной напоминающую ногу обычного человека. Его серо-зеленые глазищи уставились в глаза Артёма, теперь и в них тлела старательно скрываемая угроза. — Кого ищешь, браток?

— Большого, — сказал Артём.

— А зачем он тебе?

— Дело есть.

— Ты знаешь, чем занимается Большой?

— Естественно. Затем и приехал.

— Тигр, обыщи.

Кореец дроздом взвился над воротами, едва коснувшись створок рукой. Сноровисто, по-сыскарьски ощупал Артёма, мигом прошерстил внутренность «Жигуля».

— Пошли, — сказал здоровяк, открывая ворота. — Тигр, авто припаркуй.

Он спрыгнул с дороги на лужайку и повел Артёма вокруг длинной части фасада. Собаки не показывались.

— Целое поместье, — сказал Артём в спину здоровяку. — Каким образом?

— Если знаешь, чем занят Большой, — ответил мордворот, — должен сам догадаться. Ему многое разрешено.

Они повернули за угол, и Артём увидел огромный бассейн, наполненный изумрудной водой. Вода стекала в него с небольшой скалы, торчащей прямым из травы метрах в двадцати от дома; журчала вода, в ней лежал человек. Над головой его, на четырех витых колоннах белоснежного каррарского мрамора возвышалась плоская мраморная же плита, винтовая сверкающая лестница вела наверх. Тень от беседки накрывала тридцать квадратов лужайки и часть бассейна, в котором, хохоча, резвились две абсолютно голые девицы.

Когда Артём, вслед за провожатым, подошел ближе, человек, лежащий в импровизированном ручье, отвернулся от переносного телевизора, передающего программу «Вести», и посмотрел на него.

— Чего надо? — спросил человек.

— Это вы Большой? — засомневался Артём. Уж больно резкое несоответствие наблюдалось между его собственным представлением об облике ходока в Ад и тем зрелищем, что предстало его глазам. Правда, по крайней мере, было понятно, почему он называл себя Большим. Рослый и тучный, весил он явно за сотню; на тупой пороссячей ряже живыми казались только маленькие кабаньи глазки, с крохотными желтыми точками, мерцающими между сонных тяжелых век, практически лишенных ресниц. Лет ему было, на первый взгляд, далеко за тридцать.

— Ну я, — сказал Большой, обдав посетителя густой смесью перегара и крепкого дыма. В одной лапе он держал тлеющую тонюсенькую сигару бледно-салатного оттенка, в другой — поразительно красивый кубок чудовищной емкости. — Чего надо?

— Вы Сицкого знаете? — спросил Артём, присаживаясь на травку и закуривая, по примеру хозяина.

Большой отрицательно мотнул мордой и присосался к посудине.

— Исчезла девушка, — сказал Артём. — Я иду по следу. Один из оккультистов, прежде сотрудничавших с МВД, сказал мне, что искать ее нужно в Аду.

Большой слушал без интереса, рыская взглядом за перемещениями обнаженных купальщиц.

— Все? — спросил он, когда Артём закончил.

— Ну, в общем-то, да.

— Слышал я про какого-то князя, балующегося мистикой, — сказал Большой. — Может, это и есть твой Сицкий?

— Вполне возможно, — сказал Артём. — Фамилия Сицких из окружения Кобылиных, больше известных под именем Романовых...

— Большой, — послышалось из-за спины. — Мой сыбка обизен.

Артём обернулся и увидел корейца, смиренно прижимавшего к груди конус своего головного убора.

— Чего такое? — спросил Большой, накидывая на коротышку тягучую смолу пьяного взгляда.

— Мой обизен, — почтительно и настойчиво гнул свое Тигр. — Этот звонил, — он мотнул подбородком на Артёма. — Мой спрашивал, сядо надо. А ён дразнисся. Разресы, ево пряник набыю. Мозна?

— Низя, — ответил хозяин, скрывая усмешку. — Ничего тебе низя, Тигр. Ты у нас нелегал, а гражданин с милицией дружбу водит. Так что иди, родной, займись служебными делами. И впредь на клиентов не ябедничай; клиент, он, знаешь ли, всегда прав — пора бы усвоить. Шуруй, говорю!

Печальный кореец осторожно водрузил на голову свое азиатское канотье и побрел в сторону флигеля.

— Ты зачем Тигра обидел? — заворчал Большой, когда коротышка скрылся таки за углом. — Заруби себе на носу, гражданин хороший, моих работников только мне дразнить разрешено! В следующий раз остерегись — мы его недаром Тигром зовем.

Артём с беспечностью признанного бойца окинул взглядом Большого и мордворота, подпирающего могучим плечом хрупкую колонну беседки.

— Учту, — сказал почти весело. — Но, вообще-то, у меня за плечами полный курс Степанова...

— А у меня — Кадочникова, — нехотя, но с намеком обронил мордворот. — И три года спецназа.

Большой отхлебнул из своего кубка, поставил его на огромный поднос, пестрящий блюдцами и тарелочками с закуской, выловил пальцами солидный ломоть янтарного балыка и запихнул в рот.

— Короче, — сказал, прожевавшись. — Что ты от меня хочешь?

— До меня дошли слухи, будто есть человек, путешествующий в Ад. И что этот человек — вы, — пояснил Артём. — Исчезновение девушки напрямую связывается с ее мужем. Если вы сумеете вернуть ее в наш мир, мой клиент сумеет отблагодарить за эту услугу.

— Все? — спросил Большой. Артём молча пожал плечами. — Завтра в полдень, вместе с клиентом, — жестко сказал Большой и, открыв кран бочонка, стоявшего рядом с подносом, принялся наполнять изрядно опустевший кубок.

Артём понял, что аудиенция закончена и с ним прощаются по-английски. Мордворот проводил его к автомобилю, жалостливо ютившемуся по соседству с «БМВ» и «Феррари». Два огромных стилиста-добермана, бдитительно несущие службу по обеим сторонам «автостоянки», разочарованно следили за ускользающей добычей добрыми коричневыми глазами...

Родной город принял своего блудного сына в любящие объятия, поприветствовал автомобильными сигналами, ухарским трезвонном трамваев и дружеским подмигиванием светофоров. В два без

пяти Артём припарковал свою «лайбу» возле евдокимовского подъезда. Евдокимов ожидал его в компании Штокмана. Андрей был пьян и почти спокоен, а Николай трезв и весьма возбужден.

— Что это вы за интриги плетете, Артём Геннадьевич?! — взвизнул он при виде входящего компаньона. — Уж от кого от кого, а от вас подобного прохиндейства я никак не мог ожидать! Я кручусь, как белка в ходовом механизме Христофора Бонифатьевича, а вы мне палки в колеса вставляете! Да еще и осмеливаетесь угрожать! Это как понимать-с?

— Слушай, Николай, — бесцеремонно оборвал его Артём, — ты лучше умолкни, пока не поздно! Насколько я понимаю, тебя наняли защищать интересы нашего общего клиента. А десяток потенциальных шантажистов, автоматически возникающих в результате подготовленного тобой сговора свидетелей, с интересами Андрея ничего общего не имеет! Так что попридержи свой гонор при себе и без согласования со мной новых комбинаций затевать не смей! Усвоил?

— Ты кого учишь, мент! — взвился Штокман. — С твоим интеллектом ты даже на конкурсе идиотов займешь место не выше второго! Дело безнадежное на сто десять процентов! Безнадёга! Нам главное — время выиграть, обналить капитал, обратить в твердую валюту и проводить Андрюшу — свободного и богатого — в страны дальнего зарубежья. Это все, что я могу для него сделать! А там пускай шантажируют, если осмелятся!

Артём бросил взгляд на обмякшее лицо Андрея, упал в кресло и закурил.

— Безнадежных дел не бывает, — сказал он и выпустил струю дыма в сторону Штокмана. — Бывают плохие сыщики. И бессовестные адвокаты. Ты аферист, Николаша, но я — ас. Никуда Андрею бежать не придется. Во всяком случае, пока. Завтра у нас важное рандеву. Деньги готовы?

Андрей молча бросил на столик две банкноты. Артём аккуратно уложил их в сумочку на поясе, застегнул молнию.

— Расписку получишь завтра в десять утра. Будь готов к серьезным переговорам, дружок, и постарайся больше не пить. А ты, Николаша, до завтрашнего вечера свои происки прекрати. И без моего ведома больше не комбинируй, иначе я с тобой по-другому поговорю!

Дел у него сегодня было вполне достаточно: следовало купить билет Гуселетову и отправить его в дорогу, заказать столик в «Петровском зале» и созвониться с Ольгой. А главное — пообедать, у него с половины восьмого утра маковой росинки во рту не бывало.

7.

Гуселетов прибыл вовремя, да и странно было бы, если б он пропустил сладостный момент получения мзды. Побритый, подстриженный, надушенный относительно дорогим одеколоном, он вполне мог бы сойти за благопристойного грузчика или дворника, если бы не изжеванная, издрыз-

ганная обувка — такую даже на помойку выносят, стыдливо обертывая газетой. Пришлось наскоро пробежаться по привокзальным киоскам, в результате чего Пал Палыч обзавелся парой недорогих, но приличных кроссовок, спортивным костюмом китайского производства, турецким мылом, болгарской зубной пастой, американской щеткой и французским «Жилеттом». Все это было аккуратно уложено во вместительный дерматиновый чемоданчик, вместе с пищевыми продуктами.

— Ну, Гусеныш, — напутствовал его Артём с перрона, — действуй! И не забывай: если ты мне просто мозги пудрил — лучше на глаза не попадайся. Убью! Ты меня знаешь!

— Благодарствую за заботу, — почтенно ответил взыскующий обновления Гуселетов. — Не скучайте без нас и слезы расставания вытирайте исключительно белоснежными носовыми платками. Бывай здоров, лейтенант!

Поезд уже ушел, а наш герой все смотрел ему вслед, испытывая смутное побуждение последовать примеру старого знакомого. Какое-то неясное, но абсолютно непохожее на интуицию чувство настойчиво убеждало его держаться подальше от Штокмана, Андрея Евдокимова с его исчезнувшей половиной, а главное — от Большого. Но уж это как водится: взялся за гуж, не говори, что дистрофик...

С Ольгой они мило поужинали, немного потанцевали и поехали к Артёму полуночничать при свечах и открытых окнах. Он во многом устраивал свою холодную и романтическую подругу, ей нравились его напор, громкая репутация и мужская сила. Тем не менее, на роль жениха он никак не тянул, при ее внешности и манерах она могла позволить себе быть очень разборчивой. В свою очередь, и Артём никогда не рассматривал ее кандидатуру на должность жены. При всех чувствах, которые он к ней испытывал, эта барышня абсолютно не вписывалась в интерьер его хижинки.

«Не по карману ты мне, родная», — сказал он в один из самых пикантных моментов обоюдосторонней связи. И услышал в ответ: «Какая жалость, родной, что ты прав, как всегда!» Для нее это признание было равносильно признанию в безумной любви. Приходилось удовлетворяться тем, что есть.

Они едва не проспали. Артём был просто нужен дважды гнать на «красный», чтобы вовремя доставить свою соночлежницу к месту работы. Обменявшись мимолетным поцелуем, они расстались, и Артём рванул к Евдокимову.

Андрей был бледен, только под глазами обозначились темные полукружья — вестники бессонницы. Руки мелко вибрировали. Артём передал ему расписку Гуселетова, расписку Сицкого и заставил Андрея выпить рюмку коньяка. Всю дорогу до апартаментов лесного отшельника он травил соленые анекдоты, чтобы хоть немного взбодрить упавшего духом клиента.

У ворот их поджидали два костолома, устроившие молниеносный, очень профессиональный обыск. Не обнаружив ничего предосудительного, разрешили войти. Коротышка-кореец отогнал ма-

шину, старательно глядя мимо Артёма. Доберманы плотоядно облизывались, скрываясь в кустах.

Ступив под своды лесной обители, Артём наконец вынужден был признать обоснованность гуселетовских восторгов. Достаточно сказать, что главным украшением зала, куда их ввели, служил двадцатиметровый бассейн с фонтаном в центре и настоящим лесом карликовых деревьев по «берегам». По правую сторону от вошедших за стеклянной стеной виднелся еще один холл, отделанный карельской березой и красным деревом, с роскошным баром и мраморным камином в стиле барокко.

— Нам прямо, — подсказал Артёму знакомый «качок», отворяя тяжелую дубовую дверь.

Комната, открывшаяся за отпертой дверью, оказалась кабинетом Большого. По всем четырем ее сторонам до самого потолка тянулись многочисленные полки книжных стеллажей, отсвечивающих золотом и серебром обрезами. Слева, почти вплотную к стене, вокруг большого стола, загроможденного коммуникационной и компьютерной аппаратурой, были расставлены несколько кресел. Здесь же стоял и широкий приземистый диван.

На диване, с толстым томом в руках и неизменной сигарой во рту, восседал Большой. При виде вошедших он отложил книгу, вынул сигару и указал на сиденья.

— Располагайтесь. Димыч, принеси чего-нибудь горло прополоскать. Мне — как обычно.

— Мне «Фанту», — сказал Артём, доставая сигарету.

— А мне, если можно, — подал голос Андрей, — большую рюмку коньяка и кофе.

— Чашку или тигель? — деловито уточнил «качок».

— Лучше тигель.

— А коньяк каковский?

— Если есть, то армянский.

Верзила, как оказалось, откликавшийся на имя Дмитрий, вышел. Второй — незнакомый — остался стоять.

— Не маячь за спиной. Не люблю, — предупредил Артём.

— Побудь за дверьми, — распорядился Большой.

Сегодня он был кристально трезв и собран. Его фигура, потерявшая малейшие признаки расплывчатости, излучала физически осязаемую хмурую мощь. Глазки смотрели с прицельной зоркостью и пристальным вниманием. Одет он был в тертые джинсы и белую трикотажную рубашку с коротким разрезом ворота. Ни дать, ни взять — хлопковый или сахарный король перед заключением выгодного контракта.

Сломок-Димыч возник бесшумно, с ленивой грацией снежного барса установил на столе два подноса с ведерком, наполненным колотым льдом, из которого торчали горлышки бутылок, и маленькой спиртовкой, на которой томился объемистый серебряный тигелек, источавший аромат крепчайшего кофе. Были там и сахарница с фигурной ложечкой, и хрустальные конические фужеры, и стограммовая рюмка с солнечно-лужистым напитком, заботливо придвинутая Ан-

дрею, и добротная — без выкрутасов — фарфоровая чашка.

— Никого не впускать, — сказал Большой, дождавшись, пока бывший спецназовец закончил сервировку стола. Димыч кивнул и, бросив на Артёма предостерегающий взгляд, выплыл наружу.

— Угощайтесь, — предложил хозяин и, обращаясь персонально к Андрею, заметил усмешливо: — За женой надо было лучше присматривать, если нервы шалят. Ты не пыжься, браток, передо мной можно не форсить. Я для тебя вроде венеролога или священника: чем меньше в раковину закрываешься, тем больше помощь.

Андрей отхлебнул добрую половину рюмки и посмотрел Большому прямо в глаза.

— Тогда и ты не ходи кругами. Есл можешь Маринку найти, назови цену.

— И назову, — пообещал тот. — Только сперва точно выясню, там ли она, куда доступ имею. Люди реальности в Аду — не новость...

— Где-е? — Андрей поперхнулся горячим кофе.

— Ты, детектив хренов! — пороссячи глазки вперились в Артёма с явным намерением прожечь в нем парочку кругленьких дырок. — Ты что? Ничего ему не рассказывал?

— Конечно, нет. — Артём поудобнее устроился в кресле, закинул ногу на ногу. — Я не настолько болен, чтобы нормальному человеку такие известия сообщать. Мне ведь что нужно? Способствовать возвращению потерпевшей. Я свой гонорар заслужил, тебя отыскал, свел вас морда к морде, а объяснять — это уже по твоей части.

Большой посопел, поиграл желваками на проклюнувшихся скулах.

— Ладно, — сказал он наконец. — Придется, как видно, двигаться по порядку. Слушайте сюда. В наше время уже ни для кого не секрет, что существует великое множество разнообразных миров. В иных действуют законы нашей реальности, в других — свои собственные. Есть миры, в которые практически невозможно проникнуть, есть такие, что соприкасаются с нашими собственными. Трудно сказать с абсолютной уверенностью, случайно ли или по Вышней Предопределенности, но две реальности, состоящие в относительно тесном контакте с нами, населены тем, что на языке «научной мистики» получило название «слабосистемная сущность».

— А с чем их едят — эти сущности? — спросил Артём.

Андрей слушал молча, с вытаращенными глазами, и сыщик подумал, что в разговоре с господином Сицким он и сам, наверное, выглядел так же глупо.

— Слабосистемная сущность — это иллюзия, порожденная человеческим воображением. — сказал Большой. — И чем сильнее у конкретного человека фантазия, тем реальнее для него материализованная галлюцинация. Но не только для него, для окружающих тоже. И это весьма прискорбно, поскольку слабосистемные сущности являются порождением разных человеческих чувств — страха и благолепия. Хорошо, если вы натолкнетесь, скажем, на ангела... Бывали случаи, когда в резуль-

тате коллективной фантазии материализовывался образ Дьявола. А как ведет себя Дьявол, объяснять излишне.

— Погоди, — не выдержал Андрей. — Ты что, хочешь сказать, что Маринку Дьявол уволок? Так, что ли?

— Совсем не обязательно, — ответил Большой. — Иллюзорные образы весьма разнообразны. Это может быть гигантский паук, или осьминог, или какой-нибудь недоброжелательный «инопланетянин». Да мало ли кто! Вот ты, к примеру, опасешься рэкетиров. Так?

— Ну, допустим, — поколебавшись, выдал Андрей.

— Окажись ты на месте своей половины, тебя бы просто уколошили, поскольку слабосистемная сущность ведет себя соответственно предпологаемому для нее образу действия. И единственное спасение в данной ситуации заключается в том, чтобы убедить себя в иллюзорности происходящего. Поверить в то, что слабосистемной сущности нет.

— Хотя она есть, — подал голос Артём.

— Есть — когда есть, — согласился Большой, наполняя фужер пузырящейся «Колой». — И нет — когда нету. На то она и сущность.

— Но — слабосистемная.

— Вот именно. На этой дилемме сломалась целая экспедиция, исследовавшая одно веселенькое местечко. Ежедневно общаясь с разбираемым нами явлением, они допустили значительный перекос в сторону его сущностного аспекта. Результат оказался плачевным.

— Кто погиб, а кто переселился в психушку, — сказал Артём. — Знаю. Этот след мною проработан. Ты что — из той же компании?

— Мы начинали раньше, — спокойно ответил Большой. — На Алтае и Арале. И этих психов я предупреждал, что к чему, даже кое-какие секреты открыл. Да, видать, не в коня корм. Андрей, рядом с твоим обиталищем церкви, случаем, нет?

— Не видел. А что?

— Может, слышал, что была, но сломали?

— Нет, не слышал.

— Очень жаль, — вздохнул Большой. — Все было бы гораздо проще, если бы Зона оказалась стационарной. Как правило, в них определенный набор галлюцинаций достаточно стабилен... Когда, говоришь, все это случилось?

— В ночь с пятницы на субботу.

— В Час Быка, — уточнил Артём.

На круглой роже Большого мелькнуло выражение сильнейшей досады. Он выругался длинно и чрезвычайно забористо.

— Что-то не так? — беспокоился Андрей.

— Все так, к сожалению! — Большой свирепо отгрыз кончик сигары и выплюнул его в сторону двери. — Во что она была одета?

— Ни во что. То есть, в белье, конечно...

— Да там каждая вторая в белье, — отмахнулся Большой. — Это не примета. Да придачу — блуждающая Зона... Как прикажете ее искать?

— По фотографии, — оживился Андрей и полез за бумажником. Большой только головой покачал.

— Ее там на части рвут, живо пожирают, — сказал он, глубоко затаившись. — А ты думаешь, она при этом лыбится, как на свадебном фото? Вот что, дорогие мои, придется вам со мной прогуляться.

— Куда? — спросил Андрей, вздрогнув.

— В Ад, — любезно пояснил Большой. — Куда же еще?

И без того бескровные губы несчастного молоджена и миллиардера окончательно посинели.

— То есть как — в Ад? Я не могу...

— Не умеешь — научим, — равнодушно пообещал Большой. — Ты сам подумай, браток, что тебе еще остается? Тот же ад — в ожидании «вышки», только в том аду меня с тобою не будет.

— Но я хорошо заплачу...

— Это — само собой. Сейчас разговор идет о другом.

— Стоп! — сказал Артём. — Сначала назови цену.

— Двадцать «штук» «зелеными», — сказал Большой.

Посетители обомлели.

— Сколько? — не веря своим ушам, переспросил Андрей.

— Вы не ослышались, — подтвердил «адопроходец». — А что? Жизнь твоей жены и твоя собственная не стоят того? Предпочитаешь быть мертвым, но богатым?

— Я за такие деньги три месяца волчком верчусь, — проронил Андрей.

— У тебя будет прекрасная возможность сравнить свои богатырские усилия с моим непыльным и доходным бизнесом! — озлился Большой. — Потом поменяемся, если захочешь!

— Хватит орать! — прикрикнул на них Артём. — Андрей, решай тебе. Я бы согласился на вариант Штокмана.

— Правильно, — одобрительно молвил хозяин кабинета. — Лучше всего в такой ситуации сбежать куда-нибудь в Израиль или Уругвай. И оставить любимую женщину навеки в Аду. В конце концов, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Полностью солидаризируюсь с вами, дорогие мои. А теперь — вон отсюда!

Восковое лицо Андрея передернулось судорогой.

— Я согласен на все, — сказал он и заревел, уткнувшись в скрещенные кисти рук.

— Димыч, тащи валерьянку! — гаркнул Большой.

Артём полез за сигаретой. Трясущиеся пальцы почти не слушались, зажигалка дергалась в ладони, будто живая лягушка.

Благодаря своевременно принятым мерам, историю удалось подавить относительно скоро. Димыч увел виновато улыбающегося Андрея в ванную комнату, дабы тот смог окончательно привести в порядок свою наружность. Сыщик и хозяин кабинета остались одни.

— Насколько я понял, — сказал Артём, пользуясь отсутствием клиента, — мне тоже придется сопровождать вас в этом маленьком путешествии.

— Ты правильно понял, — кивнул Большой. —

С такими нервами, как у Андрюхи, мы с ним вдво-

ем на первом же скорпионе копыта откинем. Ну-жен кто-нибудь с фантазией, близкой к нулю, чтобы его нейтрализовать. Вроде тебя.

— Благодарю за доверие, — ухмыльнулся Артём. — Но раз меня нанимаешь ты, с тебя и причитается.

— Согласен, — равнодушно махнул рукой «адопроходец». — Даю четверть. За риск и нейтрализацию фантазии клиента. Устроит?

— Тридцать процентов, — сказал Артём.

— Пускай тридцать. Удивляешься, что дорого беру, а?

— Есть немного, — признался сыщик.

Большой отхлебнул «Колы», посмотрел Артёма прямо в глаза.

— Деньги для меня не столь уж важны, — сказал медленно, — хотя и этот аспект имеет определенное значение. — Рука с зажатым в пальцах сигаретой описала широкую окружность, намекая на существование поместья. — В молодости я неплох обходился двумястами рублями в месяц, но мой социальный статус был весьма высок. Я принадлежал к очень уважаемой касте профессиональных экстремальщиков. Испытателей на выживаемость человеческого организма. В любой компании моя обветренная рожа становилась центром внимания. Мы ежемесячно рисковали с о б о й, и за это на нас всегда смотрели снизу вверх. Человеку, привыкшему к обожанию окружающих, очень непросто было пережить кардинальную перемену ценностных ориентиров. Когда критерием значимости сделался индивидуальный доход, и на нас стали поглядывать свысока. Вникаешь? Никого уже не интересовало, что ты стократно заглядывал Смерти в глаза, что в пятидесятиградусную жару, когда верблюды валяются в обморок, ты, бывало, в одиночку пересекал убийственные солончаки Кызылкумов, — всех задевало лишь содержание твоего потайного кармана!

Большой с силой раздавил сигарету о дно пельницы.

— Они думают, что экстремальщик дешевле распоследнего «челнока». Но они заблуждаются, — сказал он с усмешкой. — Ибо стоит лишь грянуть грому над головой, все они бегут к тебе, или ко мне, бухаются в ножки и умоляют помочь. А завтра снова морду воротят... То есть воротили — до тех пор, пока мы не поняли их психологию. Сейчас мы снова в почете, благодаря своим скромным способностям, выраженным посредством банковского счета. Наш Андрияша, если мы выручим его благоверную, постарается выкинуть из головы прошлую незадачу, и это ему, возможно, удастся. Но моих хором он никогда не забудет! Так же, как и моего гонорара. Еще гордиться станет, что знаком с таким человеком, как я. Теперь понял?

Андрей вышел заметно посвежевшим, с влажными, заново причесанными волосами.

— Когда отправляемся? — спросил бодро, даже преувеличенно бодро. Ему очень хотелось загладить впечатление от произошедшего срыва.

— Неделю отвожу на подготовку, — улыбнувшись, ответил Большой. — Переход из Реальности в Ад не так-то прост, а обратный — вдвойне

сложнее. Потом передислоцируемся на стартовую базу. Про баб и водку на это время придется забыть. Я бы вообще советовал переселиться ко мне.

Артём окинул взглядом апартаменты «отшельника».

— Это можно, — произнес одобряюще.

— Мне, честно говоря, в пустой квартире как-то не по себе, — признался Андрей. — Только не знаю, как быть с подпиской о невыезде.

— Предоставь это мне, — предложил Артём, поднимаясь.

Они обменялись рукопожатиями. К удивлению Артёма, ладонь борова-экстремальщика на ощупь оказалась твердющей, будто лист кровельного железа. Видно, действительно кое-где побывал, кое-что повидал.

Костеломы проводили посетителей до машины.

— Эй, Тигр! — окликнул Артём щуплого корейца, шустро орудовавшего садовыми ножницами в зарослях рябины невдалеке от автостоянки. — Подойди!

— Сяво тебе? — хмуро спросил коротышка, глядя куда-то вбок.

— Я насчет нашей размолвки. Извинил бы ты меня... Не со зла ведь дразнился, от неожиданности. Давай замнем.

Кореец немного посопел, явно подражая своему хозяину-здоровяку, потом, все так же кося в сторону, хлопнул Артёма по плечу — кудакуда достал.

— Ладно, — сказал Тигр.

8.

Эдуард Трофимович слушал, не перебивая.

— Помнишь, — сказал он, когда Артём посвятил его во все детали сложившейся ситуации, — я тебе говорил, что дело не совсем обычное. Видать, нюхалка еще функционирует. На время подготовки Евдокимова я отмажу. Но под твою личную ответственность, учти!

— Скажите, — не выдержал Артём, — а вас, вообще-то, удивляет вся эта мистическая чертовщина?

— Я, милый, за тридцать лет такого насмотрелся, — донеслось из трубки, — что, по-моему, никогда и ничему уже больше не удивлюсь. Послушай доброго совета, Тёма, приглядывай за своим клиентом получше: как бы они со Штокманом тебя по кривой не объехали...

9.

Пришлось сделать еще пару звонков. Первым Артём оповестил о намерении заново сдать в аренду свою «лайбу», чтобы не простаивала понапрасну. А вторым предупредил Ольгу о своем временном исчезновении. И узнал, что о нем будут скупать, но, если он окажется настолько глуп, чтобы позволить этому чувству перерасти в стадию перманентности, то пусть не пеняет потом на ветренность женского племени. Артём охотно согласился, — а что ему еще оставалось делать! — чмокнул трубку и попрощался.

Всеведущий акселерат Никитка, подкупленный

красочным веером «чупа-чупсов», твердо пообещал следить за корреспонденцией своего старшего товарища и в случае переговоров, заказанных по телефону на его имя из одного маленького районного центра, достойно представить на них его отсутствующую особу.

Собрать вещи оказалось делом одной минуты. Он окинул прощальным взором осиротевшую свою берлогу, присел «на дорожку» и вышел во двор. Витёк Заложных — бизнесмен и коммивояжер — уже крутился вокруг артемовского «жигуленка». Ключи он поймал на лету и сразу же занял место водителя, предвкушая безраздельное обладание необходимым ему транспортным средством. Всю дорогу до местожительства Андрея он весьма искусно и тонко допытывался, куда именно, а главное, на какое время отбывает владелец «тачки». Но его ожидало жестокое разочарование, хотя Артём честно признался в конечной цели своего путешествия. Да и кто бы поверил?

«Мерседес» Евдокимова стоял у подъезда. Артём любил иметь дела с поклонниками машин этой породы: мыслили они стандартно, так что предвидение всех их ухищрений никакого труда не составляло. Впрочем, действовало это правило лишь в отношении обладателей новых, с иголочки, агрегатов, то есть тех, кто мог выбирать. И пример Андрея это правило подтверждал.

Возле «Мерседеса» приткнулось штокмановское «Вольво»; сам Штокман водил хороводы вокруг Андрея, бешено жестикулируя и гримасничая. Миллиардер молча укладывал вещи в багажник.

— Я гляжу, вы совсем с ума спрыгнули, — так приветствовал прибытие своего протеже ушлый защитник нарушителей Уголовного кодекса. — Может быть, ты мне ответишь, куда намылились и что затеяли?

Артём извлек из «жигуленка» рюкзак с вещами и забросил его в багажник «мерса», помаячил Витьку, чтоб проваливал.

— Ты чего расстраиваешься, Николаша? — спросил с холодной веселостью. — Без работы боишься остаться? На твои вопросы могу ответить, что обнаружился не очень отчетливый, но вполне вероятный след. Андрея беру для опознания, с Эдуардом договорился. А ты нам пока что лишний. Вернемся — понадобится. Если не понадобится, свой кусок все равно получишь. А не вернемся — сам возьмешь через месяц. Андрюха, ты ему номер счета сообщил?

Евдокимов кивнул и полез на водительское сидение — свой «мерс» он Артёму не доверял. Жизнь и свобода — понятия нематериальные, а машина — вещественная ценность, на ней каждая царапина в глаза бросается.

— Бывай здоров, Николаша, — сказал Артём, садясь рядом с Андреем. — Не грусти по нас, а если взгрустнется, поставь свечку за успешное завершение нашего предприятия.

— Да пошел ты! — рывкнул Николай и с лязгом захлопнул дверцу.

— Это тебе, шофер, — улыбнулся Артём.

И фиолетовый «мерс» плавно рванул навстречу будущим неприятностям.

Большой, по случаю жары, плескался в бассейне под оглушительные вопли группы «Георг». Завидев приближающихся компаньонов, приглашающе махнул рукой. Они не заставили себя долго упрашивать и присоединились к нему.

— Ловите момент, парни, — сказал им Большой. — В Аду не раз вспомнете.

Артём бросил взгляд в сторону искусственного ручья. Разноса с закусками нигде не было видно.

— Как тут насчет обеда? — спросил проникновенно.

— Никак, — любезно сказал Большой. — Обедов до благополучного возвращения больше не будет. Плотный завтрак после пробуждения, легкий ужин перед отходом ко сну — это все. Там, куда мы идем, я и лишнего часа не намерен задерживаться. Главный девиз Орфея: меньше спать, реже жрать, авось и вернешься.

Андрей, шумно вздохнув, надолго ушел под воду.

— Вернуться мало, — сказал он, вынырнув и отфыркавшись. — Без Маринки — какой смысл?

— Бог даст — найдем, — утешил его Большой. — Мне платят не за прогулки — за результат.

Долгий, суматошный день постепенно сходил на нет. Оглушенные музыкой, с побелевшими от длительных ванн пальцами, гости вслед за хозяином отправились в его кабинет. В каминном зале чинный и чистенький Тигр смотрел телевизор, что-то прихлебывая из маленькой, наперсточной чашечки.

— Подождите здесь, — сказал Большой, оставив их у порога. — Входите, — донеслось из кабинета минуту спустя.

Они вошли и увидели хозяина возле узкого проема, образованного раздвинувшимися стеллажами. Проем соединял кабинет с небольшим тамбуром, в котором стояли три стула с аккуратно развешанной одеждой.

— Оболокайтесь, — предложил им Большой.

Одежда состояла из двух комплектов сеточной пары — брюк и рубашек с капюшонами, с длинными рукавами, плотно облегающими запястья. Нижняя сетка оказалась крупноячеистой и довольно толстой. Верхняя — мелкой, тонковолокнистой, но прочной.

— Для БАМа готовили, — пояснил Большой. — Не жарко, и ни один москит не прокусывает. Нам с вами — самое то.

Артём натянул на ногу высокий брезентовый башмак на толстой пробковой подошве, застегнул на лодыжке узкий кожаный ремешок, полюбовался обувкой.

— А что? — спросил он, вращая ступней. — В Аду тоже мошара водится?

— Там всего хватает, — усмехнулся Большой. — Все пакости, какие способны изобрести больное воображение пьяного параноика. И все они обрушатся на наши с вами ни в чем не повинные головы. Возьмите рюкзаки.

— Солидно! — вздохнул Андрей, с трудом приподнимая здоровенный вещмешок, определенно

смаживающий на туго накачанный гигантский баскетбольный мяч.

— На всю неделю, — насмешливо прокомментировал хозяин поместья. — Дней через пять еще пожалеешь, что больше не взял.

— А что тут? — спросил Артём.

— Вода, сухари, концентраты, носовые платки, спиртовка, кружка и ложка. Ножи выдам утром. Прошу в спальню.

Они вошли в низенькую прочную дверь и угостили в большую комнату, облицованную серым невзрачным камнем. Ноги тут же погрузились в теплый рыхлый песок почти по щиколотку. Комната была едва освещена, воздух оказался совершенно неподвижным с привкусом затхлости.

— Спать будете здесь, — сказал Большой, — прямо в песке. Такова ваша суровая доля. Тяжело в ученье, легко в бою. Рацион на нынешний вечер — два сухаря и по банке тушенки. Можете сварганить по кружке кофейку, но не советую: в шесть разбужу.

Он залез в карман брюк и подал Артёму две сигареты.

— Дневная норма, коллега. Бывайте здоровы.

— Бывай здоров, — ответил Артём.

Дверь закрылась, потом приоткрылась вновь.

— Будут разные звуки, — предупредил Большой. — Не обращайтесь внимания — так надо. И постарайтесь как следует изучить, а главное — запомнить каждый камушек в комнатухе. Спокойной ночи.

— Что бы все это могло означать? — озадаченно спросил Андрей, когда дверь захлопнулась и послышался легкий щелчок сдвинувшихся стеллажей.

Артём уже развязывал тесьму своего фирменного «сидора».

— Полагаю — обычный тренинг, — отозвался с равнодушием бывалого экстремальщика. — Выработка навыков заурядного оборотня-волкодлака.

Он аккуратно извлек из мешка плоскую керамическую пластинку с небольшим углублением, установил углублением вверх и вложил в него таблетку сухого спирта; а спички у Большого были хоть куда: толщиной в четверть мизинца и с головками величиной с велосипедный колпачок.

— Давай ужинать, — предложил Андрею, вскрывая тушенку и устанавливая банку на огонек.

Удрученный, но голодный Андрей проделал ту же операцию. Через некоторое время слышался только стук ложек да хруст крепчайших ржаных сухарей. А на спиртовках меж тем, невзирая на предупреждение Большого, разогревались обычные эмалированные кружки с водой, нацеленной из больших пластиковых баклаг, составлявших основное содержание вещмешков.

— Ах, хорошо! — воскликнул Артём, отхлебнув крепчайшего, но несколько более сладкого, чем хотелось бы, кофейку, и развалился на песке, опершись спиной на упругую плоть рюкзака. — Что еще, в сущности, и нужно-то человеку? Банка тушенки, сухарь по зубам да кружечка кофе с доброй сигаркой...

В ту же самую секунду откуда-то сбоку донеслось едва слышное, но отчетливое шипение и

скользящий шорох. Оба «путешественника» так и подскочили, шаря взглядами по песку. Кто его знает, этого Большого! Предупреждения предупреждениями, а все-таки и остеречься не грех! Песок был — как песок: рыхлый, сыпучий, аккуратно разровненный. Ничего угрожающего определенно не наблюдалось.

Усилием воли умерив бешеное биение сердца, Артём медленно опустился на прежнее место. Андрей, поозиравшись еще с минутку, последовал его примеру.

— Ты думаешь, все это действительно возможно? — спросил он.

— Что именно?

— Существование Ада. Лично я представлял его несколько иначе.

— Я тоже, — сказал Артём. — Но в последнее время два совершенно разных человека рассказывают мне об одном и том же явлении практически в одних и тех же словах. Не захочешь, да поверишь! Сколько времени на твоих?

— Девять без двух. А что?

— Да так — маленькая хитрость принципиального двоечника, — улыбнулся Артём, осторожно притрагиваясь вытянутыми в трубочку губами к горячему краю кружки.

— Вот скажи мне, — продолжал Андрей, — почему так получается? Со мной и раньше случались разные странные вещи, но я на них — ноль внимания. Мне бы задуматься, а я через час забываю. Лет десяти-одиннадцати оставили меня одного в квартире. Пацан я был шустрый, на всякую там чертовщину плевать хотел с высокой колокольни. С радости, что смотреть за мной некому, до полуночи по улицам шлындал; домой пришел только после того, как родители последнего приятеля под крышу загнали. Ну, попил чайку, да и — на боковую... И вот, веришь ли, слышу — ходит кто-то в гостинои. Медленно так — топ, топ... Шаги, знаешь, тяжелые, грузные... Сначала думал — сосед сверху. Он часто ночами по комнате разгуливал... А потом как вспомнил, что вся их семья в Полтаву к родственникам укатила, тут-то меня и зазнобило всего. Это что же выходит? Соседа нет, а звуки откуда? Окна во двор смотрят. За гостиной — кухня, ближе к лестнице — прихожая. Но шаги-то в гостинои! Не в прихожей, не в кухне — в гостинои! А вдруг ворюга какой забрался? Потихонечку, не дыша, выкарабкался из постели, сцапал самодельный деревянный автомат за дуло — прикладом вперед... Распахнул дверь, воздуха полную грудь набрав для крику... А в гостинои-то никого... Никого! Представляешь? И, стоило порог переступить, шаги — будто обрезало. Волосы дыбом! Обшарил всю квартиру — пусто. Взял нож из кухонного стола, побродил, а спать-то хочется... Только лег — снова топот. Я в гостинои с ножом наперевес — тишина. Да глухая такая — словно подушками на уши. Сердчишко, знаешь — тук-тук, зубарики — чок-чок, волосы на руках — свиная щетина, вздыбились. Постоял, послушал — полная глухота! Опять в постель, ножик под одеялом в кулачонке держу, уши торчком. Снова шаги... у самых дверей половицы скрипят... — Андрей с силой выдохнул

воздух из легких, обжигаясь, хватанул кофе. — Не знаю, чем бы закончилась вся эта катавасия. Может, уснул бы, намаявшись, может, свихнулся б... или — как Маринка моя... Только когда шаги к дверям подобрались, вдруг проснулся наш котря Марсик. Он на подоконнике дрых, а тут, смотрю, вскочил на все четыре, зыркнул в сторону гостиной, выгнулся весь и — ко мне на грудь. Лег, подобрался, задние лапы спружинил, глазами в дверь вперился. И давай урчать... давай урчать. Слышу: шаги все дальше от спальни. Марсик похрипывает, шаги отступают, да и мне как-то полегче стало. Минут пять или шесть все это продолжалось, а потом вдруг все утихло. Топот исчез, и Марсик мой на пол спрыгнул, подцепил дверь когтями и — в гостиную. Минуты не прошло — уснул я, как в пропасть ухнул.

— А дальше? — спросил заинтересованный историей Артём. — Проверку, надеюсь, устроил?

Андрей кивнул и спрятал лицо за донышком кружки.

— Не было наверху никого, — сказал многозначительно. — Соседи только через неделю вернулись.

— Может, кого за квартирой приглядывать оставили?

— Говорю же — не было никого! — огрызнулся Андрей. — Вот случай подвернулся, казалось бы — думай, дурак! Нет! Было — да прошло, а стало быть — и не было! Так, выходит?

Артём бережно стряхнул столбик белесого пепла, подальше выдвинул руку — чтоб и пылинки на себя не уронить.

— Не ты один такой глупый, — утешил он своего компаньона. — Над подобными казусами считанные единицы голову себе ломали, да и то больше для смеху, для занимательности. Это сейчас экстрасенсов гуще осота развелось. А лет десять назад на все вопросы ответ был один: иллюзия.

— Большой тоже иллюзиями зовет...

— Существенными иллюзиями, — поправил Артём. — Разница кардинальная. Следуя его теории, то, что с тобой приключилось, вполне объяснимо. Я тебе больше скажу: в сыщики я подался в результате чего-то подобного. После девятого класса ходили мы со школой в многодневный турпоход. Сейчас уж не помню, где это происходило: не то под Азовом, не то под Шунутом. Экспедицию на гору мы совершали налегке, оставив рюкзаки в какой-то деревне. Идти оказалось далековато, и назад шлепали, уже изрядно понурившись. Вдруг смотрим — на дороге «ГАЗ» цвета хаки. Из-под брезента на обочину автоматчики, как горох, сыплются. Двое с овчарками. Ну, мы сразу смекнули, что пришел конец нашим мытарствам. Наша руководительница — географичка только глазенками в шофера стрельнула, и он уже задний борт порысил откидывать, чтоб залезать удобнее было. Ох и телка была — первоклашки и те заглядывались! Но смышленная. Чтоб от домогательства благодетеля нашего удобней обороняться, меня с собой в кабину посадила. Я в пятнадцать лет иному взрослому мог хорошей трепки задать, так что охрана ей была обеспечена, и она могла всласть пофлир-

товать безо всякой опаски. У водилы с той памятной поездки косина наверное на всю жизнь сохранилась: одним глазом за дорогой приглядывает, другим географичку нашу оглаживает. — Артём хохотнул и несколько длинных секунд рассеянно пускал дым в потолок, чему-то сладостно улыбаясь. — Она перед ним хвост распушила: то прическу обеими руками поправит, да так, что шерстяное трико на груди затрещит, то с колени соринки сошкрябывать приметя, то еще чего... этаким конкурс красоты для ограниченного круга лиц. А он, бедолага, соловьем заливаается, чтобы интерес к себе вызвать, защемить хотя б струнку любопытства на худой случай. Вот так и узнал я, чем солдаты в лесу заняты.

В той деревеньке, где мы рюкзаки побросали, жил-поживал ослепший старичок — божий одуванчик. Отчего ослеп — ни один глазник определить не сумел. Старыми дорогами деньгами не одну тыщу на обследование ухлопали, к самому Федорову возили. Все без толку. По всем приметам, должен видеть, а он — ни в какую, слепее куриной слепоты. Вот тебе пример, Андрюха, пример способности мыслить задним умом: когда врачи отступились, когда уйму деньжищ на них угробили, так сразу вспомнили примету старую. Нет, не примету, а старый способ излечения слепоты. На той горе, куда мы экскурсию совершали, бьет «громовой ключ». Молния ударила в склон горы, и на этом месте отворился родник. Водичка ледяная, чистая, как первый снежок, сладкая, как сахар. И, по преданию, человек в течение семи лет умывающийся в подобном ключе, стопроцентно возвращает утерянное зрение. При условии, что ходит к нему на своих двоих.

Делать нечего, принял старичок к горе той похаживать. Сначала в сопровождении сыновей, а на шестой год и в одиночку отважился, потому что стал уже отдельные предметы различать. После шестого года зрение практически восстановилось, осталось лишь эффект закрепить. Ну вот, за три дня до нашего появления отправился бывший слепец в свой последний поход. И исчез. Сначала родственники забеспокоились, потом вся деревня на уши встала. На четырех машинах рванули к роднику. А там пусто. Прочесали окрестности — нет никого. Что делать? Привлекли к делу участкового, тот — угрозыск. Наехали криминалисты, навезли розыскных собак, да все без толку: по следу вернулись в деревню, ни одна псина по дороге даже не побеспокоилась... Это что получается? Ну, пришел. Ну, умылся. А потом-то куда подевался? Следов — нет как нет. Пригнали солдат, вторые сутки все окрестные леса прочесывают — ни следов, ни deduли...

Вот такая история, Андрюха. Сильно она меня задела. До такой степени зацепила, что после того, как школу закончил, сразу подал на юрфак. С тех пор и рыскаю, будто гончая, выискивая дела позаквыристей, вроде твоего.

— И повыгодней, — с невинным видом проговорил Андрей, но Артём не обиделся.

— Чем сложнее, тем выгодней, — подтвердил охотно. — А как же иначе? Ты не поймешь, Анд-

рюха. Выгода — выгодой, а сыскной кураж — сам по себе.

Откуда-то сбоку донесся обрывок сердитого шепота, сухо и плавно щелкнул автоматный — судя по длительности звука — затвор. Артём, помимо собственной воли, упал набок и, перекатившись, залег сбоку от рюкзака, зажав в кулаке горсть песка. В следующую секунду он уже снова сидел на месте, как ни в чем не бывало, и невозмутимо смахивал с одежды желтые крупинки.

— Условный рефлекс, — объяснил он ухмыляющемуся Андрею. — Сколько там на твоих золотых?

— Двадцать восемь десятого, — ответил тот.

— Соображаешь?

— Более или менее...

Слышал ли их переговоры Большой, или в графике звуковых «пугачей» временной дисбаланс был запрограммирован изначально, но факт остается фактом — бешеный, захлебывающийся от ярости собачий лай застиг их врасплох. Ночь вообще прошла — отвратительней не придумаешь. По первоначалу такой сыпучий, такой пушистый песочек с течением времени слежался в простотакти бетонную плиту. Невидимые и поначалу неощутимые камешки-голыши преобильно врезались в расслабленное тело. Следом постепенно проникла и мельчайшая песчаная пыль... Да впридачу ко всем неудобствам — еще и подлые проделки Большого! Как оказалось, звуковыми эффектами его тренажер отнюдь не ограничивался. Дважды спящие буквально взмывали над своим некомфортабельным ложем, бесцеремонно разбуженные вспышками багрового света, а напоследок — уже под утро — сильнейшей вибрацией всей обширной поверхности домашней песочницы, сопровождаемой предельно убедительным треском, исходящим от стен и потолка.

— Сволочь! — пробормотал Андрей, и этот эпипет, пожалуй, был наиболее ангельским из тех, какими они щедро осыпали отсутствующего «адопроходца».

Большой, тем не менее, прибыл ровно в шесть и бесцеремонно растолкал своих жильцов. Он уже пероделался в походную форму и смотрелся в ней еще внушительней, если такое вообще было возможно.

— Я гляжу, вы тут, как на курорте, расположились! — бросил он, извлекая из своего рюкзака «двухконфорочную» спиртовку и деловито вспарывая огромным ножом крышки консервных банок. — Щас, будет вам курорт! Настоящий, альпийский! Как у Суворова! Кофий заварите покруче. Воду не расплескивать, еще понадобится! Умыться? Еще чего! Об этой роскоши до благополучного возвращения придется забыть! Берешь салфетку, смачиваешь, обтираешь морду, потом руки. Потом куда? На спиртовку: чего добру задарма пропадать?

Завтрак получился стремительным, но плотным, как и было объявлено еще накануне. Слован банку лосося и полбанки гречневой каши с говядиной, Артём торопливо допил кофе, жгучий, словно хинин, и почувствовал себя почти человеком. Боль-

шой, несмотря на свой двойной паек, завтрак закончил раньше Андрея и взглянул на часы.

— У тебя в запасе две с половиной минуты, — сказал ему. — Учись глотать, а не пережевывать. Тём, курить будем по очереди, по пятнадцать за-тяжек.

Артём кивнул, жадно вдыхая крепкий ароматный дымок сигареты. Большой, покопавшись в «сидоре», вручил компаньонам по крепкому ремню с подвешенными к ним большими широколезвенными ножами.

— Для упражнения психики, — пояснил Большой. — Вооруженный человек смотрит на себя и окрест суровым взором завоевателя. Нам это — как соломинка утопающему: выбраться не поможет, а уверенность придаст. Сегодня домой вернемся к двадцати-ноль-ноль. Привалы: в одиннадцать — на перекур, в шестнадцать — на кофе. Пойдем!

На улице было свежо, с одуряющей силой пахло влажной хвоей и лесными цветами. У Артёма на миг в голове все поплыло: и этот восхитительный запах, и стрекотанье птиц, и робкое скольжение первых солнечных бликов. Все слепилось в радостный и праздничный новогодний игрушечный шар. Хотелось смеяться и петь, и бежать, как в детстве, вприпрыжку. Судя по блаженной — от уха до уха — улыбке Андрея, он тоже испытывал нечто подобное.

— Экие вы впечатлительные! — неодобрительно промолвил Большой. — Еще и Аду не нюхали, а балдеете, как наркоманы! Вперед, салаги! Посмотрим, что через пару часов запоете!

11.

Как в воду смотрел, пророк проклятый! Через два часа Андрей стер себе ногу, пришлось залеплять специально припасенным для этого пластырем. Артём продержался до первого перекура, но и он вынужден был признать, что прогулка под руководством беспощадного «адопроходца» — совсем не сахар. Абсолютно не сахар! Плечи ломило, спина онемела, ноги стали спотыкаться на каждом шагу, а в глазах то появлялись, то испарялись бесформенные темные пятна. Большой же невозмутимо топал вперед, словно матерый лось-пятiletок, разве что взорпел слегка. Пока выдохшился компаньоны, со стоном сбросив чугунные вещмешки, валялись, как мертвые, он выбрал себе местечко поудобнее и, закинув на пенек свои слоновьи ножищи, вынул из рюкзака тонкую тростинку сигары.

— Оставишь, — выдохнул Артём. — Первую очередь пропуская.

Комариные шнобели сквозь «бамовские» комбинезоны действительно не проникали. Чего не скажешь о колючих стеблях сухостоя. Ну, казалось бы, откуда им было взяться в начале лета? Ан нет, нашлись и такие. Впрочем, по сравнению с блаженной неподвижностью, все эти мелочи, вроде уколов, ломоты в ногах и бесперебойного жужжания комаров над распаренным лицом, не стоили того, чтоб и языком ради них шевельнуть.

— Как самочувствие, ястребы Преисподней? —

осведомился Большой, вкусно затягиваясь и выпуская сизый дымок сквозь полтины ноздрей.

— Как у покойников, — проворчал Андрей, не открывая глаз.

— И это правильно, — благодушно покивал Большой. — Умершим Ад не страшен, они свое отбоялись. Если сумеете это чувство на пару недель сохранить — очень хорошо.

— Сам-то как свои ходки переносишь? — полюбопытствовал Артём.

Большой равнодушно пожал плечами; сосна, о которую он опирался, жалобно заскрипела.

— По-разному, — сказал Большой.

Артём поднатужился и приоткрыл свинцовые веки.

— Тоже пугаешься? — удивился он.

— Если бы хоть раз испугался, — сказал Большой, — ты бы меня не встретил. Но временами очень домой хочется. Предчувствие беды — иначе не назовешь. Работать продолжаешь — куда деваться, а в уме держится. В нашем деле главное — пройти посередке, не струсить и вовремя унести ноги. Есть почти для каждого верная гибель в Аду — это страх, с детства всаженный в подсознание, страх неопределенности.

— Не понял, — сказал вдруг Андрей.

— Это когда бояться неизвестно чего. Тебя Букой в детстве пугали?

— А то нет!

— Ты знаешь, как он выглядит? Вот и я не знаю. Страх невидимый, неосязаемый, без цвета и запаха. И всегда готовый сожрать тебя с потрохами. В разных странах он зовется по-разному, но всюду присутствует. Кому-нибудь доводилось, по малости лет, встречаться с эффектом «невидимки»?

— То есть?

— Ну, вроде бы и нет никого, а вроде бы кто-то и есть. Шаги там, движение воздуха за спиной в условиях полного безветрия.

— У меня было, — твердо сказал Артём. — После школы раз в кино пошли. Сейчас уж и не помню, на какой фильм. Что-то душещипательно-индийское, двухсерийное и с обилием драк. От друзей своих я жил далеко, обратный мой путь к дому лежал мимо городского парка. Представляете: зима, полнолуние, полночь. Снег, как зеркало, лунный свет по окрестностям разбрасывает. Красота! И людей — никого! Скучно, знаете ли... Вдруг слышу — позади снег скрипит. Ну, оглянулся, на всякий случай, мало ли тут кого носит — врагов у меня и тогда хватало... — Артём протянул руку и принял от Большого вполне приличный окурочок. — Я ж говорю — на полкилометра все насквозь видать. Да только нет никого. И шаги затихли, но не сразу, а через пару секунд. Что прикажете думать юному балде-атеисту? Поблазнило, думаю. Пошел дальше. Только слышу — хрусть, хрусть, хрусть... ведь идут же! Человек я десятка неробкого, бояться не боялся, так что явно не со страху мерещится. Ведь явственно слышу! Притормозил резко, стал, как вкопанный, уши наострил. Точно: пять шагов хрустнуло, и опять тишина. Ладно, думаю, сейчас мы для преследователя нашего маленький экспериментик устроим! Повернулся и — навстречу, туда,

280 откуда звук доносился. С тем расчетом, что если просто звуковое эхо от снега отражается, то хруст опять позади начнется... — Артём затянулся дымком с такой жадностью, что явно перехватил, вытер рукой выступившую слезу. — Так нет же! Нет никакого эха. Свои шаги слышно прекрасно, а посторонних — ни-ни!

— Тогда ты решил заглянуть в парк, — полупросительно, полуутвердительно продолжил Большой. — Наверняка кирпич какой-нибудь подобрал или доску поувесистей. Ворвался в ворота с «оружием» наперевес, а там — тоже никого. Да и хруст — за спиной, а не впереди. Вот тут ты и почуял, как мурашки на спине зашевелились. Или нет?

— Все в точности, — признал Артём. — За исключением мелких подробностей. Ничего я не подбирал, просто кастет на пальцы надел.

— Судя по тому, что живым тебя видим, — хмуро промолвил Большой, — до дому ты дошел осторожным, размеренным шагом, в бег так и не кинулся. Хотя сердчишко, надо полагать, даже не в пятках, а на кончиках пальцев стучало. Да, ты знаешь, какой он — наш Бука.

— Я знаю тоже, — сказал Андрей.

— О, в тебе-то я никак не сомневался! — усмехнулся Большой. — Ну, орлы, и кодла же у нас подобралась! Один другого фантазийнее! Если в Аду на Буку напоремся, всем троим — амба! Никто не поможет, еще, глядишь, и топить друг дружку начнем. Тёма, ты чего это с куреньем затягиваешь? Ты давай, не филонь, заканчивай поживее! Ишь, разлеглись! Подъем!

Солнце пекло немилосердно, прокалив сосняк до сухого знойного звона. Ветерок чуть пошевеливал желтые в кончиках желобчатые иглы, узловатые ветви застыли в каменной неподвижности. Даже птицы примолкли, пережидая полуденную жару. Даже комариный писк порастаял. Лишь трудолюбивое гудение пчел изредка оживляло лесную тишь, да занудный трескоток теплолюбивого паута-кровососа.

Артём с ненавистью смотрел в широченную, как диванная подушка, спину Большого сквозь мокрые от пота ресницы. Он уже дважды останавливался, чтобы отхлебнуть воды из пузатой походной фляжки, обтереть салфеткой лицо. Большой взирал на эти задержки, неодобрительно хмурясь, но помалкивал. И правильно делал, в противном случае Артём, пожалуй, и позабыл бы о будущем вознаграждении ради мгновенной сладости полновесного, от души, апперкота.

Андрей тащился позади, не отставал, не скулил, только пыхтел, как паровоз. По едва заметной хромоте было ясно, что и вторую ногу он стер так же благополучно, как и первую, но крепится в пику Артёму. Время растягивалось в бесконечность, усталость наваливалась, будто пьяный тяжеловес. Большой же по-прежнему пёр по бездорожью, ломился сквозь подлески, с неожиданной медвежьей ловкостью форсировал небольшие болотца.

— Умный в гору не пойдет, — проворчал Артём.

АЗПИТА

— И в Ад не полезет, — огрызнулся вожак маленького отряда безумцев. И Артём впервые подумал, что в случае открытого столкновения Большой может оказаться очень опасным противником. Такой если разок зацепит, так наверняка покалечит, если совсем не убьет.

— Привал, — сказал Большой, аккуратно снимая рюкзак. — Андрюха, разуваться будешь потом. Сначала ставим кофе на огонек, а уже после того занимаемся остальными делами. Вот так-то, орлы. Все делается попутно — в том месте, куда мы с вами намыливаемся, время нужно экономить. Минутка к минутке, секунда к секундочке — глядишь, на часок пораньше смоемся. А лучше — на парочку.

— А лучше бы вообще не ходить, — буркнул Андрей, приклеивая пластырь к мозолям.

— Кому как, — парировал Большой. — Для некоторых адская тропа — способ существования. Ты торгуешь трубами, я исследую Ад. У каждого своя стезя.

— Не надо упрощать, — обиделся Андрей. — Я не торгую, я с людьми работаю.

— А я с чудовищами, — ухмыльнулся Большой. — Которые — то есть, а то, глядишь, и нету. Очень занимательное занятие... только зевать нельзя.

Вода в кружках покрылась пленкой из мелких, сплывающих со дна пузырьков.

— Снимайте живее, — распорядился «адопроходец». — Ничто на свете не бодрит верней воды из-под «белого ключа»!

Артём высыпал в кружку двойную дозу кофе, перемешанного с сахаром. Взболтал ложкой, зачерпнул...

— Хорош! — сообщил с видом знатока. — Только уж больно сладкий. Тут ты не доработал, атаман.

Большой прислонился спиной к высокому, отнительно свежему пню, осторожно убрал с кружечного ободка поджарую, полосатую, как тигр, осу.

— Привыкайте к сладкому, орлы, — сказал, прихлебывая кипятком. — Сахар обостряет зрение в темноте и работу мозга. Последнее в аду скорей недостаток, чем достоинство, но острый глаз — крайне необходим.

Он извлек сигару и вкусно затянулся дымом.

— Эй! — возмутился Артём. — Так мы не договаривались! Кофе кофеим, а перекур — перекуром.

— Память нужно тренировать, салага! — безмятежно отозвался Большой. — Перекур уже был. Ты что думаешь, мне заняться нечем, кроме как с вами в лесу болтаться? Я — ас. Я в Преисподнюю готов идти в любую минуту. Но в этот раз мне там помощники нужны, а не обуза. А вы, орлы, пока что обуза, вредный багаж. Хотите живыми вернуться — не филоньте, пашите, как зубры. Больно ляжешь — здоровее проснешься. Я-то по-любому оттуда вырвусь. Вопрос в другом — кто мне за ходку заплатит, если вы там все останетесь?

Артём задумчиво подул на густую, чернильно-черную жидкость. Эти новости ему определенно не нравились. Он, конечно, подозревал, что посещение странного мира несуществующих существ

несколько посложнее ночных прогулок в районе Пионерского поселка, но чтоб настолько?! Впрочем, отступить было поздно. Да и не к лицу. Оставалось надеяться на осведомленность и богатый опыт Большого. Невооруженным глазом было видно, что без твердой уверенности в их полезности делу он и с места не тронется. Скорей, откажет в помощи.

— Послушай, атаман, — сказал примирительно. — Насколько я понимаю, ты не один эту жилу разрабатывал... Есть еще кто-нибудь?

— Позавчера еще один был. Звонил. Сегодня — не знаю.

— А остальные?

Большой помрачнел.

— Были и остальные, — ответил, сунясь. — Немного, но были.

— Куда подевались? — настаивал Артём.

— Не задавай дурацких вопросов — не получишь идиотских ответов, — дипломатично отозвался Большой, затягиваясь глубже обычного и совершенно чернея лицом. — Но уж в психушке-то из наших никого нет, можешь мне поверить!

— Что? — забеспокоился Андрей. — Вы тоже не все там знаете?

— Знаем-то все, — невесело усмехнулся Большой. — Во всяком случае, мы с Тимохой. Тем и живы.

— Не понял, — поднажал Артём.

Большой передал ему сигару, щелчком сбил с ладони муравья-проходимца...

— Вам будет трудно понять. Это еще сложнее, чем концепция Ада. Скажу только, что в том мире водятся не только устойчивые иллюзии. Встречаются и реальные существа, запертые древними знатоками в границах Преисподней. Их сущность закреплена навечно, они бессмертны. Точнее, убить-то их можно... только не всякий способен, да и Срок не исполнится.

— Какой срок?

— Знаете что, — устало ответил «орлам» атаман. — Не забивайте себе мозги ненужными вам вещами. Главное — избежать встречи с теми, кто этого заслуживает. А если не сумеем, делаем так: я хватаюсь за голову — вы обходите незнакомца с флангов. С этого мгновения неотрывно следите за мной. Я прикуриваю сигарету — вы хватаетесь за ножи. Остальное — мои заботы. И вообще, много знать будете — скоро состаритесь. Старина Дантё недаром поместил над воротами Ада — «Каждому свое». Так и есть. Подъем, салаги!

Дальнейшую дорогу Артём почти не запомнил. В памяти удержалось лишь ощущение вдавленных в почву ступней и острая резь в плечах, смололенных лямками неимоверно грузного «сидора». Бухнувшись в песок комнаты-тренажера, долго лежал без движения с закрытыми веками. Слева доносилось хриплое дыханье Андрея. Справа — скрежет вскрываемых банок и довольное мурлыканье Большого. Почему-то сейчас его превосходство не вызывало и тени раздражения. Совсем наоборот.

Артём всегда считал себя резко выраженным индивидуалистом, не выносил групповщины и

враждебно относился к проявлениям лидерства. Это доставляло ему массу хлопот, но он даже втайне гордился ими, как несомненным доказательством своего суверенного «я». Он так привык лезть на рожон, что внушил определенную опаску не очень-то боязливым уголовным авторитетам. С ним предпочитали не связываться. Но сегодня, быть может, впервые в жизни он был немножечко рад тому, что в Аду рядом с ним окажется человек, подобный Большому. Человек, который беззаботно насвистывает немудрящий мотивчик, когда он — гроза уголовного мира — не в состоянии пальцем пошевелить.

— Шуруйте к столу, орлы! — воззвал Большой. — Жратва подана!

Артём застонал и поднялся. Телесная немочь позорно отступила перед властным требованием пустого желудка.

Пока они, обжигаясь и давясь, лопали консервы, владелец поместья заваривал чай. Ехидства в его поведении не наблюдалось. Особой усталости — тоже.

— Железный ты, что ли? — позавидовал Андрей.

— Практика, — пожал плечами Большой. — Экстремальщики все такие. Встречал и покрепче себя. Помню, был у нас руководителем группы Прохор Апполинарьевич Хрущ, прозванный Хрычом за глаза. С виду — дрянь мужичонка. Росточком — метр с кепкой, худющий — аж просвечивает. А как вздернет рюкзак, как разматывает ходули... все в мыле, а он еще анекдоты травит. Да такие соленые, гад! Гонял нас по горам, как архаровцев. Уж на что мы народ бывалый, и то взбунтовались. Тут глядим — взвился наш дохлячок-хохотунчик... хрясть! хрясть!.. и двое самых шептунных уже пластом лежат. А ты говоришь — железный! Тимоха — друг мой — вот тот железный, он лом на шею узлом завязывает. А я — так, ничего себе, не больше. Даром, что Большой.

Артём, наученный горьким опытом прошлой ночи, вместо кофе всыпал в кипяток чайную заварку из маленького бумажного пакетика. Андрей последовал сему благузному примеру.

— Молодцы! — похвалил их Большой. — На глазах умнеете. Теперь вот что. Легче всего проникнуть в Ад из стационарной Зоны. В прежние времена на этих местах, как правило, воздвигали монастыри, иногда церкви. Именно поэтому в народном сознании заброшенный храм мыслится прибежищем нечистой силы. Именно поэтому настолько часты упоминания о массовых психозах в монастырях. В России, где монастырь частенько служил последним пристанищем заслуженным воинам и опальным администраторам, подобные безумства относительно редки. Этих ребят всегда отличало обостренное чувство Реальности, на любые проявления адской сущности они реагировали весьма скептически. А вот на Западе, где в монастырской братии заметно преобладал экзальтированный контингент, такие случаи наблюдались сплошь и рядом. В конце семидесятых годов вышеупомянутый Хрыч подверг сомнению рационалистическую теорию подобных явлений, предло-

женную еще французскими просветителями. Он осмелился предположить, что эта теория преследовала совершенно противоположные цели, нежели те, о которых заявлялось принародно. Он пошел еще дальше, заявив, что, поскольку имена просветителей давно и прочно связываются с деятельностью розенкрейцеров и франкмасонов, все их «разоблачения» — не что иное, как попытка отвести общественное мнение в сторону от решения существующей проблемы. Именно поэтому, утверждал наш теоретик, в работах просветителей нередко наблюдается полнейшая профанация накопленного материала, назойливое стремление порушить статистические связи многочисленных случаев мистических эпидемий. Вопрос, поставленный Хрычом, был сформулирован следующим образом: «Что именно хотели утаить от нас создатели Рационализма?» После пятилетних исследований мы смогли ответить на него совершенно однозначно: «Существование связи между миром Реальности и мирами слабосистемных сущностей».

Неофиты слушали с интересом, невзирая на телесную немочь.

— Какие исследования проводились и методика их проведения вам знать ни к чему. Перехожу к практическому обучению. Моя стационарная зона располагается в келье одного из древнейших монастырей нашего края. В каком именно — лучше не спрашивайте, не отвечу. Обстановка кельи скопирована в этом помещении. Цель копирования заключается в том, чтобы помочь выйти из Ада. Туда я вас отправить могу, а выбираться придется самим.

— Интере-есно, — проворчал Артём.

— Еще бы! — поддержал Андрей. — Значит...

— Значит нужно готовиться как следует, а не ждать, пока добрый дядя сделает все за тебя, — любезно пояснил Большой. — И бунта не потерплю! Дело заключается в следующем: Ад — место довольно пустынное, с ограниченным горизонтом. Переход в его измерение прост до смешного, но чтобы выйти, необходимо представить себе точку, в которой это возможно. И не просто представить, а точно, с малейшими подробностями. Слышал я как-то про одного оборотня, который, перекинувшись в кабана, сам же слопал желуди, валявшиеся на полянке... До осени в кабаньей шкуре мыкался, едва с мушки у собственного внука ушел. Все, отставить чаепитие! Сели лицом к дальней стене. Теперь смотрите, наблюдайте, заучивайте каждый камень, каждый шов! И помните — это всерьез.

Ночью Артёму снились всякие гадости, бесконечные погони, в которых он участвовал то в качестве слабоногой жертвы, то — слишком медлительного преследователя. А напоследок его бросили все, и он очутился в каком-то помещении, незнакомом, без всякого выхода. Правда, одно отверстие там было — да и то не больше замочной скважины. Он был настолько глуп, что заглянул в нее и тут же пожалел о своей глупости, потому что увидел, чем занимается его ветреная подружка со своим богатым хозяином в его отсутствие. Они премило развлекались прямо перед его глазами, на расстоянии вытянутой руки, и весело хохотали,

слушая его возмущенные вопли. Он с такой силой заколотил по стене кулаками, что поневоле проснулся... и с минуту еще трясся, как в лихорадке.

Неделя тянулась авиационной резиной. Правда, к четвертому дню оба новичка вжились в крутой ритм марш-бросков, скинули лишний жирок, обжарились до кирпичной красноты, но зато измотались психически. Теперь их сны утратили всяческую суматошность — всю ночь перед закрытыми глазами плавали, лениво кружась, опостылевшие стены тренажера, временами нависая над самой головой, грозя расплющить, размять, растереть в консистенцию томатной пасты. Большой утверждал, будто так и положено, будто все идет, как надо, но легче от этого не становилось.

А в пятницу Артём встретил ЕЕ. Она сидела в кабинете Большого и читала какую-то книгу. Троица адских проходимцев ввалилась в кабинет, внеся в его рафинированное пространство запахи горячего леса и пересохших болот...

— Привет, — прогрохотал Большой, останавливаясь посреди кабинета. — Помнится, я кому-то уже запрещал рыться в моей библиотеке!

Девушка ответила ему открытой лукаво-простодушной улыбкой. Похоже, что свирепость Большого ее не очень-то и пугала.

— Зачем пожаловала на сей раз? — продолжал разоряться владделец поместья.

— Тигр сказал, что ты снова в рейс готовишься, — сказала девушка, откидывая со лба выщипанные пряди волос, игравшие на свету чудесными оттенками орехового дерева.

— Я этому Тигру клыкки поштучно выдержую! — пообещал Большой. — А то он, видно, решил, что ему кто-то другой жалованье платит!

Девушка поднялась. Легкая, стройная, длинноногая... рядом с кабаньей тушей Большого это было заметно вдвойне.

— Ты опять за свое? — спросила строго. — Ведь обещал же!

— А у меня — особые обстоятельства! — выкрутился Большой. Оказывается, и ему кой перед кем приходилось выкручиваться. — Вон у Андрея супругу в Ад затянуло. Не бросать же ее там?!

Малахитовые бархатистые глаза девушки, скользнув по Артёму, требовательно остановились на лице Андрея, и Артём на миг пожалел, что сам не удостоился подобной беды.

— Это правда?

Андрей кивнул и постарался приосаниться, придать себе вид бывалого путешественника, изрядно битого дорогой и жизнью, но не только не смирившегося под ношей невзгод, а даже совсем наоборот — окрепшего и пришедшего в себя. «Сволочь!» — подумал Артём. Обычно ему не приходилось особенно напрягаться, чтоб завязать разговор с приглянувшейся незнакомкой, но сегодня что-то такое ёкало в бронхах, перебивая заготовленные слова.

— Когда отправляетесь?

— Пока не знаю, — хмуро отвечивал Большой. — Думаю, дня два-три еще салажат моих тренирнуть.

— Ты поосторожней со словами, Большой! —

предупредил Артём, радуясь возможности придраться к чему-нибудь.

«Адопроходец» удивленно взглянул на распутившегося помощника

— И этот туда же! Одни неприятности от тебя, Лялька! Придется еще денек накинуть...

— Сам виноват. Не груби. А вы...

— Артём, — поспешно представился Артём.

— А вы, Артём, не сердитесь. Он не со зла — от безнаказанности. Его просто почаще одергивать надо.

— Я постараюсь, — пообещал Артём. — Можете на меня положиться.

Большой с изумлением наблюдал за беседой, переводя взор с одного на другого.

— Все? — спросил он. — Наговорились? Эй, Димыч!

Румяное лицо мордворота тут же возникло в дверном проеме.

— Проводи-ка ее отсюда! — распорядился Большой. — И если я ее здесь до понедельника хоть раз увижу, можете сообщать себе новую работу! А Тигру передай, что я его шомполом от берданы разрисую! Будет у нас синеклеточный тигр! Новинка зоологического сезона!

— Пойдем, Ляль, — осторожно предложил костолом Димыч. — Пойдем, а? Ты ж его знаешь, он нас живьем сожрет.

— Сатрап! — сказала Большому Лялька. — Навуходносор! Тебя уже собственная охрана боится! Вот до чего докатился ты со своими экспедициями! Все нейметса, да? Боров!

— Давай-давай, и поскорее, — поторопил Большой смущенного Димыча, осторожно теснящего девушку к дверям. — Вконец разболтались, как я погляжу! Всякая селедка указывает...

— Па-пу-ас! — донеслось из-за двери. — Мумба-юмба! Жиртрест!

— Чего выпялились? — обрушился Большой на свидетелей этой потешной стычки. — А ну, марш в камеру!

Артём хотел было найти достойный ответ на грубость хозяина, но, повинувшись незаметному и в то же время весьма ощутимому тычку локтем, которым угостил его Евдокимов, смолчал. Большой разорился в кабинете, в тамбуре и какое-то время еще в помещении тренажера. Менее внимательный наблюдатель неминуемо пришел бы к выводу о неуравновешенности характера бывшего экстремальщика, не исключено, что отыскал бы в его поведении задатки мании величия... Но Артём уловил в буйстве «адопроходца» тщательно скрываемые нотки обиды. Интересно. Интересно...

К воскресенью Большой слегка подобрел — его ученики бойко отвечали на заданные им вопросы под судорожное дребезжание каморки, не реагируя ни на шумы, ни на световые эффекты.

— Ладно, орлы, — сказал он во всеобычной своей брюзгливой манере. — Двое суток на отдых, сутки на предподходный тренаж, и будем отправляться. Тёма, извести кого следует: нужны свидетели, что наш квазимода ушел именно в Ад, а не просто дал тягу в какую-нибудь ЮАР.

Артём так и поступил. Переговоры с Эдуардом

закончились, правда, не скоро, но привели-таки к желаемому результату.

— Пойдешь с ними? — поинтересовался в конце беседы хронический капитан.

— Придется.

— Завидую тебе, — признался Эдуард со вздохом. — Я б не решился. Да, раз уж с ними будешь, пригляди там. Насколько я понимаю, в тамошнем пространстве линия координат несколько отличается от нашей. Как бы экспедиция в Ад не обернулась обычной контрабандистской тропой. Или — несколько необычной.

— Это вряд ли. Большой, конечно, сумеет выйти там, где ему заблагорассудится, но Евдокимов однозначно — нет. Они у меня всегда на глазах, сговориться времени не было.

В голосе капитана нотки зависти и почтения мгновенно сменились ехидным злорадством:

— Дурик ты, господин Баца! Был следователем, а стал филёром. Ну подумай сам, напряги извилины! Какой понт Большому в Ад лезть, если потерпевшую вывести не сумеете? Смотри у меня, Орфей из Камышлова!

12.

Большой плескался в бассейне. Его туша мелькала в зеленых струях воды с напором и резвостью детёныша кашалота. Артём разделся и, забравшись на крышу водного павильона, спикировал вниз. Вода была теплая, но понизу шел настоящий ледовый слой, не прогретый даже предиюльским солнышком. Артём вынырнул на поверхность весь покрытый «гусиной кожей». Тряхнул головой, сбросив с глаз радужные капли влаги.

— Слушай, атаман, — сказал он, подплывая поближе. — А как ты андрюхину половину собираешься на божий свет извлекать?

— То — мои заботы, — благодушно отозвался Большой, перевернувшись на спину. — Не мог бы — не брался б! Ты мне лучше вот чего скажи: по паспорту, да и по роже тоже, ты вроде как русский, а фамилия на молдаванскую смахивает... Что так?

— Нормальнейшая русская фамилия, — пожал плечами Артём. — Прадедушку в деревне прозвали Бац. Вероятно, за то, что кулак раньше мозгов в дело пускал. А как потомков звать прикажешь? Бацовы? Пробовали, так ведь язык сломаешь. Баца — намного проще.

— Поди ж ты! — Большой только головой покрутил.

Ох, и хорошо ж было в поместье «адского ходока»! Тигр, как выяснилось, исполнял у Большого и роль повара, причем с блеском. Соратники пили бургундское, купались и чесали языки. Андрей отсыпался за всю неделю. И даже коварные доберманы, отлынивая от службы, устроили с Димычем веселую кутерьму.

С заходом солнца охрана включила иллюминацию, мощный магнитофон под шаловливое моргание цветомузыки орал на всю округу голосами битлов. И никаких тебе соседей с малолетними детьми и припадочными бабулками, не выносящими шума после одиннадцати... А как славно спалось

на пуховой перине в хрустких простынях! Эх, да что говорить!

Артёма растолкали в двенадцатом часу.

— Кончай ночевать! — рычал Большой, уже изрядно ужаленный. — Пельмени стынут! Опять хочешь с Тигром поссориться?

— А как есть — пирогами пахнет, — с треском потянувшись, помечтал Артём.

— Будут и пироги, — пообещал хозяин виллы. — Тигр Ляльку упросил, он от ее стряпни без ума, придурок корейский! Втюрился, должно быть.

Артём захлебнулся розовым французским вином, которое он вливал в себя прямо из бутылки, поданной атаманом. Большой наблюдал за его суетливым прихорашиванием с саркастической усмешкой.

— Ума не приложу, что вы находите в этой селёдке! — подивился вслух.

— Ты бы заткнулся, атаман! — зашипел в ответ несчастный засоня. — В ухо хочешь?

— Потенциального шурина бить некрасиво, — укоризненно заметил Большой, отхлебнув из бутылки. — Не груби, салага, старому топтуну адских троп, а то велю страже в подвал бросить на хлеб и воду. И Лялька не поможет.

— Я гляжу, ты совсем тут умом тронулся! — отозвался Артём, размазывая по шее полную горсть одеколону. — Правильно она тебя сатрапом зовет.

— Угу. Я и есть сатрап, — согласно кивнул Большой. — Года полтора назад ко мне тут с разборками приезжали. Ну, раздели голубчиков, сунули в камеру, продержали недельку в темноте без жратвы. — Он густо хохотнул и выбросил пустую бутылку в окно. — Через неделю прихожу, спрашиваю: «Жить хотите?» А они — хамить. Я ругаться не стал, не люблю я это дело. Зашел еще через три дня с тем же вопросом. «Хотим», — говорят. «А почему другим жить не даете?! — спрашиваю. Продержал еще пару дней и выпустил. Девятью дистрофиками больше стало.

Артём присвистнул — круто!

— Ну, напугал! — сказал вслух. — Как без меня с Андрюхой пойдешь?

— А я вообще-то не тороплюсь, — пожал плечами Большой. — Могу и подождать. Могу совсем не ходить — бабок на две жизни хватит. Готов?

Артём кивнул и заторопился вниз.

Стол был накрыт под навесом рядом с ручейком. Крахмальная белоснежная скатерть, розы в темной керамической вазе, хрустальные графинчики с напитками, серебро и фарфор. Тигр, священнодействуя, раскладывал пельмени по тарелкам. Клёпа и Чёрный — охранники виллы, Андрей и Лялька чинно восседали за приборами в плетеных креслицах. Из-за угла виднелись служливые рожи Колюни и Димыча, занятых по службе. Сторожевые горлохваты заискивающе юлили по обе стороны лялькиного стула, хитро жмурясь, тыкались мокрыми носами в колени. Стиляги!

— Забирайте своего пинкертону, — пробасил Большой, плюхаясь на прочную дубовую скамейку, стоящую в торце стола. — Предлагаю начать со «смирновской». Кто против?

— Мне коньяк, — подал голос Андрей.
— Я, пожалуй, сухого, — сказал Артём.
— Налейте и мне, — попросила юная сестрица хозяина виллы.

Охранники промолчали, Тигр тоже.

— Вот это — по-нашенски! — одобрительно рявкнул «атаман», наполняя фужеры водкой. — Тигр, хочешь я тебе российское гражданство устрою?

— Правда? — спросил Тигр, забывая наколоть пельмень на вилку.

— А то! Стакан враз намахнешь?

Тигр «намахнул» и прослезился, закашлявшись. Лялька заботливо подала закусить. Артём поклялся при первом же удобном случае оторвать голову мерзавцу-корейчику, мысленно, разумеется.

— Можешь считать себя коренным русаком! — в голосе Большого на секунду промелькнула нотка почтения. — Какую фамилию возьмешь? Могу Иванов сделать, а то, к примеру, есть вообще крутая фамилия — Баца.

Вот скотина!

— Луцке Иванов, — отозвался скромница Тигр.

Большой тут же разразился громовым ржанием. Андрей осторожно хохотнул, виновато взглянув на Артёма.

— Это вы — Баца? — спросила Лялька. Артём кивнул, стараясь выглядеть похладнокровнее. — Да вы не сердитесь. Хотите, я вам нашу фамилию назову?

— Да Ложкин я, Ложкин! — еще пуще завелся Большой.

Артём улыбнулся, охранники просто визжали.

— Ложкин — хорошая фамилия, — одобрительно заметил Тигр.

Тут завизжал и Артём.

— Ох, не к добру веселимся, — сказал Большой, утирая слезы и остаточко порывивая. — Не к добру. Давайте выпьем за успешный исход.

Артём с удовольствием лопал пельмени, поражаясь их необычному вкусу, подливая вина себе и соседке. Слабый аромат роз пленительно мешался с букетом ее духов, и от этого запаха бывалый сыщик хмелел сильнее, чем Тигр от водки. Сам кореец, к слову сказать, нажимал на пирог с картошкой, да так крепко, что просто удивительно было — куда все это влезает?!

Большой просто закусывал.

— Работаете? Учитесь? — спросил Артём, когда шум за столом приобрел децибелы, необходимые для доверительного разговора.

— Ни то, ни другое. — Длинные пальцы Ляльки машинально поглаживали умильную, плутовскую собачью морду. — Алики запрещают. Рисую немножко, только выставляться боюсь — специалисты ругают.

— Почему?

— Бред, говорят, мрачно чересчур. Правда. Я сама на свои картины смотреть боюсь. Напишу и побыстрее фэйсом к стене. Вся мастерская заставлена.

— Если страшно, зачем писать?

— Хоть какой-то выход, — ответила Лялька. — Не писать еще страшнее.

— Мудрая природа все воображение, положен-

ное нашей семье, выдала на Лялькину долю, — сказал Большой, который, как оказалось, все слышал. — А я просто — кабан, прущий по лесу напролом. Хочешь на ее картину взглянуть?

Артём кивнул. Андрей тоже выразил желание приобщиться к культурному досугу. Тигр уплетал пятый кусок пирога, только уши по сторонам торчали, как два желтых наutilusа.

Картина висела над трехспальной кроватью Большого, сбоку виднелся передвижной бар с пепельницей, полной окурков. Стена напротив была украшена огромным, вытянутым по вертикали портретом, изображавшим высокого тощего бородача в длиннополой белой рубашке. Человек сидел на трухлявом, зеленом от лишайника пне и смотрел вперед. В его неправдоподобно синих глазах застыли тоска и вековая усталость; сухие, бескровные губы, напротив, были сложены упрямо и жестко, если не жестоко. По обе стороны от сидящей фигуры густели пепельные щупальца напозающего тумана. Артём не знал, почему, но было ясно видно, что туман именно напозал. А где-то позади, за спиной старика, царил яркий солнечный день, столбом выраставший до самого верха картины. И были там каменный город, белевший с холма, и ласковая река с поросшими камышом берегами, и золотые поля тяжкоглавой пшеницы...

Артём перевел взгляд на другую картину и понял, почему так взгрустнулось одинокому стражу границы, поняв, на каком пути занял он свой безнадежный пост. На полотне во внешнем беспорядке были намалеваны разноцветные полосы: багровые, огненно-черные, ядовито-зеленые и чернильно-лиловые, фрагментарно присутствовали также бурый и дымчатый. И такая беспощадная угроза смотрела из рамы в веселящий мир, что Артём вынужден был призвать на помощь всю свою железную волю, чтобы не отшатнуться прочь.

— Ой, мама! — прошептал за спиной Евдокимов. — Но такого ведь быть не может!

— И как ты ее назвала? — спросил растерявшийся сыщик, невольное переходя на «ты».

— «Не ходи!» — ответила Лялька.

«М-да... — подумал Артём, поеживаясь. — Что называется — в точку! А Большой ее в спальне держит... Интересно, он что, действительно бесчувственной пня?»

Андрей и Лялька потихонечку смылись от греха подальше. Артём, выдержав форс, еще несколько минут молча взирал на вопиющую жуть.

— Впечатляет, — сказал он наконец Большому, безучастно курившему, сидя на подоконнике. — Класс!

— Могу подарить, — пороссячи глазки владельца поместья сузились до размеров щелочек таксофона, из которых хитро и прицельно поблескивали зрачки.

— Дареное не дарят, — нашелся Артём.

— Она не дареная, — прозвучал неожиданно резкий ответ. — Я ее сам выбирал.

— Зачем?

— Знаешь, как ее называю я? — Большой выпустил струйки дымок из ноздрей, сделавшись

удивительно похожим на маломерка-дракона. — он смотрелся не очень, ему больше подошла бы роль Карабаса.

«Надо идти».

— Куда? — опешил Артём.

Большой кивнул в сторону рамы, из которой смотрела угроза.

— Туда, куда ходить бы не надо.

«Ого! — подумал «гений частного сыска». — Это многое объясняет!»

— А это что у тебя — портрет Гэндальфа? — спросил небрежно, подходя к противоположной картине.

— Гэндальфа? — ухмыльнулся Большой. — Да нет, браточек! Бери выше — это сам Венояр.

— Кто?

— Тот, кто запер в Аду автономные сущности, — пояснил Большой. — Можно сказать, отец современного мира. До его появления, браток, наш мир был совсем иным.

— Хочешь сказать, что все эти байки о колдунах и ведьмах... правда?

— Была правда, — уточнил Большой. — Была, пока не пришел Венояр. Все это не очень-то сложные вещи, Тёма. Все это довольно просто, необходимо лишь навык в действиях и особый психологический настрой. Ты бы сильно удивился, окажись в тех временах. Тогда все было по-другому: другая история, другие методы и принципы развития... Не суди о прошлом по учебникам для преподавания в нынешних вузах. Современная история по-настоящему началась только в третьем веке. И похоже, что скоро закончится.

— О конце истории я уже слышал, и не раз, — подал голос Артём.

Большой посмотрел на него с откровенной жалостью.

— Болтают об этом все, кому не лень, — проговорил он уклончиво. — Идея носится в воздухе, как говорится... только интерпретация не совсем та, каковой на самом деле является реальное положение вещей. Впрочем, чего зря турысы разводите! Все одно не поймешь, а поймешь — не поверишь.

Лялька сидела возле бассейна в окружении Андрея и Тигра. Завидев сумрачную физиономию частного сыщика, послала в его сторону ободряющий блеск снежной улыбки. Артём улыбнулся в ответ и поспешил приблизиться.

— Знаешь, я никогда не встречал подобной экспрессии, — сказал он, усаживаясь напротив. — Нужно иметь железные нервы, чтоб такую картину повесить в спальне.

— Алик по натуре азартный игрок, — оживилась девушка. — Он с детских лет принялся играть в супермена и до сих пор не может остановиться. Я думаю, что и к моим картинам он относится, как к вызову, брошенному лично ему, а на вызов он отвечает безотчетно, на подсознательном уровне.

— Большой не играет, — с достоинством возразил забытый коротышка. — Она самый настоящий супермен. Мой знаю.

Большой, в одиночестве восседавший за небуранным столом, опрокинул в рот очередную порцию водки и разжег сигару. В ампула супермена

13.

Утром они совершили маленький марш-бросок, в целях закрепления навыков. Потом часа полтора медитировали в комнате-тренажере.

— Вызывай своего капитана, — сказал Большой, закончив занятия.

Эдуард встретил их на тракте, сидя на передке милицейского «бобика». Рядом о чем-то судачили молодой подтянутый лейтенант и грузный, по-медвежьи увалистый сержант предоставочного возраста. Артём помаячил им из окна «БМВ», ведомого руководителем экспедиции.

— Ага! Вот и подследственный прибыл со своими защитничками! — обрадовался Эдуард. — По местам!

Лялька чмокнула брата в заросшую морду, выбралась из машины и пересела в евдокимовский «мерс». Оба прикомандированных — и лейтенант-салага, и матёра-сержант — проводили ее тем откровенно голодным взглядом, в котором горького мужицкого разочарования в собственной судьбе сконцентрировано куда больше, чем в смертельном запое. Артём, сопровождавший девушку, спяной почувствовал их взоры, полные зависти и недоброжелательства.

— Знаешь, — сказал он Ляльке, наклонившись к самому ее розовому ушку, — а ведь вы с Тигром ничего в вашем брате не поняли. Про таких, как он, раньше былины слагали. Как бывший следователь тебе говорю: маскировка и суть — понятия абсолютно разные.

Лялька улыбнулась и поцеловала его в лоб.

— Пригляди за ним, — попросила тихонько. — И сам поостерегись, я за вас свечку поставлю.

— Эй, ловелас недобитый! — послышался бычий рев из передней машины. — Уснул там, что ли? Шуруй сюда, салага!

Димыч, сидящий за рулем, ухмыльнулся во всю ширь своей круглой ряхи.

— Иди давай, — сказал он, плавно притапливая педаль газа. — И удачи вам!

Дорога к пункту перехода заняла изрядно времени. Монастырь, откуда Большой привык стартовать, располагался в соседней области. Глядя на леса и груды каменных увалов, проплывающие за окном, Артём внезапно подумал о том, что повторяет историю Пал Палыча Гуселетова — бывшего инженера и бывшего «бича». Интересная вырисовывается картина.

Поступая на службу, он, как и всякий уважающий себя человек, грезил о торжестве справедливости, и когда Реальность больно хрястнула его об колено, попытался всю свою боль списать на существовавший порядок. Но порядок сменился, а новая оплеуха не заставила долго ждать. Теперь он о справедливости и не мечтал. Холодный, язвительный, он ставил в заслугу себе уже то, что не кинулся в объятия криминальных группировок, не скрывавших своей заинтересованности в услугах профессионала, знающего расклад в коридо-

рах власти, а главное — известного в кругу этих властей.

И только разглядев подлинную натуру Большого, Артём сумел осознать, что для него — прирожденного следователя — роль частного детектива ничуть не выше, чем «должность» бича для бывшего инженера.

Большой свирепо жевал тлеющую сигару, Евдокимов спал, откинувшись на спинку сиденья, мучительно морщился во сне. Понемногу светало.

— Не психуй, — проворчал ас адских трасс, сворачивая на почти незаметную, изрядно заросшую грунтовку. — Достанем андрюхину суженую, домой вернемся целехоньки. Чую!

— Не ходи туда больше, атаман, — попросил его Артём. — Себя тебе не жалко, знаю. Но сестру пожалей, если себя не хочешь. Пока ты там, она здесь с ума сходит.

Большой хмыкнул с невыносимым сарказмом.

— Много ты понимаешь, слепушник! — И добавил минуту спустя: — А сам видишь не дальше лялькиного носа! Это, парень, от недостатка информации.

— Ну так просвети, козь на то пошло.

— Пугать неохота! — буркнул Большой.

Машину мягко подбрасывало на ухабах, спящий Андрей сполз в угол салона.

— А ты попробуй, — настаивал Артём. — Вдруг да не испугаюсь?

Большой откусил растрепавшийся кончик сигары, смачно плюнул в кусты на обочину.

— Помнишь, ты про графа этого рассказывал?

— Про князя, — поправил Артём.

— Не суть важно, пусть — князя. Так вот: дурак он — твой аристократ... Есть в Аду мертвые! Есть! Да не просто мертвые, а убитые по такой дьявольской технологии, какая самому де Саду во сне не снилась.

В зеркальце было хорошо видно, как наливалась дурной черной кровью морда Большого, как скалился в судорожном извиве рот. Ярость, запечатленная в этих неуправляемых корчах лица, превосходила все проявления этого чувства, когда-либо встречавшиеся Артёму.

— Вон оно что! — сказал Артём, невольно пожившись. — Ну, если для расплаты, тогда...

— Для расплаты?! — зарычал Большой. — Что ты вообще понимаешь, мальчишка?! Как я с ними могу расплатиться?! Чем?! Да им все — до фени!

— Ты говоришь про автономные сущности, насколько я понимаю? — осторожно спросил Артём.

В ответ послышался отборный мат. Проснувшийся Андрей недоуменно оглядывался, стараясь понять, что же, собственно, такого произошло, что вызвало такой взрыв эмоции.

— Не вертись! — рявкнул Большой.

14.

Монастырь в настоящее время представлял собой компактную группу известняковых развалин, окруженную сильно обветшавшей стеной. Колокольня рухнула на купол часовни и погребла его под своими останками. Кельи хмуро смотрели на

пришельцев пустотой оконных проемов, испревшие доски лежали на ступенях крыльца. Экспедиционный кортеж осторожно въехал во внутренний двор, дико заросший зеленым гребнем бурьяна. Впрочем, следы недавних посещений этого оплота Православной Церкви были очевидны: справа от въезда трава оказалась значительно ниже, кустарника и вовсе не наблюдалось.

Большой заглушил мотор и вышел наружу. Андрей, перекрестившись, последовал его примеру. Артём не стал торопиться. Он прикрыл глаза и прислушался к своим ощущениям, впервые в жизни доверившись столь нелюбимой им интуиции. «Рви когти, дружок! — сказала ему интуиция. — И чем быстрее, тем лучше! Ну какой, к черту, из тебя герой? Одна видимость!» И то правда: идти не хотелось совершеннейше.

— Сдрейфил, Ватсон? — донесся снаружи бульдожий рык Большого.

Да, вынужден был признать Артём, сдейфил. Это только роботу-копу все пофиг, а он живой, очень даже живой человек. Ему нравится мир Реальности, в этом мире он готов на любой риск, любую бузу. Но — здесь. Не там, где нет возможности ответить на удар встречным справа. Или слева... Эх, не будь поблизости ехидного барсук-Эдуарда!.. Не будь зеленоглазой чаровницы-Ляльки...

— Не брякай дверью! — попенял Большой, ласково поглаживая запылившуюся крышу «лайбы».

Преставители правоохранительного ведомства выглядели помятыми и унылыми. Обстановка им крепко не нравилась — и без очков было видно. Лейтенант все озирался по сторонам, разве что за пистолет не хватался. Сержант смотрел под ноги, волосы на затылке встали щетиной. Только Эдуард Трофимыч, невзирая на сонную опухлость лица, держался без видимого беспокойства.

— Серьезное место, — сказал он Большому. — Одному скучно, наверно, бывает.

— Мне-то откуда знать? — ухмыльнулся в ответ последователь Орфея. — Я здесь долго не задерживаюсь. Как говорится, сделал дело — уноси ноги. Слушайте сюда, орлы сыска! Сейчас двинем на стартовую площадку, обыщите ее, как положено, чтоб вопросов не возникало, составьте акт. После нашего старта песочек разровняйте и убедите все, что от нас останется. Договорились?

— Ладно, — сказал капитан. — Сделаем. Как насчет наблюдения?

— Мне без разницы, — ответил Большой. — Хотите наблюдать — наблюдайте, но не советую.

— Это почему ж? — подал голос встрепенувшийся лейтенант.

— Отвечать за тебя неохота, вот почему, — голос адопроходца был предельно спокоен, вопросы его явно не волновали и не задевали. — Условия перехода настолько просты, что каждому идиоту попробовать хочется. И пробуют... Послушайте доброго совета, парни: не лезьте вы в эти дела. Закроете за нами дверь, подождите с полчасика, а там уж можете стены простукивать, землю рыть, только камни с мест не срывайте. И не забудьте прибрать, как договаривались. Теперь о времени.

Уходим приблизительно на неделю, по здешнему счету. Если повезет, вернемся раньше. Если нет — чуток задержимся.

— А если сильно не повезет? — спросил сержант, не поднимая глаз.

Большой снисходительно взглянул на него с высоты своей глыбообразной туши.

— За такие вопросы перед уходом — принято бить морду, — сказал он с намеком. — Во всяком случае, в нашей группе. Тогда повезет — примета такая.

— А-а, ну, если примета... — протянул сержант.

15.

Вслед за Большим они обогнули колокольню, проникли внутрь монастырской церкви, спустились в подвал. Запах сырого камня неприятно щекотал раздувавшиеся ноздри Артёма, ноги оскальзывались на островках бурого лишайника, расплзшегося по каменным плитам пола, голоса звучали враждебно и глухо.

Вход в нужное помещение располагался в самом конце и перекрывался массивной дверью, сплошь обитой ржавым железом. Большой открыл ее, и Артём, шагавший следом, очутился в прекрасно известной ему комнате. Стартовая площадка от тренажера не отличалась абсолютно ничем, не было даже ощущения особого напряжения, каким наделяются подобные места в рассказах очевидцев.

— Милости прошу, — пробасил Большой. — Располагайтесь. Можете обыскать.

Эдуард Трофимович протиснулся вперед, пробежался лучом карманного фонаря по стенам, потолку и песчаному ковру подножия, хотел сплюнуть, но почему-то раздумал.

— Не вижу необходимости, — сказал он Большому. — Когда пойдете?

— Выспимся, пообедаем. Да и рванем потихонечку.

Они вышли на божий свет и занялись приготовлением к завтраку.

— Место здесь неуютное, — читал наставления Большой, с хрустом разгрызая запеченную курочку. — Потому и не боюсь машину без присмотра оставлять. Местные этот монастырь стороной обходят, и правильно делают, между прочим. А заезжие в первый же вечер смываются, и тоже правильно. Так что мой вам совет, орлы: разбейте палаточку возле леска, у въезда. И после полудня сюда старайтесь без крайней надобности не ходить. Если уж совсем припечет, идите втроем. Одного не пускать ни в коем разе! Ясно? Будет блазнить — плюйте, ругайтесь матом, авось пронесет.

Сержант намазал на краюху «бородинского» толстый слой ананасового джема, полюбовался этой непристойной сопряженностью, метко отхватил изрядный кусок. Эдуард Трофимыч с отрешенным спокойствием прихлебывал чай из раскаленной алюминиевой кружки. В отличие от хлыща-лейтенанта, страшилки Большого их пугали не очень.

— Не понимаю, — сказал лейтенант. — Если подвал нам нельзя охранять, за каким лядом нас тогда сюда привезли?

— Для порядка, — отозвался Эдуард. — Все должно быть официально оформлено.

— Что оформлено? — лейтенант расстегнул ворот рубашки. Очевидно, в преддверии жаркого спора. — Лично я не уверен, что смогу удостоверить вероятный исход поиска.

— Почему? — спросил Артём.

— А где гарантия, что вы не спрячете потерпевшую в какой-нибудь камере здешних подземелий? Запугали девчонку, свели с ума и замазываете нам глаза мнимым походом. Искать нельзя, в монастырь не соваться... А потом взять, да и подмахнуть голословные разглагольствования вашего амбала?!

— Я тебе харю щас так разрисую... — угрожающе заворчал Артём, поднимаясь, но Большой вовремя поймал его за плечо и усадил на место.

— Знаешь что, лейтенант, — мягко сказал Большой. — Мое дело — вас предостеречь. Я не настаиваю: если хочешь, можешь перевернуть эту халапуту с ног на уши, можешь устроить повальный обыск в самую полночь. Валяй, проявляй бдительность. Кто знает: а вдруг у тебя действительно нервы отсутствуют напрочь? Но помни — к неприятным сюрпризам этого места нужно быть готовым всегда.

— Он подпишет акт, — заверил Эдуард, не поднимая взгляда от кружки. — Я имел консультацию с князем. Все сходится один к одному. Подпишет. И твои рекомендации будут выполнены без дураков, прослежу.

— Вот это — деловой разговор! — подытожил Большой.

16.

Приближался полдень, солнце шпарило в полную силу, ветерок наползал с ленивой вкрадчивостью круглого отличника. Артём бросил прощальный, жадно запоминающий взгляд окрест и вошел под каменные своды часовни. Впереди, загромождая коридор, шагала кабанья туша Большого, позади слышались неровные шаги Евдокимова, угрюмый, сторожкий топот подручных Эдуарда. Настроение было не из лучших, а точнее говоря, просто паршивое.

Дверь открылась плавно, без скрипа, запах затхлости смешался с запахом сухого песка. А песок был сух просто на удивление. Впрочем, учитывая то, чем на самом деле являлось это место, удивляться особенно не приходилось. Большой, утвердившись посреди зала спиной к дверям, достал из-за пазухи нечто похожее на длинный деревянный портсигар и вынул оттуда четыре тонких черных свечи.

— Прошу садиться, — пригласил он соратников с радушием природного палача. — Лицом к стенке. Вот так, чудненько. Эй, служивые, будьте любезны — заровняйте следы.

Сержант аккуратно прошелся по песочку граблями, предусмотрительно прислоненными к внутренней стене зала. Эдуард прикрыл дверь снаружи. Свечи, воткнутые прямо в песок, окружали сидящих довольно правильным квадратом.

— Зажигай! — распорядился Большой и первым потянулся к ближней, чиркая фирменной зажигалкой. Артём последовал его примеру. Неровный багровый свет воцарился в подземном зальчике старого монастыря. Темный дым от фитилей поплыл слоями, окутывая пространство. Дышать было можно, хотя удовольствие никакого.

— Приступаем к фазе прыжка, — предупредил Большой. — С Богом, салаги!

Артём закрыл глаза и заученно принялся представлять себе безжизненную пустыню, озаряемую всполохами багровых тонов. Это было не так-то просто. Одно дело, когда представляешь переход с абстрактной позиции, и совсем другое, когда знаешь, к чему это может привести... Подсознание ожесточенно сопротивлялось самоубийственному намерению своего обладателя. Прошло несколько минут, а может, часов, прежде чем Артём на смелился приоткрыть свинцово непослушные веки...

Да, пустыня была. И в точности, какой представлялась в самых зловещих кошмарах. Во все стороны, до самого горизонта тянулись нескончаемые пески, испещренные мигающей мозаикой кровавых отблесков неба. Неба, которого не было. Где-то над головой сумрак сгустился в сплошную черную завесь, то там, то сям испускавшую вдруг багровые вспышки, сливавшиеся на линии горизонта в угрожающую красную полосу, схожую с заревом ночного пожара.

— Поздравляю с прибытием в Ад, братцы! — раздался раскатистый басище Большого. — Любить и жаловать не обязательно! Подъем!

Артём встал и встряхнулся, поправляя рюкзак.

— Куда двинемся? — спросил с наигранной бодростью.

Большой раскурил сигару, зажигалку бережно спрятал в карман.

— А куда бы тебе хотелось? — раздался безмятежный ответ.

Вот собака!

— Ты атаман, — подал голос на удивление невозмутимый Андрей, — тебе и вести.

— Тогда вперед, — скомандовал Большой и подал подчиненным личный пример. — Андрюха, держись в середине. Воображение у тебя богатое, и с краю тебе нельзя.

Песок лежал плотно, однако под ногой подавался, осыпался в следы с тихим, но внятным шорохом. Казалось...

«Стоп! — одернул себя Артём. — Это просто шорох песка. Обычный, ничего не напоминающий звук сыплющегося песка. И ничто иное!»

И тут позади послышалось отчетливое шипение. «Спокойно! Спокойно!» Они обернулись и увидели пятиметровую кобру, поднимающую над поверхностью в самой угрожающей позе. В ее круглых смоляных шариках глаз притаилась смерть. С морды стекали капельки отвратительно желтого яда. Пальцы встревожившихся «салаг» автоматически легли на рукоятки ножей.

— Во! — с чувством глубочайшего удовлетворения промолвил Большой. — Добро пожаловать, господа иллюзия! Обратите внимание, товарищи

экскурсанты, какое удивительное сходство демонстрирует это явление с исходным образом. Жаль, что не настоящая, экземпляр просто превосходный.

С этими словами он сделал шаг вперед, нагнулся и прямо сквозь костяные чешуйки хвоста загреб полную горсть песка.

— Ах ты, моя призрачная миражулька, — ласково гудел он, посыпая голову гигантской змеи песочной стружкой из кулака. — Побудь с нами, не растворяйся, не исчезай.

Но слабосистемность адской сущности уже проявила свою переменчивость: очертания ядовитого гада потеряли свою первоначальную резкость. Теперь даже впечатлительный совладелец трубного комбината смог убедиться в призрачности угроз: очередная небесная вспышка просветила кобру насквозь и заиграла на поверхности песка тусклыми и бурными «зайчиками».

— Фу на тебя, капризница! — произнес адский ходок и дунул в сторону призрака, совершенно развеяв его в окружающем мире.

Андрей вытер мокрое лицо рукавом, отдуваясь так, будто наперегонки бежал. Артём посмеивался, скрывая усмешкой нахлынувшее облегчение.

— Пошли, — сказал Большой, стряхивая песок с ладони. — На ходу поговорим. Уясните себе накрепко, парни, что в Аду, за исключением очень небольшого количества вполне реальных существ, ничего настоящего нет. Если под ногами у вас внезапно разверзается бездонная пропасть, это означает лишь то, что вы этого сами хотели. Воспримете пропасть всерьез — она овеществится, сумеете убедить себя в ее нереальности — пройдете без всякого ущерба, потому что никакой пропасти здесь нет и быть не может. Любые чудовища, которые нам встретятся на пути, фактически не более, чем плод воображения. Вашего или чужого — неважно. — Он передал окурок Артёму и продолжил лекцию по теоретически-прикладному адоведению. — Защита от всех здешних каверз проста и безотказна: не дайте себя запугать, смело топайте напролом, пожмите лапу упырю-вурдалаку, облобызайтесь с циклопом, и они растают, как дым!

Со стороны это, наверное, выглядело очень впечатляюще: черное небо в зарницах, бурый песок до горизонта и три героя в белых одеждах, идущие навстречу чудовищным испытаниям; но Артём себя героем не ощущал. Возможно, по причине придавливающей тяжести битком набитого рюкзака. А возможно, и потому, что роль героя в нынешних обстоятельствах играть было не перед кем: Большой видел его насквозь, а перед Евдокимовым, слава Богу, был пример и более достойный.

Шли долго, никуда не сворачивая. Во всяком случае, намеренно. Да и куда тут можно было свернуть? Зачем? По уверению предводителя экспедиции, в Аду все пути ведут в Ад. Куда ни пойдешь — придешь куда положено. Единственное, что отдается на твое собственное усмотрение: оставаться ли дольше или вернуться в свой собственный Мир.

— Данте, конечно, великий поэт, — говорил Большой, не сбавляя шагу, — но в Аду не бывал. Его пресловутые семь кругов — не более чем ост-

роумная выдумка завсегда вина винных погребков. Все гораздо проще и в то же время гораздо сложнее, чем ему думалось. Хотя нельзя исключать, что в эпоху Средневековья структура здешнего Мира имела определенную схожесть с его построениями. Ад таков, каким его представляют, но об этом знают немногие.

— Ты хочешь сказать, что в результате распространения дантовских баек Ад перестроил свои порядки? — поинтересовался Артём.

— Частично, — поправил Большой. — Во-первых, Данте подстраивался под уже существовавшие представления. А во-вторых, Европа — еще не весь мир. Западная — тем более. Китайские, африканские и иранские представления о Преисподней влияли на нее ничуть не слабее, чем европейские.

Впереди угадывалось какое-то движение, какая-то неясная кутерьма.

— Приближаемся к Лете, она же — река Стикс, — предупредил Большой, — она же Дану, она же Смородина. Одним словом, условная граница для путешественников Потусторонья.

— Почему условная? — заинтересовался молчавший Андрей.

— Тут все условно, в том числе и граница. Люди сами придумали себе черту, за которой якобы начинается непосредственный Ад. Она и образовалась, согласно пожеланию клиентов. Подразумевается, что тот, кто вовремя одумался, может вернуться в свой Мир. Ну, а прочих ждут гибельные чудеса Нави. Все, как в наилучших фирмах по проведению сафари: предварительная демонстрация ожидающих вас трудностей, а там выбирайте — идти ли. Хотя, на самом деле, что там, что тут — разницы никакой. Мы уже в Аду, и все, что может случиться с нами за Летой, с таким же успехом произойдет и здесь.

Река разрезала пустыню по всей линии горизонта. Темная густая вода мчалась с бешеной скоростью справа налево, пузырясь и булькая на невидимых перекатах. Ширину определить оказалось весьма затруднительно — дальний берег едва виднелся в плотном тумане. Примерно в полукилометре правее какие-то призрачные силуэты грузились на столь же призрачную лодку; новые группы возникали незаметно откуда.

Большой уселся прямо на бережку, плюнув сквозь громадного краба, выбравшегося из воды с явно агрессивными намерениями, и посоветовав ему сгинуть, что тот и выполнил, не возражая.

— Попьем кофейку, — сказал Большой, — и полюбуемся отплытием Харона. По идее, давно бы пора ему раствориться в небытии, да пока держится за счет поэтического воображения записных рифмоплетов и фантазий специалистов по мистике. Тем и жив.

Они пили густую, обжигающе-сладкую жидкость и следили за призрачным ходом просвечивающей ладьи, сопровождаемой унылыми вздохами непонятого происхождения. Источника этих тревожащих звуков не наблюдалось, во всяком случае — поблизости.

— Не обращайтесь внимания! — махнул рукою

Большой. — Положено стонать, вот и стонет. Кто? Да какая разница? Может, сама ладья, а может, привидения, которых везут. Или сама атмосфера. Такая же иллюзия, как все остальное.

— И река не настоящая? — уточнил Евдокимов.

— Откуда тут настоящей взяться-то! — сплунул Большой. — Пустыня, она пустыня и есть. Полная пустота.

— А песок? — этот вопрос Артёма мучил давно, только все как-то недосуг было прояснить его: Большой был большой мастак заговаривать зубы.

— Что — песок? — переспросил атаман «экспедиционного корпуса».

— Песок здесь откуда?

— Знаешь что, мистер Шерлок Холмс, ты бы попрдержал при себе свои дедушкинские таланты! Лично мне по песочку как-то привычнее. А ты бы хотел по пустоте шлепать? Нет? И я не хочу. Потому и оставляю вопрос открытым. Ясно?

Ничего не скажешь, временами он был дьявольски убедителен! Артём допил кофе и, облокотившись на обманчивую реальность песка, с интересом следил за приближением какой-то летучей твари, стартовавшей с противоположного берега.

— Во, еще один реликт древнегреческого воображения! — хмыкнул Большой. — Сейчас она, конечно, уже не та, но в свое время смогла напугать даже такого храбреца, как Одиссей. Впрочем, не мудрено — человек был неподготовленный. Дерзок — да, дерзок, но, как и всякий в те века, религиозный ортодокс, — и выплеснул остатки кофе прямо в отвратительную рожу налетевшей Горгоны.

Призрак заверещал и испарился.

Путешественники сложили пожитки и тронулись в путь. Вокруг них струилась темная пелена реки, поднимавшаяся все выше, под ногами сухо похрустывал воображаемый песок. Становилось все интереснее.

— Не заблудимся? — состорожничал Андрей, окунувшись по самую макушку.

— При всем старании вряд ли удастся, — отозвался эксперт по проблемам Потусторонья. — Захочешь, да не получится. Топаи давай.

— Ты там что-то насчет греков заикался, — напомнил Артём, старательно пялясь под ноги в поисках опоры.

Иллюзия воды была полной, даже рыбы скользили мимо. Громадный спрут, непонятно каким образом очутившийся в пресной, по задумке, воде, попытался сцапать путешественников толстущими, как бревна, щупальцами, но к тому времени, когда Артём уже совсем приготовился войти ему прямо в рот, от всей его мощи осталась лишь бледная тень. Большой его, кажется, и вовсе игнорировал напрочь.

— Я не очень большой знаток восточной традиции представлений об Аде, — гудел Большой. — Да и вам, если на то пошло, непонятно будет. Греция ближе, доходчивей. Они довольно быстро вычислили свои местные стационарные зоны Перехода. Их герои шагают в Ад немногим реже, чем в дом терпимости, и уж во всяком случае гораздо

чаще, чем на Крит и в Египет. Все, кому не лень, лезут в гости к Аиду. Самыми наглыми оказалась парочка неразлучных корешей из Средней Греции — Тесей и Перифой. В здешние края они прибыли с абсолютно невыполнимой миссией — забрать в Реальность жену Аида. Не слабо, а?

— Круто, — согласился Андрей, плохо различимый в текучем сумраке Леты. — А что — была и такая?

— Почему — была? — поправил атаман. — Только захоти — и нынче будет. Но лучше не надо — она материализуется неотделимо от своего суженого, а он ведет себя соответственно — по-царски. Захочет — помилует, но скорее наоборот. Здесь так, парни: в кого поверишь, тот и слопает. Нет — лучше бы слопал! Будет жрать до скончания века, Ад все-таки!

Он остановился и чиркнул зажигалкой. Видеть курильщика в подводном царстве было забавно, правда, и видно почти ничего не было: так, тусклое мерцание огонька.

— Самое прикольное в этой затее, — продолжал Большой, — было то, что местный «самодержец», при всем желании, не смог бы исполнить их требования. Что толку тащить в Реальность иллюзию?! Кстати, из этого следует, что сумма знаний о принципах запредельных миров была еще крайне незначительна. Правда, существует и некоторая оговорка: нам, в свою очередь, трудно судить о тогдашней Реальности. Вторым любопытным моментом можно считать реакцию воплощенного Аида — он наказал их бессилием. Вдвоем они не боялись никого, даже Геракла, но здесь, после признания реальности иллюзии, никакие самые тренированные мышцы спасти не сумеют.

Огонек сигары плавно переместился в сторону Артёма. Сыщик с удовольствием затянулся щеко-чущим дымом. «Расскажи кому — в дурдом загремишь», — подумал, усмехнувшись.

— Да, ребятам воздалось на всю катушку, — рокотал басыще Большого. — И главное, удар был прицельным на зависть, по самому больному. Представляю, как они бесились, не в силах оторвать свои задницы от каменных кресел дворца, как орала друг на дружку до тех пор, пока не превратились в смертельных врагов... О, Ад умеет найти слабое место, чтоб ужалить под самое сердце!

Он помолчал, думая о чем-то своем, Артём догадывался, о чем именно.

— Какое-то время спустя Геракл освободил Тесея, — заговорил Большой. — Перифой остался.

— Почему? — спросил Артём.

— Трудно сказать. Хрущ полагал, что Гераклу совсем не улыбалось получить заново прежний расклад сил. Кому охота скатиться из королей в валеты? Но Тимоха придерживается иной концепции: Перифой зациклился на Персефоне до такой степени, что энергетически врос в здешнюю ауру.

— Мы что? Встретимся с ним? — подал голос Андрей. — Чего молчишь?

— Это я плечами пожимаю, — откликнулся атаман. — Может, и встретимся, а может, и нет. В зависимости от того, на сколько здесь застрянем. На чем бишь я остановился? Ах, да!

Движущийся занавес Леты постепенно снижался, они шли уже более получаса — пора бы этой гадости и вовсе закончиться. Зарево впереди полыхало с пугающей интенсивностью. «Небо» нависало над самой головой.

— Что касается Геракла, то его можно смело признать настоящим асом сопредельных миров. Этот парень умел гораздо больше, чем под силу нашему брату.

— Например? — уточнил Артём.

— Например, признать реальность адской сущности, но поставить ее в зависимость от своей воли. Никто не может, он — мог.

— А Венояр? — снова встрял в монолог неумный гений частного сыска.

— Он ставил перед собой другие задачи, рядом с которыми наши мытарства выглядят субботним пикником под водочку и закуску. И выполнил их. Венояр ограждал сопредельные миры от проникновения в реальность, а Геракл пользовался возможностями этих миров. У него был какой-то секрет, до сих пор не открытый нами.

— Может быть, повлияли изменения, нанесенные Венояром? — предположил Артём.

Большой отрицательно помотал головой.

— Нет. Орфей и его последователи тоже прокололись на этом деле. А было это задолго до Странника. Более того, я осмелюсь утверждать, что тайным обществам до нас далеко. До меня и Тимохи — во всяком случае. Я бы Эвридику вывел в два счета, глазом не моргнув, а ихний хваленый «лабух» все завалил, шляпа! На кого положился! Только подумайте — отдаться во власть царя Преисподней! Обхохочешься! — он сердито наподдал ногой по песку так, что целый фонтан его брызнул сквозь полосу весьма впечатляющего чадного пламени, вспыхнувшего на «берегу» с появлением экспедиции.

Артём спокойно шагнул следом, подтолкнув дрогнувшего Андрея. «А где тут медные трубы? — подумалось с мелким ехидным смешком. — Воду, кажись, прошли. Ого... Ого, как расшалилась несчастная иллюзия!» — поправился поспешно, почуввав внезапное дыхание самого настоящего жара. Преисподняя, похоже, имела о юморе свое собственное, специфическое мнение. Шутить позволялось немногим, для остальных расплата наступала незамедлительно. Ад ничуть не смущало то, что пришелец не боялся его фокусов. Вопрос решался в совершенно иной плоскости: веришь — не веришь. И если, хотя бы в шутку, поверил — все, пиши пропало!

— Слушай, атаман, — сказал вслух Артём, — у меня есть вполне приличная версия, объясняющая секрет Геракла.

— Валий, — разрешил предводитель экспедиции, обозревая бескрайнюю каменную стену, исчезающую за близким горизонтом, ворота с надписью на латыни и двух огромных чертей самого отвратного вида, чинно застывших у входа с внушительными резубцами в когтистых лапах. Видимо, оставшись удовлетворенным этим неприятным зрелищем, он сдвинулся с места и попер прямоком на стену. — Давай, рассказывай, а ты, Андрю-

Аха, слушай внимательно, не отвлекайся и помалкивай.

— Суть, как мне представляется, заключена в том, что Геракла считали сыном самого Зевса. Насколько я помню, он хаживал не только в здешние кущи, но и на Олимп. С гигантами он бился...

— Э-э! Вы куда это направляетесь?! — заорал один из привратников, потрясая трезубцем.

— ...наравне с Олимпийцами, — продолжал Артём, накрепко зажав собственное сознание, — значит выдался и с ними.

— Я кому говорю?! — Чертяка, как видно, окончательно выведенный из себя, бросил пост на напарника и ринулся к путешественникам, гулко топоча першероновскими копытами.

— При их тогдашнем восприятии мира, — вещал Артём, старательно игнорируя мерзопакостную иллюзию, набегавшую справа, — он и тутошние призраки считал существами, подначальными своему «батюшке». Структура царства Аида...

Нападающий пролетел сквозь недоверчивую троицу поисковиков, развернулся и принялся топтать их ногами, царапать лапами. Несмотря на свою очевидную слабосистемность, козлом от него разило со страшной силой.

— ...накрепко связана с представлением иерархической подчиненности Кронионов Зевсу. Миры не разделялись, а выстраивались пирамидкой, — невозмутимо объяснял Артём. — Кстати, чем это здесь так воняет?

— Да кто ж его разберет, — Большой недоуменно пожал плечами, по его упитанной морде медленно расплывалась злорадная широчайшая ухмылка. — Может, консервы протухли, а может, свалка поблизости. Ты продолжай, продолжай, Тёма, не отвлекайся на всякую ерунду.

Страшилище в ярости плюнуло огнем и, обреченно махнув лапой, поплелось в сторону покинутого поста.

— Идиоты какие-то! — донеслось из-за косматой его спины.

Андрей, не выдержав, зашелся в приступе хохота.

— Ну, вы и комики, братцы! — простонал через силу.

Дьявольская иллюзия повернулась и погрозила им своей трехконечной острой. Это было все, что ей оставалось.

Неприступная стена, сложенная из громадных валунов, так убедительно обомлевшая, что просто — ах! — пропустила воодушевленных юмористов без малейших помех. Даже впечатлительный Андрей не замешкался ни на минуту.

— Короче, твой Геракл настолько был убежден в том, что ни одна здешняя тварь не посмеет ему навредить, что им ничего и делать не оставалось, как подчиняться.

— Ясно, — подытожил Большой. — Иными словами — сыграл на противоборство концепций. Похоже на правду, похоже. Это, пожалуй, все объясняет. Проверить-то всяко-разно не можем. Придется принять за гипотезу.

За стеной действительно начинался настоящий Ад: там и сям горели вполне натуральные костры,

кипели черные вонючие котлы, наполненные булькающей, пузырящейся смолой, шипели гигантские сковороды... Были и мучающиеся грешники — бесплотные, смутные тени, театрально орущие во всю глотку, искусно стенающие и проклинаящие свою незадачливую судьбу. Повсюду шныряли всевозможные бесы, сошедшие, казалось, с полотен большого Гойи и Босха. Одни бегали между костров, деловито подбрасывая растопку, шуруя кочергами в багровых углях, другие реяли в воздухе, подтаскивая из «облаков» новые порции страждущих.

— Вот что может создать бредовая мысль человечества, — вздохнул атаман. — Заметьте: не человека — это бы еще куда ни шло, что за народ без уроды, но перед нами плод стойкой невменяемости всего рода людского! Эй ты, призрак! — окликнул он одного из чертей. — Ну-ка, сделай вид, что ты настоящий!

— А я, по-твоему, какой? — зарычал призрак, оскорбленный до самой глубины несуществующей своей души. Его пасть, украшенная алым раздвоенным язычком, растянулась в половину роста и клацнула тремя рядами акульих зубищ. — И вообще — почему тут без дела шляетесь, мать вашу так! А ну, марш на сковородку!

— Этого еще не хватало, — холодно ответил Большой, — всякий бред выслушивать. Тебе надо, ты и действуй.

— Сталкеры, что ли? — проворчал бес после минутной бесплодной борьбы. — Так бы и сказали. Только рано торжествуете, проходимцы: будет время — рассчитаемся на всю катушку! Еще плакать станете, что вовремя на сковородку не сели!

— Да что так? — усмехнулся Артём.

Бес посмотрел на него с издевательским сожалением.

— Сталкерам конец предопределен, — объяснил он и облизнулся. — Их смерть здесь гуляет. Как ни брыкаются, а рано или поздно на нее набредут.

— Ты мне ребят не запугивай, — встрял Большой. — Что будет, то и будет. А скажи-ка нам лучше, виденье зловредное, где бы нам новенькую из настоящих найти?

— Ну, не знаю, — замылся призрак, — говорят, что вон там какая-то белобрысая цыпочка появилась, — и он ткнул влево черной от копоти лапой.

— Спаси тебя Бог, доброе привидение. — Большой шагнул прямо в костер, его подручные, не рассуждая, двинули следом.

— Эй, вы куда? — всполошился бес, забега с боку мелкой рысью. — Я же вон туда показывал.

— Отстань, а то развею, — предупредил адский «челнок». — Брысь, говорю!

От всей этой чехарды, что творилась вокруг, рябило в глазах. Прошло не больше двух часов после «форсирования» Леты, но Артём уже выдохся так, будто весь день чугун разгружал. Он уже шел, не глядя, куда ступает; окружающая обстановка слилась в сплошное мелькание неблагоприятного калейдоскопа.

— Давайте отдохнем, — донеслось сквозь разноголосое верещание и гул призрачного мира.

— Терпите, орлы! — откликнулся Большой. — Еще часок-полтора надо продержаться. Только не забывайте, во имя всего святого не забывайте, что мы в пустыне. Андрюха, здесь ничего нет! Только песок и дурной мираж. Реально существуем лишь мы с Артёмкой. Вперед, мои хорошие, вперед, родимые!

Как они вырвались на чистое пространство, Артём не помнил, хоть убей. Очнулся от противного хруста песка на зубах, тяжело перевалился на бок, точно червь, выполз из лямок вещмешка, долго отплевывался. Андрей лежал рядом, раскинувшись навзничь, не дышал, а стонал. Большой в мокром до подошв комбинезоне полз на четвереньках, за ним тянулась аккуратно изогнутая борозда.

— Ты это чего? — изумился Артём. Из пересохшего горла слова выдирались с каким-то истерическим скрипучим подвизгом. Он закашлялся и полез за фляжкой.

— Осторожность не помешает, — уклончиво отозвался Большой, замыкая неровную, но отчетливую окружность. Приподнялся, окинул критическим оком место соединения, старательно подправил осыпавшийся ровик, исключив малейший намек на возможную перемычку. Отдуваясь, плюхнулся на задницу. — Ну, кажись, усё. Сорок минут на роздых, и будем трогаться.

Через десять минут поспел кофе. Измученный миллиардер, обжигаясь и охая, выдул первую кружку с рекордной скоростью и тут же приладил на огонек вторую порцию.

— Теперь молчок! — предупредил соратников адский ходок, и в голосе его прозвучала такая тревога, что у Артёма что-то ёкнуло в бесстрашной груди. — Даже если здешнее небо нам на голову сверзится — ни звука!

Странная, непривычная для современного глаза арба выкатилась из адского миража, галдевшего в километре от российских «туристов», и с завидной резвостью начала приближаться. «Ой-ой! — подумал Артём, приглядевшись внимательнее. — Этого нам еще не хватало!»

Допотопное сооружение, изготовленное из драгоценного черного дерева, влеклось двумя черными же пантерами, величиной заметно превосходившими лучшие образцы полосатых кошек Бенгалии. На сиденье меж двух огромных колес восседала молодая красавица в черном полупрозрачном платье, скрепленном на плечах большими мерцающими брошками, в золотой диадеме, украшенной черными опалами и раух-топазами. Темное сияние исходило от ее широко распахнутых глаз с неправдоподобно длинными ресницами. Высокая грудь вздымалась волнующе часто. Соратники Большого затаили дыхание при виде подобной ошеломляющей красоты. Большой смотрел хмуро, набычась, толстые пальцы с небрежной ловкостью прирожденного уркагана поигрывали сталью клинка.

Чаровница остановила свою экзотическую колымагу возле самой черты, одним грациозным движением соскользнула на «землю». Под воздушной завесой ткани отчетливо виднелись восхитительные линии обнаженного тела, смоляные коль-

ца кудрей ниспадали на спину пышной волной.

— Эй, вы где? — осведомилась красавица, с недоумением озираясь вокруг. — Куда подевались?

«Не видит... — удивился Артём. — Почему?» Услужливая память тут же напомнила ему о незавидной судьбе гоголевского Хомы, вызвав к жизни сосущую пустоту под «ложечкой». Похоже, что Андрей тоже врубился в ситуацию, судя по тому, что из очень бледного лица его стало просто мраморным.

— А-у-у! — рассмеялось чудное видение. — Не прячьтесь, глупые! Неужели я такая страшная? Неужели храбрые последователи Орфея испугались слабой женщины?

Гулкое молчание было ответом на провокационный вопрос.

— Ах, да! — спохватилось восхитительное создание. — Конечно, я совсем забыла про моих кошечек. Смотрите, я отсылаю их, — девушка хлопнула в ладошки, и колесница тут же откатилась шагов на полтора. — Видите? Нам никто и ничто не мешает побеседовать с глазу на глаз.

Артём видел, Большой отрицательно мотает башкой на немой вопрос Андрея. И правильно мотает: западня видна невооруженным взглядом.

— Нет, что же это такое?! — возмутилась красавица. — Это уж вообще ни в какие рамки не лезет!

Большой стряхнул со лба гроздь крупных капель испарины, не отрывая взора от настойчивой леди; нож в толстых, как сосиски, пальцах вертелся все быстрее.

— Чего ты боишься, Большой? — взывала «секс-бомба», разгуливая по самой границе круга, так близко, что песок временами сыпался в борозду. — Покажись! Мне всегда хотелось повидаться с человеком, о котором гуляет такое множество слухов. Говорят, даже будто ты напрочь лишен чувства страха, столь унижающего род смертных. Покажись женщине, герой! Ну, дай мне на тебя посмотреть! Я выполню все твои тайные желания. Даже те, о которых ты не смел и мечтать! Меня не зря считают царицей Любви, ты знаешь об этом!

Морда Большого не выражала ничего, кроме самого напряженного внимания.

— Ну что ж! — построжала красавица. — Если тебя не прельщают улады любви, может, заинтересует судьба твоих собратьев-подельников? Я могла бы многое порассказать. Я поведала бы тебе, на чем подловили Прохора Аполлинаруевича, на чем споткнулся Лёша Ступарев... Ты помнишь Коленьку Лелюшенку? Дай знать, что ты здесь, и я расскажу тебе, что с ним случилось, сколько и как он мучался, прежде чем нежная смерть унесла его прочь на утешных крыльях покоя. Покажи, что ты слышишь меня, хорек!

Нет, ее черты были так же прекрасны, не исказилось лицо, не скрючились изящные пальчики, но такой жуткой лютостью пахнуло вдруг от ее медового облика, что даже вовсе не робкий Артём почувал, как заледенело все внутри. Сейчас его не выманили бы из круга ни ведьма, ни ангел небесный. Впрочем, обращались-то не к нему — к Большому, это Большого очень умело, с утонченной гнусью провоцировали на взрыв.

АЭЛИТА

— Ты ведь считаешь себя суперменом, грязная жирная баба, — веселилась брюнетка, — так отважься, раскрой свою помойную дыру, выблюнь словечко. Чего ты боишься, хряк холощенный? Отзовись!

Большой молчал, утирая градом катящийся пот с лица. Носовой платок, которым он орудовал, по размерам приближающийся к детской простынке, уже сейчас явно нуждался в отжиме. Помощники оцепенели совершеннейше. Даже дышать через раз старались.

— Кого вы избрали себе в наставники, мальчики? Посмотрите на него! Вспомните, как он кичился своей неуязвимостью, как цену себе набивал! На что он нынче похож? Не надо, не говорите — я и сама знаю: на резиновый шарик, залитый рыбьим жиром и свинячьим дерьмом, — на самом деле она выразилась куда более откровенно. — Он же погубит вас здесь, как погубил своих прежних товарищей. Он и жив-то остался, потому что всегда сбегал задолго до серьезной стычки! При малейшей опасности он бросит вас здесь, чтобы по-прежнему иметь возможность жрать водку, тискать малолеток и направо-налево разглагольствовать о своих талантах. Кто из вас ищет беляночку, угодившую в наши края? Отзовись, и я помогу тебе вывести ее в Мир. Я готова обменять ее и ваши жизни на жизнь вашего никчемного жоака! Одно слово — и вы дома. Дома!

Артём, не издав ни звука, повернулся к Андрею, упер в его горло сверкающее жало ножа, чего тот, кажется, совсем не заметил.

— Вы что ж, играть со мной вздумали? — прошипела окончательно разгневанная чаровница, повернувшись к кругу спиной, чем лишний раз подтвердила надежность этого необычного убежища. — Ну хорошо ж! Только про девицу свою советую теперь же забыть: через час от нее и косточек не останется!

Большой предостерегающе выставил в сторону помощников огромную растопыренную ладонь.

— Считаю до трех, — предупредила красавица. — Раз. Два. Ну? Т-р-р-ри!

Повозка в мгновение ока нарисовалась рядом со своей госпожой. Она неспешно уселась на подушку, расшитую золотой нитью, заботливо расправила платье и, зычно гикнув, умчалась в направлении предполагаемого движения экспедиции.

Андрей, оттолкнув Артёма, завывл в полный голос.

— Не реви, Андрюха! — тяжело закашлявшись, вытолкнул из себя Большой. — Ничего она твоей Маринке не сделает. Знаешь, где она теперь?

— Где?

— В засаде нас поджидает. — Большой вынул сигару, вторую бросил Артёму и, прикурив, жадно затянулся дымом. — Надеется, что кинемся вперед очертя голову. Только игра все это! Огромная беспросветная ложь! Все — ложь от начала и до конца.

— Да?! — зарычал Евдокимов, приподнимаясь и хватаясь за нож. — А где гарантия, что ты нам не брешешь?! Где?! Ваше счастье, что я не из тех, кто своих сдает, а то никакие уговоры бы не помог-

ли! Но я хочу знать, почему ты прятался от этой ведьмы! Я хочу быть уверен, что она не отыграется на Маринке! Говори, Большой, убеди меня в том, что со мной играют по-честному!

— Сто «лимонов» гарантии тебя устроят? — рявкнул Большой. — Я пришел сюда за твоей женой. Если б я был уверен в истинности намерений Гекаты, меня бы здесь уже триста секунд как не было! Здесь — Ад, понимаешь ты это, придурок? Ад! И хуже того, что сейчас творится с твоей суженой, ни одна самая зловредная тварь сделать не может! Здесь о смерти мечтают, как тонущий о соломинке. И этого удовольствия — умереть — Геката никому не доставит. — Он стряхнул на песок сизый столбик пепла. — Она даже нас с вами убьет лишь в самом безнадежном случае, да и то постарается, чтоб не крякнули в одночасье. Это во-первых.

— А во-вторых? — спросил Артём.

Большой, не отвечая, забрался в рюкзак и вынул килограммовую банку белградской ветчины, пачку сухарей и здоровенную плитку шоколада.

— Объявляю ужин с ночлегом, — сказал он. — Разрешаю добавочную кружку воды. Ты спрашивал, что во-вторых? Докладываю: будь она уверена, что мы еще здесь, вы бы и не такое услышали! Сегодня ее выступление было похоже на лай добросовестной цепной шавки, брешущей вслед исчезнувшему прохожему, чтобы успокоить хозяина и лишний раз показать свою хваленую бдительность. Ешьте, и будем укладываться.

— Кто она такая — эта Геката? — проворчал Андрей, немного успокоенный в отношении участи пропавшей жены. Впрочем, если б он мог только представить, какова она — ее нынешняя доля... — Почему мы отсиживались за этой дурацкой бороздой, вместо того, чтобы взять ее за глотку и заставить возратить мне Маринку?

— Знаешь, Андрюха, — ответил Большой с глубоким вздохом, — если б я мог это сделать, я б назвался не Большим, а Великим. Вся беда в том, что до Срока Гекату не одолеет никто. Она бессмертна, и власть ее почти безгранична. Здесь — особенно.

Он отхватил от ветчины толстый пласт и, зажав между сухарями, с хрустом надкусил свой походный сэндвич.

— Полагаю, мой моральный облик был обрисован весьма живописно, — сказал он с набитым ртом. — Но, несмотря на все мои чудовищные пороки, одна светлая мечта у меня все-таки есть: очень хотелось бы дожить до того времени, когда наконец-то будет можно смять пальцами гекатину шейку.

— Погоди, атаман, — неожиданно вспомнил Артём. — Если не ошибаюсь, Геката — это какая-то древнегреческая богиня...

— Ну почему же греческая, — молвил Большой, облакачиваясь на рюкзак. — Разве боги обладают национальной принадлежностью?

— А Христос? — напомнил Андрей и осторожно коснулся ладонью ключиц.

— Есть такое понятие, как аватара. По-нашему, чтоб понятней было, воплощение. Это — да-

Воплощаться приходится в человека, а человек к какому-нибудь народу да принадлежит. Ты что ж, думаешь, на одном и том же Олимпе восседают древнегреческий Зевс, древнегреческий Юпитер и славянский Перун? Не, ребята, громовержец один, как ни называй — один. Греки эту кошачью наездницу звали Гекатой, другие — Кибелой, третьи — Иштар.

— Но ведь какое-то имя у нее, наверное, есть?

— Разумеется, — пожал плечами Большой. — И если б я его знал, моя светлая мечта исполнилась бы задолго до Срока. Имя автономной сущности есть ключевое слово, отдающее во власть произносящему всю ее мощь. Дела эти древних времен, отсюда и обычай скрывать подлинное имя от постороннего. На всякий случай. А теперь — спать! Спать!

17.

Проснулись они бодрыми, хотя и не настолько, насколько б хотелось. Что поделаешь — Ад! Позавтракав, тронулись в путь. Шли медленно, настороженно озираясь по сторонам. После стычки с настоящей опасностью порождения человеческой фантазии не пугали даже Андрея. Дважды подвергались они нападению неопишимо противных монстров, но ничего, кроме досады, не испытали. Один раз видели большущее тележное колесо, катящееся по пустыне. Следом за колесом бежал пьяный мужик совершенно зверского вида. Время от времени он догонял предмет своего преследования и с радостным воплем втыкал в него остро отточенный плотницкий топор. Из пореза веером брызгала кровиха, колесо верещало благим матом и прибавляло скорость, а мужик разражался восторженным гогом и возобновлял бесконечную свою погоню.

— Оборотня гонят, — пояснил Большой. — Добаловался, дурило.

На горизонте появились какие-то руины. А может, так казалось издали. Во всяком случае, чем ближе экспедиция подходила, тем более крепкими, по-варварски упорядоченными и даже в чем-то изысканными представляли здания не то городка в готическом стиле, не то замка-переростка, поставленного в Аду невесть для чего.

— Ловушка для нашего брата, — хмуро пробормотал Большой. — Страшное дело! Здесь походила с ума вся карпатская экспедиция. Разумеется, за исключением тех, кто погиб.

Он остановился и вынул из рюкзака две пары наушников, микрофон, который обычно цепляют к вороту, и маленький передатчик. Артём приладил блюдец динамиков поудобнее, каучук плотно прилип к влажной коже головы.

— Нашу видимость ограничивают здания, — загремел в ушах голос предводителя, — вот в чем основная опасность города. Внезапность атаки адских сущностей опрокидывает защитные порядки человеческой психики. Тут мало быть просто знающим, нужен длительный навык особого рода...

Сквозь ближнюю стену они проникли в холл трехэтажной башни, высившейся таким городским

форпостом в начале мощеной улицы. В холле горел камин, в кресле возле камина сидела девушка совсем юного вида, облаченная в костюм средневековой принцессы: платье с очень откровенным декольте, с рукавами-буф... При виде столь бесцеремонного вторжения на ее миловидном личике возникло выражение забавной растерянности и испуга, ротик, похожий на маленькое розовое сердечко, открылся, произнося неслышимые слова.

— Не засматривайтесь особо, — рокотал в ушах голосище Большого. — Эта крошка работает по принципу трансформации образа. Когда ее ротик превратится в полуфутурную пасть с кинжальными клыками вурдалака, а синие глазенки заполнятся кровью, когда бледные пальчики обернутся желтыми когтями, не каждый, совсем не каждый вовремя успеет законопатить все щели пораженного сердца. Тут ему и крышка! Не оборачивайтесь, сама догонит...

Да-а, трансформация действительно выглядела очень впечатляюще! Артём сплюнул, увидев истинное обличье адского создания, беззвучно пролетевшего сквозь него в гигантском прыжке. И ведь кто-то же придумал такое! Они давно уже шагали по залу очередаемого здания, а неумная упырь-девица все хлопотала вокруг, беззвучно хлопая тигриным хлебальником и ухарски размахивая синеватыми лапами. Вот сволочь! И, главное, сделать ничего нельзя, только терпеть.

— Это еще ничего, — «утешал» своих поделников адский «челнок». — По идее, сейчас еще кто-нибудь нарисоваться должен. И обязательно внезапно, чтобы кровушка в жилах хоть на долю секунды замерзла. Ну. Что я вам говорил?

Второе видение предстало в виде отвратительного старика, спикировавшего Андрею на голову. Оно лезло прямо в лицо, кривлялось и корчило, что-то крича слюнявым оральником, из которого не столько страшно, сколько тошнотворно-противно торчала пара гнилых резцов с острыми сколами.

— Ерунда, парни! — выпевал Большой, издевательски похохатывая. — Сцена пока еще в процессе заполнения. Еще не все актеры успели на представление.

Правда: монстры все прибывали и прибывали... Какие-то крысы с облезлыми раздвоенными хвостами назойливо прыгали пришельцам на грудь, путались под ногами... Двухметровый урод с рахитичными конечностями и котлообразной башкой раз с разом демонстрировал на себе поразительное по натуралистичности хакири, причем из разодранного пуза с постоянством часовой кукушки выскакивала до невозможности гнусная харя, старательно страшавшая сталкеров улиткообразными глазищами, покачивающимися на пивках рожков... Много чего было, всего не упомянешь. Они уже вышли за городскую черту, а взбесившаяся орава все не оставляла своих безуспешных атак.

— Ну что, Андрюха? — глумился Большой, всю пользуясь тем, что ответить ему было категорически невозможно. — Меняемся, а? Я в твой офис, а ты на мой пост заступишь. Работенка, что называется, не бей лежачего! Соглашайся, дурило!

Впрочем, несмотря на всю его изумительную

выдержку, ему, похоже, вся эта свистопляска стала надоедать.

— С каких это пор галлюцинации города стали шастать в пустыню? — гаркнул он на внезапно застывшую «карусель». — А ну, марш на место, проклятое недоразумение! Я сказал, брысь отседа! Щас сдую! — Через минуту мерзопакостная компания осталась далеко позади...

Потом были горы с камнями-живоглотами, скаловидными троллями, убедительно лязгавшими зубами и сопевшими на манер старорежимного паровоза-«кукушки». Потом — лес, напичканный всевозможными «жутиками» вроде хищных деревьев, цветов и змееподобных кустарников. Трава там росла почему-то стеклянная, во всяком случае, Большой уверял, что именно такова ее природа; а звери отличались исключительным разнообразием.

— Странно, — сказал Артём во время очередного ужина, происходившего за чертой тщательно выписанной окружности. — Куда это подевалась наша красotka? Забыла про нас, что ли...

Андрей вздрогнул.

— Ничего они не забывают, — «утешил» помощников предводитель. — И это весьма прискобно. А с другой стороны, не настолько уж мы важные персоны, чтоб занимать все помыслы хлопотливой Гекаты. Я же говорил, что она и понятия не имела о нашем пребывании здесь. Так — погонишилась на всякий случай, часок-другой посидела в засаде... Защитные свойства круга не очень эффективны, однако при соблюдении особых правил вполне удовлетворительны. Во-первых, нечисть его попросту не видит. При условии, что ты не подашь голоса, никто и знать не будет, здесь ли ты или давно в мире Реальности. Соображаете? Вот вторых, даже зная о присутствии человека, адская сущность не может одолеть черты.

— Почему? — спросил Андрей.

— Действие есть продукт целенаправленного волевого усилия. Но за отсутствием объекта действия усилие исключено, в дело вступает подсознание. На уровне подсознания замкнута окружность взаимодействия с нечистью по принципу однополюсных магнитов. Она отталкивает, отводит в сторону. Пока автономная сущность не увидит тебя, можешь быть абсолютно спокоен. Вся беда гоголевского Хомы заключается в его добросовестности. Молитвы нужно читать «про себя», тогда Вия никто не осмелится потревожить. Не тот кадр, чтобы бегать на сомнительные дела.

— А что, есть и Вий? — Артём невольно пожегся. Его смешили забугорные триллеры, выплеснувшиеся на отечественные экраны, а вот что касается «Вия»... То ли оттого, что в ранней юности восприятие намного живей и непосредственней, то ли оттого, что увиденное метко и плотно накладывалось на внутренние подспудные представления о потусторонней угрозе, но экранизированная повесть украинского гения произвела на Артёма незабываемое впечатление: стоило в его сне появиться любому из действующих лиц давнего фильма, он просыпался с пересохшим ртом и бешено бухающим сердцем.

Большой, не торопясь, отхлебнул чаю, пожевал губы в раздумчивом рассеянии.

— Действия без противодействия не бывает, — протянул равнодушно. — Нет такой брони, какую бы не пробрили.

Утром он встревожился безо всякой на то причины и перед выходом из круга повторил инструктаж на случай непредвиденной стычки. Шли медленно, не спеша, озираясь по сторонам. Что-то явно происходило, но что именно, Артём не понимал. Большой замкнулся, на вопросы отвечал отрывисто, резко, будто не слова выговаривал, а каленой картечью швырялся. Откуда-то слева из-за ближнего горизонта прибежала вполне обыкновенная лисичка средних размеров. Близко не подходила, держалась метрах в пятидесяти, но не отставала. Помрачневший Большой совсем озверел: послал Андрея к нехорошей матери, а Артёму посоветовал забить свой язык себе в известное место. Его походка сделалась еще тяжелей и в то же время обрела поистине пружинную упругость.

Лиса забежала сбоку, отрывисто тьякнула, привлекая внимание. Между пустыней и нависающим «небом», загородив горизонт, появился огромный продолговатый глаз с налитым кровью белком и тяжелыми веками, начисто лишенными ресниц; черный, как воронье крыло, зрачок в упор уставился на пришельцев. Что-то происходило, что-то нехорошее сгущалось вокруг, атмосфера стремительно накалялась.

— Не жмитесь ко мне, идиоты! — зарычал Большой. — Кому вы нужны, кроме меня и налоговой службы?!

Навстречу катилась банка тушенки, катилась сама по себе в полном безветрии Ада. Большой с остервенением плюнул в ее сторону, но не попал. Артёму стало нехорошо, он ничего не понимал. Он терялся в догадках и не знал, к чему готовиться. Что может быть хуже?

Лиса тьякала тихонько, но беспрестанно. Это порядком действовало на нервы, а тут еще откуда-то из-за спины послышалось отчетливое, издевательски-злорадное граянье. Артём обернулся: почти над самыми их головами реял большущий, изрядно облезлый ворон с осмысленным выражением ненависти в круглых глазах.

— Гр-р-роб! — с удовольствием сказала злоедающая птица. — На гор-р-рбу гр-р-роб! На гр-робу вор-р-рон! Гр-рудинка р-радует Р-руми!

— Р-рано р-радуешься, Р-руми, — огрызнулся Большой. — Дур-р-рак!

— Раб! Р-р-ра-аб! — озлился ворон, запылающе хлопая крыльями, но предусмотрительно держась в недостижимости прицельного броска. — Пр-р-роклят! Пр-р-роклят!

— В следующий раз сокола с собой принесу, — пообещал Большой. — Он тебе перья-то поведет, курица в макияже!

Впереди появилась едва заметная черная точка. Большой выругался и, набычась, ускорил шаг.

— Может, обойдем? — предложил белый от ужаса Евдокимов.

— Зря ноги истопчешь, — рявкнул атаман.

Не забывайте об уговоре, салаги, и держитесь по-своейски.

Ворон Руми спикировал наземь, шел по песку и каркал в спину. Лисица бегала кругами, подвывая и облизываясь. Веки автономного глаза на миг сомкнулись, но взгляд от этого сделался еще противней, еще пристальней. По мокрым спинам гулял знобкий сквозняк. Точка медленно, но неотвратно росла, обретая очертания беспросветно-черной скалы, отблескивающей багровыми лучами. От одного взгляда на этот глухой монолит на душе становилось тревожно до мути. Большой сбавил темп, сопел тяжело, со всхлипом.

Скала приближалась, становясь еще угрюмей, еще страшней. В пределах видимости песок волновался, шурша, будто нескончаемый клубок трущихся змей. Небо заметно снижалось, а может, скала оказалась гораздо больше, чем привиделась на первый взгляд. Над головой с радостным голодным хрипом промчался Руми и сел на вершину горы, клоня набок носатую головку. Большой вел свой отряд напрямик, не сворачивая.

Артём совсем было приготовился форсировать очередное препятствие привычным уже методом, но скала внезапно повернулась вокруг своей оси. В скале сидел человек. Точнее, не сидел, а полужал, откинувшись, словно в авиационном кресле. Над головой его нависала глыба утеса, под ногами виднелись шесть полированных ступеней.

— А-а-а! — воскликнул он хорошо поставленным басом. — Кого я вижу?! Здорово, Большой!

— Ненастный денек, темная ночь! — вежливо отозвался адский ходок. — Как поживать изволи-те, ваше паскудство?

Черные кудри незнакомца густой волной струились до могучих плеч, на которых, при желании, можно было запросто унести матерого зубра. По обе стороны изящно изогнутого носа мерцали раскаленные уголья огромных глаз, взиравших на дерзких людишек с властной, но мягкой иронией. На резко очерченных губах гуляла царственная улыбка. Бледное лицо было тщательно выбрито, тяжелый подбородок с пикантной ямочкой, столь почитаемой представительницами прекрасного пола, заметно выдавался вперед. Шея, похожая на колонну каррарского мрамора, была украшена витой золотой гривной, отполированной до солнечного блеска. Длинная рубаха, сотканная из золотых нитей, спускалась ниже колен и на талии была туго стянута черным бархатным пояском, обшитым изумрудами; просторные рукава достигали жилистых, крепких запястий. Длинные ухоженные пальцы, униженные янтарными перстнями, неторопливо и как-то осмысленно шевелились на подлокотниках этого экзотичного трона. Холодной, беспросветной жутью повеяло вдруг в парном адском эфире.

— Скучно живу, — вздохнул незнакомец, но было в его голосе такое неистребимое ханжество, что Артёму на миг очень захотелось вдруг плюнуть в это красивое и бесстыдное лицо. — Весь в нетерпеливом ожидании я, разлюбезный мой сталкер. Все сижу и гадаю: помнишь ли ты о нашем

— О таком не забудешь, — с откровенным сожалением отвечал Большой, сбрасывая рюкзак наземь. Его подчиненные охотно последовали поданному примеру.

— А чего ж на глаза не кажешься? — весело попенял державный брюнет. — Давно бы пора.

— Задача больно серьезная, чтобы спешить.

Незнакомец сочувственно закивал пышной своей шевелюрой.

— Это верно, Большой. Ты даже не представляешь себе, насколько серьезная.

— Отчего же не представляю? Напротив.

— А вот это уже не твоего ума дело, — холодно промолвила автономная сущность, продолжая однако скалиться в псевдорадушную улыбочку. — Откуда ты знаешь о Сроке, насекомое? Что ты вообще можешь об этом знать? От кого?

Большой задумчиво смотрел брюнету прямо в глаза.

— Я вижу, с памятью у тебя совсем неладно стало, Асмодей, — сказал он просто. — А ведь «Апокалипсис» при тебе был написан.

— При мне, — согласился Асмодей, наклоняясь вперед. Его пальцы впились в подлокотники, точно вороны когти. — Только почудилось вдруг, что Иван-апостол и твоя болтовня — разные вещи. Сам скажешь или помочь?

— Ты меня не пугай! — Большой вынул сигару, явно бравируя, щелкнул по ней ногтем. — Ничего ты мне не сделаешь. Я в пятницу говорил с Тимохой, он в этот вертеп больше не ходок. Кто тебя выведет в мир, кроме меня? Уж не мои ли салаги?

Существо, обосновавшееся в утесе, плотоядно сощурилось, разглядывая нагледца с головы до пят. Лисица подбежала почти вплотную.

— Угр-р-робим? — деловито каркнул Руми с вершины скалы. — Пор-ра, пор-ра...

— Подойди-ка поближе, если такой храбрый, — сказал Асмодей. — Чего замаялся?

— А мне и здесь хорошо, — отозвался Большой, извлекая зажигалку.

Артём понял, что приближается решающая минута, подтолкнул локтем Андрея.

— Не дразни меня, сталкер, — сказал Асмодей, приподнимаясь. — Я ведь демон не гордый, могу и сам подойти. Как бы только кой-кому худо не стало.

— Без меня отсюда никто не выберется, — твердо ответил Большой. — Тебе-то и вовсе дорога заказана.

Асмодей легким, игриво-пружинистым шагом спустился вниз. В его правой руке неведомо откуда очутилась вдруг двуххвостая плеть. Два огромных — с ладонь — скорпиона, уместившиеся на кончиках плети, угрожающе завилились, вздымая гарпуны хвостов.

— Так что, насекомое? — спросил Асмодей, останувшись в двух шагах от Большого и взирая на него с высоты двухметрового роста. — Огреть разок?

Большой не дрогнул, не отступил. Они стояли друг против друга — две боевые машины, и адский воздух плавился в огне их встречных взоров. Прошла минута, протянулась другая...

— Ты причинил мне много зла, — сказал Большой, опуская глаза и прикуривая сигару. Было прекрасно видно, как судорожно вздрагивает маленькое пламя зажигалки в его руках. Понимая, что все пропало, «салаги» шагнули вперед, обходя демона с флангов. — Откуда мне знать, что наш уговор не будет нарушен, спустя мгновение после того, как я выведу тебя на свободу?

— Я поклянусь тебе именем моего господина, — ответила сущность, играя плетью. — И ты понимаешь, насколько мне будет худо, если я не исполню той клятвы.

Большой сунул зажигалку в карман, задумчиво глядя противнику в грудь.

— Ах, даже вот как? — протянул он, поднимая руку к затылку. «Салаги» автоматически взяли за ножи. Это скоординированное движение лишь на мгновение отвлело прицельный взгляд бессмертной сущности, но и этой малости Большому хватило: послышался металлический щелчок, мелькнуло нечто, похожее на петлю аркана.

— А ну, сними! — заорал Асмодей, не двигаясь с места, не делая даже попытки взмахнуть своей жуткой камчой. Тонкая проволочная пентаграмма с приделанной к ней ручкой футляром отделяла демона от окружающей адской среды. И, естественно, от людей.

— Сними, червяк! — с лютой, испепеляющей злобой, чудовищно искажившей правильные черты, повторил Асмодей. — Рано или поздно, я все равно вырвусь отсюда, и тогда ты сто раз пожалеешь, что появился на свет! Я не Геката, я помню все. И я достану тебя даже из-за райской черты!

Неистовые вопли связанного Асмодее смолкли далеко за спиной, лисицу и ворона тоже что-то не было слышно.

— Ну, как вам понравился Асмодей? — спросил атаман своих подчиненных, когда черная точка скалы растаяла позади. — Не правда ли, мил?

— Да уж! — просипел Евдокимов, утирая взоревший лоб. — Милее некуда.

— А мне он почему-то напомнил Кощя, — сказал Артём.

— Не вздумай при нем такое провякать. — Большой затаился с величайшим блаженством, ясно выразившимся на его багровом лице. — Эта скотина тщеславна до полного изумления. И практически бессмертна, что тоже не очень-то вдохновляет. Похоже, что это мой последний рейс, орлы. Да и сейчас нужно пошевеливаться...

Они шли и шли, валясь от усталости, не останавливаясь даже для приема пищи. Когда Андрей рухнул прямо в песок, Большой объявил привал на «ночлег», но спали от силы четыре часа. А потом заново тронулись в путь, на ходу поглощая холодные консервы и заглатывая кофе на манер медицинского порошка. Большой гнал их вперед со страстным садизмом какого-нибудь древнего рабовладельца.

— Да куда же мы несемся, как оглашенные? — простонал вымотавшийся до предела Артём. — Он, может, лишь через неделю освободится.

— А может, через тысячу лет, — подтвердил Большой, свирепо грызя замурзанный кончик си-

гары. — Или через двадцать минут. И тогда, парни, лучше сразу покончить с собой, потому что уйти он не даст. Вперед! Вперед! Сгорим на марше в пику всем автономным сущностям девяти миров!

Время от времени они подвергались атакам различных монстров, описание которых составило бы солидную энциклопедию, ввиду их абсолютной непохожести ни на одно из чудовищ, знакомых читателю. Но адские ходяки находились уже на той стадии усталого озверения, когда все изыски большого подсознания свихнувшегося человечества производили впечатление не больше, чем глупый телевизионный детектив.

— И сколько может продолжаться эта!.. — взбунтовался Андрей, в очередной раз припечатавшись лицом в издевательски ровный песок.

— Сколько понадобится! — зарычал Большой. — А кому не нравится, хай остается! Подъем!

— Надо передохнуть, атаман, — Артём сел рядом с Евдокимовым, со стоном сбросил рюкзак и полез за флягой. — Хочешь нас убить? Валяй, сделай одолжение — у меня плачет каждая жилочка, даже те, о существовании которых я не подозревал.

— Плачут, говоришь? — ощерился атаман забузвившего воинства. — Да ты еще не видывал настоящей боли, пинкертон!

— Возможно. — Артём не стал спорить. — Но мера моего мизерного опыта уже превышена настолько, что я не в состоянии представить более худшего варианта. Предлагаю отдышаться хотя бы чуть-чуть.

На Большого было страшно смотреть: казалось, еще секунда-другая, и он бросится на них с кулаками. «Ну и пусть! — подумал Артём. — Чем так мучиться, лучше подохнуть!»

— Надо было погонять вас еще недельку! — выдохнул Большой и плюхнулся наземь. — Сколько раз клялся себе самой страшной клятвой: не связываться со всяческими дохляками, и вот — на тебе! Даю четыре часа на жратву и дрему, и ни секунды больше!

Артём Баца — крутой мастер частного сыска — в ответ молча ткнулся головой в песок, Андрей уже спал.

Потом все возобновилось: бесконечная ходьба в сторожке безмолвия, периодические наскоки тошнотворных выродков Ада, и даже живительная влага, принимаемая чаще и чаще, начала казаться всего лишь досадным напоминанием об их подлой судьбине. Артёма раздражало решительно все: и сухое шуршанье песка, и кровавое подмигиванье дурацкого неба, и неутомимые слабосистемные твари. Но больше всего он ненавидел своих спутчиков.

— Отдых! — донеслось вдруг до его затуманенного сознания, рассчитывающего до мелочей очередной вариант бесприигрышной атаки на осточертевших сотоварищей. — Даю семь часов!

Когда напряжение в ноющих мышцах немного отступило, Большой ни с того, ни с сего пустился в туманные разлагольствования о том, как вредно влияет на психику человека длительное пребывание в приграничных мирах. О том, как превосходные, славные парни, совместно сожравшие не еди-

Азита

ный пуд соли, делались вдруг смертельными врагами, побродив по адским тропинкам неделю-другую...

— Ты это к чему? — взорвался Артём, взбешенный намеками атамана.

— Да просто предупредить хотел, — с удивительной для него миролюбивостью отозвался Большой, надкусывая хрусткий ржаной сухарь. — Вон, хоть на меня погляди. Временами сам себе удивляюсь, в зеркало глядячи: и с чего ты, дружок, таким стервецом смотришься? всю-то жизнь был ты рубахой-парнем, таскал на хребте обессиленных, уступал местечко в трамвае дряхлым старушкам, жалел морды упившихся ухарей. Что с тобой случилось, Алик! Во что превратила тебя твоя «производственная атмосфера»!

— Слюни вытри, — посоветовал Артём. — И говори прямо.

— Ну, если общество просит... — Большой печально пожал плечищами и рявкнул, мгновенно превращаясь в прежнего деспота-горлодера: — Я за вами, орлы, в оба гляжу! И все свои дурацкие задумки выбросьте сразу: первого, кто дернется, оборотням скормлю! Оба с ума спрыгнете — обоих урю!

18.

Несколько раз на дороге попадались им сцены всевозможных мучений, творимых над вполне реальными человеческими сущностями. Большой только мрачнел и прибавлял шагу. «Разорваться мне, что ли?! — заорал он на своих гуманистов-помощников, рискнувших обратить его внимание на недопустимость подобного поведения. — Их тут за неделю по три штуки оказывается! — Долго сопел, потом буркнул вполголоса: — Некоторых, конечно, доставать приходилось, когда без груза назад шел...»

По всему, получалось так, что болтались они в этих местах уже давненько. Рюкзаки заметно исхудали, вода в канистрах всхлипывала и бултыхалась на каждом шагу, ячейки одежных сеток плотно забились песчаной пылью, воздух практически не пропускали. Тело зуделось так, будто ночевали нагишом на муравейнике. Все время хотелось спать, нервы ощущались, как перетянутые басовые струны, готовые лопнуть в любое мгновение. Только страх перед неизвестными еще талантами атамана удерживал новичков в рамках повинования.

Была еще остановка, и еще несколько... Ощущение времени стерлось, как лезвие двадцатилетнего хлеботора. Артём то и дело ловил себя на странных провалах в ничто, в полную потерю сущностной ориентировки. Были моменты, к счастью, мгновенно проходившие, когда он начинал сомневаться в собственном бытии.

«Не поддавайтесь дурману, парни! — хрипел Большой, время от времени награждая сопутчиков увесистыми тычками. — Ад только того и ждет, чтобы встать с нами на короткую ногу. Ему одинаково в масть признание реальности происходящего и иллюзорности человеческой личности, как та-

ковой. В обоих случаях уровень выравнивается в его пользу. Будьте выше Ада!»...

19.

Легко сказать: «будьте выше», но выполнить это гораздо сложнее! Особенно после нескончаемого неприятия всего происходящего вокруг. Вот сквозь глыбообразную тушу Большого внезапно проникает тускло-красная зарница, полыхнувшая у самого горизонта; полупрозрачная рука Евдокимова (если это вообще Евдокимов!) определенно сливается с окружающим прахом. Безвкусная, удручающе мокрая вода уныло вливается в онемевшее горло, призрачно скользит по бесчувственному, дубовому языку...

Нет ничего. Ни блаженства, ни боли... Гораздо реальной пустой реальности резонирующая внутри мрачная, но такая притягательная и высокая музыка... Немного жаль, что звучит она внутри пустоты, но это единственное, за что может уцепиться разбегающаяся, нестройная мысль... Ай! Что это?

— Совсем охренели, что ли?! — всхрипнул Артём, подскочив от булавки, впившейся в мягкое место. — Голову оторву!

Большой проворно отпрыгнул в сторону.

— Гляди-ка! — хохотал он с явным облегчением. — Ожил! Ну, все, все! Прости подлеца — еще раз, и больше не буду!

Андрей радостно улыбался. Видно, тем же способом был взбодрен незадолго перед этим.

— Вперед, салаги! — рявкнул Большой. — Мы пока еще живы и реальны назло всему! Вперед-вперед, да будет нам пухом сырая, дрянная и наилучшая Земля!

— Хотелось бы верить, — проворчал Артём, прихрамывая и осторожно потирая саднящую задницу.

— А ты верь. Покуда вера сильна, ничего не потеряно.

20.

В этот раз просыпались долго и неохотно. Даже Большой, казалось, утратил добрую половину извечной своей заряженности на тропу. Несмотря на то, что спали больше обычного, вымотанные организмы с трудом приходили в чувство, было особенно неуютно и как-то кволо. Вставать не хотелось совершеннейше, ныли, казалось, не только мышцы, но и самые кости. Страх испарился, окружающее воспринималось противным и грязным болотом, заполненным бурными гниющими водорослями и пиявками. Б-р-р!..

Чтобы взбодриться, выдули по две порции кофе, но угрюмая расслабленность поселилась, как видно, насовсем. Они брели от стычки к стычке, машинально преодолевая все более странные места и насочки существ, их населяющих. Артём и не заметил, как изменилась повадка их свирепого атамана, как расплывчатая от обыденности происходящего фигура его приобрела собранность и налилась упругой энергией. В ушах прозвучал истошный вопль «Маринка-а-а!», мелькнул огромный

кулак с зажатой в нем рукояткой ножа; валяющееся набок тело Андрея с лицом обезумевшего Пьеро...

Как всегда, в обстоятельствах, причины которых не поддавались мгновенному распознаванию, Артём включил навыки каратэки. Большой с неожиданной твердостью заблокировал выход его правой ноги и в отмашку саданул Артёма прямо в середину груди. Это мощное движение пробило поставленный блок и снесло с ног крутого сыщика, отбросив на пару метров.

— Пригляди за Андрюхой, м...дак! — гаркнул адский ходок, повернувшись к Артёму спиной. — Не дай ему очухаться!

Только сейчас перед затуманенным взором оглушенного сыщика открылась картина очередного терзания жертвы. В роли жертвы выступала очаровательная молодая женщина в ночном уборе, испятнанном кровью, изодранном в лоскуты, вымазанном песчаной пылью. Отчаянно визжа, она билась в полуметровых клыках гигантского черного котяры, в зрачках которого полыхали яростные адские огни, а из пасти вырывался чудовищный рык восторга и удовлетворения. Хвост, напомилавший измочаленное обгорелое бревно, сладострастно стегал по песку, вздымая бурые сухие фонтаны.

Вот, на секунду разжав свою мертвую сватку, он выпускает несчастное создание на свободу. Девушка стремительно мчится к людям, но падает, сбита ласкающим движением серповидных когтей.

Большой шагает ровно, не торопясь, лениво насистывая, и Артём внезапно приходит в себя. Все становится на свои места, получает свой смысл и причину. Волей-неволей приходится признать, что выбор его в качестве нейтрализатора фантазий слабонервного миллиардера предусматривал почти исключительно нынешний случай. Осознавать это было обидно: кому ж понравится низводить самого себя из ранга союзника в пустяжную роль подручного.

Большой пер на адскую тварь, как на пустое место, никак не реагируя на вопли о помощи. Кот придавил жертву к песку, небрежно опершись о нее передней лапой. Его сумасшедшие алые зрачки обратились к дерзкому пришельцу, шерсть встала торчком.

— Р-р-рау-у! — сказал кот и оскалился.

Большой обернулся к Артёму.

— Чего это ты мне в спину рычишь? — спросил с великолепным недоумением. Нужно было что-то придумать и поскорее.

— Да я и не думал, — ответил Артём, делая вид, что обиделся. — Может, кто-то другой?

— Ну ты даешь, салага! — хрипло захохотал атаман. — Здесь, кроме пустоты, ничего нету! Ты чего-нибудь видишь?

— Не вижу, — поддержал его Артём. — Наверное, ошибся. Скорее всего, это Андрюха стонет.

Котище пригнулся к песку, имитируя готовность к прыжку, но ни Большой, ни Артём ему не поверили. Лишившись жертвы, адская тварь лишалась и последней опоры — постоянной, направленной подпитки отравленного болью и страхом человеческого воображения.

— Рисуи круг, салага! — гаркнул Большой, надвигаясь на чудовище с беззаботностью флиртующего холостяка. Кот выпустил когти и вдавил их в рыдающую девушку так, что она разразилась новым взрывом визга, переходящего в ультразвуковые тональности. Артём поспешно чертил замкнутую окружность.

— Брось ее, киса, — сказал Большой, останавливаясь метрах в шести. — Ты ведь знаешь, кто я такой. Правда? А она — что она такое, когда существует выбор?

— Вр-р-рет! Вр-р-рет! — послышалось издалека. — Не вер-рь!

Артём извлек из рюкзака последнюю банку тушенки, нерешительно глядя на нее, несколько раз подбросил на ладони. Выбора не было, приходилось рискнуть продовольственным запасом. Увесистая жестянка врезалась прямо в глаз спешащему на помощь ворону Руми. Бегущая лисица предусмотрительно замерла на почтительном расстоянии.

— Поди сюда, киса, — искушал чудовище глава адской экспедиции, подходя ближе и демонстрируя всевозможные признаки жестокой опаски.

Кот следил за его приближением со все возрастающим интересом. Было прекрасно видно, как хочется ему залучить такую ценную жертву, какую представлял собой доселе неуязвимый в своем нахальстве Алик Ложкин по прозвищу Большой. Но не хотелось при этом терять и ту, что поплосе. Сейчас Артём понял, на чем построена феноменальная удачливость их атамана, и мысленно простил ему все его прегрешения, изумляясь собственной глупости, глупости Тигра и престальной сестрицы адского ходока.

Два прыжка слились в хаосе перекрестного движения. Кот целил в Большого, Большой — в Марину. Страшный удар кулака выбил сознание из обесилвшейся жертвы, когти чудовища вспахали песок. Бешенству его не было предела, с пронзительным воплем кот взмыл на дыбы и, мгновенно развернувшись, навис над выпрямившимся экстремальщиком.

Но перед ним уже стоял совершенно иной человек.

— Эх ты, глупое атмосферное недоразумение! — ухмыляясь прямо в нависшую смрадную пасть, сказал Алик Ложкин. — Неужели ты и вправду могло вообразить, будто тебя кто-нибудь может испугаться? Не смеши меня! Самое умное из того, что ты можешь сделать — это поскорее забыть обо всей этой дурацкой истории. — Он нагнулся и поднял на руки бесчувственное, обмякшее тело девушки, шагнул вперед. — Сгинь, говорю!

Очертания страшилища по-прежнему оставались четкими до рези в глазах, но Большой его, похоже, уже не видел. И что с того, что оно в ярости каталось по песку, нанося беспорядочные удары лапами, щелкая клыками и оглашая окрестности злобным воем? Оно могло бесноваться сколько угодно, его могуществу уже был положен неодолимый предел.

Захваченный развернувшейся перед ним картиной противоборства, Артём совсем упустил из

виду еще одно реально действующее лицо, до времени не привлекавшее внимания к своему присутствию. Позади Большого, совсем рядом, мелькнул вдруг длинный оранжевый хвост...

— Лиса! — заорал Артём, выпрыгивая за пределы круга и размахивая ножом.

Большой, не оборачиваясь, отмахнулся ногой. Раздался пронзительный визг, сменившийся истошным лаем. С клыков обезумевшего зверя полетели крупные капли слюны. Артём метнул нож, но промахнулся.

— Прими девочку, салага! — распорядился Большой.

Он повернулся к наскაკивающей бестии с видом, не обещавшим ей ничего хорошего...

— Убирайся прочь, крыса! — услышал Артём. — Уходи прочь, или клянусь тебе бессмертием души, я не успокоюсь, пока не познакомлю тебя с серебряной пулей! Слышишь меня, позор лисьего рода?!

Спустя секунду на песок рядом с Артёмом шлепнулось тяжелое тело, распространяющее вокруг запах пота и табачную вонь.

— Положи девочку себе на колени и держись за нее, как за ноющий зуб, — пропыхтело «тело» и принялось втыкать в песок желтые восковые свечи. — Домой здорово хочешь?

— Очень! — выдохнул Артём, закрывая глаза.

Вокруг свистало, выло, скреблось и ухало, слышались подозрительные шорохи и шепотки, но от этого домой хотелось вдвое сильнее. Мало-помалу звуки терялись, глохли, отступали вдаль. Артём еще крепче стиснул веки, всей душой стремясь поскорей оказаться в таком уютном, в таком покойном монастырском застенке. Девушка, лежащая у него на коленях, казалась невесомой и неживой, он лишь изредка ощущал ее почти неслышное, невероятно слабое сердцебиение. Впрочем, это ни о чем не говорило — его собственное сердце бухало с такой силой, что заглушало даже тяжелое дыхание Большого. Открывать глаза было страшно, и он осмелился сделать это только после того, как очнувшийся Андрей внятно и забористого обложил их обоих.

— Совсем ох...ли! — орал Евдокимов, выдирая жену из закостеневших объятий частного детектива. — Что вы с ней сделали, м...ки!..

...В подвале все было, как всегда, только немного душно от запаха свечного нагара, но Артём боялся поверить в удачный исход их сумасшедшего предприятия, по-прежнему сидел в той же позе и глупо хлопал глазами. Большой лежал рядом, провожая взглядом супружескую чету Евдокимовых.

— Не торопись, Артёмий, — сказал он и лег поудобней, закинув руки за голову. — Мы свое дело сделали, пусть малость без нас похлопочут...

21.

Сутки спустя Артём проснулся от назойливого дребезжания дверного звонка. Крикнув, чтоб обождали, наскоро сполоснул лицо и, напялив джинсы, отправился открывать. В дверях стояла его ветре-

ная любовь во всем блеске красоты и благополучия.

— Ну, здравствуй, пропажа, — сказала она с холодной деловитостью судебного заседателя. — Нужно поговорить.

Артём молча пропустил ее в комнату и сел на кровать. Здесь они провели когда-то немало настоящего счастливых часов.

Сегодня Ольга заняла позицию официальной гостьи — в кресле возле стола. Артёму были прекрасно видны ее круглые колени, округлость бедер, едва прикрытых короткой юбкой. Но это чудесное зрелище сегодня оставило его равнодушным до удивления.

— Нэлька видела тебя у «Космоса» вместе с каким-то громилой, — сказала Ольга, закудив и глубоко затянувшись. — Почему не позвонил, что вернулся?

Она хотела казаться спокойной и отстраненной, но Артём видел, как нервно вздрагивали ее холеные длинные пальцы, как трепетали нежные ноздри.

— Извини, — сказал он и крепко отер ладонью лицо. — Командировка выдалась очень хлопотной, страшно устал. И не разбуди ты меня, проспал бы до самой ночи.

— Я всегда была для тебя только игрушкой! — вспыхнула Ольга.

— Если тебе так удобнее, пусть будет так.

— Что ты хочешь этим сказать?!

«О, Господи!»

— Я просто неудачно пошутил, Оля. — Вот только ссор ему сейчас не хватало для полного счастья! — Ты собиралась поговорить, я слушаю.

За окном закатно пригревало июльское солнышко. Со двора доносились голоса ребятни, с утра до самого вечера бьющейся на самодельной футбольной площадке, автомобильный рык и громыханье трамвайных колес. Город шумел суетно и бесечно.

— Кто он? — спросил Артём, утомившись затянутой паузой.

— Представитель Хартхоффена. Это фирма такая в Германии. — Ольга внимательно, с почти искренним интересом рассматривала безупречно отлакированные ногти на свободной руке. — Солидный капитал, обширные связи... А ревнив — ужасно. Я думаю, мы больше не сможем встретиться, Атэ. — Из всех миллиардов говорящих двуногих существ, населяющих нашу старушку-планету, только она одна называла Артёма «Атэ». Это было так элегантно...

— Жаль, что у меня нет солидного капитала, — сказал Артём. — Но кому-то из нас должно было повезти. Рад за тебя, правда — рад.

На самом деле ему было абсолютно безразлично, сердце билось ровно и сонно. Хотелось поскорей развязать нелепые узелки излишних отношений и выключиться до утра.

Ольга поднялась. Оба смотрели куда угодно, лишь бы не встретить ответного взгляда. Романтика отношений умирала с беззвучным стоном, сколько ни прячь глаза.

— Не тяни, — попросил Артём свою снежную леди. — И не кайся. Все правильно: мы были красивой парой, но на свете много красивых пар, и не все из них счастливы.

— Я любила тебя, чурбан, — сказала Ольга со смутной тоской. — Ну почему ты такой нищий?!

Вот пропасть!

— Мы оба нищие, Оля, — ответил Артём. — И едва ли станем богаче, хоть золотом под макушку засып. Но мне хуже, потому что я знаком с человеком, воистину знающим, что такое любовь!

— Псих! — сказала снежная леди и ушла, бросив ключ на кровать.

22.

Ночью приехал Андрей, привез деньги, коробку коньяка, блок «Данкилл» и грудку закусок. Две бутылки сунул совершенно обалдевшему Игореше, открывшему дверь. Артём налил полные стаканы. Выпили, не чокаясь.

— Ну? — спросил хозяин комнаты, распечатывая сигареты.

— Пока под наркозом, но врачи говорят — выкарабкается. Плесни еще. — Евдокимов опрокинул в рот полстакана так, будто лекарство принял. — Хату придется менять.

— Ну и зря, — сказал Артём. — Большой говорит, что блуждающая Зона раньше, чем через двести лет, не появится. Переезжать гораздо опаснее.

— Попробуй это Маринке моей объяснить, — хмыкнул Андрей. — Что тебе снилось сегодня?

Артём удобно пристроил подбородок на ладонь руки, оперся рукою о стол, в зрачках его отразилась стопроцентная пустота.

— Я видел море, — ответил он минуту спустя. — И вода была синяя-синяя. А потом пришла одна красивая стерва, которая испортила все. Хуже всего то, что мне ее жалко. Я тоже стервец, Андрюха.

— Был, — сказал Андрей. — А сейчас — вряд ли. У меня к тебе дело, брат. Бросай к лешему свое вшивое агентство и переходи ко мне в охрану. Хочешь сто тысяч баксов?

— Хочу, но не сейчас. Или вообще никогда.

Андрей не обиделся. Андрей не удивился. Андрей понимающе кивнул:

— Надумаешь — скажи.

Артём протянул ему раскупоренную бутылку, а из своей сделал несколько жадных глотков, совершенно не чувствуя ни вкуса, ни запаха.

— Худо мне, — пояснил с неожиданной для себя простотой. — Будто душевной отравы объелся. Только во сне и живу.

— Та же картина, — утешил его Андрей. — А как усну — иду по степи, трава до колен, небо высокое, звезды с кулак. И — хорошо-о-о... Потом очнусь и не знаю, что реальнее: явь или сон.

Больше говорить было не о чем. Да и незачем. Молчали и пили, пили и молчали. Сизый дым вытягивало в окно, пахло сладкой бензиновой гарью, спиртом и дубовой корой. Восход застал их спящими на полу.

Большой лежал в ручье у бассейна с пластиковой трубкой во рту. Второй ее конец терялся в бочонке «хванчкары». На подошедших соратников атаман даже не взглянул. Андрей выложил на поднос семь банковских пачек. Артём вытряхнул из фруктовой вазы изысканную пирамидку цитрусовых, зачерпнул вина прямо из бочонка.

— Кто-то обещал мне один пейзаж подарить, — напомнил, изрядно отпив.

— Перебьешься. — Большой, не глядя, махнул рукой сломку Димычу, чтоб унес гонорар. — Обратись к Ляльке, у нее этой мазни целая прорва.

— Да я бы с радостью, только где искать — не знаю.

— А ты прояви свои дедуктивные способности. Ладно, не заводись! Спроси у Тигра, нет, лучше у Димыча. Через неделю приезжайте, посидим, а сейчас проваливайте — на рожи ваши смотреть никаких сил нету!

— На твою тоже, — вежливо ответил Артём и отправился на поиски Димыча.

24.

Картину он выбрал сразу. Оскаленная лисья морда, изображенная на полотне, мгновенно притянула его к себе огромными человечи-осмысленными глазами.

— Как называется? — спросил он у Ляльки, тихо следующей за ним от полотна к полотну.

— А ты как думаешь? — прозвучало в ответ.

— Ну, что-нибудь типа «Оглянись!» или «Сзади!».

— Ты хорошо чувствуешь настроение, Артём, — медленно и тихо ответила Лялька. — Я назвала этот экспромт «Всегда за спиной». Зачем он тебе?

— На память о старом знакомом.

— Или знакомой?.. — осторожно спросила Лялька, отводя взгляд. И Артём в какой уже раз растерялся от трисмысленности лялькиных слов.

— Если хочешь, я отвечу подробно, — сказал, повернувшись и положив горячие тяжелые ладони на дрогнувшие плечи Лилии Ложкиной.

— Мы так не договаривались. — Она была в одно и то же время хрупка, словно драгоценный саксонский фарфор, и крепка, как башкирская сабля. — Кроме того, ты сегодня совсем пуст внутри. Я не хочу, чтоб ты оставался: это пошло и слякотно.

— Мне больше не за что зацепиться, как ты не понимаешь?! — крикнул он. — Ад высосал из меня чувства и мысли! Кто поможет, кроме тебя?!

— Только сам! — как пощечиной, обожгла ответом. — Ты же считаешь себя человеком, так будь им, слизняк! Ада нет и никогда не было для тех, кто ему не принадлежит!

25.

Сицкий открыл им дверь и проводил в кабинет, посмотрел на обоих с грустной усмешкой.

— Да, дорогие мои, натерпелись вы, как видно, изрядно! И то сказать: в Ад опуститься — не по Невскому пройтись.

— Их высочество читает мои мысли, — пояснил Артём специально для Евдокимова. — Помочь сумеете, Владимир Александрович?

— Едва ли.

— А хвалились, что в нашем мире сумеете защитить любого.

— От вашей собственной придури — всегда пожалуйста. Но вам ведь хочется от пустоты укрыться. Как прикажете защищать от того, чего нет?

Артём посмотрел посвященному прямо в глаза.

— С собственной дурью мы бы разобрались и сами. Это мы умеем. Скажи, Андрюха, вспоминать страшно?

Андрей помотал головой и добавил с нажимом:

— Страшно думать. Ад нереален — это святая правда. А что, если и наша Реальность — такой же пшик? Вот сегодня, когда к вам ехали, два раза хотелось выскочить на встречную полосу.

— Зачем?

— А проверить — не призраки ли несутся навстречу?

— Тяжелый случай, — согласился старый оккультист. — Не позавидуешь вам, дорогие мои. Но надо терпеть. Ни возбуждающие, ни успокаивающие средства здесь не помогут. Почаще бывайте на людях, пореже толкитесь между собой. Время — лучший лекарь, авось и с вашей болезнью управится.

Они попрощались и совсем было вышли, когда Артём вспомнил одну очень важную вещь, про которую хотел спросить еще до «ходки».

— Владимир Александрович, — сказал он, застревающая в дверях. — Вы что-нибудь слышали про Венояра?

Сицкий кивнул.

— Это правда, что нынешним устройством мира мы обязаны его усилиям?

— Да, — ответил Сицкий, — и его тоже.

— То есть, наша Реальность — есть плод его замысла?

— Его деятельности, — поправил Сицкий. — Он не воображал, он делал. Потому и Реальность.

— Простите, но Ад создан тоже. И, насколько я понимаю, по замыслу не менее великой личности.

— Замысел определяется не тем, что замыслено, а тем, что реализовано. В каждый конкретный период правила меняются соответственно времени. Игра по правилам нынешнего периода и есть Реальность. Все прочее — нематериально.

— А завтра?

— До завтра нужно еще дожить, — улыбнулся оккультист. — Забегать вперед — не ваша прерогатива, Артём. Разберитесь с сегодняшним днем, а дальше видно будет.

— О чем это вы? — спросил Андрей, когда усаживались в машину.

— Попытался с «черного хода» проскочить, да не пускают чего-то...

26.

Прошел месяц. Кроны тополей подернуло золотым предвестием осени. Свято выполняя предписание Сицкого, Артём с утра до ночи болтался в

толпе. Помогало плоховато. С Андреем они не встречались, к Большому не ездили тоже. Что толку? На сердце было пусто, сны отпускали с трудом, были они яркими до неправдоподобия и живыми на зависть серому бытию Реальности.

Настала среда. Артём проснулся в восемь, попробовал прикорнуть снова. Не удалось, хотя обычно не впадать в дрему было серьезной проблемой. Сегодня будто иголок в матрац насовали, пришлось вставать и одеваться. Смутное, но острое беспокойство гнало из дому прочь. Уступая этому неудобному чувству, он бессознательно направил свои стопы в сторону торгового центра — наожиженнейшую точку городской толчеи.

Здесь его уже знали. Барменша недавно открытого экспресс-кафе, не произнося лишних слов, нацедила большой стакан кофе, подала сотку «смирновской», двойную порцию «собаки» и бутылку баварского. Благо, что сей утренний ритуал повторялся уже неделю. Двое «пехотинцев», сидевших под соседним зонтом, приветствовали Артёма короткими кивками и отвернулись. Этот парень с угрюмым взглядом навел на них нехорошие думы: несмотря на свое милицейское прошлое, сегодня он вполне мог подвизаться на прищипке наемного душегуба.

Артём вылил водку вовнутрь и закурил, ожидая, пока мягкое тепло разольется по телу, потом, не торопясь, принялся за еду. Его тяжелый взгляд тоскливо скользил по книготорговцам, раскладывающим свой культтовар, по художникам, расставлявшим свои шедевры на скамейках и специальных стендах, по заспанным лицам владельцев самоцветных коллекций и народных умельцев, предлагавших всяческие поделки. День еще как следует не начался, а ему уже было скучно до брезгливой отрыжки. Удручало все: и деловитая суета продавцов, и вкрадчивая заторможенность покупателей, и фланирующая освобожденность зевак. Серая тыква солнца ползла по небу с воодушевлением хронического ипохондрика.

— Разрешите присесть, — услышал Артём.

Это было неожиданно, это было внове — обычно к его столу старались подходить лишь в крайнем случае, да и то надолго не задерживались. А в этом голосе звучало настойчивое желание обособиться всерьез. Артём поднял глаза. У столика стоял высокий, слегка рыжеватый молодой человек с бутылкой минеральной воды в руке и сигаретой в зубах.

— Валяй, если хочешь, — сказал Артём.

Парень уселся напротив, положив на столик жилистые руки.

— Хреново, браток? — спросил, глядя прямо в глаза. И добавил секунду спустя: — Где потерялся? «Ну, наглец! — подумал Артём, мысленно усмехаясь. — Щас я тебе мозги-то промою!»

— В Аду, милоч. Если тебе интересно, конечно. Знаешь, где это?

— Догадываюсь, — ответил странный незнакомец. — Побаловаться захотелось, или по делу?

— Интересуешься Адом?

— В какой-то степени — да, но не так, чтобы

— А ты уверен, что мы говорим об одном и том же месте? — хмыкнул Артём. Разговор принимал крайне занимательный оборот.

Незнакомец откинулся на спинку стула, выпустил дым вертикально вверх, ответил буднично, как о чем-то давно и прекрасно известном:

— Я подразумеваю параллельный мир, носящий условное наименование Ада. Ты, судя по некоторым внешним признакам, тоже. Не надо кокетничать, братец, к тебе ведь не часто подходят с такими вопросами.

— Так, — сказал Артём, аккуратнейшим образом ставя на стол пластиковую емкость с кофе. — И чего тебе нужно, таинственный незнакомец?

— Мне-то ничего. Имеется в виду, лично мне.

— А тому, кто за тобой?

— Той, которая за мной, нужен человек, умеющий работать в тамошних условиях.

— То есть я?

— Ты в Аду работать пока не умеешь. Когда научишься, то — возможно.

«Вот это по-настоящему мило!»

— А кто тебе сказал, что я собираюсь чему-то учиться?

— Это мое личное предположение, — спокойно сообщил незнакомец и добавил: — А дело, конечно, твое. Можешь плюнуть на все и сходить с ума до полного дурдома.

«Стоп! — сказал себе Артём. — Не торопись!»

— Ты подразумеваешь, что если я приму ваши условия, то получу поддержку? — спросил жестко.

Незнакомец бросил окуроч в серую бетонную урну, стоящую от стола метрах в пяти. Артём машинально отметил прекрасную точность броска...

— Я никому ничего не обещаю, — сказал странный собеседник. — Все очень просто, браток: либо ты решаешься, рано или поздно, выполнить задание, связанное с экспедицией в Ад, и выздоравливаешь. А на «нет» получаешь нет.

— Не надо мне угрожать, юноша! — тихо и выразительно предупредил Артём Баца. — Я повидал такое, чего тебе и во сне не снилось!

Ответом была невеселая усмешка, на миг проскользнувшая в глазах незнакомца.

— Как-нибудь в другой раз обменяемся впечатлениями от увиденного, — пообещал он, отхлебнув из бутылки. — А пока напряги свое серое вещество, браток. Угрозы в моих словах нет никакой, есть констатация факта. Большой бегаёт в пекло по двадцать раз в год...

— А кто такой этот большой? — переспросил Баца.

— Придуриваться будешь потом, — терпеливо ответил незнакомец. — Я ему запретил, но он до сумасшествия ненавидит тамошний мир и работу превратил в средство ведения войны, в этакую вендетту. Причин для нее у Алика больше чем нужно, тем не менее, занятие это из самых бесперспективных. Рано или поздно его уничтожат. И ему это прекрасно известно, потому и куролесит на всю катушку. Тимофея Гриценко тоже надолго не хватит. Остаешься ты. Достаточно просто твердо решиться на новую «ходку», и этот мир

обретет свою прежнюю прелесть, помноженную на самоуважение. Торопить не собираюсь, заверения мне не нужны. Решишься — позвони, вот телефон. Имен не называть, достаточно сказать, откуда звонишь.

— Говоришь ты много и объяснять, как вижу, горазд, — уперся Артём. — А кто мне может ответить: реален ли наш мир?

— Процентом на восемьдесят — да. Венояр поставил границы, но существует сила, превышающая его возможности. Пока они есть, и Ад, и наш мир обладают двойственностью природы, способностью к взаимопроникновению. Разделить их напроць — наша с тобою задача. Но для этого нужно идти в Ад, а мне нельзя — слопают в первую же минуту.

— Забавно. — Артём с удивлением поймал себя на мысли о том, что в присутствии незнакомца жизнь как будто несколько оживилась. — Если б кто-нибудь нас сегодня подслушал, сидеть бы нам с тобой на Агафуровской даче.

— И было бы очень жаль, — последовал абсолютно серьезный ответ. — Вместе с нами Агафуровская дача пришла бы в город.

«Ну, орел!» — как сказал бы, наверное, Ложкин.

— Претендуешь на лавры Венояра? — полюбопытствовал Артём.

— Забудь о лаврах. Синяков и шишек будет много, это точно, а слава, братец, сама выбирает, кто ей по сердцу.

Нахальный сизарь спланировал под зонтик стола и уселся прямо на плечо незнакомца. Круглый глаз голубя с вожделием уставился на булочку с запеченной внутри сосиской.

— А ну, брысь! — сказал ему парень и что-то добавил на странном, щекочущем слух языке. Сизаря будто ветром снесло. — Поздравляю, браток, — усмехнулся незнакомец. — С сего дня ты уже под прицелом. В принципе, разницы никакой, но многим почему-то очень действует на нервы.

— А разве не должно?

Незнакомец на секунду задумался, потом вздохнул.

— Должно — не должно... что это меняет, в сущности? Весь мир на мушке, а в ядерной войне выгодней всего быть солдатом. По крайней мере, знать будешь, если начнется.

— Не понял, — сказал Артём.

— Это я так, вообще. Главное, ничего не бояться и быть наготове. Твое дело — поскорее решиться, а куда — прощай!

Он поднялся, и через минуту его по-военному поджарая фигура затерялась в живом калейдоскопе толпы. Ф-ф-ф-у-у! Артём отхлебнул пива и закурил. В голове роились обрывки намеков, мохнатые, точно шмели. По сторонам кипела жизнь города, Реальность правила балом. «Надо ехать к Большому», — понял Артём.

27.

Большой плескался в бассейне. Своего бывшего соратника встретил не то чтобы с огромным ра-

душием, но и на ворота с ходу не указал. Тигр принес апельсиновый сок и сигары.

Выслушав Бацу, адский ходок какое-то время молча курил. Мрачнее и хмурясь.

— Про меня говорили? — выплюнул наконец.

— Сказал, что тебе в Ад ходить запретил, а ты не слушаешься. Важная птица, а?

— Важней не придумаешь, — отозвался Большой. — Если бы мог, я б каждое слово его выполнял без базара. Совсем, видать, худы мои дела, раз о замене печется. Ты вот что, Артём, ты решишься скорее. Он верно говорит: мир становится особенно дорог, если знаешь, что нужно в Ад. Да и меня кто-то заменить должен. Андрюха не потянет, ты, если подучить, вполне.

— Я думал, ты по собственной воле в пекло идешь... — разочарованно протянул Артём.

— И по собственной тоже. Но есть у меня дела и кроме личных, попутные, так сказать... Слышь, Артём, соглашайся живее. А я тебе свой замок завещаю — живи, пользуйся, когда копыта откину. Все твоё будет.

— Не люблю по-темному играть, — ответил Артём. — Я человек простой, недомолвок не понимаю. Скажи, что делать, тогда, может, и подумаю.

— В принципе, дело — простей не бывает! — ухмыльнулся Большой. — Надо Границу изнутри прикрыть, когда Срок настанет. Подробней куда нельзя: лишние знания — лишние хлопоты. Решайся, пинкертон!

— Надо подумать, — ответил Артём. — А тебя я вот о чем хотел попросить: есть у меня знакомый старик, похоронивший молодую жену еще в предвоенные годы. Он по ней до сих пор с ума сходит, так и не женился, совсем один на Земле мыкается. В прошлую нашу встречу намекал он мне, что жена к нему являться стала, да я глупый был — намек мимо ушей пропустил. Может, отправишь их навстречу друг дружке?

— Вообще-то можно, — сказал атаман после минутного молчания. — Нет, правда, сделаю. Только предупреди своего приятеля, что сам-то он в Раю недолго продержится: эрзац — он эрзац и есть.

28.

Старый следователь над предложением размышлял недолго. Проконсультировавшись с Сицким, позвонил на следующий день утром.

— На смерть идете, — сказал ему Артём. — Достать из Рая вас будет не очень-то просто.

— Да кому она нужна — такая жизнь? — донеслось в ответ, и пошли короткие прерывистые гудки.

Артём вздохнул и, высвободив руку из-под пушистой Лялькиной головы, набрал номер помещения. Трубку взял Димыч. Артём назвал адрес, но сам присутствовать отказался: дел хватало и с Лялькой, причем гораздо более приятных, нежели путешествие с ее баламутистым братом. На этой девушке он готов был жениться, и как можно скорее. Жаль, что за ней подобной спешки что-то не наблюдалось. Во всяком случае, пока...

Две недели пролетели с мелодичным протяжным свистом. Они вволю нагулялись по городу, перепробовали кушанья во всех местах, стоящих посещения, совершили маленький вояж к соборам Верхотурья и навестили скромный домик в стареньком Камышлове, где прошли отроческие годы Артёма...

Дважды навещали воспрявшего духом Андрея — его благоверная резко пошла на поправку, и мир уже не казался Евдокимову сборищем обманчивых рож. Новая квартира его сияла, как сапоги рядового первогодка, а лиловая «БМВ» летала стрелой. Свой «Мерседес» он обещал подарить Артёму, если тот примет-таки на себя заботу о его евдокимовской безопасности.

Артём грозился подумать, но не сейчас. Сейчас его занимала только любовь. Он заказал билеты на месячный осмотр темных ночей Адлера, приближался срок отъезда.

И тут все полетело тормашками кверху. Приятным августовским вечером, когда горячий асфальт мягко остывал под легким западным ветерком, в дверь долго и настойчиво позвонили. Открывать было не до того.

Посетитель не унимался. Когда на его звонки никакой реакции не последовало, он пустил в ход кулаки. Судя по производимому шуму, у посетителя они были изрядного объема и прекрасно готовы к полномасштабному использованию. Услышав, что надежная дубовая дверь мастерской начала подозрительно потрескивать, Артём в бешенстве вскочил с дивана и, задержавшись на секунду, чтоб наскоро облачиться в трикотажные брюки, ринулся на выход.

В дверях стояли Димыч и Тигр.

— Чего надо? — зарычал Артём, но его бесцеремонно отпихнули в сторону.

— Зови Ляльку. — Димыч метался по мастерской из угла в угол, будто шарик в старинной головоломке. Тигр застыл у дверного косяка в мертвой неподвижности кариатиды, в зрачках узких щелочек глаз плавал бессмысленный ужас.

— В чем дело?! — заорал Артём, пытаясь ухватить Димыча за грудки, но тот его, похоже, уже не видел.

— Что случилось? — напряженный голосок Ляльки, казалось, мгновенно заморозил хаотические перемещения внутри мастерской. — Что с Аликом?

— Пропал, — убито молвил в ответ громила-охранник. — Десятый день как ушел, и до сих пор нету.

— Десятый, — эхом откликнулся Тигр. — А ухдила — день пять-семь.

— Едем!

Что произошло с нежной и ласковой девочкой? В голосе — звуки стальной струны, в глазах — свинцовый блеск. Мелькнув кремовым загаром обнаженного тела, она мгновенно переменяла бархат милого домашнего халатика на комплект из шорт и блузки, впрыгнула в босоножки. Десять секунд спустя она вылетела на лестничную площадку, словно маленький, но стремительный русоволосый вихрь. Оба костолома рванули за ней. Замешкав-

шийся Артём успел заметить красные огоньки «Феррари» на углу ближайшего перекрестка. И все! И все!

29.

Рассказывать о том, как он метался в поисках исчезнувшей подруги, думается, едва ли столь уж необходимо. В монастырском подполье было пусто. Только песок, аккуратно разровненный граблями, позволял предположить появление в этом глухом углу посторонних. «Вот придурки!» — подумал Артём и истратил десяток драгоценных секунд, чтобы наследить заново. Не поленился даже примять задницей песок в центре. Он хорошо знал возможности своего атамана и не верил в гибель этого человека. А значит на базе все должно оставаться, как было во время его последнего броска в Ад.

Дело было в пятом часу утра, поэтому волосатая перепончатая ручища, украшенная зазубренными когтями, которая высунулась вдруг из песка и попыталась уцепить Артёма за ногу, не особенно-то его и удивила. На секунду ему стало даже смешно, очень хотелось выкинуть какое-нибудь коленце: сунуть, к примеру, в загребущую лапу Преисподней те же грабли «на сувенир», но Артём сдержал жгучее желание досадить невозможному миру. Парень из кафе, похоже, даром словами не разбрасывался, и советы его Артём решил выполнять скрупулезно. «Ада нет, — сказал он себе. — Не будем, дружище, глумиться над несуществующим миром. Пускай живет!»

В мастерской никого не было тоже. А в поместье его попросту не пустили: на звонок вышли Димыч и Чёрный — пара «сломков» первой категории.

— Зачем приперся? — таков был начальный вопрос.

— Поговорить.

— Вали отсюда, — посоветовал Димыч. — Нам с тобой разговаривать не об чем.

— Вали, давай! — поддержал его Чёрный, с ожесточением сгибая резиновую палку внушительной толщены. — И вперед остерегись нашему брату глаза мозолить, не доводи до греха!

— Так! — сказал Артём, прекрасно сознавая, что Ад пройти куда проще, нежели двух телохранителей Альберта Ложкина. — Может, объяснитесь, парни?

— Ты что — совсем «двинутый», да? — медленно зверея, поинтересовался Димыч. — Ты что? Не понимаешь, что это из-за ваших шашней Алик в адский песок сыграл?! Не понимаешь, да?! Пока вы с Лялькой любовь крутили, его тамошняя сволочь в лапшу шинковала! Сгинь, паскуда! И чтоб ноги твоей даже близко не было! Сгинь!

Невооруженным взглядом было видать, что оправдания им совершенно «до фонаря». Артём сел за руль и включил заднюю передачу: развернуться местная дорога не позволяла, а в ворота — попробуй, сунься! О Ляльке следовало забыть напрочь. И чем быстрее — тем лучше. Проблема заключалась в другом — как? Между «следует» и

«возможно» — солидный пробел, а для иного — непроходимая пропасть. Нужен был совет компетентного человека. И гражданин Баца — детектив и адский проходец — отправился на поиски Гуселетова.

30.

Пал Палыч сидел за дисплеем новехонького компьютера и шустро прогуливался пальцами обеих рук по клавиатуре. Появлению старого знакомого обрадовался, выставил бутылку настоящего «бенедиктина», нацедил черного жгучего кофе из новомодного кофейника.

— Я гляжу, ты и вправду «завязал», Палыч, — сказал Артём старому бродяге. Назвать этого мужчину привычным прозвищем «Гусь» язык отчего-то не поворачивался.

— Спасибо старушке. — Гуселетов уселся напротив. — Живу, не жалуясь, упущенное наверстываю: приотстал от технического прогресса за бичевский период. Заведешь своих ребятишек, привози к нам — задарма приглядим.

— Не получается у меня с этим, — вздохнул Артём. И выложил ему все: и про Ляльку, и про Большого, и про непонятого незнакомца с его странными речами.

Гуселетов слушал молча, внимательно, не перебивая.

Ощущение было такое, будто бурный поток горячих слов втекал ему в оба уха и пропадал там навечно. Такого истового слушателя у Артёма не было никогда.

— Ты, Палыч, хлебнул лиха по ноздри, — так закончил Артём свой рассказ. — Помоги, вразуми, как поступить. Сам знаешь — со стороны разобраться проще, а я влип по самую макушку.

— Дела твои проще пареной репы, лейтенант, — резюмировал услышанное Гуселетов, окутываясь легким дымком сигареты. — Не знаю только — поймешь ли то, что услышишь, в нынешнем своем расположении духа. Говоришь, телефон тебе дали... Не потерял?

— Я ничего не теряю, ты ж знаешь...

— Тогда соглашайся, дурило! И чем скорее — тем лучше.

— Думаешь, заставят ее вернуться? — в душе Артёма едва слышно пискнула робкая нотка надежды.

— Думаю, что нет. Либо ты что-то напутал, либо — если все точно — скажу тебе, что твою девчонку заставить нельзя. Не та порода. Готовься к делу, лейтенант. Незнакомец твой верно сказал: слава сама выбирает, кто ей по сердцу. Любовь тоже. Авось — приложится. Выйдешь из дела — прощайся навеки.

«А что? — подумал Артём. — Что я теряю, в конце концов?»

Терять ему было действительно нечего, с которой стороны ни взгляни — гол, как сокол.

— От тебя звякнуть можно? — спросил, испытывая непереносимый зуд деятельности.

— Можно, — подтвердил Гуселетов и тут же перехватил руку посетителя, протянутую к телефон-

АЭЛИТА

ной трубке, — но не нужно. Позвони по межгороду откуда-нибудь из автомата.

— Боишься — засекут? — усмехнулся Артём.

— У нас детсад, между прочим... — напомнил Гуселетов.

31.

На той стороне провода отозвался приятный женский голос.

— Слушаю вас, — сказал голос.

— Говорит Екатеринбург. Я согласен.

— Принято, сочувствую и поздравляю.

— С чем, позвольте спросить? — растерялся Артём.

— С выздоровлением, родной, с выздоровлением. Еще что-нибудь есть?

— Большой пропал. Похоже — совсем.

На той стороне возникло ощутимо напряженное молчание.

— Алло! — позвал Артём.

— Откуда звонишь? — послышался знакомый говорок, в котором скорая деловитость речи удачно скрывалась беспечностью тона.

— Из автомата, естественно, — окорбился Артём, мысленно похвалив догадливого Пал Палыча.

— Беги домой, братец, — донеслось из трубки. — Собирай вещички и никуда не уходи, за тобой вскоре будут. До встречи!

Нет, Артём совсем не надеялся, что за ним с распростертыми объятиями примчится именно Лялька... И тем не менее, когда в прихожей раскатилась соловьиная трель звонка, он опередил даже Никитку — большого любителя помуржить посетителей квартиры у закрытых дверей под вполне благовидным предлогом повышенной безопасности. На пороге стоял Тигр.

— Собралась? — спросил он с непроницаемым выражением на своей круглой азиатской роже. — Масына подана.

Разочарование накрыло Артёма плотной желтой волной.

— Ты один?

— Ага, — сказал Тигр. — Астальная пьют и ругаются. Помогчи?

Город проводил их печальным ропотом, поместье встретило оглушительной тишиной, еще более впечатляющей в приветственном поскуливании сторожевых собак. Первое, что сделал Артём, — попросил корейца перенести в занятую им гостевую спальню картины из апартаментов Большого. Гвозди вбил собственноручно.

— Есть будешь? — спросил Тигр, когда с этим неотложным делом было покончено.

— Принеси в кабинет, — сказал Артём.

32.

Он сел в кресло и включил компьютер. На экране дисплея высвободилось требование ввести шифр: имя черноволосой красавицы — крупного специалиста в области провокации. Похоже, бывший хозяин поместья ничуть не сомне-

вался в том, кто именно займет его место. Ох и умен был, зараза! Спустя минуту среди полутысячи видеокассет отыскались две, названия которых ничем не выделялись из окружающей их трескучести.

— Здорово, Тёма, — Большой помахал с экранной рукой и заговорщически подмигнул. — Приперло, а? Ну, да ты не журысь, хлопче! Не все так плохо на самом деле! На самом деле все гораздо хуже.

Убил бы мерзавца! Артём сплюнул и перекрестился: «Тигун мне на левое полушарие!»

— Да-а, не завидую я тебе, орел! — глумился Большой, шумно прихлебывая что-то из своего коронного кубка. — Даже в том случае, если ты и вправду сидишь сейчас у меня за столом, что само по себе чрезвычайно печально.

После этого многозначительного вступления он принялся посвящать Артёма в суть дела, а суть была такова, что волосы поднялись на дыбки.

— Примерно так, — ухмыльнулся Большой, закончив страдать. — Теперь слушай, как этому можно попробовать воспротивиться. Гарантии успеха, правда, не столь высоки, как бы хотелось, но тут уж ничего не попишешь — силы задействованы такие, что без риска — никак. Да и кому бы мы понадобились, будь все просто и ясно?!

Дальше пошли конкретные указания, где найти отчетные материалы экспедиций, руководимых Хрущом, дневники ходок Большого и книги, которые следовало бы прочесть, прежде чем влезать во всю эту безнадегу...

— Слышь, Артемий, — сказал Большой, становясь напоследок немного серьезнее, — позаботься о Тигре, не отпуская его от себя. Для друга он горы свернет и сам в лепешку расплющится. Скажешь — и в Ад за тобой пойдет. Не обижай его через меру, он здесь совсем один. Можешь привлечь Андрюху. Он парень — что надо, даром что торгаш. А за Ляльку не переживай. Моя сестрица, если припрет, куда круче меня самого. Слушайся нашего общего знакомого, помни, до чего меня самостоятельность довела. И еще. Ежели, вопреки всему, срок все же настанет, рассчитайся за нас, друг! Да так рассчитайся, чтоб Аду воистину тошно сделалось!

33.

Артём выключил экран, несколько минут сидел в неподвижности, переваривая услышанное. Картина гибели Мира, красочно обрисованная атаманом их маленького воинства, привела его в изрядное замешательство, но, говоря честно, слабая надежда на возвращение исчезнувшей подруги лично для него была куда более сильной мотивацией к действию, нежели все иные прочие. Ради Лялькиной любви поставить Ад на уши — это самое малое, на что он был готов.

Дверь скрипнула, и Артём всем телом развернулся в сторону входа. Коротышка-кореец деловито прошествовал в кабинет и поставил на стол поднос с графинчиками и холодными закусками.

— Это пока для начала, — сказал Тигр. — А каша уже заваривается...

Ведущий рубрики Игорь ХАЛЫМБАДЖА

НОВОСТИ ФЭНДОМА

ФЭН-ПРЕССА

***

В Волгограде вышел № 5 фэнзина «Шалтай-Болтай» (1998 № 5), органа КЛФ «Зазеркалье». В номере, наряду с известным «Манифестом партии национал-лингвистов» Е. Лукина, статейка Л. Фролова о праздновании «Всемирного дня фантастики» — 31 июля, забавный рассказик Галины Матузиной «Хромая удача» и серия рецензий О. Кавеевой на книги О. Авраменко, Г. Гаррисона и С. Лукьяненко. И все это — традиционно на восьми страничках убористого текста.

***

Объявившийся в Краснодаре бывший председатель Магаданского КЛФ «Фэн-легион» организовал фэнзин «НФ-парень: фэнзин Андрея Попова» (1998 №1). 96 страниц. Лазерный принтер. Отличная печать, великолепные иллюстрации. Кроме рассуждений автора о фэндоме, фэнзине, фэнах (в виде редакционного «манифеста»), приводятся юбилейные даты, рецензии, есть и рассказик господина редактора с его мифической биографией, материалы о кинофантастике, экранизациях, статейки теоретические о языке НФ, обзор фэнзина «Семечки», перечень лауреатов премии «Злобный гоблин» за 1990, 1991 и 1992 годы, и другие материалы. Фэнзин сделан с юмором, профессионально. Весьма и весьма любопытный! Спешите подписаться, господа фэны!

***

Вышли очередные номера информационного листка OLD-NEWS № 7, 8, 9, 10, 11, освещающие события в первую очередь в украинской и российской фантастике. В информ-листке сообщается не только о книжных новинках, но и о ближайших творческих планах ряда украинских и российских авторов.

***

В Харькове готовится издание журнала фантастики «Мюнхаузен». Главный редактор — С. Зайков. Объем 10 печ. листов. Тираж — 10 000 экземпляров. С журналом дали согласие работать многие известные писатели и критики. (OLD NEWS, № 9/98).

***

В Киеве начинает издаваться новый ежемесячный научно-популярный журнал «Пульсар» (на укра-

инском языке), намеревающийся активно публиковать научную фантастику. Планируемый тираж — 5 000 экз. (OLD NEWS, № 9/98).

***

Вышли 4-й и 5-й номера электронного литературно-художественного фантастического журнала «Редкая птица» (RARA AVIS). Редактор — В. Щепетнев (Воронеж). Вышли 3-й, 4-й и 5-й номера сетевого журнала фантастики «Белый Тезис» (редактор С. Бережной) на сайте Дм. Рудакова (СПб). (OLD NEWS, № 9/98).

***

Возобновил работу тбилисский клуб «Древо желаний». Возрождается и его информационная служба «Гелиос» — с 1999 года планируется восстановление выпуска «Информов» и «Экспресс-информов»: на двух языках — русском и английском. В планах КЛФ — новое анкетирование КЛФ СНГ (Мих. Абрамян, Тбилиси).

***

Вышел 100-й номер екатеринбургской литературной газеты «Книжный Клуб», органа одноименной Ассоциации Книжной торговли (руководители Е.Н. Волков и А.Н. Горбунов). Газета распространяется бесплатно среди посетителей городской книжной ярмарки, проходящей в КОСке «Россия». Газета стала отличным лотком для посетителей ярмарки в безбрежном книжном море на прилавках КОСКа, своевременно рассказывает о новинках, дает подробные обзоры фантастических книг, появившихся на ярмарке в течение месяца, публикует интервью с популярными авторами — гостями Книжного Клуба стали фантасты К.Булычев (Москва), А. Щупов (Екатеринбург), Ю.Буркин (Томск) и многие другие. Популярность газеты у посетителей ярмарки непрерывно растет, подшивки ее имеются во многих библиотеках Екатеринбурга.

ВОЛГОГРАД: «ОФИР» В «ПЛАНЕТЕ»

В Волгограде идет разработка проекта журнала «Планета», в котором участвуют 20 ВУЗов СНГ и 12 периодических изданий из разных стран. Предполагается международная редакционная коллегия. Планируется в каждом номере журнал в журнале «Офир», типа следопытской «Аэлиты»: фантастические рассказы, библиографические работы, новости

из мира фантастики (из обеих полушарий планеты).
(А. Джагинов, «Офир» Волгоград).

МОСКОВСКИЙ ФОРУМ

25-27 мая 1998 года в Москве, под эгидой журнала «Если» прошел Первый московский форум фантастики, на котором присутствовала большая группа писателей-фантастов России и стран СНГ, критиков, литературоведов, переводчиков, издателей, журналистов и просто фэнов. Были вручены призы читательских симпатий журнала «Если».

КОНКУРС «ТЕНЕТА-98»

С августа 1998 года в сети Internet начинает функционировать сетевой литературный конкурс «Тенета-98» (<http://teneta.rinet.ru>). С 1998 года в нем организована отдельная номинация — «фантастика». Для победителей предусмотрены денежные призы, книги известных авторов с автографами, продукция различных фирм. Принимаются художественные и публицистические произведения любых жанров объемом до 250 Kb неархивированного текста в режиме «text only», опубликованные в сети Internet и не публиковавшиеся в бумажном виде. Тексты принимаются с августа 1998 года по февраль 1999 года. (OLD NEWS, № 9/98).

АРХАНГЕЛЬСК

В Архангельске при Региональном отделении организации инвалидов войны в Афганистане организовалось отделение Клуба «Ушкуйник», названное «Ушкуйник-А».

17-28 июля в Котласе и его окрестностях прошел VI фестиваль фантастики, русских исторических единоборств и ролевых игр «Нордкон-98».

Литературный конкурс фестиваля рассмотрел сочинения в жанре фантастики и сказки, романтические стихи. К стати, телевизионная программа Архангельской ГТРК «Поморье», посвященная прошлогоднему Котласскому фестивалю (режиссер программы — Олег Бараев) осенью 1997 года получила первый приз на международном конкурсе юношеских телепрограмм в Астрахани, и вышла в финал конкурса телепрограмм в Москве (1998 г.). (А. Тутов, «Ушкуйник» Котлас).

КИЕВСКИЙ «МАНДРИВНИК»

В Киеве 15-16 сентября состоялась встреча читателей с харьковским писательским дуэтом Г.Л. Олди (Д. Громов, О. Ладыженский), которая переросла в очередной конвент, пополнивший календарь подобных мероприятий, проводящихся ежегодно на территории СНГ.

Перед собравшимися выступили А. Громов, О. Ладыженский, М. и С. Дяченко, Б. Штерн, Н. Гайдамака, А. Валентинов, Д. Рудаков. Активное участие в организации конвента приняла творческая мастерская фантастики «Третья сила». Присутствовали представители прессы, многочисленные фэны и даже пси-

холог, не без успеха использующий миры Г.Л. Олди для психологической реабилитации пациентов.

Главным действием «Мандрівника» стал «процесс» над харьковскими фантастами по обвинению в «нарушении границ жанра Fantasy», в «ниспровержении мировых мифологических и теологических устоев» и т.д. Суду был предъявлен ряд вещественных доказательств. Выступили прокурор и адвокат, заслушаны были свидетельские показания, заключение судебного медэксперта. Последнее слово обвиняемых, вопросы им присяжных: Суд оправдал писателей, которым затем была вручена премия им. Кота Дюшеса, за еще ненаписанные произведения. (OLD NEWS, № 11/98).

МИНИ-РЕЦЕНЗИИ

ПРОЧЕЛ САМ — РАССКАЖИ ДРУГОМУ

Олег Авраменко «Сын сумерек и света»

Когда-то, по второму разу прочтя «Амбер», я решила, что роман плохо написан, поскольку не продуман, многие эпизоды как-бы повисают над пропастью и т.д. и т.п. И еще я подумала, что неплохо бы всю эту вещь переписать, сделать логичнее, правильнее. Но не хватило времени. А вот у Авраменко его хватило. И, прочтя его роман, я радуюсь, что у меня самой желание переписать «Амбер» до практического воплощения не дошло...

Гарри Гаррисон «Молот и крест»

Эту книгу числят в фэнтези, хотя сам автор утверждал, что писал просто исторический роман. С этим можно согласиться, оговорив, что история эта альтернативная и в ее творении участвуют боги, правда в видениях главного героя, который сам является сыном одного из богов-асов.

Вот и описывает автор с основательностью очень хорошего исторического романа, что получится в Англии IX века, если в борьбу англичан и викингов, христианства и язычества вступит герой, обожающий технику (в частности, военную) и к тому же поддержанный своеобразной религией — модифицированным язычеством. Получилось интересно.

С. Лукьяненко «Холодные берега»

В основу этой очень хорошо написанной книги положено две идеи: во-первых, возможность сохранения любой вещи «на слове», то есть, произносишь про себя только тебе известное слово и вещь (статуя, пулевик, помада) появляются у тебя в руке; во-вторых, на Земле железо столь же редкий металл, как золото. Последняя идея, кстати, вполне реалистична, по подсчетам ученых количество железа в земной коре действительно аномально высоко, что скорее всего свидетельствует о какой-то давней космической катастрофе. Из этих двух посылок у автора получилась очень другая история Европы, совершенно другая техника и главное — другое христианство. А сюжет: император Европы ловит сбежавшего принца, а вор и графиня-летчица в этом участвуют. Очень советую почитать.

О. Кавеева (Шалтай-Болтай, 1998, № 5)

ВЕСТИ ИЗ АБАКАНА

Абакан — один из центров Сибирского фэндомы. Именно здесь возник один из первых в Сибири КЛФ — «Страна Гонгури», членами которого являлись и рано умерший писатель Г. Тарнаруцкий, и широко известный ныне детективщик А. Бушков, и Владимир Иванович Борисов, активный фэн, переводчик, редактор, прозаик, публицист. На смену «Стране Гонгури» в 1980-х пришел «Центавр». Ныне в Абакане существует новый КЛФ — «Массаракш». Преемственность всех этих клубов определяется тем, что неизменным председателем их является В.И. Борисов.

Под его редакцией в 1997 вышли два номера кри-

тико-библиографического журнала фантастики «Проксима», ведется страничка фантастики «Саурон-Клуб» в местной газете «Шанс», в журнале «Стрежень» и альманахе «Абакан Литературный», членом редколлегии которых В. Борисов состоит — налицо полнокровные разделы фантастики. В. Борисов является вице-координатор межрегиональной группы «Людены», члены которой исследуют творчество выдающихся отечественных фантастов — братьев Аркадия и Бориса Стругацких, издает ньюслеттер группы «Понедельник». Летом 1998 года вышел 153-й его номер, как всегда сделанный со вкусом, изящный и информативный.

КОНКУРС «НЕНАПИСАННЫЙ РОМАН»!

Заочный КЛФ журнала «Уральский следопыт» с 1 января 1999 года проводит конкурс «Ненаписанный роман». Принимаются произведения объемом до 50-70 слов. Можно меньше. Творите, дорогие читатели, присылайте! Победителей ждут призы — книги с автографами. Итоги будут подведены на «Аэлите-2000», в последнюю субботу марта 2000 года. В качестве примера приводим "роман" Д. Рэбина.

ЗАГАДКА ПЛАНЕТЫ АУ

Космический разведчик Бакланский достиг планеты ЭЯ 107888. Высадился. Никого! В поселках и городках обитали только звуки. Ау... Уа... слышалось отовсюду. Долго изучал Бакланский загадочную планету. Выучился читать на местном наречии, по методике Тарзана. Собрал коллекцию экспонатов. И раскрыл тайну этого мира! Разуверившийся в целесообразности эликсира невидимости, его безумный изобретатель вылил весь заготовленный в немалом количестве эликсир в ближайший водоем, откуда он просочился в водопровод... Перед отбытием за помощью Бакланский решил сбрить отросшую бороду. Но не обнаружил себя в зеркале.

Галина МАТУЗИНА

ХРОМАЯ УДАЧА

— «Орел наш, дон Рэба», — внятно сказала она, заглядывая через плечо Сережи. Он, лежа на диване, рассматривал иллюстрации к «Трудно быть богом».

— Что, похоже? — спросил Сергей автоматически, еще не осознавая, что с ним говорит собака.

Она была маленькая, черненькая и припадала на левую заднюю ногу. Сережа нашел ее три дня назад на автобусной остановке, возвращаясь из клуба.

— Люблю, знаете ли, когда портретное сходство налицо в фантастической живописи. — задумчиво сказала Удача (так назвал псину Сережа), облизывая большую лапу.

— Может ты еще и Кембридж закончила? — Жарковский упрямо не верил в реальность происходящего.

— Нет, просто я у Стругацких жила, — ответствовала собака, — с меня, к примеру, Горбовского писали. Люблю я на диванчике в случае чего повалиться... А Щекн в бреду привиделся, когда я чумкой болела. Хозяйка с моих слов творили.

— А Ха Эм Вий тебе в снах не являлся? — Сергей со страху начал хамить.

Удача ответила на провокационный вопрос спокойно:

— Не-а. Я, когда братья «Понедельник...» делали, с М.И. на даче была. Единственное произведение, в создании которого я не принимала участия, — продолжила она авторитетно. — А так — мысли, идеи мои. Вот, к примеру, Странники...

Сережа перебил:

— У тебя дети есть?

— Есть. Моих щенков дарили в основном молодым фантастам... Раз не проконтролировала — попал к Ай-тматову.

— Результат налицо, — мрачно констатировал Сережа. — Фу ты, бред собачий.

— Я и замолчать могу, — обиделась Удача. — Раз недоверие такое. И вообще... Оскорбления всякие.

— А вот уж молчать не надо. Я тебя к Борису свожу. У него Стругацкие — любимая тема для разгово-

Удача взволнованно захромала по комнате. Села, поискала на брюшке. Подумала вслух:

— Если в клуб, то в газету точно попаду. А это мне ни к чему. Не нужно это. Сплетни всякие. И так тебя за подражание Стругацким бьют.

Теперь обиделся Сережа:

— Это они в бессильной злобе и зависти. Они сами не пишут, а другим лишь указывают. Но я не хочу твоей

помощи. Говоришь, молчать умеешь? Помолчи, пожалуйста.

Собака лениво зевнула и пожалала томно плечиком.

— Делов-то, — пряммпила она.

Вечер прошел в молчании.

Утром Сережа нашел пустым отведенный Удаче уголок. Но это совсем другая история...

(Шалтай-Болтай, 1998, № 5)

Наталья Мазова

ОТРАДА РУССКОЙ ФЭНТЕЗИ

Андрей Лазарчук. «Кесаревна Отрада между славой и смертью». СПб, «Азбука», 1998.

Итак, вот он, долгожданный роман, который поклонники творчества Андрея Лазарчука ждали еще в августе минувшего года. Точнее, первая его часть - вторая закончена лишь недавно. И как всегда, надпись «Продолжение следует» возникла на самом интересном месте...

Завязка у романа на этот раз вполне фантазийная. Мир, в котором металлы, особенно железо и медь, легко горят, и который в силу этого обречен развиваться не столько техническим, сколько магическим путем. Государство Мелиора, которому грозит опасность со стороны соседей - как мистико-магическая, так и чисто военная. Загадочный (но вроде бы благого действия) артефакт, именуемый Белый Лев, и юная наследница-кесаревна, единственная, кто имеет над ним власть. Таинственная Кузница Велеса, сложенная из призрачных миров, в которых и затерялась кесаревна. И конечно же, молодой, красивый (естественно!), умный (что несколько менее типично), ненавязчиво крутой - в бою и, чуть менее, в магии - рыцарь, коему предстоит вернуть кесаревну в реальный мир ради победы над врагом. И любовь, вспыхивающая между героями в поспание всех законов.

Однако Лазарчук не был бы собой, если бы сотворил из этого очередную стандартную «фэнтези» с заранее предсказуемым финалом. Наоборот, данный расклад служит ему лишним поводом продемонстрировать достоинства и недостатки литературного метода, именуемого турбореализмом.

Сразу стоит отметить: кое-чем «Кесаревна...» напоминает давних, увешанных премиями «Солдат Вавилона». Точнее, является по отношению к ним своеобразной «работой над ошибками».

Как в «Солдатах...», так и в «Кесаревне...» героям приходится идти сквозь миры с непонятными законами, миры - порой бредовые, а порой настолько страшные, что легче и спокойнее принять их за порождение чьего-то воображения... Но на этом, пожалуй, сходство и кончается. Ибо на этот раз Лазарчук строит свое мироздание по куда более привычной нам «эмберской»

модели: один реальный мир (между прочим, бесконечный не только во времени, но и в пространстве) и множество Отражений - миров Велесовской Кузницы, которые являются всего лишь снами реального мира. И наша Земля - всего лишь один из этих миров, не лучше и не хуже других.

Кстати, на сравнение с эмберским сериалом Железны напрашивается не только модель мироздания. Чего стоит одна только поездка на меняющейся машине «сквозь миры, что распались, как клетки» (С. Калугин)... Но именно это сравнение помогает понять одну не очень приятную особенность данного романа.

Как известно, реальная Земля всегда была и будет богаче любого придуманного мира, будь он хоть трижды изначально реальный и безграничный. У того же Железны одно - Земля и другое - Эмбер со всей бесконечной совокупностью Отражений. У Лазарчука же иные миры Велесовой Кузницы вышли почти столь же реальными, как наш, где есть джинсы, педучилища и киллеры. В каждом из них можно отыскать три-четыре столь же значимых детали, хоть и обрисованы они достаточно бегло.

И по сравнению со всеми ними каким невнятным и оттого нереальным выглядит тот самый - реальный - мир! Читать про него и вполнине так интересно, как про Велесову Кузницу. Детали не складываются в четкую и ясную картину, и даже если сам автор хорошо видит то, что описывает, то читателю это увидеть не дано. Использование же византийского колорита (с легким римским налетом и обильными славянскими вкраплениями) приходится признать откровенно неудачным. При чтении просто теряешься в обилии этих Венедимов, Урбасианов и разных прочих Паригориев, и, по-моему, автор как-то раз сам запутался, кого из эпизодических лиц зовут Благиной, а кого - Блаженной. Тем более, что почти никто из них не прописан столь четко, чтобы индивидуальность помогала удержать в памяти имя.

Впрочем, от окончательной оценки лучше воздержаться - до выхода второй части романа. Хочется надеяться, что в ней прояснятся многие невнятицы первой книги. Поскольку, невзирая ни на что, читать Лазарчука всегда интересно.

Ольга ЩЕРБИНИНА

«Я УТВЕРЖДАЮ, ЧТО — НЕВИННА»

Борис Парамонов — один из оригинальных и острых мыслителей современности, мастер интеллектуального эпатажа. В России он известен как постоянный ведущий культурной рубрики на радио «Свобода». Живет в Нью-Йорке. Сборник эссе Бориса Парамонова «Конец стиля» — первый на русском языке — событие, но многие из смелых выводов автора вызывают споры.

* * *

В известном эссе «Солдатка» (Борис Парамонов. Конец стиля. 1997 г.) автор объясняет причину самоубийства Марины Цветаевой — склонностью ее к инцесту. Одобрение ее ухода из жизни сыном Георгием (Муром) — якобы, «типичное поведение ребенка, который подвергается сексуальной эксплуатации» со стороны матери.

Образ солдатки, фольклорной «гуляющей бабенки» заявлен ключом, отпирающим тайну Цветаевой. Поводом для символа распускаемого ночью ковра, — пишет он, — не есть ли это нечто неестественное, против природы (женской) идущее: нечто, обращаемое вспять? Не есть ли инцест матери с сыном — обращенное вспять материнство?»

В качестве архетипа «солдатки», ожидающей мужа, Парамонов обращается к мифу о Пенелопе. «Меня занимает символика распускаемого ночью ковра, — пишет он, — не есть ли это нечто неестественное, против природы (женской) идущее: нечто, обращаемое вспять? Не есть ли инцест матери с сыном — обращенное вспять материнство?»

Убеждена, что «элементарный образ» распускаемой ткани — не разрушение, а способность *н а ч а т ь с н у л я*; так бегун, не могущий взять дистанцию, снова и снова возвращается на исходную позицию. Пенелопа тклет не просто ковер, а с а в а н для свекра. Это усиливает мотив ритуального упорядочения темных, хтонических, губельных сил. Пенелопа заклинает, умиряет хаос не столько ради отца мужа, сколько ради самого мужа (саван — отговорка осаждающим женихам). Тут не материнская, а специфически женская культурная работа: ткачество у всех народов было символом

созидания порядка, культуры — в противовес хаосу, инобытию, гибели. Но Одиссей не возвращается — магия не срабатывает, сотканное теряет каждый день магическую силу (по поверьям об «обыденных», т.е. сработанных за один день магических вещах). Надо все начинать сначала. Пенелопа готова зачеркнуть прошлые усилия, чтобы все начать еще и еще раз, неутомимо, не теряя веры и надежды. Таков принцип челнока, снующего туда-сюда в ткацком стане. Не от этой ли первоосновы ткачества и зародился образ распускаемой и вновь восстанавливаемой ткани? Само ткачество в определенном контексте символизирует половой акт; Пенелопа, каждую ночь распуская нити, освобождает свою сексуальную энергию для единственно возможного для нее акта — с Одиссеем. Таким образом, моя трактовка прямо противоположна подозрениям моего оппонента.

Пенелопа не ведет счет неудачам, не копит обиды, все 20 лет готовая считать каждый новый день за самый первый. В этом ее женское величие. Пенелопа — языческая святая, может быть, первый образ, предвосхитивший христианских жен.

Теперь о Телемаке. Телемак, по мифу, отправляется прочь от матери — на поиски Отца: лейтмотив мировой культуры, вплоть до джойсовского Улисса. Но дело даже не в этом. Парамонов в своих догадках, видимо, опирается на сюжет избиения Телемаком материнских женихов (исследователь этот эпизод даже не оговаривает, считая самоочевидным пресловутый Эдипов комплекс). На мой взгляд, эпизод избиения женихов отразил атавистический мотив времен заката матриархата, а именно: протест сына против многожества матери, которое может помешать сыну стать единственным наследником. Защищая в данном случае отца (напомню, Телемак избивает женихов вместе с вернувшимся Одиссеем), сын защищает не сексуальные, а династические интересы. Аналогичных примеров великое множество в Библии. Конечно, сама по себе историческая причина не отменяет психологических импульсов, однако в данном случае

династическая причина самодостаточна. И так, «элементарное», суть образа Пенелопы — верное и деятельное ожидание мужа, Телемака — поиски и защита отца.

Перехожу собственно к Цветаевой. Уж конечно, она не была Пенелопой. Она, ненавистница мер, язычница, олицетворение стихии и т.п. Цветаева сама говорит обо всем этом в стихах, ничего не только не скрывая, но выставляя и восхваляя — воистину, великий эксгибиционизм Поэта! Сама же она в стихах и прозе вещает миру и о своей неистовой любви к сыну.

Страсть матери к дитяти — действительно, стихийное, хтоническое и, думаю, еще более непреодолимое чувство, чем сексуальное стремление, ведь секс — подспорье именно для продолжения рода; секс — служанка материнства. Материнство — живот, чрево, желание поглотить, как, вслед за самой Цветаевой, пишет Борис Пармонов. У него читаем: «Бытийная жадность: все впитать, все, попросту, — съесть. Возникает мифологический образ Природы как порождающей — и пожирающей! — Матери. «Могла бы — взяла бы в пещеру утробы»». Это эссеист пишет о Цветаевой, но то же можно сказать и о материнстве вообще: Цветаева олицетворяет предельно, максимально выраженное Материнство. Но где же здесь сексуальность? Всем ведомо желание «съесть» своего ребенка: «ам-ам ручку», «ам-ам ножку» — непременный мотив нянчания; но даже если при этом вторичной наводкой возбуждаются либидонозные очаги, они лишь придают главному тону едва уловимые обертоны. Желание включить в себя, «родить обратно» ту самую драгоценную часть, которая отторгнута неодолимым ходом вещей, — вовсе не то, что соединиться половым путем: другие центры мозга работают. Разные гормоны вырабатываются и отвечают за любовь половую и любовь родительскую.

Вступить в отношения с мужчиной для нормальной женщины значит — о т д а т ь с я. Но отдаться можно сильнейшему, а не слабейшему, в крайнем случае, просто чужаку: тогда возникают необходимые два полюса, между которыми и возникает напряжение, ток. В случае собственного дитя — продолжения матери — полюсов не образуется, нельзя вождельть к себе самой. Кроме того, дитя — слабейшая часть матери, ему не отдаваться надо, а его защищать.

Мне возразят: но Цветаева не вполне женщина, она бисексуальна, как отмечали многие. Я бы добавила: а какой поэт в глубине сознания не бисексуален? Не всечеловечен? Он не то что разом и женщиной, и мужчиной может быть, но и деревом, и цветком и т.п. — но это другая тема. Вот как о бисексуальности Цветаевой пишет Пармонов: «Явная бисексуальность Цветаевой (смотри хотя бы «Письмо к амазонке») менее всего ассоциируется

с сексом. Это односторонний акт некоего присвоения. Сонечка для нее — она же, но данная объективно «как предмет, представление». И опять — лучше не скажешь! Точный, блистательный анализ романа Марины Цветаевой с Софией Парнок. Но разве та же схема не работает в «присвоительном» характере отношений к Муру? Почему в лесбийском романе с Сонечкой нет секса, а в цветаевской неистовой любви к сыну — «сексуальная эксплуатация»? П о э т преобладал у Марины Ивановны и в отношении к сыну.

Секс по своей природе самодостаточен: он разряжается в самом себе, в своем специфическом акте, в самом себе же и достигает катарсиса. Поэты чаще всего — никакие любовники. Природа их самовыражения, природа художественного творчества — иная. И я утверждаю, что не только цветаевская сверхмерная м а т е р и н с к а я любовь к сыну, но и все другие ее любви, в том числе и к собственному мужу, в известной мере — не сексуальны. Потому и доказывала она в каком-то письме с обидой горчайшей, что у нее все «как у всех», что не было у нее, «как у всех». Посмотрите, что она вытворяла с Рильке! Она дошла до страстного желания, но в воображении, это все было насквозь романтическое, не столько стихия, сколько — с т и х и.

Ее сын, ее плоть, ее Мур, ее Наполеон был для нее романтическим героем — тем, что в реальной жизни вынести нельзя, да еще подростку. Ведь вспомним, в цикле «Пригвождена...» она писала сыну:

*Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы ты предстал перед глазами —
С другим в руке — окаменев, как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...*

Она ради своего Наполеона и родину готова предать. Разве мог такой шквал чувств вынести подросток, такую ношу тащить? Гипертрофированное материнство было трагедией Цветаевой. Она жизнью заплатила за безудержную романтическую, поэтическую, какую угодно эксплуатацию — только не сексуальную. Потому хотя бы, что безмерное, действительно не виданное (не зря она претендовала на исключительность) чувство к сыну было безмерно больше сексуальности.

Между прочим, психоанализ знает о сексуальном стремлении сына к матери, а не наоборот. Цветаевская «Федра» может ввести в заблуждение потому, что у Федры любовь женская борется с материнской, в ней побеждает чувство к Ипполиту то как к сыну — и тогда она юношу жалеет, то как к мужчине — и тогда она его жалеет. Главный довод Пармонова в пользу инцеста автора «Федры» не состоятелен: Ипполит был Федре паcынок, а Мур Марине — сын.

Парамонов цитирует стихи из цикла «Георгий»:

*«Ты больше, чем Царь мой,
Ты больше, чем сын мой!»*

Кто же больше царя и сына? Любовник? Конечно же, нет. Больше — кумир, божество. Такая позиция матери, повторим, невыносима для мальчика, тут уж скорее можно говорить о религиозной эксплуатации, чем о сексуальной. Но Марина Цветаева не религиозна по своей стихийной, мифологической сути. «Одежда, любая, всегда и только — смертная. Она хотела быть всегда и только — голой. Это вот и есть бытийная — не культурная, не социальная, даже не словесная — вещь, правда. Тайна плоти — голизна. Голизна — бессмертие, духовность, божественность плоти», — пишет Парамонов (с. 291). Привела длинную цитату: очень уж она хороша! А все-таки приходится спорить. Языческая «голизна», которая символизирует у поэта свободу и духовную раскрепощенность, обнаженность предельно напряженной, «голой», незащищенной, максимально открытой души — постулат отнюдь не связанный с сексом, но поэтический, романтический, даже утопический порыв: поэт вечно стремится к невозможному. Странно читать, что это было, якобы, не метафорой, аллегорией и что у Цветаевой подобные ситуации «всегда сохраняли буквальное значение» (там же). То, что ее «цветущий отросток» — сын (не знаю уж, на что Парамонов намекает, когда говорит, будто и «отросток не метафора!») — что сын от нее с ростом отделяется, отдаляется, становится уже не ею, а самим собой — вот что ее смертно гнетет. Мать хотела бы, чтобы ее отпрыск всегда оставался ее ребенком. Чтобы цветущий отросток (игра слов: отросток — отрост, цветущий — цветаевский, а все вместе — античный образ цветущего юноши. Как же не метафора, не литература?) — так вот, чтобы ее отросток всегда оставался ею. «Одежда» — закрытость, перегородки между людьми для Цветаевой невыносимы экзистенциально. Желание «оголиться» — не бытовое, это экзистенциальный бунт: коли речь о сыне, ее не устраивает самое разделение на женщину и мужчину. «Инцестуозные мотивы» здесь ни при чем. Парамонов «добывает» аргументом: «вечный третий (меж сыном и матерью — О.Щ.) — купальный костюм: собственное ее объяснение». Ну и что? Так и говорят поэты. Ее купальный костюм (и не где-нибудь, а в «Наядах») тем и хорош, что это поэзия, инговорение, а не бытоговорение. Та же утопия, тот же порыв. Человечеству ведомы порывы преодоления пола; в моменты наивысшего духовного напряжения (инициаций, духовного перерождения в религиозном ритуале) оно преодолевает природное разделение полов. Уместно в этой связи вспомнить Еванге-

лие, где в Послании к Галилеянам (3,28) читаем: «Нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Иисусе Христе». Для Цветаевой такой духовной высотой было материнство. Таким образом, оно не только не связано с сексуальной подоплекой, но скорее аскетично, игнорирует само наличие в человеческой природе сексуальности. В своих романтических порывах Цветаева заходит так далеко, что пренебрегает законами человеческой природы, естества, желая быть естества — выше.

...Признаться, что меня действительно смущает, так это приведенная моим оппонентом запись Цветаевой в дневнике, в разделе «о любви». Она коротенькая, приведу ее полностью: «Я о романе, который хотела бы написать: «Понимаете, в сыне я люблю отца, в отце — сына. Если Бог пошлет мне веку, я непременно это напишу». «Он: «Если Бог пошлет вам веку, вы непременно это сделаете»». «Это не фантазия, это судьба, рок», — заклинает эссеист, и попробуй, возрази против рока! Но у большого поэта каждый его шаг, каждое чувство — рок. А текст все-таки посвящен вовсе не инцесту. Не зря с чистым сердцем Марина Ивановна тут же пишет о Боге (с прописной); вся триада — Отец-Сын-Бог и Дух Святой (Любовь) раскрывает глубинный смысл темы отца и сына в одном лице. Соединенных духом Любви. Заметьте, написано не муж-сын, а отец-сын, что очень существенно: акцент делается не на сексуальных отношениях, а на осмыслении неразрывной связи отец-сын.

И опять она в материнстве прыгает выше головы, выше личного, пренебрегает человеческим естеством, рискуя оказаться за гранью, пренебрегая опасностью быть неверно, приземленно истолкованной...

Не было инцестуозных устремлений. А что же было? Да все, что давно и хорошо известно: что невозможно жить обычному, среднему человеку — с гением (если только не отдать себя сознательно на служение гению: вариант Али Эфрон). Что мать взвалила на сына невыносимое бремя выдуманной его исключительности, замучила посягательствами на его личность, воспринимая сына как свой «отросток» (вот, кстати, на Алю Марина Ивановна не молилась, и какая преданная, самоотверженная выросла дочь! Я бы отношения Цветаевой с Алей и Муром внесла в хрестоматии по педагогике...).

Трагедия — или преступление Поэта (не нам судить) в том, что Цветаева была больше поэтом, чем матерью (хотя и матерью была «из самых недр» — ее слова). Она не умела увидеть в Георгии Эфроне реального человека, не хотела понять живую, а не выдуманную личность со всеми ее проблемами (кстати, это и вариант Блока и Любы и многих, многих еще...). С переходным возрастом сына, его болезненной физической и душевной кон-

ституцией (я считаю, что у него была явная эмоциональная тупость, может быть, как защитная реакция психики), трудной судьбой: ведь он был сыном расстрелянного и т.п.

Трагедия женщины-Поэта в том, что мать и нство разрешается в сфере личного, а гений — в сфере надличного, в сфере сверх-Я, коллективной «психе»...

Не удивительно, что сын не понял и не принял матери. Больше того, он пригвоздил ее к «позорному столбу», обвинив в древнем грехе, истолковав ее порывы плоско и пошло. Но мать, как всегда, берет вину за его тупость на себя, обреченно восклицая:

*— Ты не поймешь, — малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!*

Это о том же — слишком мал для нее заподозренный грех. Которого — не было.

*Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеєю в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.*

Но Борис Парамонов, читая между строк, вину находит. Он трактует ее, впрочем, скорее как доблесть гениальности. Гений вне морали и вне культуры — излюбленная его мысль. Она хороша как парадокс, фигура высшего эпатажа, не зря игровой элемент и создание мифа Парамонов ставит бесконечно выше тяжеловесного, скучного и неблагодарного занятия — поиска истины. Но если все же, (опасаясь прослыть ретроградом), попытаться ей следовать, то придется признать: невозможно представить в некультуры Шекспира, Гете, Пушкина, Шнитке — подставьте сами имена гениев, которые стали хлебом культуры, воздухом культуры. Олицетворением, символом ее.

Да, гении «выскакивают из мерок» наличной им культуры, расширяют ее границы, включая в них то, что незамеченным лежало на обочине. Лежащий в пыли сор превращают — в стихи. Но тем, вовсе не отрицают культуру, а только ее обогащают. Вздрагиваю при собственных словах: современный критик, как черт ладана, боится позитивизма. Но что же делать: богатство и сложность культуры еще с XII века, со времен «Слова о полку Игореве», противостояли «пустыне» как дикости и примитивизму. Гении выбиваются из рамок современной им культуры, но культура рано или поздно (чаще поздно) подбивает новые рамки — под гениев (в противном случае их эманации, подобно ультразвуку, останутся никем не воспринятыми, будь они хоть миллион раз гениальны). Иными словами, культура включает открытое гениями нечто изначально миру данное, «образ мира, в слове явлен-

ный» (в звуке, в краске, в мысли...). Являют миру то, что жило и дышало в нем, но не осознавалось. Нащупывают архетипы. Гений ничего не выдумывает — он открывает. Именно поэтому все настоящее обладает удивительным свойством: кажется, оно было всегда. Оно и было всегда.

Фатально оставаясь в материнстве прежде всего поэтом, Марина Цветаева, может быть, именно поэтом и открыла в феномене материнства невидимые до того, запредельные грани:

*Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена — березкой на лугу
Сей столб встает мне... —*

способностью любить тогда, когда, кажется, возможно только ненавидеть.

Она настолько обгоняла свое время, что неизбежно не могла быть понята сыном-подростком.

Вместе они жить не могли. Но почему непременно смертельный исход? Да потому что это — Цветаева. Действительно, женщина рока, женщина мифа, как гениально вывел Парамонов. Кто угодно мог бы разъехаться с сыном, найти какой-то выход из положения — но только не она. Для нее или Мур — или смерть.

Никак нельзя сбрасывать со счетов (как это делает Парамонов) и все, что случилось с Мариной Ивановной в последний период ее жизни, все другие роковые обстоятельства. Муж расстрелян, дочь в тюрьме... совсем, как у Ахматовой. Но у Анны Андреевны — «я тогда была с моим народом там, где мой народ со мною был». Не то у Цветаевой. У нее во всем трагический разлад. Ее духовная поэтическая родина — Германия — оказалась злейшим врагом России, разрыв поэзии с жизнью реализовался со всей ужасающей очевидностью (об этом пишет, кажется, Саакянц). Так же, как и вымысел о муже — не белом лебеде, а красном шпионе. Последнее, самое кровное, «до самых недр», сын — жизнь, больше, чем жизнь — окончилась крахом. Что оставалось? «В моей руке — лишь горстка пепла!» Бедная ты наша... Замученная...

Поняв судьбу Цветаевой как трагическое воплощение судеб России, Борис Парамонов поддался соблазну классической трагедии, чья основа — инцест. Однако здесь он сам путает литературу и жизнь.

...Самоубийство Цветаевой, как и всякое другое, выбивается из культуры, из религии, из нормы вообще. Но это слом, а не содержание поэтической жизни; не здесь «сокрытый двигатель» и этого «дитя добра и света».

Уходящий век до сих пор до конца не понял Цветаеву, которая слишком обгоняла время. Но время до нее еще дорастет...

*31 августа 1998 года
День памяти Марины Цветаевой.*

Рубрику ведет Алексей КРАПИВИН

БЕЛАЯ СТАЯ

ПЯТЬ ФЛОТИЛИЙ КОМАНДОРА

«Белая стая» — так хотел Командор когда-то назвать одну свою книжку. Он думал рассказать в ней о парусных судах, с которыми его так или иначе сталкивала жизнь. О самых разных. От крошечной каравеллы, сделанной из ореховой скорлупы, до стометрового гиганта «Крузенштерна».

Книга так и не написана. Во-первых, Командор узнал, что придуманное им название уже не раз использовали другие авторы. Во-вторых... собранные в его памяти корабли то и дело разбегались в стороны. Каждый — своим курсом. По разным повестям, рассказам и романам.

Об одних только сосновых корабликах, которые он мастерил в давнем детстве, Командор писал неоднократно: о бриге «Робинзон» с мачтами-лучинками и о его братьях, которые рассекали синеву и солнечные зигзаги обширных мартовских луж...

Это была Первая флотилия Командора.

Он до сих пор жалеет, что из той флотилии не сохранилось ни одного кораблика. Хорошо было бы поставить его на полку командорской каюты рядом с корабельным фонариком и статуэткой пацана-футболиста, очень похожего на первоклассника Славку...

Те суденышки не сохранились, но осталась привязанность к парусам, осталось желание строить парусники дальше. Этим делом Командор и занялся, когда немного вырос (окончил университет). С мальчишками и девчонками из флотилии «Каравелла» он начал строить яхты. «В натуральную величину». И всего их было спущено на воду около двух десятков. Это парусники разных размеров и конструкций (в основном своих, разработанных во флотилии). Больше всего Командор гордится яхтами класса «Штурман». Чертежи этой яхты он изготовил в больнице, когда врачи пытались найти в писательском организме всякие серьезные хвори... «Штурманов» построили целую дюжину.

Кажется, Командор отдавал яхтам не меньше времени, чем книжкам. И теперь, когда он прикрывает глаза и начинает вспоминать, перед мысленным взором его проходит Вторая флотилия — парусные суда отряда «Каравелла». В пене, в радугах среди брызг мчатся они по взлохмаченным штормовыми ветрами уральским озерам... И порой чудится Командору, что вся его взрослая жизнь сплошь была летней парусной практикой флотилии «Каравелла».

Яхты эти и сейчас бороздят Верх-Исетское водохранилище, которое сухопутные жители Екатеринбурга привыкли обзывать несолидным словом «пруд». Ничего себе пруд, на котором проходят международные парусные регаты!

Но у этих яхт есть существенный недостаток — их не принесешь домой и не поставишь на полку. Поэтому на полках командорской каюты стоят другие корабли.

Прежде всего это метровая модель голландского флейта «Арабелла». Он похож на «Арабеллу» капитана Блада, про которого мы читали в романах Сабатини. Густой такелаж, высокая узорчатая корма, фигура льва под бушпритом. И — как у Лермонтова: «...молча в открытые люки чугунные пушки глядят». Впрочем, пушки не чугунные, а из латуни, что делает корабль еще красивее...

Это работа замечательного умельца, оставшего флотского офицера Георгия Александровича Архипова. К сожалению, этого славного человека уже нет в живых. Не придет, как раньше, в «Каравеллу», не станет объяснять ребятам, как построить модель клипера «Катти Сарк»...

Есть у Командора еще две работы этого мастера. Современный шестивесельный ял и ботик Петра Великого. В яле — полный набор всех предметов: даже крошечный бочонок-анкерок с пробкой и прикрепленным к ней жестяным стаканчиком — черпай из анкерка воду и пей на

здоровье. Эта шляпка дорога Командору тем, что когда-то он получил удостоверение на право командовать именно таким небольшим парусником и ходить на нем в дальние походы...

А ботик — просто чудо. Мастер сделал точнейшую копию «Дедушки русского флота». Командор уверен, что сам Петр был бы счастлив, если бы получил в подарок такую модель.

Есть немало и других корабликов — поменьше. Среди них маленький фрегат с пенопластовым корпусом и пестрыми бумажными парусами — подарок одного читателя, третьеклассника Максима. Он стоит на полке с книгами Командора. Он словно их частичка...

Когда-то моделей было больше. Но шхунбриг «Надежда» и баркентину «Вега» Командор отдал ребятам, в «Каравеллу». Должны же будущие капитаны знать оснастку больших парусных судов!.. «Надежду» протом украли. Взломали створки в окне отрядного музея и унесли с подоконника метровую бригантину. Жаль ее до слез...

У Командора были по этому поводу кое-какие подозрения, но чего они стоят без доказательств!

Утешала лишь мысль, что похитителями двигателя, возможно, не грубая крысть, а приверженность к парусам и морской жизни. Конечно, это не оправдывает пиратов, но все-таки окрашивает печальное происшествие хоть каким-то налетом романтики...

Впрочем, «Надежда» не исчезла совсем. Она осталась в кадрах отрядного фильма «Кораблик или Хроника капитана Саньки». В кино возможны всякие трюки, и «Надежда» сыграла там настоящую бригантину. От ее борта отваливает шляпка. Из шляпки выскакивает на берег пиратского острова лихой десант: два десятка мальчишек в белых матросках, с деревянными мечами и рогатками. Пираты, похитившие юную героиню фильма, не выдерживают натиска и сдаются. Известно, что в кино, в отличие от реальной жизни, добро неизменно торжествует. По крайней мере, в фильмах отряда «Каравелла»...

Модели на полках каюты — Третья флотилия Командора. По ночам она живет своей таинственной жизнью. Просыпаются на палубе «Арабеллы» крошечный фаянсовый бегемот Мотя и пластмассовый петух Кригер, которые с давних пор прижились на этом корабле и ни за что не хотят покидать его. На клотике фок-мачты спокойно вертит головой и всматривается в тревожную даль красный павиан — подарок братьев-читателей Илюшки, Юры и Саши и их замечательной мамы.

По всем моделям разносится шуршание: это

крошечные матросики и корабельные гномы готовят суда к отплытию.

Коты Макс и Тяпа, которые дрыхнут в ногах у Командора, беспокойно дергают ушами. Совесть их нечиста. Однажды в приступе безответственной кошачьей дури они носились по каюте и сшибли на пол «Арабеллу». После ремонта стенга на грот-мачте оказалась чересчур наклоненной вперед, что слегка нарушает корабельную гармонию, но ничего не поделаешь...

Но коты тревожатся напрасно. У волшебных экипажей Третьей флотилии и без них масса забот: за ночь надо успеть побывать во многих сказках.

Днем модели как бы засыпают, а к вечеру вновь начинается тихое волшебство.

Когда за окном назревает закат, рангоут и такелаж Третьей флотилии Командора чернеет на фоне окна, как на экране приключенческого фильма. И за моделями чудятся иные мачты — настоящих океанских парусников, которые когда-то видел Командор.

Первый раз это случилось в пятьдесят девятом году. Третьекурсник Слава приехал на практику в Ленинград и жадно искал там всяческие приметы морского города. Однажды он за мостом Лейтенанта Шмидта, у набережной со старинным памятником Крузенштерну увидел сразу четыре таких судна. Они стояли у причала, прижимаясь бортами друг к другу. Был очень светлый вечер, сквозь чащу такелажа глядел молодой месяц.

Сразу можно было понять, что суда — парусные, хотя парусов на реях и гафелях, конечно, не было.

В романтической голове студента Славы началась сумятица. По словарям и картинкам он давно изучил все типы парусников, но сейчас в густом перепетении рангоута, вант, штагов, фордунов, бакштагов и топенантов он совершенно запутался. И робко окликнул бравого военного морячка в белой форменке:

— Вы не скажете, какие это суда?

— Гляди острее! На них же написано.

На белых кормовых свесах и правда можно было разобрать черные буквы: «Вега», «Кропоткин», «Сириус», «Шокальский»...

— Я не про названия. Какой у них тип?

Морячок снисходительно удивился бестолковости «салаги»:

— Сам, что ли, не видишь? Это парусники.

Да, военные моряки далеко не всегда блещут познаниями в парусных делах. (Однажды Командор выпорил бутылку коньяка у капитана третьего ранга, который утверждал, что проходил в училище устройство... т р е х м а ч т о в

о г о брига. Впрочем, бутылку капитан так и не отдал).

Морячок удалился, вызывая воспоминания о песенной строчке: «Когда он шел, его качало словно лодочку...»

И вдруг негромкий голосок отчетливо сказал рядом со Славой:

— Это бар-кен-тины.

Оказалось — мальчуган лет десяти.

С аккуратной светлой челкой, в круглых интеллигентных очках, в мятых и подвернутых парусиновых брюках и босиком — что в общем-то было не характерно для приличных ленинградских мальчиков. К ногам его прилипли сырые травинки. Он держал желтое пластмассовое ведро и бамбуковую удочку.

Конечно же, баркентины!

— Да, я вижу теперь. Спасибо тебе!

— Пожалуйста, — сказал мальчик. И пошел вдоль парапета — походкой человека, которому принадлежит весь Ленинград.

А будущий Командор ощутил мгновенное сожаление, что не живет здесь всегда. В этом удивительном городе, где прямо в центре швартуются трехмачтовые баркентины; где есть вот такие разбирающиеся в морских премудростях мальчишки; где смотрит сквозь корабельные снасти полусказочный рогатый месяц и где флотский духовой оркестр на недалеком причале играет вальс «Голубой Дунай»...

Лет через десять Командор вспоминал мальчика с удочкой, когда писал сказку «Баркентина с именем звезды». В этой сказке (как и не раз в жизни!) баркентину хотели переделать в ресторан, и она, не желая такой участи, сгорела.

Сказки иногда сбываются. В конце восьмидесятых в Севастополе, на берегу Артиллерийской бухты, сгорел ресторан «Баркентина». Это бывший парусник «Кропоткин», один из тех, которые когда-то Командор увидел в Ленинграде...

С особой любовью Командор вспоминает парусники, которые подарили ему друзей.

В шестьдесят седьмом году, в Севастополе, на громадном четырехмачтовом барке «Крузенштерн» Командор познакомился с земляком-уральцем Евгением Ивановичем Пинаевым — моряком, художником и писателем.

В шестьдесят девятом, в Риге, на трехмачтовой шхуне «Кодор» судьба свела его с молодым штурманом Захаром Липшицем, который потом стал капитаном.

В семьдесят девятом, в Севастопольском яхт-клубе, на океанской яхте «Таврия» Командор познакомился с яхтенным капитаном Олегом Ветровым, с его женой и двумя отчаянными сыновьями — юнгами парусного флота.

Сейчас Командору уже невозможно представить жизнь без этих людей.

...Итак, встают за мачтами модели мачты настоящих парусников. И как будто кадры давнего фильма проходят перед Командором отдельные картины воспоминаний: баркентина «Альфа», черным силуэтом скользящая по закатному крымскому горизонту (она только что снялась в фильме «Алые паруса»); немецкая бригантина «Вильгельм Пик», котрая пасмурным вечером с попутным штормом, под одним формарселем врывается в устье Даугавы; барк «Седов», чьи мачты фантастическим лесом вырастают над постройками Ленинградского порта...

Один за другим возникают в памяти большие парусные суда, когда-то встреченные в жизни и приплывшие в книги Командора. Это его Четвертая флотилия.

...Рангоут и такелаж моделей и настоящих парусников переплетаются на фоне вечернего окна, создавая фантастическую картину. Слово в гавани сказочного приморского города сошлись десятки кораблей. В том числе и те, которых никогда не было на свете... Хотя как же не было? Конечно, были, раз Командор придумал их для своих книг.

Он не написал книгу «Белая стая», но зато вместе с сыновьями создал другую — «Фрегат «Звенящий». Это книга об устройстве парусного корабля и плавания под парусами. Работа над книгой была нелегкая. Пришлось не только писать текст, но и рисовать чуть не две сотни картинок и схем. А потом самим делать на компьютере макет книги. Когда уже все было готово, компьютер вдруг «взбрыкнул» и весь готовый материал в нем куда-то подевался. Пришлось все начинать снова...

И потом судьба книжки была нелегкая. Где-то у неуловимых книготорговцев «растворилась» половина тиража. Вторую половину издательство со скрипом «распикивает» по магазинам — это ведь не детектив, не история про вампиров. Далеко не всех читателей в наши дни интересуют паруса... Но все же, судя по отзывам, кое-кого интересуют. И это радует авторскую компанию «Командор и сыновья», хотя гонорар за книгу они безуспешно ждут уже больше года.

В конце концов, главное не деньги, а то, что среди нынешних мальчишек и девчонок есть еще такие, кому снится гудящая на мачтах парусина и синие горизонты...

Фрегат «Звенящий» стал флагманом всех придуманных кораблей Командора. Эти корабли — его Пятая флотилия. Но о них рассказывается в другом материале — в разделе «Корабли» словаря «Кратографан».

Кратокрафан

Раздел второй Корабли

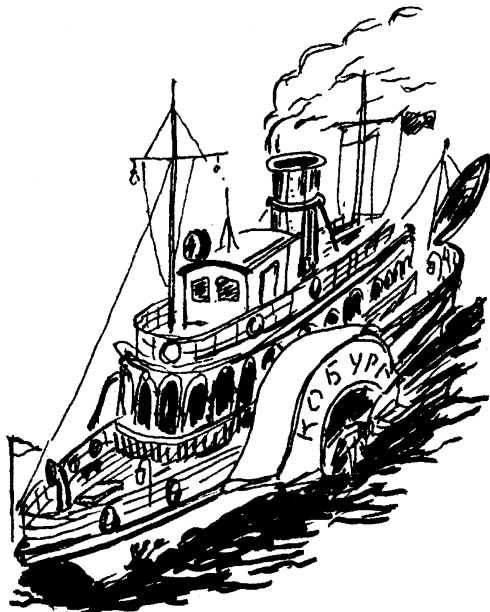
Продолжение. Начало в № 9

К

Клипер. Модель клипера-фрегата, которую однажды увидел в доме у старушки мальчик Алешка. После знакомства с этим корабликом начались приключения Алешки с Зеленым билетом. (*Летчик для Особых Поручений*).

Клипер мальчика «Сурепкина» (Норика). Самодельный пенопластовый кораблик, участвовавший в гонке игрушечных клиперов. Неудача в этой гонке положила начало знакомству и приключениям Норика и Оськи. (*Рассекающий пенные гребни*).

Клипер черный. Корабль, построенный космическим злодеем Рыкко Аккабалдо из обрезков черной небесной тверди. Предназначался для войны с юными жителями Пояса астероидов. После примирения с ребятами Рыкко подарил черный клипер своим бывшим противникам. (*Полосатый жираф Алик. Повесть, только что написанная автором*).

«Кобург». Пассажирский пароходик (из семейства «Смолокуров»), на котором познакомились Павлик Находкин (будущий звездолетчик) и старый Пассажир, рассказавший Павлику историю таинственного города Реттерхальма и его обитателей. (*Выстрел с мони-ра*).

Ковер-самолет. Его подарила двум мальчишкам, жившим в северном городке, старая тетушка. С ковром было связано множество приключений на земле и в воздухе. (*Ковер-самолет*).

«Кодор». Яхта, на которой юный житель Севастополя Саня Дальченко попал в штормовую переделку. (*Сандалик или Путь к Девятому бастиону*).

«Константин». Пассажирский теплоход, потопленный террористами во время военного конфликта между силами Империи и йосскими повстанцами. На теплоходе погибли родители восьмилетнего Ермилки, который после этого стал невидимкой. (*Взрыв Генерального штаба*).

Кораблик из песенки.

Крутобокий, маленький,
Вырастал на стапеле,
И был спущен на воду

Он в урочный час.
А потом на реях мы
Паруса поставили,
И как сердце дрогнул
Наш компас.

(Стихи «Кораблик» в стихотворном сборнике «Синий краб», Журавленок и молнии и др.).

Кораблик игрушечный, который подарил Мальчику, Знающему Все Паруса старый моряк Мартыныч. *(Баркентина с именем звезды).*

Кораблик. Так называл маленькую модель яхты семилетний Кашка. Он спас ее, когда та застряла в болотной траве. *(Оруженосец Кашка).*

Кораблик с красным кливером. Его увидел во сне выздоравливающий после опасной травмы Данилка Рафалов по прозвищу Кинтель. *(Бронзовый мальчик).*

Кораблик — первый, который сделал из куса сосновой коры дошкольник Славка, будущий Командор. *(Предисловие к повести Тень Каравеллы).*

Кораблик, который в детстве сделал Петр Евгеньевич Векшин, отец семиклассника Кирилла Векшина, рулевого с тендера «Капитан Грант». *(Кольбельная для брата).*

Кораблики ребят в Детской церкви города Старотополя. Маленькие самодельные кораблики, которые мальчики и девочки ставили перед образом Пресвятой Богородицы с Младенцем с просьбами выполнить заветные мечты и желания. *(Помоги мне в пути).*

«Корабль». Название клипера (другого имени придумать не сумели), который юные жители Пояса астероидов построили из лучей Мирового Света для дальнего путешествия к Планете Некусачих Собак. *(Полосатый жираф Алик).*

Корабль пиратский. В давние времена он едва не подверг разгрому Город Острых Крыш, но был уничтожен другим, Неизвестным кораблем. *(Страна Синей Чайки).*

Корабль с картины «Путь в неведомое», написанной художником Брандуковым, отцом пятиклассницы Иринки. «На картине был стиснутый бесконечно высокими скалами пролив. Среди скал металась птичья стая, а по зеленоватой воде уходил корабль с темными, наполовину убранными парусами... Сверху, из-за скал вырывался плоский луч, а впереди... угадывалась солнечная щель, выход из каменного коридора. («Прототипом» этой картины в прозае послужило одноименное полотно художника Е.И.Пинаева). *(Журавленок и молнии).*

«Краснокамск». Теплоход, на котором проходила практику радист Анюта — бывший капитан яхточки «Трэмп», где осваивал азы морского дела маленький яхтенный матрос Славка Семибратов *(Трое с площади Карронад).*

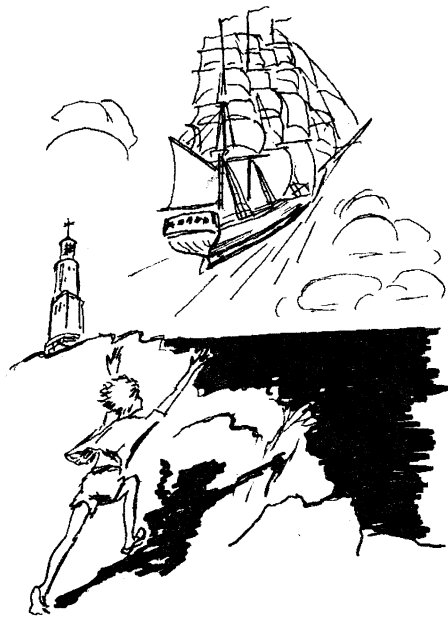
«Красотка». Маленький игрушечный парусник для занятий морским делом в отряде «Тремolino». *(Бронзовый мальчик).*

«Кречет» («Кречеть»). Русский военный клипер, которым командовал капитан Апполон Филиппович Гуцин-Безбородько. Долгое время на «Кречете» обитал корабельный гном Гоша, сочинивший потом о любимом клипере поэму.

Экипаж «Кречета» спас в океане мальчика Гвоздика, сброшенного злоумышленником с борта парохода «Новая Голландия».

Следует заметить, что русские военные клипера отличались от торговых клиперов-гонщиков, они имели паровые машины, а в парусном отношении чаще всего были не фрегатами или барками, а баркентинами. Но иллюстраторы книжек предпочитают изображать «Кречет» в облике традиционного клипера-фрегата, что в общем-то оправдано, поскольку действие происходит в сказках. *(Возвращение клипера «Кречет», Портфель капитана Румба).*

«Кречеть» (1) — игрушечный кораблик собранный крошечным стеклянным барабанщиком Тилькой внутри волшебной бутылки. *(Возвращение клипера «Кречет»).*

«Кречеть» (2) — воздушный корабль, возникший из модели, построенной внутри бутылки, когда бутылка эта была разбита. *(Возвращение клипера «Кречет»).*

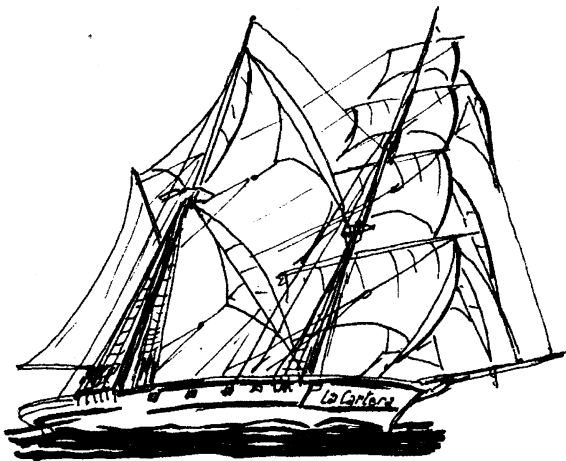

«Крузенштерн». Четырехмачтовый барк. Последнее судно из серии знаменитых «Летающих П» (бывшая «Падуя»). О «Крузенштерне» написано столько, что повторяться здесь не имеет смысла. Следует лишь отметить, что автор почти документально воспроизводит сцены съемок фильма, которые в 1967 году проводились на палубе этого барка-великана. (**Острова и капитаны, Оранжевый портрет с крапинками, Фрегат «Звонкий» и др.**).

«Кулибин». Пассажирский пароходик из семейства так называемых «смолокуров». (**Выстрел с монитора**).

Л

«Ладонь». Крейсер-авиаматка (видимо, вертолетоносец старого типа). Стоял в Большой гавани города, в котором жил четвероклассник Лесь. Во время конфликта, возникшего при разделе флота между двумя недавно возникшими государствами, «Ладонь» хотела уйти «в другой порт, на базу другого флота, который теперь считался заграничным». (**Дырчатая Луна**).

«Лакртера» («Ла Картера», «La Cartera»). Парусное судно капитана Румба, бывший бриг «Бретонец», переоснащенный в бригаину (шхуну-бриг). (**Портфель капитана Румба**).

«Ла Медуза». Каракка шестнадцатого века. На нее приземлилась бабка Анята, героиня рассказа юного автора-фантаста Сени Персикова, после того, как сделала из старых часов-ходиков машину времени. Обладая большим опытом общения с буйными людскими массами (она была уборщицей в сто тринадцатой средней школе), бабка Анята быстро навела на пиратской «Ла Медузе» порядок. (**Серебристое дерево с поющим котом**).

«Ланселот». Клипер, чья носовая фигура непонятным путем попала в коллекцию церковного сторожа

Сильвера. (**Рассекающий пенные гребни**).

«Легенда океана». Марсельная шхуна с рисунка Вальки Бегунова. (**Валькины друзья и паруса**).

«Лейтенант Шмидт». Модель каравеллы, которую построили большие ребята Володя и Витя — соседи маленького Славки. Они испытывали кораблик в луже. Этот эпизод был одним из тех, которые будили в Славке, будущем Командоре, негасимый интерес к парусам. (**Очерк «След Каравеллы»**).

«Летающая платформа». Аппарат для межгалактических и межтемпоральных сообщений, построенный инопланетянами неизвестного происхождения. Был реквизирован у жрецов государства Цтаанатаиннакоа-ката Верховным Правителем этой страны юным Цтинотакчтилокки-цдана (для товарищей — просто Локки), чтобы навестить друзей, живущих в ином времени и пространстве. (**Полосатый жираф Алик**).

«Летающие «П»». Парусные суда судовладельца Фридриха Лаша, чьи имена обязательно назывались на букву «П»: «Памир», «Пассат» и т. д. Отличались высокой скоростью, за что и получили свое общее название. Среди них было немало известных виндjamмеров, в том числе — «Падуя». (**Острова и капитаны и др.**).

«Летучая пиявка». Фашистская подводная лодка, которой командовал фюрер-капитан Боббин Гапп. После многих приключений была потоплена отважными капитанами Каравеллы Владиком и Павликом. (**Тень Каравеллы**).

«Лизелотта». Судно, на который обитал говорящий кот, умевший предсказывать кораблекрушения. (**Портфель капитана Румба**).

«Линкор глиняный». Игрушечный военный корабль, который смастерил семилетний Славка первого сентября 1945 года, когда из-за отсутствия обуви не пошел в школу и гулял на дворе. (**«Пошел все наверх!» или Воспоминания эрудита**).

«Лисянский». Четырехмачтовый барк, вставший на зимовку там, где раньше стояла сгоревшая баркентина. (**Баркентина с именем звезды**).

М

«Магеллан» (1). Межзвездный корабль (фотонный фрегат), на котором астронавт Александр Снег и его друзья отправились на планету Желтая Роза. (**Я иду встречать брата**).

«Магеллан» (2). Интерлайнер. Воздушное судно совершавшее межконтинентальные рейсы курсом через

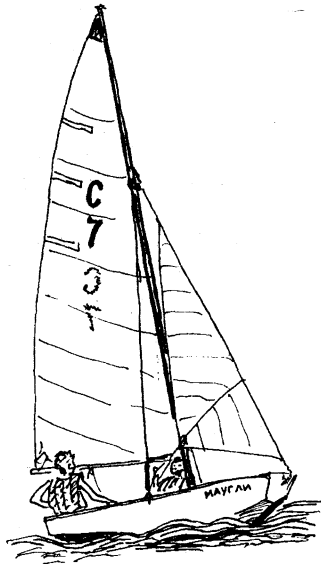
полос. На нем служил штурманом Максим Лот, отец будущего командора Цезаря Лота. (*Гуси-гуси, га-га-га...*)

«**Мавритания**». Морское судно, на которое однажды спустилась летающая тарелка и забрала себе на борт продскипера Бобби Думмера. Тот впоследствии рассказывал в портовых тавернах, что летал не то на Луну, не то на Солнце. (*Портфель капитана Румба*).

«**Маринка**». Гафельная шхуна, принадлежавшая детской парусной флотилии. На ней спецгруппа таможенной службы Южной республики осуществила захват теплохода «Согласие». (*«Рассекающий пенные гребни»*).

«**Маркиза**». Английская шхуна, погибшая во время одной из операций «Парус» — гонок больших парусных судов. (*«Оранжевый портрет с крапинками»*).

«**Мальчик**». Бриг (см. «Даниэль»).

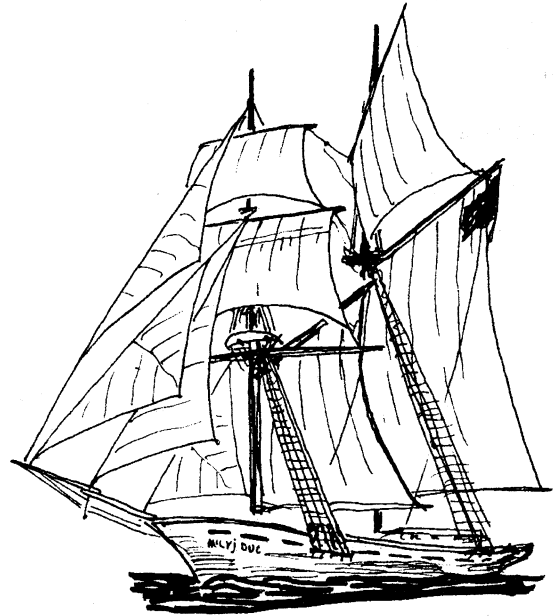

«**Маугли**». Небольшой швертбот международного класса «Кадет», предназначенного для детей и подростков. На этом суденышке ветреной ночью пятиклассник Тимсель пересек бухту, чтобы догнать своего друга. (*Трое с площади Карронад*).

«**Менделеев**». Маленький пассажирский пароход, ходивший между Тюменью и пристанями Иртыша и Оби. (*Планшет и др. ранние рассказы*).

«**Меркурий**». Русский военный двадцатипушечный бриг под командой капитан-лейтенанта А.И. Казарского. 14 мая 1829 года на Черном море вступил в бой с двумя турецкими линейными кораблями (общим вооружением в 184 пушки). Умело маневрируя и уходя от продольных залпов, сумел нанести противнику существенные

повреждения и вышел из боя победителем. Награжден кормовым георгиевским флагом. Капитан-лейтенанту А.И. Казарскому в Севастополе поставлен памятник со словами «Казарскому. Потомству в пример». (*Трое с площади Карронад, Бронзовый мальчик и др.*).

«**Миль Дюк**». Марсельская шхуна шкипера Джорджа Седерпауэла (он же Жора Сидоропуло), вероломно сожженная сыщиком и шпионом Шпицназе по прозвищу Нус-Прошус во время ремонта на берегу острова Нуканука. (*Портфель капитана Румба*).

«**Мимороза**». Шхуна, которой командовал старый шкипер Бен Адамс по прозвищу Дубовый Брештук. Едва не столкнулась с другой шхуной, «Румяной Клотильдой», недалеко от портового города Лувер-Буля. (*Фрегат «Звенящий»*).

«**Мировая революция**». Канонерская лодка времен гражданской войны (бывший буксирный пароход). Воевала на стороне красных. Выстрелом из трехдюймовки обезвредила засевшего на колокольне колчаковского пулеметчика и заодно повредила большие часы. (*Ковер-самолет*).

«**Михаил Кутузов**». Четырехпалубный речной теплоход, ходивший с туристами по Волге и Волго-Балту. (*Бронзовый мальчик, Синий город на Садовой*).

Миноносец японский. Во время русско-японской войны в начале двадцатого века пытался пустить на дно русский плавучий госпиталь, что противоречило международным законам. Не внял предупреждениям капитана оказавшейся рядом бригантини «Ya bolshe ne budu» и был потоплен мощным снарядом, выпущенным из гар-

пунной пушки. Удрученный неожиданным поражением капитан миноносца сделал харакири. (*«Я больше не буду» или пистолет капитана Сундуккера*).

«Миррор» («MIRROR»). Корабль, побывавший у острова Акулья Челюсть, по поводу чего на стене островного грота была сделана надпись, которая помогла отыскать клад капитана Ботончито. (*Портфель капитана Румба*).

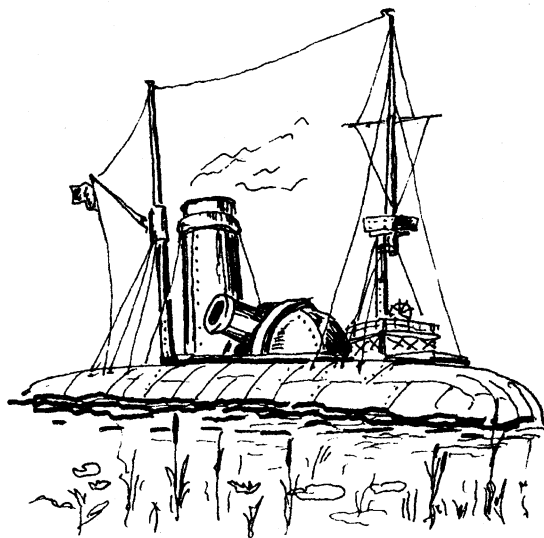
«Мэйфлауэр». Английский барк, на котором в 1615 в Новый Свет прибыли первые переселенцы из Англии. Пластмассовую модель этого судна клеили пятиклассники Славка и Тимсель (*Трое с площади Карронад*).

Ж

«Надежда». Трехмачтовый русский военный шлюп под командой капитан-лейтенанта И.Ф. Крузенштерна. В 1803-1806 г.г. вместе со шлюпом «Нева» совершил первое плавание русских моряков вокруг света. (*Острова и капитаны*).

«Нарва». Русский 54-пушечный корабль. 27 июня 1715 года (по старому стилю) взорвался на Кронштадском рейде от удара молнии. (*Журавленок и молнии*).

«Наяда». Парусное судно, чья носовая фигура хранилась в коллекции Сильвера. (*Рассекающий пенные гребни*).

«Не бойся». Монитор. Под командой капитан-командора Элита Красса участвовал в военных действиях против короля Наттона. Вынужден был сдать гарнизон форта Забрало, когда оказался на мели благодаря хитрости мальчика Гальки (Галиена Тукка). (*Выстрел с монитора*).

«Нева». Трехмачтовый русский военный шлюп под командованием капитан-лейтенанта Ю.Ф. Лисянского. Вместе с «Надеждой» участвовал в первой русской кругосветной экспедиции, но часть пути прошел самостоятельно. (*Острова и капитаны*).

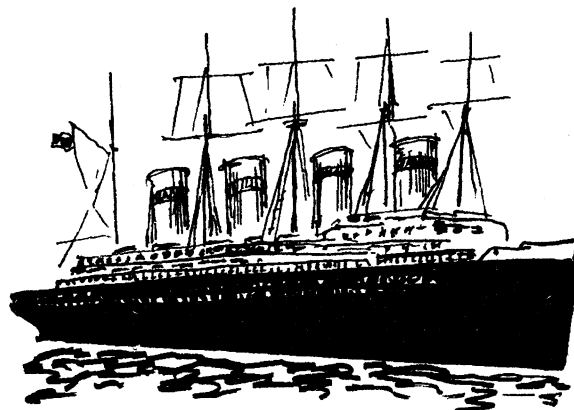
Невидимый тендер. Одномачтовый гафельный военный парусник под командой лейтенанта Новосильцева. В середине девятнадцатого века принимал активное участие в обороне Приморского города от интервентов. Получил характеристику «невидимого» за умение незаметно подкрадываться к вражеским судам. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Неизвестный корабль. Неожиданно появился вблизи Города Острых Крыш и спас его от нападения пиратов. Благодарные жители поставили Неизвестному кораблю памятник. (*Страна Синей Чайки*).

«Не тронь меня». Русская канонерская лодка, моряки которой научили мальчика Гвоздика некоторым хитрым приемам единоборства. (*Портфель капитана Румба*).

«Николай». Корвет, на котором ходил в кругосветное плавание выпускник Морского кадетского корпуса Егор Алабышев. (*Острова и капитаны*).

«Новая Австралия». Пароходная компания, организовавшая туристические рейсы в недавно открытый для свободного посещения город Кан'Орра. (*Лоцман*).

«Новая Голландия». Громадный пассажирский пароход компании «Аустралитас», в трюме которого корабельные гномы построили для себя город Нью-Гномборо. В этом городе мальчик Гвоздик обучал гномов игре в футбол. (*Портфель капитана Румба*).

«Норд-Ост». Буксирный катер, на котором предлагали поселиться корабельному гному Гоше. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

О

«Обет». Игрушечный кораблик, который в городе Старотополе смастерил Петька Викулов, чтобы поставить его в тайном церковном подвале перед образом Пресвятой Богородицы с Младенцем. (*Помоги мне в пути*).

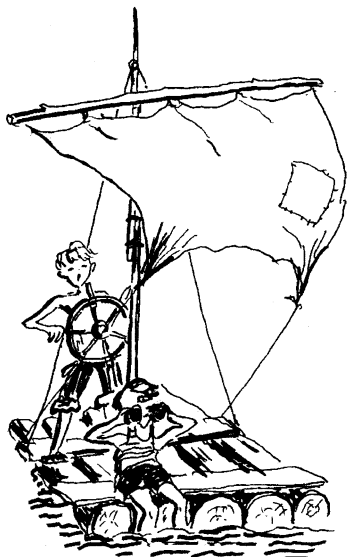
«Океанский бродяга». Корабль, которым командовал отец мальчика Ростика, открывший в Австралийском океане архипелаг, населенный жизнерадостным племенем юggi-лакамбуры. («Чоки-чок» или *Рыцарь Прозрачного кота*).

«Олень». Глубоководный батискаф. На нем погибли родители мальчика Нааля, который после этого жил в интернате и отчаянно ждал из космоса своего дальнего родственника Александра Снега. (*Я иду встречать брата*).

«Омар». Баркентина, на которой место для корабельных гномов было занято. (*Возвращение клипера «Крекет»*).

«Оранжевая звезда». Игрушечный кораблик (маленькая модель сорокапушечного военного парусника) для занятий морским делом в отряде «Тремолينو». (*Бронзовый мальчик*).

«Орехов». Старый речной пассажирский пароход с мелкой осадкой и плоским днищем. (*Та сторона, где ветер*).

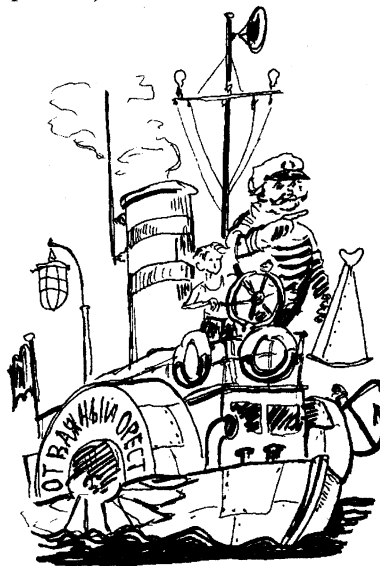
«Орион». Плот для путешествий.

«Для посторонних это были просто пять бревен, сколоченных тремя поперечными досками. Но Сережка и Гарик знали, что это корабль». (*Рейс «Ориона»*).

ОСА. «Особая Служба Авиации». Организация, в ведение которой входили полеты в сказочные пространства. Поскольку взрослые попасть в эти пространства не могли, ОСА зачислила в летный состав мальчика Антошку Тополькова. (*Летчик для особых поручений*).

«ОСА». Официальное наименование самолета Антошки Тополькова, для которого сам он придумал имя «Стрекозка». (*Летчик для особых Поручений*).

«Отважный». Рейдовый танкер, на котором предлагали место корабельному гному Гоше. (*Возвращение клипера «Крекет»*).

«Отважный Орест». Маленький пассажирский пароход, плававший по водоемам сказочной страны Австралии. Командовал пароходом Бочкин — начальник железнодорожной станции и пристани, которые так и назывались: «Пристань». («Чоки-чок» или *Рыцарь Прозрачного кота*).

Л

«Падуя». См. «Крузенштерн».

«Памир». Виндjammer из серии «Летающие П». В середине 50-х годов нашего века был учебным судном ФРГ и погиб во время урагана. (*Острова и капитаны*).

«Пантера». Трехмачтовая шхуна, экипаж которой занимался работоторговлей. Капитан Роберт Румб вынашивал план захвата этого судна. Он был намерен освободить невольников и перейти на «Пантеру» со своей командой, так как его бригантина «Лакартера» изрядно обветшала. Есть основания думать, что этот план удался, хотя точных сведений нет. (*Портфель капитана Румба*).

Пароход на желтой реке. Пассажирское речное судно, следовавшее до Чайной пристани. На нем космический разведчик Ярослав Родин добрался до таинственно-безлюдного Города. (*Голубятня на желтой поляне*).

Пароход, который строили во дворе маленькие приятели Вальки Бегунова.

«Доску положили внутри бортов на кирпичные подставки. Она прогибалась и покачивалась, будто настоящая палуба... Велосипедное колесо для штурвала принес Павлик...

— А вечером будут сигнальные огни, — тихонько сообщил Андрияшка». (*Валькины друзья и паруса*).

Пароход, на котором отправился в дальнее путешествие пассажир с Зеленым Билетом Алешка. Обладал высокой проходимостью, мог двигаться не только по воде, но и по суше. (*Летчик для Особых Поручений*).

Пароход-общепитие. Стоял у берега Синемакаменной бухты. На нем обитали вышедшие на пенсию корабельные гномы, а также ворчливый сторож Федор Иннокентич и добродушный пес Пилерс. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

Песчаные лодки. Сухопутные парусные суда, которые по совету мальчика-землянина Фаддейки Сеткина стали строить марсианские жители — итты.

«Он сказал, что ветер — вечный наш враг — может стать помощником. Научил натянуть над колесницами попожис на крылья шкуры и ткани, и колесницы сами побежали по пескам...» (*Оранжевый портрет с крапинками*).

Плот Гвоздика и его друзей. Прочное, приспособленное к плаванию по океану сооружение. На нем экипаж сгоревшей шхуны «Милый Дюк» рассчитывал добрать-

ся от Нукануки до Австралии. (*Портфель капитана Румба*).

Плот, который строил с приятелями в городке Верхоталье Фаддейка Сеткин, считавший себя потомком мореплавателя Беллинсгаузена. Штурманом на плоту была Женя Зайцева (Жека-Артистка). Она потом сделала из оранжевых цветов Фаддейкин портрет. (*Оранжевый портрет с крапинками*).

Плот Павлика. Представлял собой остатки дощатых мостков. Оказавшись на этом плоту в затопленном школьном подвале, Павлик нашел большую карту полушарий, которая очень пригодилась для игры с Каравеллой. (*Тень Каравеллы*).

Плот Севки Глущенко. Три доски, сбитые крепкими перекладинами. Конечно, их нельзя считать серьезным плавсредством, но на них «...Севка впервые ощутил волнующую радость движения по воде. Чувство Плавания...» (*Сказки Севки Глущенко*).

Плот Яра и Альки. На этом плоту Ярослав Родин и его маленький друг Алька после многих приключений вернулись по реке в город Орехов. (*Голубятня на желтой поляне*).

«**Плутон**». Виндjammer командора Красса. На этом корабле Красс протаранил и пустил ко дну юр-тогоский монитор «Клад». (*Выстрел с монитора*).

«**Поиск**». Межзвездный корабль, которым командовал старый астролетчик Валентин Янтарь, открывший планету Леда. (*Я иду встречать брата*).

«**Полнолуние**». Грузопассажирский теплоход, швартовавшийся у Хлебного причала. (*Рассекающий пенные гребни*).

Помело бабки со станции Чытоноги. Обычный летательный аппарат, используемый ведьмами и другой нечистой силой. У бабки помело было оснащено мотоциклетным седлом. («*Чоки-чок...*» или *Рыцарь Прозрачного кота*).

«**Предприятие**». Военный шлюп, на котором русский мореплаватель О.Е. Коцебу в 1823-1826 годах совершил кругосветное путешествие и при этом сделал заход на остров Св. Елены. (*Острова и капитаны*).

«**Предприятие**». Шхуна, на которой корабельный гном Гоша плавал после клипера «Кречет». Во время шторма у норвежского берега не удержалась на якоре и была разбита волнами о скалы. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

«**Пчела**». Легкий летательный аппарат индивидуального пользования. (*Я иду встречать брата*).

Р

«**Рафаил**». Русский военный фрегат под командованием капитан-лейтенанта С.М. Стройникова. 12 мая 1829 года (за два дня до сражения с турецкими кораблями брига «Меркурий») был настигнут и окружен турецкой эскадрой. Наступивший к тому времени штиль полностью лишил фрегат возможности маневрирования. Командир фрегата счел сопротивление бессмысленным и приказал спустить флаг. Сдача «Рафаила» вызвала гнев императора Николая Первого. Он приказал предать суду офицеров фрегата, когда те вернутся из плена. С.М. Стройников три года провел арестантом в крепости, а затем был отправлен матросом на Белое море... Судьба этого фрегата и его командира не раз заставляла горько задумываться Даньку Рафалова, который был потомком одного из матросов «Рафаила». (*Бронзовый мальчик*).

«**Рахманинов**». Пассажирский теплоход, на который любил смотреть с высокого берега мальчик Алешка. («*Капитаны не смотрят назад*»).

«**Реал-бей**». Турецкий 74-пушечный линейный корабль. Участвовал в неудачном для турок сражении с русским бригам «Меркурий». Поврежденный русскими ядрами, потерял возможность маневра и прекратил бой. (*Бронзовый мальчик, Фрегат «Звездицкий»*).

«**Ректор**». Ледокол. Штурман с этого ледокола подарил корабельные часы Корнеичу — руководителю отряда «Тремолينو». (*Бронзовый мальчик*).

«**Робин Гуд**». Игрушечный клипер пятиклассника Оськи. С ним Оська участвовал в аттракционе «Гонки чайных клиперов», что послужило началом многих приключений. (*Рассекающий пенные гребни*).

«**Робинзон**». Игрушечный бриг. Его, поддавшись неуклюжему зову весны, смастерил восьмилетний Владик. На паруса он пустил листы своего сочиненного зимой «пиратского романа». (*Остров Привидения*).

«**Розалина**». Плавающая тюрьма для бездомных мальчишек.

«Ветхий, столетней давности пароход... стоял в заливе на якоре в миле от берега. Неуклюжее громадное судно с высоким черным корпусом и грязно-белыми обшарпанными надстройками. Сюда свозили всех пойманных в Старотополе беспризорников». (*Помоги мне в пути*).

«**Розалина-2**». Пароход, однотипный с «Розалиной» Плавающая тюрьма для беспризорных девочек. (Помоги мне в пути).

Рубашка тополиная. Была сшита обитавшими в старой баньке ржавыми ведьмами из особой ткани — на нее

пошла пряжа из тополиного пуха. Ведьмы подарили ее своему приятелю, девятилетнему Владуку, и тот обрел способность к полетам. (*Тополиная рубашка*).

«**Румб**». Севастопольский рейдовый катер, ходивший по Северной бухте от Графской пристани до Инкермана. Именно с него Миша Гаймуратов («капитан Гай») впервые увидел четырехмачтовый барк «Крузенштерн». (*Острова и капитаны*).

«**Румяная Клотильда**». Марсельская шхуна, которой командовал бывший пират, плешивый Мэтью Хансон по прозвищу Трефовый Туз. Из-за упрямства своего капитана это судно едва не столкнулось со шхуной «Мимороза». (*Фрегат «Звездицкий»*).

«**Русалка**». Парусное судно, носовая фигура с которого хранилась в коллекции Сильвера. (*Рассекающий пенные гребни*).

«**Рюрик**». Пассажирский пароход, дореволюционно-го времени. На нем вернулся домой гимназист Петька, который поссорился на даче со своими одноклассниками. После революции получил имя «Дзержинский» и ходил до 50-х годов. («*Тридцать три — нос утри...*»).

«**Рюрик**». Русский военный бриг, на котором совершил большое путешествие лейтенант О.Е. Коцебу, написавший затем об этом плавании увлекательную книгу. (*Острова и капитаны*).

С

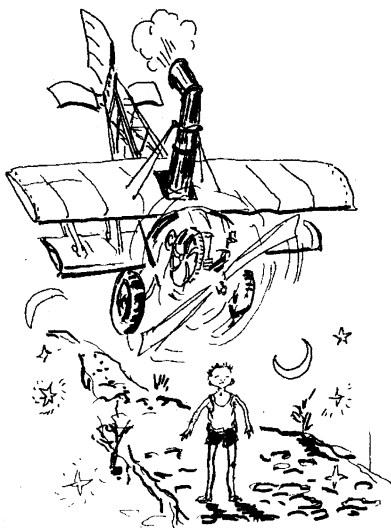
Самолет над Дорогой. Странный неуклюжий самолет с самоварной трубой, который видел мальчик Яшка, когда спешил в город Турень. (*Белый шарик Матроса Вильсона*).

Самолет в Подгорье. Аэроплан, который участники карнавала выкатили на площадь.

«— Неужели настоящий? Откуда он здесь?

— Да ну, просто макет, — пренебрежительно отозвался Сашка. — Это клуб «Расколотое небо». Они так протестуют против запрета на полеты». (*Лощман*).

(См. Самолет над дорогой)

«**Сатурн**». Трехмачтовая баркентина. Была предназначена для переделки в плавучий ресторан. Чтобы избавить заслуженное судно от такой судьбы, пятиклассник Тимсель ветреной ночью пытался угнать баркентину и выбросить ее на бетонные сваи. (*Трое с площади Карронад. См. также Острова и капитаны*).

«**Святой Николай**». Фрегат, погибший во время Первой осады. С него был спасен образ Николая Чудотворца, впоследствии помещенный в специальную церковь «Никола-на-Цепях». (*Рассекающий пенные гребни*).

«**Селемие**». Турецкий 110-пушечный линейный корабль под флагом капудан-паши. Участвовал (вместе с «Реал-беем») в сражении с бригам «Меркурий». Русское 24-фунтовое ядро перебило у «Селемие» под бушпритом ватер-штаг и повредило грот-брам-стенгю. Капудан-паша вынужден был закончить бой и положить корабль в дрейф. (*Бронзовый мальчик, Фрегат «Звенящий»*).

«**Серебряная курица**». Парусное судно, чей матрос Генри Дрок славился виртуозным искусством рулевого. (*Портфель капитана Румба*).

СКДР («эскадёр», «скадёр»). «Супер-крейсер дальней разведки». Космические корабли, на которых осуществлялись дальние межзвездные экспедиции. Было создано не менее девяти таких кораблей, но затем их строительство сочли нерациональным, так как появились иные способы перемещений в космосе. (*Голубятня на желтой поляне*).

СКДР-9. Звездолет, на который во время дежурства астронавта Ярослава Родина невероятным способом проник десятилетний житель города Орехова Игнатик. Проник и увел Ярослава с собой, навстречу многим приключениям. (*Голубятня на желтой поляне*).

«**Согласие**». Грузовой теплоход перестроенный из большого рыболовного траулера. Выполнял незаконную перевозку политических заключенных через территориальные воды Южной республики, за что и был задержан. (*Рассекающий пенные гребни*).

«**Соловьевск**». Теплоход Южноморского пароходства, арестованный в аргентинском порту за долги. (*Рассекающий пенные гребни*).

«**Сотник**». Буксир, на который был назначен после возвращения из Аргентины бывший капитан «Соловьевска» Василий Юрьевич Чалка. (*Рассекающий пенные гребни*).

Старый дом. Двухэтажный деревянный дом, в котором среди прочих жильцов обитали Старый Капитан и третьеклассник Вовка. Наслушавшись рассказов Капитана и уловив тайное Вовкино желание, дом однажды ночью поднялся в воздух и улетел на берег моря, что дает основание отнести его к разряду летательных аппаратов. (*Старый дом*).

«**Старый павиан**». Галиот, корабельный юнга с которого испытал ряд приключений среди корабельных гномов. (*Портфель капитана Румба*).

«**Стрекозка**». Самолет маленького летчика Антошки Тополькова. (*Летчик для Особых Поручений*).

«**Стрелец**». Гидрографическое судно, на котором инженер Анатолий Нечаев собирался отправиться на испытания своего подводного аппарата. (*Острова и капитаны*).

«Стрелок». Русский военный клипер, чья носовая фигура оказалась в коллекции церковного сторожа Сильвера. (*Рассекающий пенные гребни*).

Субмарина. Небольшая подводная лодка, на которой был доставлен в Генеральный штаб тринадцатилетний сублейтенант Лён (Леонтий Альберт Бельский), выполнявший специальное задание командования. (*Взрыв Генерального штаба*).

т

«Таврида» (1). Яхта, на которую опустился во время полета с зонтом и которую спас от крушения четвероклассник Владик Арешкин. (*Возвращение клипера «Кречет»*).

«Таврида» (2). Яхта Севастопольского яхт-клуба, на которой автор ходил в море со старпомом Вихревым и его сыновьями Алькой и Юросом. (*Цикл «Шестая Бастионная»*).

Таз медный. Старинный таз для варенья, взятый на прокат второклассником Пекой Тонколуком у его тетушки Изольды. После ряда волшебных заклинаний таз получал способность летать вместе с севшим в него пассажиром. Однако полеты были возможны лишь при полнолунии. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

«Тарзан». Большая яхта (видимо, с неограниченным районом плавания), экипаж которой до последнего мига высокомерно не желал уступать дорогу ребячьей яхточке «Ашотик», хотя по правилам обязан был сделать это. За нарушение правил «Тарзан» заплатился сломанной мачтой. (*Дырчатая Луна*).

«Ташкент». Лидер эсминцев. Во время Великой Отечественной войны участвовал в обороне Севастополя, помогал эвакуировать из осажденного города жителей. (*Острова и капитаны*).

«Терра». Космический корабль капитан-командора

Космофлота Элиота Красса д'Эспинозы (возможно, потомка Э. Красса, который в давние времена командовал монитором «Не бойся»), известного своим высказыванием о роли корабельных моделей.

«Созерцание крошечных каравелл и фрегатов, где сочетались неторопливая мудрость и кропотливость мастеров с воспоминаниями о плаваниях вокруг неоткрытого мира, успокаивает человека, возвращая ему равновесие духа, ясное сознание и надежду». (*Застава на Якорном поле*).

«Тобольск». Грузовой теплоход речного и морского прибрежного плавания. Капитаном на нем был отец Витальки Городецкого. Виталькина мама плавала на «Тобольске» «не то поваром, не то буфетчицей». Летом Виталька жил со своей двоюродной бабушкой — тетей Валей, что способствовало его участию во многих приключениях. (*Ковер-самолет*).

«Тремолино» (1). Маленькая фанерная шхуна, которую построили ребята из морского отряда под руководством Даниила Корнеевича Вострецова (Корнеича). (*Бронзовый мальчик*).

«Тремолино» (2). Маленький детский отряд, в котором была построена одноименная шхуна. Наследник отряда «Эспада», о котором рассказывается в романе «Мальчик со шпагой», а также его продолжателей — отрядов «Мушкетер» и «Синий краб». (*Бронзовый мальчик*).

Транслятор. Аппарат для путешествий сквозь космическое пространство. Построен двенадцатилетним изобретателем Мариком Шиловым (Маркони) для отправки юного инопланетянина Капа на родную планету. (*Серебристое дерево с поющим котом*).

«Трэмп». Шветбот класса «Кадет». На этой яхточке, под командой капитана Анюты, десятилетний Славка Семибратов учился ходить под парусом. (*Трое с площади Карронад*).

у

Упи-проа. Туземные лодки с парусом, которыми пользовались жители островного королевства Нуканука. На такой лодке Гвоздик и его друзья отправились на остров Акулья Чельость, чтобы отыскать клад капитана Румба. (*Портфель капитана Румба*).

Учебный корабль. Парусник с картины, которую придумал для своей будущей повести «Визит учебного корабля» молодой литератор, курсант морского училища Егор Петров.

«Море, небо, желтый берег. И городок на берегу — белый, одноэтажный, степной... А у причала, за домами, — парусник. Ну, паруса, конечно, скатаны на реях, только рангоут и такелаж в небе... И он такой громадный,

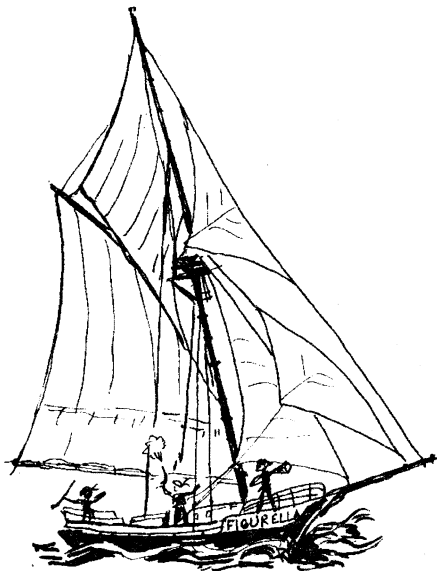
этот корабль, по сравнению с городком!» (*Острова и капитаны*).

(См. Упи-проа)

Ф

«*Фелицата*». Под этим названием снимался в фильме по рассказам Александра Грина барк «Крузенштерн». (*Острова и капитаны*).

«*Фигурелла*». Большая яхта с пиратским экипажем, которым командовал Ганс фон Драгенногер. Пираты доставили много неприятностей Гвоздику и его друзьям, занятым поисками клада капитана Румба, но в конце концов потерпели сокрушительное поражение. (*Портфель капитана Румба*).

«*Фиолент*». Яхта, на которой автор попал в шквал вместе со своим другом тряпичным зайцем Митькой. (*Заяц Митька*).

«*Флейта*». Маленький игрушечный кораблик для занятий морским делом в отряде «Тремолино». (*Бронзовый мальчик*).

Флот Вальки Бегунова. Воображаемые корабли, которые любил перед сном представлять Валька.

«Он устроил смотр всему флоту. Ближе всех от берега шли маленькие парусники: одномачтовые шлюпы, полуторамачтовые иолы и кечи. Чуть подалее скользили легкие шхуны. Потом — бригантины, бриги, большие трехмачтовые-шхуны и баркентины. А далеко-далеко, почти у самого горизонта, громадные, как облака, двигались трех-, четырех-, и пятимачтовые барки и фрегаты». (*Валькины друзья и паруса*).

Х

«*Хризантема*». Траулер, который обледенел и едва не перевернулся у причала во время необычно холодной зимы на Южноморском побережье. (*Рассекающий пенные гребни*).

«*Хрустальный*». Обшарпанный пассажирский пароходик у пристани в городе Турени. (*Белый шарик Матроса Вильсона*).

Ц

Ц 7 (С 7). Номерное обозначение кадета «Маугли».

«— Яхта Це-семь! Яхта Це-семь, немедленно вернитесь к берегу. Кто разрешил ночной выход? Яхта, Це-семь, рейд закрыт! — взревел мегафон». (*Трое с площади Карронад*).

Ч

«*Черная девочка*». Шлюп, который тайно возил из Африки захваченных негров для плантаторов Бразилии. Был взят на abordаж экипажем «Лакартеры», после чего капитан Румб приказал повесить на ноках грота-рея капитана «Черной девочки» Жоао Кавергаша и его помощника Томми Кочергу, что вполне соответствовало международным законам о запрете на работорговлю. (*Портфель капитана Румба*).

«*Черная макарона*». Пиратская шхуна. Погибла во время ужасной бури, после чего три уцелевших пирата — капитан Джон Кривая Нога, боцман Пушкадёр и матрос Боб Рыбка — оказались на острове, где жило привидение. (*Остров Привидения*).

Черные пароходы. Общее наименование пароходов «Розалина» и «Розалина-2», а также название диверсионной операции, в результате которой эти пароходы должны были погибнуть. (*Помоги мне в пути*).

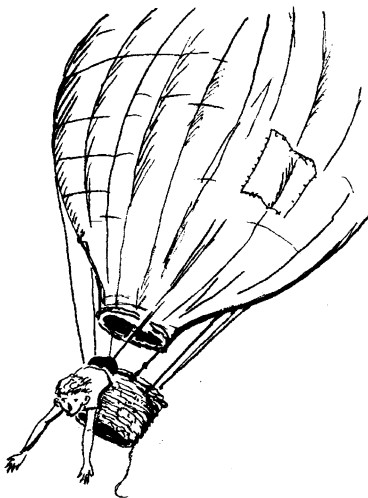

(См. Черная макарона)

«Черный пудель». Барк, на котором плавал боцманом папа шкипера Джорджа (Жоры Сидоропуло). Он «никогда не жил дома, ничего не заработал на старость, и потому не дожил до старости, а умер от горячки, когда судно возвращалось домой через Босфор...» (*Портфель капитана Румба*).

ш

Шар воздушный. Принадлежал правителю острова Двид Тахомиру Тихо. На этом шаре был унесен с острова Женька Ушаков. (*Дети синего фламинго*).

Шлюпка, на которой с друзьями-мальчишками однажды пустился в путешествие старшекласник Егор Петров, живший тогда в Среднекамске. «...Летом отремонтировали дырявую посудину, поставили прямой парус и отправились. Целый экипаж... Никитка, Витек, Ванюшка, Генка Стрельцов...» (*Острова и капитаны*).

Шхуна капитана Румба. Старый парусник, на котором ходил в каботажные плавания пожилой капитан Румб, любимец всех портовых мальчишек в Городе Острых Крыш (не следует путать его с Чарльзом Робертом Румбом, капитаном «Лакартеры»). (*Страна Синей Чайки*).

«Шокальский». Гидрографическое судно, на котором до своей неудачной женитьбы служил приятель Анатолия Нечаева, штурман Вася Калюжный. Не следует путать с баркентиной «Шокальский». (*Острова и капитаны*).

«Шота Руставели». Лайнер, которым с берега бухты любовались Славка Семибратов и его друг, тряпичный заяц Артемка. (*Трое с площади Карронад*).

ш

Щекотание пятки. Способ улететь на Луну. Им пользовалось фантастическое существо Ыхалу, не терпящее щекотки. Когда Ыхалу пощекотали пятку, оно с воем унеслось в космическое пространство и вскоре достигло Луны. Конечно, с п о с о б причислить к кораблям и летательным аппаратам можно лишь с натяжкой. Но все равно у Ыхала больше никакого транспортного средства не было. А кроме того, ни одного наименования кораблей на «Ш» в книгах автора не нашлось. Не пропускать же в словаре букву! (*«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного кота*).

Э

Экспедиционный комитет СКДР. Штаб, ведавший организацией космических экспедиций, в которые отправлялись супер-крейсера дальней разведки. (*Голубятня на желтой поляне*).

«Экспедиция». Французский бриг. В давние времена сел на рифы у острова Нуканука, левее входа в бухту Тагао. Французы выбрались на берег и повели себя как завоеватели. «Что было делать? Темные, непросвещенные были времена... — рассказывал король Нукануки Катикали Четвертый. — Впрочем, съели не всех, большинство удрало в открытое море на шлюпках, и судьба этих людей неизвестна». (*Портфель капитана Румба*).

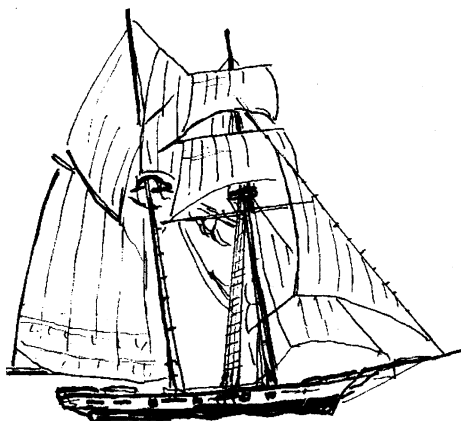
Ю

Южноморское пароходство. Пароходство Южной республики, ведавшее грузовыми и пассажирскими судами внутреннего и океанского сообщения. В силу финансовых трудностей не всегда могло расплатиться с долгами и потому потеряло теплоход «Соловьевск», арестованный в Аргентине. (*Рассекающий пенные гребни*).

«Южный ветер». Модель фрегата, которую неторопливо и любовно строил у себя дома инженер Петр Евгеньевич Векшин, отец семиклассника Кирилла Векшина, рулевого с парусника «Капитан Грант». (*Колыбельная для брата*).

«Юрий Андропов». Речной пассажирский теплоход, на котором автор плавал туристом по Волге и Волго-Балту. (*Клад на Смоленской улице*).

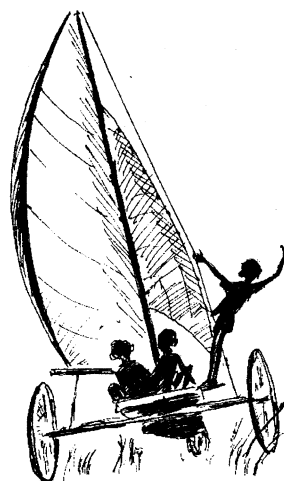
«Юферс и Большая компания». Акционерное общество, которому принадлежал пароход «Капитан Румб». На этом пароходе туристы отправлялись в увлекательное плавание по Атлантическому, Индийскому и Тихоокеанскому океанам. (*Портфель капитана Румба*).

Я

«Я больше не буду» («Ya bolshe ne budu»). Бригантина капитана Сундуккера, получившая такое имя отчасти по случайности, а отчасти в память о детстве Фомушки Сундукова. (*«Я больше не буду» или Пистолет капитана Сундуккера*).

«Ямал». Транспорт в составе северного конвоя во время Великой Отечественной войны. На «Ямале» ходил старпомом отец Севки Глущенко. После того, как транспорт был потоплен, старпом Сергей Григорьевич Глущенко долго числился среди погибших. (*Сказки Севки Глущенко*).

Яхта на колесах. Ее построили несколько мальчишек и помог им в этом третьеклассник Максим Рыбкин, солист детского хора «Крылышки». (*Болтик*).

Яхт-клуб Краснознаменного Черноморского флота в Севастополе. С яхтсменами этого клуба автор не раз выходил в море (*Цикл повестей «Шестая Бастионная»*).

Яхт-клуб на Покровском озере. Небольшой яхт-клуб в городе Покровке, где занималось полтора десятка взрослых и десяток ребят. Здесь третьеклассник Славка Семibrатов познакомился с парусами. Когда клуб ликвидировали, Славка от отчаяния поднял на мачте сигнал бедствия: флаги «N» и «C».

Алексей КОШКИН

СОБЪАКА

Рассказ-шутка

Рисунок Оксаны МАХНЁВОЙ

Была дискотека в апреле. В школе номер три. Играла рок-группа «Волчья Сыть». Она считалась местной, хотя в «тройке» учились только соло-гитарист Алеша Сергеев и Ваня, который починил микрофон.

В тени пирамиды из стульев сидели конкуренты — группа «Лунный Модуль» из Математического Лицея. Они пришли не танцевать. Их интересовала чужая слава.

Прикрытые двери караулил физик. Ему был подозрителен накачанный парень в кожане, шатавшийся по коридору.

У сцены крутился маленький прожектор. Звучал забойный рок-н-ролл.

— Старье, — с тоскливой завистью сказал лидер «Лунного Модуля».

— Но ведь все танцуют, — возразил клавишник.

— Они тебе и под Бетховена будут плясать, потому что дискотека. А Сергеев думает, что им его музыка нужна, его группа! Эх!

— А кто у них пишет?

— Половину Сергеев пишет, половину — Левиш.

— Какой Левиш?

— Ося Левиш — бас-гитара. Он гений.

К восьми часам все разошлись.

— Будущее у нас есть, — сказал в коридоре Алеша Сергеев Осе Левишу. — В десятку лучших по городу мы, наверное, входим. Важно не расслабляться.

— Армия ждет, — ответил Левиш.

— Ну, меня-то не берут, — напомнил Сергеев. — А ты на ин. Яз. Поступишь только так. А мы двое — костяк группы. Можно и вдвоем что-нибудь делать.

На лестнице они натолкнулись на парня в кожане.

Он отнесся к ним дружелюбно.

— Вы в каком классе?

— В одиннадцатом.

— Но я учусь не здесь, — добавил Левиш.

— Что, в армию-то неохота? — понимающе спросил парень. Он слышал их разговор.

— А ты был?

— Да был... Все там нормально. Вот радио, телевиденье говорят — дедовщина... Ну конечно, не все в армии гладко, это понятно. Но, в общем-то, все от тебя зависит, чё ты там, как ты себя поведешь. Мне там кто-то чё-то подошел, сказал — так я ему дал в репу, и все сразу стало на свои места. Ну, понятно еще — слушать. Что тебе сержант говорит, он плохо-то не скажет. То есть надо просто — не выделываться там, и все будет нормально.

— В каких частях служил-то?

— В бронетанковых... И нормально — по субботам тебе деньги дают, надо тебе в город — едешь в город.

— А ты там, наверное, крутым считался, или как? — предположил Ося.

— Я? Да нормальным... Вот тебе в армии хреново будет, потому что ты еврей, это наверняка. Но я тебе скажу: ты, главное, начальству не ходи, не стучи, потому что тебя потом кинут перед ребятами, и тебе сказать-то будет уже нечего. А не будешь стучать — и все будет, как надо, потому что ребята увидят, что ты нормальный парень.

— А ты сейчас где? Учишься?

— Не. Я слесарь — тут, недалеко.

— И нормально? — спросил Алеша.

— Нормально... Мастер у меня — хороший

мужик, надо тебе в город — идешь в город. Только к смене чтобы был уже на месте, а то чё я его, кидать что ли буду перед начальством?..

На окне у выхода сидели две симпатичные особы.

— Привет, — сказали они. — Сигаретки не будет?

— Не имеем, — ответил Сергеев, разводя руками. В одной руке была зачехленная гитара.

— А вы сами сочиняете?

— Конечно.

— Ну, пока...

— До свиданья...

— Забавные девочки, — сказал Левиш, когда вышли на улицу.

— Это из 11 «а». Тебе какая больше понравилась?

— Правая.

— Юля. Выиграла олимпиаду по химии. Битломанка.

— А вторая?

— Катя? «Нирвану» слушает, — махнул рукой Сергеев.

Они стали у светофора.

— Что мы делаем завтра? — спросил Левиш.

Знакомые музыканты называли Осю Левиша гением, потому что он: а) умел играть на всех инструментах; б) был кандидатом в мастера по шахматам; в) знал английский язык.

Знакомые и полужнакомые девицы считали его интересным.

Его родители преподавали в консерватории.

Объективно семья Левишей была самой знатной в городе. Они происходили от царя Давида, который победил Голиафа.

Алеша Сергеев при слове Голиаф вспоминал пятиборца Валеру, против которого Ося применил однажды газовый баллончик.

Группа «Волчья Сыть» существовала уже два года...

Назавтра они решили ехать к толкинистам.

— Меня давно звали, — сказал Сергеев. — Посмотрим хоть. Может, поиграем — они всех берут.

Толкинисты собирались по выходным на краю лесопарка.

Алеша Сергеев и Ося Левиш остановились у самой большой группы, человек в пятнадцать. Почти все были в черных или коричневых плащах, которые волочились по прошлогодней траве.

— Привет, — сказал Алеша, остановившись. — Можно?..

На них обратил внимание один игрок, на вид лет тридцати, в сильных очках:

— Здравствуйте! Это просто какая-то удача, что вы пришли. Будьте с нами!

— А кто вы?

— Мы — союз людей и орков. Меня зовут Берель. А вас?.. Знакомы. Объясню сразу — мы здесь в боевом порядке. Сегодня мы дадим эльфам прикурить!

— Табачку из Южного Удела! — вставил кто-то. Вокруг засмеялись. Алешу и Осю уже обступила толпа. Наверно, орки.

— А где гномы? — спросил Алеша. У него были знакомые гномы.

— Гномы с эльфами, — помрачнел Берель. — Но это им не поможет. С нами Сила Мелькора! И назгулы. У них Клинки Тьмы!

— Где? Где назгулы? — воскликнул Ося, оглядываясь.

Берель показал на группу людей, сидевших в отдалении на расстеленном тенте. Слышался хохот.

— Идите к ним. Там вам дадут временное оружие и скажут, что делать. Скоро уже все начнется!

Ося и Алеша пошли к назгулам.

— Мне их настрой нравится, — сказал Алеша. — Видно, что люди знают, зачем живут.

— Если это похоже на «Warcraft-II», то мне тоже нравится, — согласился Левиш.

Игра еще не началась, и назгулы говорили на посторонние темы.

Главный из них (Король-Призрак), размахивал свободной рукой (в другой был Клинок Тьмы), рассказывал про препода Костича.

— Я ему приношу конспект, и он говорит: мура. Я тогда говорю: антitezис я еще не написал. Что вы от меня хотите — контрольная вчера была? А это же не Скороходова, это Костич! Он говорит: хочу увидеть полет вашей свободной фантазии! От чего свободной? От стереотипов. Каких? Вот, говорит, пишите мне прямо сейчас репортаж из Сомали, где идет гражданская война! А там что, война? — спрашиваю. «это неважно. Журналист должен быть и немножко писателем». Тут я уже заорал: но я же сейчас не в сомали! Какой репортаж? Говорит: «Где ваша фантазия? И потом, вы ведь не в газету пишете, а в стол. В лучшем случае в стенгазету».

— И написал?

— Естественно! Как на первую полосу! Ключевое событие: самосожжение султана на глазах сотысячного митинга — конец войны, все негры объединились...

— Ха-ха-ха!
— Да ведь там нет султана?
— А может есть?
— Какая разница!
— А что Костич?
— А все. Зачет поставил. Я ушел, писанину свою забрал...

— Дай почитать!

— Да я уже кому-то отдал...

Один из назгулов повернулся и откинул брезентовый капюшон. Это была Юля — та, которая битломанка.

— Ой, Алешик! — удивилась она Сергееву.

— Ты кто здесь?

— Не знаю, может, орк...

— А он? — спросила она про Левиша. — Он тоже?

— Наверно...

Она протянула руку:

— Юля.

— Ося.

— Дайте нам оружие, что ли... — сказал Алеша.

Кто-то протянул им два дюралевых меча с резиновыми пимпочками на концах.

Король-Призрак поймал за руку пробежавшего орка лет тринадцати, в джинсовой курточке.

— Это будет ваш командир. Ты понял? — спросил он орка.

— Да мне-то что... — независимо откликнулся тот.

— Тогда идите в засаду, на левый фланг. Если они прорвутся, уводите за собой.

Орк увел их за пол-километра от лагеря. Он все время повторял, как они «треснут эльфов».

— Но ведь орки плохие, — напомнил Ося. — Почему вы стали орками? Почему именно ты стал орком?

— А что, эльфы лучше, что ли? — огрызнулся пацан. Он что-то высматривал сквозь заросли.

— Безусловно!

— Вот бы и шли к эльфам, — посоветовал орк. — Только вас бы не взяли, наверно.

— Почему это?

— Тихо! Замолчите, они близко!

Кто-то вышел на поляну, обогнув сухие кусты.

— Это кто? Эльф? — спросил Алеша.

Юный орк прошипел:

— Да! Но мы его не видим! На нем плащ из Лориэна!

— Хорошо, что сказал... — пробормотал Алеша.

— Тихе!..

Лориэнец, однако, услышал их. И ушел.

Орк скрипнул зубами:

— Сейчас своих приведет...

— Может, надо сматываться?

— С какой стати? Мы же его не видели!

— Когда, по-твоему, будет бой? — спросил

Ося.

— Умеешь драться? — оживился орк.

— Я два года ходил на рапиру.

— У Береля первый разряд, — уважительно сказал орк. — А у эльфов Трандуил — первый разряд по сабле. Когда-нибудь они сойдутся...

— Любопытно, — сказал Алеша.

— Когда бой — хорошо, но смысл-то не только в этом... — ответил орк.

— А в чем еще?

— На словах не объяснишь. Вам просто надо приходиться сюда и играть. И почаще. Тогда и поймете.

Они скучали минут десять, а потом на них с разных сторон выскочили эльфы. Очевидно, их привел тот, первый. Они были вооружены луками и мечами. Те, у кого были мечи, не раздуывая, бросились на орков.

Некоторые эльфы махались особенно яростно, и Алеше сильно попало по пальцам.

— Ты, кретин! — Сергеев прижал кисть к животу.

— Прости, друг! — горячо крикнул эльф, продолжая нападать.

Эльфов было больше, и они победили. Последним погиб маленький орк.

Но радость эльфов была преждевременной. Потому что на поле боя появились три назгула, среди них — Юля.

Назгулы поразили врагов ужасом — всех, кроме предводителя, у которого был Меч Возмездия. Этот меч немножко походил на настоящий.

— Я буду драться с тобой, Трандуил! — обратился к нему король-Призрак.

— Вовик, тебе же не светит, — сказал убитый орк.

— Посмотрим. Нас трое. К тому же у меня хитов больше.

Алеша и Ося переглянулись:

— Мы, наверно, пойдём...

— Возвращайтесь, — сказал Трандуил.

— Непременно, — пообещал Ося.

— Подождите! — сказала Юля. — Я могу дать вам свои хиты, потому что я назгул. Еще поиграем.

— Не надо, — ответил Алеша. — Мы сегодня не в форме.

Они отдали мечи орку.

В автобусе Алеша показал Осе разбитый ноготь.

— Как завтра записываться?

— — Ладно, будет отдыхать...

Вдоль универсама стояли ВАЗы и «иномарки». Алеша узнал «вольво» мужа своей сестры.

— Здравствуй, Михаил, — сказал он, подойдя. — Поймал ли ты свое деловое счастье?

— Счастье — птица, поймать его трудно, — лениво улыбнулся хозяин машины. — На счастье надо заработать.

— А что нужно делать? — спросил Ося.

— Нужно быть уверенным в себе. Найти верную жилу. И не лениться.

— Значит, работать?

— Да, естественно. Вот, скажем, у меня друг есть — у него офис напротив — так он себе двухсотый «пентиум» поставил. Он за ним развлекается, а делает все исполнительный директор. Понятно, что таким образом себе на жизнь не зарабатываешь. Без труда, как говорится, рыбка-то не ловится...

— А ты мафии не боишься?

— Нет, мне на самом деле сейчас ничего не угрожает. Конечно, я знаю, например, людей — у них сейчас проблемы небольшие возникли. Но ведь волков бояться — в лес не ходить. В мире, я считаю, места всем хватает.

Михаил захлопнул дверцу, сделал разворот и укатил.

— Кушил бы он нам приличные клавиши, — вздохнул Ося.

Назавтра Ося зашел к Алеше и выпил кофе.

— Забавно, — сказал он. — Утром на плотинке встретил Юлю. Как ты думаешь?..

— Смотри... Она девочка тертая, — предупредил Алеша.

— Как твой палец?

— Лучше...

...В мае они бродят по городу. Подстриженный Ося ведет Юлю под руку.

Сегодня он ей скажет...

Они идут вдоль нарядных киосков на Главной улице. Ося явно мучается: попросить у Юли сумочку или нет. Юле это нравится. Она поправляет на плече легкую сумочку.

Они идут мимо памятника Ленину.

Они идут мимо булочной.

Ося достает пластиковый мешок и словно извиняется:

— Надо бы хлеба купить...

Юля не против. В булочной она покупает себе шоколад.

Они гуляют до глубоких сумерек.

Каким желтым бывает иногда небо на западе, там, где колесо обозрения!

Они подошли к ее дому и сели на скамейку.

Ося заглянул в мешок и сказал:

— Юля... хочешь, я дам тебе хлеба?

— Хлеба? — удивилась она.

— Ага... Мы, видимо, скоро уедем, — сказал Ося.

— Куда?

— Очень далеко...

— В Израиль? — На ее щечке дрогнул свет от фонаря.

— Нет... Почти... В Соединенные Штаты Америки.

— Ой... А в какой город?

— В Бирмингем.

— Это же в Англии...

— Нет, это штат Алабама.

— А.. а у меня сестра ездила в Бельгию... А как же экзамены?

— Я уже сдал заочно.

Фонари становились ярче, а воздух — холоднее. Юля придвинулась к Осе вплотную и коснулась волосами его шеи.

Он покосился на нее:

— Чего ты?

Она робко сказала:

— Мы ведь потом не будем ни о чем жалеть, правда?..

— Юля, я ведь не сволочь, — сказал Ося и осторожно отодвинулся. — Ты же понимаешь, что мы больше никогда не встретимся.

— Трус...

Ося поднялся и тряхнул мешком.

— Ну... Я пойду. Пока...

Он не оглянулся.

Юля увидела, что он миновал фонарь и свернул за угол. Тогда она поправила волосы и взяла сумочку.

На кухне мать поставила перед ней быструю лапшу. А Юля почему-то подумала о гражданской войне в сомали.

Ося отправился не домой, а к Алеше Сергееву. И к другим ребятам. Он напишет им письмо и пришлет американские кассеты.

Он шел через проходной двор на улице Чехова. У помойки он увидел большую собаку.

Чтобы она на него не бросилась, он дал ей хлеба.

«ВСЕМИРНЫЙ» ФОРУМ В ГОРОДСКОЙ ЧИТАЛЬНЕ

В небольшом городке Верхнем Тагиле Свердловской области, бывшем рабочем поселке демидовского завода, в октябре нынешнего года по инициативе Содружества павленковских библиотек — межрегиональной общественной организации, созданной под флагом ЮНЕСКО, состоялись первые всероссийские Библиотечные павленковские чтения. А «всемирными» их нарекли потому, что готовились они «всем миром».

Первый «кирпичик» был положен дирекцией Верхнетагильской ГРЭС (ген. директор А.И. Брызгалов), которая обеспечила участникам двухдневное проживание и питание в своем комфортабельном профилактории. Заметим, что согласие энергетиков было получено в самый пик августовского финансового кризиса! Второй — заложило общественное движение «Демидовский конгресс» (президент — предприниматель и общественный деятель, депутат Государственной Думы В.А. Язев), оплатив частично командировочные расходы участников, издание информационного сборника и другие нужды организаторов. Третий — министерство культуры Свердловской области и администрация г. Верхнего Тагила, предоставив транспорт для доставки участников из Екатеринбурга в В. Тагил (а это как-никак сто верст пути!) и экскурсий по городу, а также приняв частичный ремонт здания библиотеки. Наконец, четвертый положили инициаторы Чтений: Содружество павленковских библиотек, Свердловская областная научная библиотека им. Белинского и городская им. Ф.Ф. Павленкова г. В. Тагила, которая этим событием отметила свое 95-летие. Как говорит пословица: «То не страх, что вместе, а сунься-ка один!»

Чтения были посвящены проблемам сохранения и развития провинциальных, прежде всего сельских, читален, которые сегодня приняли на себя небывало большую и разностороннюю культурную нагрузку. Когда во многих селах закрыты школы, перестали функционировать клубы и музеи, библиотека не только упрямо теплится еще в провинции, но она зачастую и швец, и жнец, и на дуде игрец. Она — та теплая «печка», которая собирает вокруг себя все наличные культурные силы и людей, жаждущих духовного, интеллектуального и просто человеческого общения и участия. Словом, сельская читальня пред-

ставляет собой сегодня тот гонкий плодородный слой культуры, без коего на провинциальной почве уже ничего не сможет произрасти. Такова новая реальность, и она требует осмысления — и теоретического, и практического.

В числе участников конференции, выступивших с докладами, были Н.А. Щербачева (Министерство культуры РФ), В.В. Ялышева (Российская национальная библиотека им. Салтыкова-Щедрина), Т.Н. Иванова (Пермский институт искусств и культуры), Е.П. Пирогова (Свердловская областная научная библиотека им. Белинского), М.В. Ивашина (Свердловская областная межнациональная библиотека), Г.С. Гордеева (окружная библиотека Коми-Пермяцкого автономного округа), а также библиотекари сельских читален Пермской, Свердловской, Челябинской областей. Были представлены выставки: «Содружество павленковских библиотек сегодня», «Ф.Ф. Павленков — издатель-просветитель», «В.И. Яковенко — издатель и общественный деятель». Итогам конференции будет посвящен сборник докладов и сообщений.

Накануне Чтений Содружество павленковских библиотек и общественное движение «Демидовский конгресс» учредили «Павленковский памятный знак» (изготовлен на Свердловском заводе по обработке цветных металлов), которым будет поощряться большой практический и теоретический вклад в библиотечное дело провинции. Совет Содружества назвал первых его лауреатов. «Павленковский памятный знак» вручен восьми наиболее активным инициаторам движения павленковских библиотек.

В обращении, принятом участниками Чтений, высказано пожелание сделать этот форум культурных сил провинции постоянно действующим, а также просьба к губернатору Кировской области и администрации г. Нолинска стать в октябре будущего года хозяевами вторых Библиотечных павленковских чтений, приуроченных к 160-летию со дня рождения просветителя и мецената Ф.Ф. Павленкова.

Библиотечные чтения в В. Тагиле прошли в рамках подготовки V всемирного конгресса ЮНЕСКО, который соберется в Екатеринбурге летом будущего года.

Юний Горбунов, председатель Совета Содружества павленковских библиотек.

Вадим БЕРЕЩЕВ

СЫН КРЕПОСТНОГО

Жмурясь от горячего летнего солнца, Иван Петрович сидел на низеньком крылечке своего дома в Ильинском и мечтал: «К осени пополнение в семье будет. Хорошо бы сын. На него и земли прибавится — душа».

Прошлая осень не порадовала крестьянина. И урожай вроде был пятнадцать овинов, а намолот небольшой. Вот и приходилось заниматься то тем, то другим: варить мыло и делать свечи, плести корзины, заплечные пестери, лапти. Был он хром и считал себя неудачником.

14 ноября 1864 года в доме Кузнецова появился мальчик — Александр. Крепостное право отменили три года назад, потому Иван Петрович радовался вдвойне: наследник будет свободным человеком.

Александр рос смышленным, любознательным. Не по годам серьезным.

В июне 1877 года с похвальным листом окончил четырехклассное Ильинское училище, а в августе блестяще выдержал экзамен и поступил в пермское Алексеевское реальное училище.

Собирался стать инженером. После реального училища закончил с отличием Петербургский технологический институт. После поездки по странам Западной Европы — Италии, Германии, Бельгии, Голландии, Франции — Александра Ивановича направили на должность инженера-технолога в Очерский завод.

Молодого, инициативного инженера уважали не только служащие завода, но и рабочие. Об этом свидетельствует дарственный поднос, на котором выгравировано: «Многоуважаемому А.И. Кузнецову от мастеровых Очерского завода».

В 1901 году Александра Ивановича из Очеры перевели в Добрянку, где он занимал должность

Кузнецов
Александр Иванович.
1864-1940 гг.
Инженер-технолог.

управляющего вплоть до конца декабря 1917 года. При отъезде из Очеры он отослал в главную контору Санкт-Петербурга докладную записку, в которой говорилось: «Я предлагаю поставить мартеновские печи на Очерском заводе, что обещает повысить не только качество железа, но и удешевить его себестоимость». Но предложение А.И. Кузнецова не приняли. Завод в Очере был закрыт.

Владея пятью иностранными языками, Александр Иванович, книжник по натуре, собрал у себя громадную библиотеку на немецком, английском, французском, древнегреческом и латинском языках. Его интересовало все: математика и геология, история и ботаника, фотография, искусство Древней Руси и многое другое.

О библиотеке скажем отдельно.

После смерти Александра Ивановича библиотеку разделили на три части. Одна ушла в Ленинград и там погибла в долгие блокадные дни. Другая часть поехала в Пермь, и сейчас время от времени отдельные экземпляры поступают в антикварный магазин. Если увидите экслибрис «Из книг инженера-технолога А.И. Кузнецова», знайте — это уникальная книга. Третья часть осталась в Ильинском и хранится у внука — Александра Андреевича Кузнецова, которого в райцентре знают многие.

В последние годы своей жизни А.И. Кузнецов работал преподавателем в Ильинской средней школе. Люди старшего поколения помнят умного, обаятельного, отлично знающего математику учителя с окладистой бородой и в очках с тонкой оправой.

Умер Александр Иванович Кузнецов 19 февраля 1940 года.

Валерий СИМОНОВ

ЗАХВАЧЕНО У ФРАНЦУЗОВ

Эти документы, хранящиеся в фондах Ильинского краеведческого музея, таят в себе загадку.

В конце 1815 года управляющий Пермским имением Строгановых в селе Ильинском получил из Петербурга письмо, в котором сообщалось, что в наш Приобвинский край отправляется шесть обозов церковных ценностей и различных вещей, отбитых в Отечественную войну 1812 года у французов отрядом графа Павла Александровича Строганова. И предписывалось незамедлительно сообщить о получении высланного.

Ответ долго искать не пришлось, он оказался подшитым в папку, озаглавленную: «Донесения Главного Управления гр. ПА. и С.В. Строгановых за 1816 г.». Приводим содержание документа полностью. «Сиятельный граф!.. Повеление Вашего Сиятельства от 16 декабря прошлого 1815 года № 816 относительно отправления сюда с официантом Вологдиным церковных вещей, отбитых у французов в 1812 году корпусом победоносных российских войск, вверенных командованию Вашего Сиятельства, имели счастье получить 2-го числа сего месяца». Далее следует дата — 5 января 1816 года и место отправления — село Ильинское.

По всей вероятности, речь идет о церковных вещах и имуществе, которое награбили

французы в период своего наступления на Москву и во время оккупации столицы и намеревались увезти к себе на родину. Корпусу под командованием П.А. Строганова удалось их отбить и отправить в Ильинское. К сожалению, о дальнейшей судьбе ценностей архивы умалчивают. В связи с этим возникают вопросы.

Почему церковные ценности Строгановы отправили на Урал, а не оставили в Петербурге или нижегородском имении? Подалее от глаз людских и «городова ока»?

Что это были за ценности, не те ли, которые по преданию Наполеон приказал упрятать на дне Семлевского озера на Смоленщине, и которые энтузиасты ищут до сих пор, к сожалению, безрезультатно?

Где в Ильинском хранился полученный от Строгановых груз? Ведь шесть обозов — не шесть возов и их нужно было где-то разместить. Может, ценности для сохранения или использования передали в Пророко-Ильинскую церковь, но почему тогда об этом нет никаких записей? Или они еще не обнаружены?

Среди старожилов Ильинского бытует немало легенд о различных кладах. Не порождены ли эти легенды церковными ценностями, отбитыми у французов?

На эти вопросы нет ответов. А вот что по этому поводу думает ильинский краевед Вадим Афанасьевич Береснев. Приводим его рассказ.

«Во время Отечественной войны 1812 года Павел Александрович Строганов командовал третьим пехотным корпусом, который входил на начальном этапе в состав группировки под командованием Беннигсена. Это соединение провело 5-го октября под Таругино успешную операцию и нанесло французской армии существенный ущерб. Противник потерял убитыми и ранеными 2500 человек, более тысячи попали в плен, захвачено 38 орудий и почти весь обоз амуниции и трофеев. Вероятно, в этом бою и отбил П.А. Строганов церковные ценности, которые потом выслал в Ильинское.

Что же касается Семлевского озера в Смоленской губернии, в котором Наполеон, якобы, утопил большую часть награбленного в России добра, то это, наверное, только легенда. В книге В. Кожаринова «Последняя авантюра Наполеона» сообщается, что ценности искали еще в 1835 году, израсходовав на это три тысячи рублей, в то время огромные деньги, но ничего не нашли. Искали их неоднократно в советское время, но тоже без результатов.

На вопрос: куда же делись

церковные ценности из села Ильинского, стоит поискать ответ в книге под названием «Крестный путь Святителя Тихона, Патриарха Московского и всея

Руси». В ней приводится ленинское письмо от 19 марта 1922 года «Об изъятии церковных ценностей». В соответствии с ним, видимо, местные власти

все, представляющее ценность, в том числе и посланные П.А. Строгановым вещи, изъяли и отравили на нужды государства.
п. Ильинский

ОБВИНКИ – СКАЗКА ИЛИ БЫЛЬ?

В наш стремительный век как-то непривычно видеть на дороге лошадь.

А на рубеже прошлого и нынешнего веков без лошади было «никуда». Каждый регион славился своей породой. Была она и в нашем крае. Вот что писал в «Пермских губернских ведомостях» 11 марта 1860 года о лошадях-обвинках краевед и историк, управляющий строгановскими имениями на Урале В.А. Волегов: «Шерстью бывают вороные, карие, рыжие, саврасые, каурые и прочие. Обыкновенный рост — два аршина и менее, редко можно встретить обвинку в два аршина с вершком (около полутора метров. — Прим. авт.). Но при малом росте они красивы и статны, крепки и послушны. В чистой обвинке почти всегда заметна живость характера; такие лошади на бегу скоры и неутомимы, так что при скорой езде, пробежав тридцать или сорок верст, не изнуряются; при хорошем выборе и воспитании из обвинок весьма нередко выходят лошади отличной

статии и масти, и таковые продаются на месте от 50 до 100 и более рублей серебром».

Далее Волегов сообщает, что обвинки вывозились на продажу в соседние губернии, особенно часто в Вятскую.

Казалось бы, вопрос о существовании обвинок сомнений не вызывает. Известно также, что в уральских имениях Строгановых коневодство опекали сами хозяева. По их указаниям скрещивались местные породы с привозными, лучшие образцы такой селекционной работы отправлялись в столицу. Строгановы заботились не только о разведении элитных скакунов, но и о рабочих лошадях для крестьян, обслуживающих их производства.

Кони из строгановских имений ценились высоко. В 1745 году, когда был объявлен набор рекрутов, из владений баронов вместо крестьян отдавали лошадей с Орловского и Чусовского конезаводов. Возможно тогда еще от скрещивания пород получился случайно «побочный продукт» — обвинки, но устойчивые в генетическом пла-

не, они в последствии вымерли или выродились.

Тот же В.А. Волегов со слов старожилов записал, что один из обширных скотских дворов находился при устье Обвы у села Слудка. В то время там были обширные луга, служившие пастбищами. А на самой реке при впадении ее в Каму было несколько островов, один из которых называли Кобыльим, другой — Козым, третий — Овечым. Там же, по воспоминаниям современников Волегова, стояли обширные дворы с конюшнями. Этот завод и был Обвинским, но когда и по какому случаю его закрыли, сведений не обнаружено.

В прошлом веке на некоторые изделия Сретенского фарфорового завода наносили рисунки с изображением сенок из местной жизни. На одной из таких картинок явно просматривается фигура крестьянина, идущего за сохой. И низкорослая, до плеча пахаря, лошадь своим видом напоминает описанную Волеговым обвинку...

п. Ильинский

ЭТО БЫЛО, БЫЛО...

ХОЛОСТЯЦКИЙ НАЛОГ

В первой половине прошлого века графиня С.В. Строганова в своем Пермском имении

специальным постановлением ввела что-то вроде холостяцкого налога. «За дочерей незамужних с девятнадцатилетне-

го возраста родители платят по четыре рубля в год на содержание богадельни. Увольняются они от платы, если дочь

по здоровью не может выйти замуж».

В наше недавнее время подобные денежные поборы государства с населения в свою пользу назывались в простонародье «налогом на бездетность», который взимался только с мужской части населения. С.В.Строганова, как видим, делала наоборот: о налоге с неженатого или бездетного мужчины в «Повелении» ничего не говорится.

ГРАМОТНЫЕ МИШКИ

Как рассказывают местные старожилы, а они это слышали от своих родителей, в саду дома главного лесничего строгановского имения Н.Глушкова можно было видеть по праздникам такую картину: под развесистым деревом два медведя с рычанием, отталкивая друг друга, «читали» огромную, лежащую на столе, книгу. Листая страницы, они внимательно в них «всматривались». Без улыбки мимо умных мишек никто не проходил. Взрослые и дети останавливались, дивились и смеялись. Давали советы «книголюбцам».

А фокус был прост. Конечно же, книга была бутафорская, сделанная из дерева. Страницы ее намазывали медом. Отсюда и стремление медведей к «грамоте».

ГОРЬКОЕ ПОХМЕЛЬЕ

В 1837 году из Петербурга в Ильинское пришла «бумага»: «О наказаниях и оштрафованиях, предоставляемых начальственными лицами». Согласно этому документу, за пьянство, грубость, буйство, ослушание, лень и т.д. полагалось бить розгами или отправлять без очереди на господскую заводскую

работу, или садить на воду и хлеб на двадцать пять дней, или подвергать штрафу от 3 до 10 рублей.

От наказания телесного освобождались люди старше 75 лет; подросткам до пятнадцатилетнего возраста и женщинам давали половину из назначенных ударов. Беременных женщин наказывали только после родов, а пьяных — после вытрезвления (пьяного бить, что бить человека под наркозом).

За грубость в отношении управляющего имением полагалось 50-100 ударов, членов правления — 25-50, приказчика — 25, за смуту давали 30-50 ударов. Повторная провинность увеличивала число ударов в два раза. Штрафы взимали на содержание богаделен. Если провинившийся не согласен с «приговором», то должен сперва получить назначенные удары, а только потом их обжаловать.

ДАВНИЕ ВЕСТИ С НЕБЕС

Вот какую хронику оставили после себя неизвестные синоптики нашего края: 1740 год, 7 января — начались жесточайшие морозы, погибло много людей и скота; 1770 год — на рождественской неделе была такая оттепель, что сошел весь снег и погода походила на летнюю; 1773 год, 1-3 февраля — ударили сильнейшие морозы, померз скот; 1735 год, 5 июня — ударил мороз со снегопадом, крестьяне по дороге домой померзли, был неурожай.

А вот уже нечто загадочное. 1705 год, 15-17 июля была сильная буря и град, тучи несли пепел, который толстым слоем падал на землю. По рассказам обвинских и иньвенских крестьян, от огненной тучи горели

многие люди, скот и звери, дворы, амбары, леса и травы на полях. (В.Шишонко. Пермская летопись.) Что это было? Нет ответа. Еще одна запись из «синей тетради», хранящейся в районном музее: «1779 год, май — наблюдалось сильное землетрясение».

КРОКОДИЛ В ИЛЬИНСКОМ

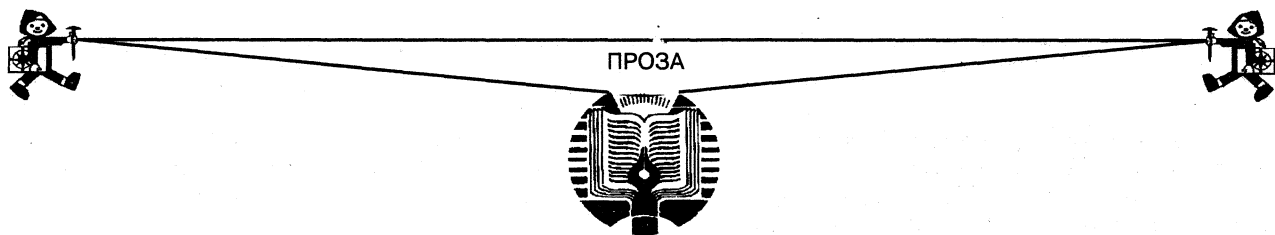
Крокодила купил Федор Александрович Теплоухов в Берлине весной 1898 года и привез в Ильинское.

Крокодила поместили в цинковый ящик с двумя отделениями: одно — с речным песком, другое — с водой. Стены у ящика были стеклянные, а на зиму делали и крышу из стекла с отверстиями для вентиляции. По воспоминаниям родственников Теплоуховых, рептилию люто ненавидела прислуга. Каждый вечер в холодное время года под ящик подкладывали бутылки с горячей кипяченой водой. Надо было регулярно менять воду и песок, а летом ежедневно и в больших количествах копать дождевых червей на прокорм.

Зимой крокодил плохо ел и его кормили только свежей рыбой. Летом он оживал, был подвижным и любил греться на солнышке. Его зеленые глаза превращались в линии. Дети иногда ради развлечения дразнили крокодильчика ветками или палочками — он замирал, напрягался и неожиданно вливался зубами в объект беспокойства. Зубы у рептилии были как у щуки, и прислуга всех предупреждала об осторожности, что было совсем не лишним.

Крокодил жил в Ильинском до марта 1905 года.

п. Ильинский

ПРОЗА

*«Самосел» - человек, который самовольно поселился в Чернобыльской зоне,
в опустевшем селе.*

Валерий НЕЧИПОРЕНКО

САМОСЁЛ

Повесть

Рисунки Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

И.М. Фомину

*В 1985 году и раньше такая повесть считалась бы фантастической
Теперь - это реальность. Причем реальность уже не страшная,
потому что обыденная.*

— Здравствуйте, дедуля! Доллары нынче по три тысячи, — Маруська затарахтела, как только вскочила в дом. — Но по три, это в Киеве, на этой, на бирже. А я куплю у вас по полторы. Сами же знаете — дорога,.. бензин,.. то-это... Я тут вам привезла немного продуктов. Хлеба двадцать буханок. А вот сахар. Еле взяла. Хорошо, что в торговле еще все свои. Куда что положить?

— Положи пока на лавку, — махнул рукой дед Степан. — Перепугала ты меня.

— Я? Почему это?

— А военной машиной приехала...

Степана уже трижды пробовали выселить из села. Но он прятался и на все уговоры и угрозы просто не выходил из своих укрытий. А искать, обыски делать, у них не было времени, и людей бы не хватало.

И хотя самоселов давненько не трогали, Степан остерегаться не переставал. Кто его знает, что у власти на уме? Не к каждой машине выходил. Научился отличать их по звуку. Особенно побаивался военных грузовиков и автобусов. Именно на них их село вывозили. Вот и в этот раз, услышав близкий рокот мотора, спрятался в доме, запер двери на засов, закрыл ставнями окна, а сам залез на чердак. Начал прислушиваться. Машина завернула в его улицу. Степан осторожно глянул в щель, специально пробитую в стене чердака. Около ворот остановилась большая военная машина.

Из высокой кабины лихо выскочила бывшая сельская лавочница Маруська.

«Что-то она рано в этом году», — подумал дед Степан и полез вниз открывать. Из сеней еще раз выглянул. На всякий случай. С Маруської были только двое военных — офицер и молодой солдатик. В дом не пошли. Спокойно закурили. Значит, можно открывать. И вот Маруська уже в доме. Хозяйничает. Совсем чужая ему, а как родная. Ждал ее всю зиму.

— Это, дедушка, «Урал». Зверь-машина. Нигде не застрянет. Я, дедушка, с капитаном познакомилась. Это он меня привез. Вон там ждет. Разведенный, а не пьет. Замуж меня зовет. Как думаете?

— Что ж? Выходи.

— Да, ну его. Он на хозяйстве помешанный. Свиной держит. Еще и меня заставит. А на черта мне те свиньи. Я и так хорошо зарабатываю. Я теперь, дедушка, в районе как тот брокер. Что кому достать... Капитан меня Марией Петровной величает. Втюрился по самые уши. Аж смешно.

— Что ж тут такого? Ты еще молодуха исправная. Статная, хвигуристая.

— Да ну вас, дедушка, — рассмеялась Маруська, но в зеркало икоса глянула. — Бегаю много, кручусь. Вот и фигура. Так есть у вас дол-

лары? Еще никто не приезжал? Вы с них побольше берите. Теперечки все дорожает. Летом за целый фильм только и взяли, что сто рублей.

— А мне что? Пусть снимают. Я б и так разрешал. Но если дают, то беру. С одним огородом не сильно проживешь.

— Ну и правильно. И берите побольше. Сами цену назначайте. — Маруська вытащила из сумочки пачку купонов, трешками. — Доллары сегодня по три тысячи. А я беру по полторы.

— Ты уже говорила.

— Ну, так давайте. Или я рано приехала? Может никого еще и не было?

— Нет, не было. Не любят они по грязюке.

— Ну вот тебе, — криво усмехнулась Маруська. — Зря, значит, перлась.

— Чего ж? Хлеба привезла. Спасибо. Да дожди, не скажи, — дед Степан легко поднялся с лавки, подошел к полке, достал старый разбитый термос и вытряс из него свой НЗ — пятьдесят долларов одной бумажкой. Еще прошлой весной один веселый иностранец подарил. Полдня голову морочил. Ничего толком сделать не дал, за руки все хватал. А вечером ткнул бумажку, смутился и бегом к машине.

Бумажка выпала помятая. Дед Степан расправил ее, протянул Маруське и спросил:

— Настоящие?

— Ого! — Маруська схватила бумажку, согнула ее пополам, разогнула, зачем-то погладила наманикюренными пальчиками. — Настоящие? Ну, дедуля! Где это вы... кто это вам так? Аж пятьдесят сразу.

— Да прошлой весной один на телевизор меня снимал. Полдня.

— Целый год держали, дедуля. Ну, вы и хитрец. На повышение играете.

— Как это, на повышение? Ничего я не играю. Эн-зе у меня был.

— Да я так... Не сердитесь. Брокеры всегда так говорят. Но у меня столько наших денег нет. Это ж вам семьдесят пять тысяч нужно отвалить. А у меня только вот тринадцать, и еще две — пятнадцать. Да еще продуктов вам навезла на восемь. Двадцать три. Еще нужно... Вы мне эту бумажку дайте. Я вам через неделю деньги привезу, ей богу. И продуктов каких захотите.

— Ты мне керосину для лампы достань.

— Добренько, дедуля. Достану. И хлеба мешок опять припру. Ну, я побежала. Вы не сомневайтесь.

Дед Степан не сомневался. Маруське он верил. Все ее хитрости сверху были, на лицо. А как-то и проверил. Случайно, правда. По маленькому радио на батарейках услышал. Передавали про доллары и называли точно такую же цену, как перед этим установила Маруська.

Дед Степан внимательно выслушал эту случайную передачу. Удивился. За свой век пережил не одну реформу, когда деньги, собранные на целую корову, внезапно становились бумажками. Но что б такое... Чтобы деньги даже начальство не слушались... Однако маленькое радио, которое называлось транзистор, еще и не то передавало. Дед Степан старался не часто его включать, чтобы не переживать. Разве что, песни послушать. А потом радио и совсем замолчало. Маруська сказала: батарейки сели. Обещала новые привезти. Но таких маленьких в райцентре не нашлось. Дед Степан несколько раз показывал радио новым корреспондентам. Один японец узнал его, очень обрадовался, что оно тоже японское, обещал прислать батарейки прямо из Японии. А куда пришьлешь? Почта уж семь лет как закрыта.

Иностранцы корреспонденты любили деда Степана. Как-то они друг от друга узнавали, что есть такой дед в зоне. Вот как май наступает, так, смотри, и идут один за другим. Чтоб, значит, к чернобыльскому юбилею успеть. И на телевизор его тоже часто снимали. Один раз даже показывали — в машине у них был такой маленький. Дед Степан себя сразу узнал, но сам себе не понравился.

Вообще дед Степан не любил корреспондентов — очень уж они спешили всегда. Как та Маруська. Но терпел. Они для него и телевизор заменяли и клуб. Да и подарки, бывало, оставляли, доллары иногда давали. А швед — он для своего шведского радио все записывал — даже куртку свою отдал. Куртка была немного велика, зато легкая и теплая. Зимой хорошо от холода спасала. Если фуфайку поддеть.

Зимой дед Степан отдыхал от корреспондентов. И от работы тоже. Целый курорт себе устраивал. Корове и коню сена подбросит, курей и поросенка накормит — вот и вся работа. Правда, с хлебом зимой было плохо. Маруська зимой не приезжала. Знала, что корреспондентов почти не бывает. Приходилось Степану из пшеничной муки себе коржи печь и тем перебиваться. Жито у него свое было — для курей. Да где его смелешь... Так, бывало, соскучится по хлебу, что он ему аж снится.

А вообще зимой хорошо было. Курорт. Лежи себе в сумерках и вспоминай. Дед Степан постепенно научился вспоминать. Это тоже нужно уметь. На каждое плохое воспоминание нужно сразу находить хорошее. Потому что, как пойдешь по черному кругу, ночь не будешь спать, а на другую завоешь, как одичавший пес. Таких собак в зоне сначала было много. Выли по ночам так, что и самому вить хотелось.

За зиму дед Степан успевал вспомнить всю свою жизнь. В октябре — зима для него в октяб-

ре начиналась, когда дороги грязюкой заплывали и через его село уже никто не ездил — в октябре он начинал вспоминать. Самые первые воспоминания были самыми красочными. Сначала дед Степан стерню вспоминал, жатву. Как он маленьким бежал по воду для матери. Упал и поцарапался очень, и мама его жалела, по голове гладила. Шемящее было воспоминание. Потому что после него о матери нечего было вспомнить. Весь день они с отцом в колхозе были. Только утром и видел мать — согнутую возле печи — с ухватами, чугунами. Степан с двадцать шестого года рождения. Как колхозы организовывались не помнил. Зато голодный тридцать третий вспоминал часто. Как желуди ели, грибы, щавель лесной. Если б не лес, может и не выжили. А так в селе никто не умер.

А тридцать седьмой он уже хорошо запомнил. Его дядьев забрали. А потом уполномоченный из района маму к себе взял. Кричал в их доме: «Или она со мной будет, или всю семью на — Соловки!» И наган у него был. Ушла мать. Разве не пойдешь? Сыновей трое, да и мужа жалко. Еще неделю жили они с уполномоченным и бригадира. Все село знало. Но никто и полусловом не напомнил. А потом в райцентр поехали жить. Там и стинули. Рассказывали, что через месяц расстреляли того уполномоченного. А мать куда-то исчезла. И никто не знал, куда она подевалась. Не любил Степан вспоминать этот тоскливый год. Поэтому снова возвращался в детство. Вспоминал, как всей семьей картошку копали. Как он потом с братьями собирал сухую картофельную ботву под дом и натаптывал завалинку. Эта работа им очень нравилась. Попрыгать можно было, побаловаться. Вот и теперь в октябре он тоже картошку копал. Но не под лопату — под плуг. Конь у него хороший, умный. Разве, что не разговаривает. Водить его не нужно, сам идет, как по ниточке.

Стыдно было потом смотреть на изуродованный участок. Много картошки в земле оставалось. много плугом разрезалось. Но что сделаешь? Соседей в помощь не позовешь. Нет соседей. Сам один в селе. Сам господин, сам хозяин.

На одной покинутой усадьбе груши оборвет, на другой — малину. Под клевер для коня занимает земли сколько хочет, под картошку тоже не мало. Только ржи меньше сеет. Для кур много не нужно.

В октябре, да и в ноябре, в начале, еще много работы по хозяйству. Нет времени сильно задумываться, вспоминать. А вот в декабре, когда уже снег по-настоящему ляжет, работы меньше. Вот тогда и подходят те воспоминания, обступают твердую степанову подушку. Не укроешься от них, не спрячешься. Почему-то в декабре ему всегда война вспоминалась.

Сначала отца забрали и старших братьев. Остался Степан вдвоем с бабушкой. Правда, селу ихнему посчастливилось: не немцы в нем стояли, а словаки. С ними проще было. А как наши пришли, то сразу же три похоронки с собой привезли — на отца и на братьев. А там и Степана в армию взяли. Пошел с охотой. Только бабушку было жаль одну оставлять. Да что сделаешь?

До фронта он так и не доехал. Уже в Польше под бомбежку попали. Ранило его сильно. В живот и в ногу. До сих пор на непогоду нога ноет. А живот ничего, зажил. Кишки, говорил доктор, растягиваются. А вот ногу, правда, долго волочил. Лечился в Лодзе. А уже в мае сорок пятого снова забрали его. Попал на кухню, ротному повару помогал. Так передовой и не понюхал. Правда, медаль «За победу над Германией» ему дали. Однако Степан никогда не цеплял. Стеснялся.

Боже, каким же он молодым и фатоватым домой ехал! Форма новенькая, сапоги офицерские, яловые. Так и блестят. Ну, думал, теперь заживем. Долго ехал, весело. И не в теплушке, а в настоящем вагоне. С молодой красивой офицершей рядом. За чаем для нее охотно бегал. Ночью тайком смотрел как она спит.

Тут Степан останавливал свои воспоминания. Хитрил он с собой, обманывал себя. Знал, что дальше опять неприятное пойдет. Так что отвлекаться работой. Так себе надумал к Новому году всегда колоть поросенка. В этом году обманула его Маруся. Не привезла поросенка. Обещала, а сама на курорт уехала. Пришлось так-сяк налаживать старый велосипед и самому ехать за двадцать километров в райцентр на базар.

Года три не был Степан в райцентре. Удивил его городишко. Улицы разрыты — газ проводят. И дома новые появились. Зачем это все, если и райцентр тоже переселять будут? «А... — говорили люди на базаре, — еще когда выселят?.. Хоть немного при газе поживем...» Свиенка Степан купил исправного, хитроватого. Такой пострел. Весь двор перерыл. Степан и сердился бывало, но резать пожалел. Очень интересный был поросенок. Бегал за ним и ластился, как собака. Хотел было его и за ворота выпускать без привязи. Но побоялся. Леса кругом. Забежит к диким, не найдешь. Вместо того только съездил тем же велосипедом в лес специально за желудями. Порадовал поросенка. И сам порадовался, глядя, как он хорошо кушает. Он все хорошо ел, не только желуды. А как подрос, перестал за хозяином бегать. Холеный стал да важный, как председатель колхоза. Заговоришь к нему. а он только «рох» да «рох» — солидно, тихо.

Вот такие у деда развлечения. А что? Ничем не хуже развлечений тех дамочек, что в городах своих лохматых собачек на поводке водят. А

главное развлечение у него было перед Новым годом — выкормленного поросенка колоть. Поросята у него выкармливались круглые, как бочонки, и крепкие, как жеребята. Травы, зелени вокруг было полно, да и картошки не жалел.

Когда обсмаливал, то соломы не жалел. Что те паяльные лампы? Одна. вонь. А солома шкуру румянит и твердой не делает. Маруся тоже хвалила. За свежинкой она всегда приезжала.

После этого начиналось самое главное развлечение. Перекрестившись трижды и попросив у икон помощи, Степан начинал вычинять колбасы. Они ему всегда удавались. Бабушка покойная научила. И всем, кто изредка бывал у него зимой и пробовал, всем нравилось. Мяса ему хватало аж до лета.

Самый большой праздник он себе делал на Новый год. Радио включал, пока еще батарейки не сели, расставлял на столе всего понемножку, первача наливал стопку, усаживался, слушал по радио приветствие к народу и выпивал первые полстопки. Закусывал, смакуя. Сам себе сдержанно посмеивался и кому тоже кидал вкусные кусочки. Да почему-то после второй полстопки накатывались на него уже грустные воспоминания. Как приехал с армии домой, а бабушку уже не застал. Всего неделю не дождалась его, умерла. Только и осталось, что свежий крест поцеловать. Продуктов навез, думал, угостить бабушку американской тушенкой, да не повезло. Ожидал его уже пустой дом.

Отыскал Степан у дальних родственников шестилетнего племянника, единственного сына своего старшего брата, и зажили они вдвоем.

Сватали ему разных девушек, но Степан не спешил. К вдовушке молодой поаживал и тем был доволен. Старшие парни насоветовали — прогулять недогуленное. Каждый вечер, хоть и уставал в колхозе — клуб, танцы под баян. А дома племянник сам. Ничего, уже большой. Гуляй, Степан, пока гуляется. Куда тебе спешить? Что-то тогда он так уверен был, что спешить ему некуда. Но осенью, только что озимые в колхозе отсеяли, впервые увидел Ирину. И сразу неизвестно почему подумал: «Она. Женюсь.» Это он любил вспоминать.

К этому воспоминанию он добирался как раз на кутю, на старый Новый год. Все делал, как и раньше. Как до войны. Как до Чернобыля. Варил кашу-кутю, нес ее от печки в красный почетный угол к иконам, обхватив крепко горшочек обеими руками в рукавицах. Приговаривал над нею — все, как следует. Запах от кути распространялся по всей избе. Детством пахло, домом, семьей — счастьем пахло. И чтобы не удариться в грусть за всем там утраченным или вообще не пережитым, Степан садился за стол, ел кутю и вспоминал. Он тогда ездовым работал, ехал себе

на телеге, звено девчат дорогою подобрал, только заехали в село со стороны ельника, как глянул — идет по улице девка — не девка, молодуха — не молодуха. Городская женщина. В длинной юбке-плессировке, в белой блузке, в пиджачке. Стройная, видная и какая-то не здешняя.

Степан уже почувствовал, что все — пропал, но еще пробовал хорохориться:

— Кто такая? — повернулся к девушкам в повозке. — Почему не знаю?

Плечами повел молодцевато. Мол, я тут первый хлопец на селе.

— Нового попа дочка, — ответила какая-то из девушек — Вчера только приехала. А что, красивая? Не то что мы, потрепанные?

Тут нужно было бы сказать что-нибудь приятное, как водится. Что сельские девушки, конечно же, лучше городских. Степан не сказал. Промолчал. Потом несколько дней издалека наблюдал за поповной. Узнал, что зовут ее Ирина и ей семнадцать лет, что хотела она устроиться на работу в школу или клуб, но ее не взяли, разрешили работать на ферме, учетчицей. А потом поползли слухи, что отец Ирины, то есть новый сельский поп, попал в глухое село не случайно, что провинился перед их духовным начальством, а может и вообще перед партийным, что-то сказал не то. Вот и понизили его в их церковных званиях и прислали аж сюда.

Как-то в воскресенье заметил Степан: зашла поповна в читальню. Зашел и сам. Зашел, сел в углу, пошелестел газетами. Завклубом удивил, сам на себя сердится, поглядывал тайком, как она книжки перебирает, но часы на стене ударили, и Степан не выдержал, засмеялся. Вышел, вздохнул облегченно и подался на лавку.

Возле лавки, на бревнах для нового клуба приготовленных, его ждали. Улыбались. Взяли на троих чекушку — больше тогда не покупали, не те достатки. Степан глотнул один раз, почувствовал, как тепло по телу пошло и сразу в нем мелькнула тяжелая и жгучая мысль, пьет и гуляет он уже полгода. Бабушка, если бы увидела, не похвалила б. Пошли они в клуб, потанцевали под баян, перекурили, самогонки немножко добавили, а мысль от Степана не отставала. Тогда взял он с собой дружка своего Володьку Марчишиного, пошли они к бабе Гуньке и еще поллитру выпросили. Почти всю ее выпили в колхозном саду, яблоками кислыми закусьвая. И опьянел Степан. Впервые в жизни по настоящему опьянел. Отправил Володьку домой, а сам направился к поповой хате. Свататься. Чем ближе подходил, тем больше стыд его одолевал. И за то, что пьяным на люди идет. И за то, что свататься будет вот так, ни с того, ни с сего.

Возле поповой хаты в темноте, с выключен-

ными фарами стояла машина. Степан уже совсем близко подошел, метров на двадцать, и только тогда понял, что это за машина. Возле дома его любимой стоял воронок. Тот, что ночами людей забирал неизвестно куда. Поняв это, Степан прыгнул в кусты сирени и затаился. И стыдно ему стало еще больше. Вот так пьяный женишок. Свататься шел, а сам воронок испугался. Но сидел в кустах, не шевелясь.

Вдруг — и дверь не скрипнула — на крыльце поповской хаты появилось две фигуры. Степан их до сих пор помнит. Сентябрь. Темная глухая ночь. Черное все. И она в белом сарафанчике. Поцеловала кого-то. Сама поцеловала. Никто не заставлял. Искренне так — не скажешь, что повинность отбывала, притворялась. А у того, темного, в военной одежде, — фуражка на голове. Даже не снял, целуясь. А ведь кровь у него на руках. Это точно. Может, и не одна кровь. Может быть, именно он и маму когда-то убил. Там, в райцентре. Вместе с тем уполномоченным. Но и таких кто-то любит.

В ту ночь Степан совсем не спал. На завалинке сидел. От ночного холода и сырости хмель совсем вышел. В голове было пусто. Совсем пусто. И не хотелось даже шевельнуться.

А утром зачем-то послали его на ферму и он там встретил ее. Случайно встретил. И впервые увидел, какая она. «Я тут с вами не на долго, — будто говорило ее лицо — Я от вас вырвусь. Любой ценой вырвусь.»

Так все и закончилось, почти не начавшись. Правда, снилась она еще несколько лет, зато чем дальше, тем реже. В тех снах поповна была не такой, как в действительности. Утром после тех снов было тревожно и тоскливо, но постепенно эта тревога затухала, а сейчас, если и приснится, то уже спокойнее. Просто снится молодость.

А дальше все у него пошло, как у людей. Еще немного холостековал. Потом женился на молодой, простой девушке. Тот год после свадьбы был для него почти счастливым. Работа, своя семья — жена и племянник. Дом построил. Небольшой, но красивый. Когда заканчивал, жена уже была беременна. Шутил, что новоселье и крестины справит одновременно. Но не вышло. Не судьба. От родов жена умерла. И ребенок умер через две недели. Сейчас, наверное, от такого спасают. А тогда...

Женщины в селе потом не раз советовали жениться снова... Степан только рукой махал. Ничего не объяснял. Что тут объяснять? Раз не удалось. Второй не удалось. Хватит.

Так и жил сам. Племянник вырос, пошел на свой хлеб. А Степан знал только работу и хозяйство. Молчаливый стал, постепенно привык к одиночеству. В селе за глаза звали его бирюком.

Он знал об этом и не сердился. Что же! У кого какая судьба.

Была одна молодуха, бывшая жена сельского агронома, разведенная. Забегала тайком иногда.

Так и жил. Племяннику дважды в год деньги высылал. Тот благодарил в письмах. А так особенно ничего не писал. И года пошли, побежали — пролетели и нет. Скучно он жил. Можно сказать, даром. Вот только толку от него, что племянника на ноги поставил. Кооперативную квартиру на две комнаты купил ему в Житомире. Потом на «Запорожец» постарался. А больше... Ему бы нужно было веселее жить, живее. Голод его обошел. И фронт не убил. И с поповной не сваялся. Берегла его судьба. А он так скучно... Хотя почему это? Как-то лет в сорок пять Степан начал подмечать, что в селе его все-таки уважают. Был еще при силе. Со своим хозяйством справлялся сам и одним из первых. Да и работал в колхозе ездовым — лошадки всегда под рукой. Вот и звали его постоянно на помощь. Кому звать, кому — выкосить. С егерем и лесником дружил. На охоту с ними ходил. А через них соседям и дальним родственникам помогал дерево выпишивать. Нет, все-таки уважали его. На все свадьбы звали. Он приходил, но долго не засиживался. Пить особенно не пил. Петь-танцевать не очень любил. Поест и сидит, на людей смотрит. Как в кино. Он, кажется, так всю жизнь свою и прожил — будто кино в клубе смотрел.

Интересно иногда — да и только. Но уже под шестьдесят все реже ему становилось интересно. Потому что все, кажется, пережил, все знает. Наперед знает, кто что скажет, как поступит. Так и жил. Как посторонний в жизни. А может, он напрасно тогда, когда на фронт их везли, под бомбежкой не погиб. Может быть, ему тогда было предписано судьбой умереть. Но что-то там не вышло, не получилось. Не тот узелок завязался, вот он и остался жить. Вот таким, посторонним.

Эти мысли Степан к себе не подпускал. Но все равно, где-то в феврале, они вылезали на поверхность. Вылезали, потому что зима в зоне все продолжалась и продолжалась. Никто по селу не ездил. И сухари заканчивались, и мука. Если бы не хозяйство...

В эти февральские ранние вечера он даже собаку в дом впускал. Пес у него старый и глупый. Хозяин к нему говорит, а он хотя бы морду поднял. Дремлет себе около печки.

А этой зимой еще и приемничек сдох. Что там в мире делается? Однажды — это уже в начале марта было — даже на сарайчик вылез. Сарайчик так стоит, что в хорошую погоду с него через поля трассу видно. Так ее когда-то проложили, что она село далеко обходит. Хотел по-

смотреть, ездят ли там машины. Но день был не очень погожий. Ничего он не увидел. Около полудня просидел, как дурак, на скользкой крыше.

Степан повернулся в ту сторону, где за лесом была атомная, и посмотрел на свое пустое село. Дома уже давно по крыши пообрастали сорняками и кустами, а теперь уже и улицы начали зарастать. Крыши на многих домах прогнулись, попроваливались. Только церковь еще держалась и медный крест на ней спокойно упирался в небо. «Как уже и крест упадет, то и я умру, — вдруг подумал Степан. — Но почему же трасса совсем пустая. Может они и в самом деле все поумирили от какого-то нового СПИ-Да или еще чего-нибудь?» Так его к рукам прибрала черная фантазия, что следующее утро Степан не выдержал — решил в райцентр съездить. Ну, хотя бы хлеба купить. Лошадью не решился. Хотя и говорят, что теперь лошадей разрешают иметь, но это только говорят. Береженого Бог бережет. Настроил он велосипед, одел куртку того шведа, сапоги офицерские, да и поехал. Напрямую не очень далеко — двенадцать километров.

Как же, проедешь на веломашине по таким сугробам. Через поля ехал, так еще ничего, зима не очень снежной была. А как через лес пришлось — куда там. Повесил он велосипед около обочины бывшей дороги, повыше повесил, чтобы случайно снегом не замело, и пошел дальше пешком. Вот тут и понял, что старым стал. Ну, пусть и сугробы, пусть и без дороги. Все равно. Раньше он бы те последние семь километров за час прошел. А тут плелся полдня. В райцентр входил, уже смеркалось.

Шел по улочке к центру городка и вслушивался, всматривался настороженно и с наслаждением. Ничего, жил городок. Дети иногда пробегали. Женщины с сумками шли. Все, как в старые времена. Что же он будет делать, если еще их выселят? Маруся говорила, что ни за что не поедет. Но если всех будут выселять, то куда она денется? Против власти не пойдешь... Ну, он же сам пошел... Он сам. В том то и дело, что сам. Одиночка. Бобыль. Дух зоны, как называл его один газетчик. Степан и сейчас улыбался, когда вспоминал то название. Дух. Это же надо. Смешно было. И горько. Он вспомнил, как посорились когда-то два его соседа за клочок огорода. А теперь столько земли пропадало. Столько земли. Могли бы тысячи людей жить. Скот пасты, поля вспахивать. Жизнь... Нет, это не жизнь, это государство вынудило его голодать маленьким, забрало мать. И вдруг показалось ему, старому, измученному заплесневелым одиночеством и этой дорогой через лес и снег, показалось вдруг, что все это не в жизни его было с ним.

Что все это — длинный сон. А на самом деле не было ни тридцать третьего, ни тридцать седьмого, ни войны, ни Чернобыля. Ничего такого не было, потому что такого просто не может быть в жизни человека. Только во сне. Может быть, эта жизнь — только сон. Тяжелый сон в золотом сне.

К Маруське он дотащился уже совсем больным. Еле порог переступил. Маруська только руками сплеснула. Засуетилась, приказала разуться, снять куртку и фуфайку, потащила за стол, рюмку налила. У нее как раз были гости, полная квартира. Что они там праздновали, Степан так и не понял. Опрокинул рюмашку и в голове прояснилось, но в сон начало клонить, в настоящий. Разморило. Уже засыпая, услышал, как рядом разговаривают две молодухи. «Этот тот самый самосел?» «Тот самый.» «И что, он сам живет?» Сам — один на все село.» «Боже, какой ужас! И бандитов не боится.» «Какие там бандиты в зоне?» — еще успел подумать Степан и крепко заснул.

На следующее утро он не смог подняться. Весь горел. Маруська измерила температуру и перепугалась. Вызвала врачей. Те сказали, что воспаление легких и надо в больницу. Степан слабо сопротивлялся: живность ведь одна осталась. «Какая там живность, дед! Вас надо спасать.» И загрузили его на носилки да засунули в беленький автомобиль.

Только через три дня ему стало лучше. Лежал на чистых простынях. Еду трижды в день прямо в постель подавали. Свежего хлеба сколько хочешь. Степан начал понемногу даже припрятывать — сухари. Но потом опомнился. Стыдно стало. А Маруська супчик куриный носила, соки разные в банках. Смеялась: «Вы не бойтесь, дедуня. Я все это вам засчитывать не буду.» Словом, рай а не жизнь. Но ведь живность осталась. Корова, конь, собака, курей двенадцать с петухом, кот. Все просил Маруську: «Наведайся, покорми, напои.» «Хорошо-хорошо, дедуня. Съезжу. Вы не волнуйтесь. Здоровье поправляйте.»

На седьмой день замучили его предчувствия. Начал проситься у врача. Не отпустил. И одежду не отдал. А в больничном халате и тапочках на босу ногу не побежишь. Звонил Маруське на работу, еле поймал ее за третьим разом. Попросил одежду принести. Обещала. Но не принесла. На следующий день пришла с какими-то бумажками. Веселая: — Ну, дедунь, все-таки выбила я вам все бумаги. Поедете в дом престарелых, в Житомир.

— Зачем? — не сразу понял Степан.

— Так ... Ну, жить там будете. Хороший дом, говорят.

— Что? Я тебя просил? Я тебе поручал?!

Что было потом, Степан стеснялся вспоминать. Он кричал, матерился, обзывал всех подряд. Сбежались врачи, уговаривали его, угрожали, хотели укол дать. Но Степан не унимался и скандалил до тех пор, пока молоденький врач не сдался.

— Хорошо, я выпишу вас немедленно. Но вы мне расписку дадите. Расписку, — и губы его дрожали. — Я такого еще не видел.

— Ты еще ничего в жизни не видел, — уже успокаиваясь, сказал Степан. — А расписку давай составляй. Какую хочешь подпишу. Вот при свидетелях.

Через час его выписали. Вышел на улицу и вздохнул облегченно. После тяжелой болезни. После застоянного воздуха больницы. После опасности попасть в дом для престарелых.

Вздохнул воздух, понял что весной уже пахнет и почувствовал себя здоровым. «Зажило, как на собаке,» — улыбнулся.

За ним следом выскочил тот молоденький врач.

— Подождите, папаша. Я вам машину дам. Домой заехать. И вот тут вам сухой паек.

Машина очень даже пригодилась. И сухой паек — две буханки хлеба и две банки сгущенного молока тоже не помешали.

Правда, пожилой водитель, почти ровесник Степана, все спешил куда-то. Врач отпустил его на целый день, и он надеялся сэкономить время для каких-то своих дел. Но к Маруське, а потом и к магазину не отказался подвезти. В магазине Степан опростоволосился. Имел тысячу карбованцев и думал, всего закупить — и хлеба, и чая, и карамелек вместо сахара по талонам, и муки.

— Вы что, с дуба упали?! — ощерилась на него продавщица, когда поняла, что покупатель о ценах даже представления не имеет.

— Не сердись, дочка. Я полгода из зоны не вылезал.

— У вас там магазинов нет, что ли? Или у вас там старые цены, на этой атомной?

— Я не с атомной станции. Я из зоны. Самосел.

— Так бы и сказали.

Короче, хватило степановой тысячи только на хлеб и на чай. «Надо будет в следующий раз в собес зайти, — подумал, садясь в машину. — Может быть, все-таки получу пенсию. За четыре года там уже набежалось... Но ведь эта прописка проклятая. Может, Маруська к себе пропишет?»

Водитель только выругался, когда свернули с асфальта и он увидел, какой дорогой придется ехать дальше. Тут и летом не очень проедешь.

— Ты меня только до велосипеда довези, — попросил Степан.

— До какого велосипеда?

— Я покажу.

Они еле поползли. А ведь когда-то здесь была хорошая дорога. Не асфальт, но мелкой щебенкой подсыпали каждый год, грейдер раз месяц подравнивал. Дорога умерла тоже из-за Чернобыля. Как вывозили село — разбили ее тяжелыми грузовиками.

Степан до сих пор удивлялся, когда вспоминал как их вывозили. Перед этим люди несколько дней говорили о том, что на атомной станции что-то случилось. В первый день так себе, безразлично говорили. Мол, сломалось что-то на атомной. Степан слышал эти разговоры почти в каждом дворе. Он тогда, последних два года перед выселением работал на легкой работе, как раз для пенсионера — ездил телегой по селу и собирал молоко. Почти возле каждой калитки поджидала его трехлитровая банка с молоком, а то и две. До базара далеко, вот и сдавали в колхоз. Он сливал это молоко в бидоны, ставил банку назад и записывал себе в тетрадь, кто сколько сдал. Иногда кто-нибудь выходил поговорить. Степан слушал — спешить было некуда — и так узнавал все новости в селе. После аварии чаще выходили женщины. Но разговаривали мало. Больше спрашивали:

— Ну что там слышно?

— Ничего. Наладят, — успокаивал Степан, — не впервой.

Про аварии на станции слухи появлялись действительно не в первый раз. Но впервые они держались так долго — несколько дней. «Ну, что же, — думалось многим в селе, — разные бывают аварии. То были маленькие, а теперь большая...» Но где-то на третий день появился новый слух. Будто это и не авария вовсе, а большой атомный взрыв. И не один, а два. Мол, два атомных гриба выросли над Чернобылем.

Если не этот слух про два атомных гриба, Степан может быть и поверил бы, что на атомной станции случилось что-то большое и серьезное. Но эти грибы сбили его с толку. Проезжая мимо клуба, он специально остановился, зашел в коридор, где на стене висели пожелтевшие плакаты по гражданской обороне, и сам рассмотрел такой нарисованный гриб. Там и расстояния были обозначены. Выходило по тому рисунку, что гриб должен был накрыть всего несколько десятков километров. Степан плюнул со злости и вышел вон. Ляпают же бабьи языки!

А через день в село прибыло две колонны. Одна — из автобусов, другая из грузовиков. Людей на скорую руку погрузили в автобусы — с вещами, какие кто успел взять, а скот — в грузовики. Курей, уток не брали. Только коров и овец. Гул стоял над селом. Но только часа два. Как-то очень быстро все закончилось, и они поехали. Степан попал в последний автобус, по-

тому что жил на краю села. Автобус был совсем новенький, городской и до конца не заполненный. От плотины им пришлось вернуться назад — внуки старой Мироники вспомнили, что забыли в хате свою парализованную бабу. Пришлось возвращаться, и зря. В селе милиционер сказал им, что Миронику нашли, когда пустые хаты обходили, и отправили в райцентр машиной председателя колхоза. «Бабка с начальством поехала,» — пошутил кто-то. — «Хоть под старость посчастливилось».

Когда второй раз проезжали плотину, Степан вспомнил вдруг, что забыл взять свои документы. А приказывали не забывать. Неудобно было просить, чтоб возвращались еще раз. Так и поехал в эвакуацию без документов.

Привезли их в чужую область, в чужое село. Приходили местные, разбирали пришельцев по дворам. Степана взяли сразу. Одинокий. Попал он на квартиру к старой бабке, — полуглухой, полуслепой. Но в хате у нее было чисто.

— Будешь спать на кровати, а я — на печи. В ту комнату не заходи. Там у меня квартирант, агроном. Из города прислали.

Молодой агроном пришел с работы поздно. Веселый. Радовался, что столько рабочей силы прибыло в село: — В этом году буряки вовремя проподем. Шутками-шутками, а уговорил Степана снять всю одежду, взамен дал свою.

— Так, уважаемый Степан Иванович, лучше будет, потому что ваша одежда уже насыщена радиацией. Я ее в речке утоплю.

Степан хотел было поругаться с ним за то, что исправную одежду портить собрался, но пока искал нужные слова, с улицы послышался крик:

— Кто тут эвакуированный? Идите на ферму, своих коров забирайте.

Так и пошел в чужой одежде. Штаны были великоваты. Не руками же их поддерживать! Нашел в придорожной канаве кусок алюминиевой проволоки, подвязался. Будто шут гороховый.

А на ферме все ревело и кричало. Люди искали своих коров, своих овец и свиней. Весь скот был согнан в кучу, в одной ограде. Не кормленные, не поенные, перепуганные животные ревели — почти стонали. Между ними сновали эвакуированные молодухи и каждая в сумерках искала свою корову: «Лыска, Лыска». «Рыжуха! Рыжуха! Где ты, волк бы тебя задрал!»

Краем этого библейского скопища бегал какой-то местный начальник и кричал надорванным женским голосом:

— Товарищи эвакуированные! Товарищи эвакуированные! Не волнуйтесь! Сейчас включим освещение.

«Какое тут к черту освещение? — подумал Степан. Но начальник не успокаивался. И все

кричал: «Эвакуированные, Эвакуированные...» Это дрянное слово царапало Степана по живому.

Корову свою Степан нашел поздно ночью. Весь скот уже разобрали, а его Дамочка, его ласковая и покорная трудяга, которая давала молока больше всех в селе, лежала под оградой и жалобно тихо подавала голос. У нее была сломана передняя нога.

У себя дома Степан ее спас бы. Но то ж у себя дома. Дома с коровой такого вовсе не случилось бы. Довелось зарезать.

А на следующий день началась морока с документами. Вернее, из-за того что забыл их. Вроде бы ничего страшного. Вроде бы не очень и ругали, только укоряли. Но как-то сразу отделили от всех. Всем подъемные деньги выдали по общей ведомости, а ему отдельно. Да еще пришлось двух свидетелей брать, что он это он. Потом долго допытывались, куда он свою радиоактивную корову подевал. Но терпение у Степана лопнуло не из-за этого. Услышал как-то случайно, как какая-то местная хозяйка отчитывала своего сына лет пяти:

— Я тебе сколько раз, гаденыш, говорила! Я тебе говорила: не подходи и близко к эвакуированным. Они заразные. Их атомом заразило. На тебя атом перейдет.

Не удержался Степан. Снова спаковал свой чемодан и подался к племяннику в Житомир. Проту поездку он не любил вспоминать. Хотя племянник встретил его хорошо. Рюмку налил, покушать дал из холодильника. А на следующий день повез на дачу. «Вот тут, если хотите, то можете и жить.» Но видно было, что говорит он через силу. Дача была аккуратной. С паркетом, как в их сельском совете. Только в сельсовете паркет был затоптанный, а тут так и блестел. Степан и чувствовал себя, как в сельсовете. Разве здесь можно жить? А вечером случайно подслушал, как жена племянника шипела на кухне:

— Он что, к нам совсем жить?

— Не знаю, — тихо ответил племянник.

— Иди в исполком. Требуй, чтоб ему квартиру дали.

— Какую квартиру? Он говорит, что их на два месяца выселили, потом назад вселят.

— Ну, два месяца как-то перетерпим.

Дальше уже не было слышно. Они закрыли дверь. И еще долго там бубнили. А Степан до утра не мог заснуть. Все почему-то коровку свою вспоминал. Жалел ее очень. Так смотрела на него перед смертью... Почему-то не везет ему с коровами. Пока вот хорошую подобрал... А тут — на тебе — эта авария. И зачем племяннику такая дача? Столько денег в нее вбухал. И паркет этот. Приезжал бы к нему в село. Машина ведь есть.

Машиной быстро. Часа два ехать, наверное. Без пересадок... Приезжал бы на выходные, и в отпуск. Грибы собирал бы, ягоды. В их село люди даже из Киева ездят — как на курорт. Все дешевое, и места красивые... Только жаль, что жена у племянника бездетная. Имели б они детей, были бы Степану за внуков. Может быть, из-за того, что детей нет, и шипит она так... А коровки жаль. Жаль. Не везет ему с коровами.

Утром Степан снова начал собираться.

— Вы куда-то собрались? — с надеждой спросила жена племянника.

— Домой.

— Как это, домой?

— К себе домой. В свою хату.

— Но там сейчас радиация.

— Что-то не видел я там ничего. Не слышал. Мы, украинцы, такая нация, что нам до задницы радиация, — вдруг засмеялся Степан, — Слышала такой анекдот?

А племянник все-таки ничего парень. Хлеба ему накупил на свои деньги, консервов. И завез прямо в райцентр. Дальше ехать не рвался. Да и не пропустили б их машину в зону, очень она тогда охранялась. Но Степан свободно прошел. Еще бы не пройти? Напрямки, через лес. Не зря с егерем дружил, на охоту с ним ходил. В одном месте чуть на патруль не напоролся. Зато в селах было совсем пусто. Никакой тебе охраны. Да разве наохраняешь? Столько сел эвакуировали. Целое тебе маленькое государство.

Степан любил вспоминать те первые дни своего возвращения в зону. Хотя, казалось бы, что тут любить? Пустое село. Собаки воют по ночам. Больно смотреть, как зарастают бурьяном обработанные огороды. Еще свежо ощущение пустоты, еще щемит от него. Но почему-то первое лето в зоне вспоминалось. Может быть, потому, что ничего впереди уже не было, ничего. Вот и полюбила душа оглядываться. Только выпадет вольная минутка, сразу оглядывается. Как там было — плохо ли, хорошо ли? Как бы не было, а все таки было. Как-то жил на свете...

Но вот вольная минутка закончилась. Водитель больничной машины резко затормозил, удивленно повернулся к Степану:

— Ты смотри! И не украли.

На высокой ели, зацепленный рамой за толстую нижнюю ветку, висел Степанов велосипед.

— А кому тут воровать? — усмехнулся Степан. — Дикие кабаны на велосипедах не ездят. Ну, спасибо тебе. Сколько с меня?

— Или ты умом тронулся, человеке? Завезли тебя в самое пекло, а ты еще про деньги спрашиваешь? Да тут радиация выше, чем сейчас на атомной. Глянь. Вот у меня дозиметр.

— Э, что мне на него смотреть. Ну, бывай здоров. Спасибо.

— Да что там... И ты будь здоров.

Цепь на велосипеде немножко заржавела, двигалась со скрипом, но Степан намочил ее в лужице талой водой, и дело пошло. Через час он был уже в своем селе.

Еще подъезжая к калитке, услышал как жалобно мекает в хлеву теленок. Соскочил с велосипеда, кинул его наземь и стремглав бросился к хлеву.

Ворота хлева были выломаны. И не просто выломаны, а разбиты вдребезги. Заскочив в средину, Степан в полумраке не сразу сообразил, что случилось.

Коня в хлеву не было. Неужели украли? Не мог поверить. А теленок бросился к нему — испугано, жалостливо, будто ребенок к отцу. Не было в хлеву и кур. А корова... Коровка его лежала мертвой. Еще и не задубела. Эх, если бы он на день раньше возвратился... Уже вторую корову забрал у него Чернобыль, будь он проклят. Будь проклята эта атомная, которая забрала у него его соседей, его уютное село, его обычную человеческую старость.

Степан вышел из хлева, присел на кучу дров. Тихо было вокруг. Пусто. Аж звенела пустая тишина.

И впервые за неполных шесть лет жизни в зоне стало ему не просто печально и тоскливо — стало жутко. До горячих мурашек на затылке, под волосами. Жарко стало и глазам, вот-вот слезы потекут. Но не было слез, только жарко глазам.

Но видно есть еще Бог на свете. Потому что в ту минуту, когда казалось сейчас не выдержит Степан, закричит, завоет, как одичавший пес, в это страшное мгновение послышалось вдруг с огорода тихое ржание.

Степан вскочил на ноги. Конек, его родной резвый конек, стоял на огороде и весело смотрел на своего хозяина.

— Ах, ты мой умница, — пошел к нему Степан. — Ах ты ж мой хулиганчик. Так это ты ворота развалил? Ну, и правильно. Пить захотел. Пить.

Конь был исцарапанный, забрызганный. Степан накормил его хлебом, вычистил, вымыл, сбегал в хату, вынес коню два кусочка сахару, а потом запряг его и вытащил из хлева корову. Закопал возле речки, в лозняке. Хорошо закопал. Хоть и болело в груди, и лопата была тупая, и земля еще не совсем размерзлась, но трудился до вечера.

Уже когда совсем стемнело, вернулся домой. Заглянул в хлев. Куры с петухом мирно сидели на жердочке. А теленок выскочил через открытую загородку, через разбитые ворота и бежал по двору за Степаном до самого крыльца. Степан хотел взять его в дом, но теленок боязливо упирался, а втянуть его насильно уже сил не

было. Пришлось размоченным хлебом заманить его в санный сарай и там закрыть. Почувяв летний аромат сена — а его полно было и в самом сарае, и на чердаке — теленок сразу присмирел, и Степан спокойно ушел в хату. В пустую свою хату, которая без него настыла, утратила обычные свои запахи и пахла теперь не домом, а пустым погребом.

Степан затопил плиту, поджарил яичницу с салом, достал с полочки чекушку первача, опрокинул неполную стопку, поел, отогрелся и, хоть боялся, что не заснет, упал в сон сразу, как только голову на подушку положил.

А утром он проснулся совсем здоровым, даже будто немного помолодевшим. Хорошо позавтракал сырым салом с присоленным хлебом и взялся за работу. Накормил кур, растопил печь и приготовил поило теленку, наносил в хату дров, чтобы сушились, кое-как отремонтировал ворота хлева. Этих дел ему хватило как раз до обеда. Готовить юшку или борщ было уже некогда. Снова поел всухую, горячим чаем запил и вышел на крыльцо.

Солнце светило уже совсем по-весеннему, снег дотаивал. Небо было чистым, безоблачным.

— Поживем, — сам себе подумал Степан. — Еще немного поживем. Подумаешь, заболел один раз. Кто не болеет в шестьдесят семь лет? Еще три и семьдесят... И так Бог миловал. Если бы не ранение фронтовое, медицины не знал бы. Разве что к зубному два раза ездил. Очень уж болело. А это?...

Так он успокаивал себя еще не раз, и, кажется немного помогало. Но все больше брала его грусть, тоска даже. И хозяйствовать стало труднее. Что-то тяжелое давило на плечи, клонило к земле. По утрам долго кашлял, вечерами долго не мог заснуть, а ночью просыпался почему-то, будто от холода. Лежал в полудреме и где-то далеко в глубине души иногда медленно проплывала мысль: «Дожить хотя бы до мая, до приезда Маруськи». Маруська что-нибудь расскажет, хлеба свежего привезет. Может, даже батареек к маленькому радио достанет.»

В мае тепло становится, дышится легче. Да и веселее весной. Надежды расшевеливаются. Не так жутко ночью. Даже, если и подумается о смерти...

А этой весной еще и май не наступил, а Маруська уже приехала. Непоседливая. Так и носится по комнате. Уже знает, что надо Степану, знает, что он любит, а что не любит. Молодец. Бойкая девка. Такая б дочка была, то можно было бы и райцентр переселиться. И даже в эту эвакуацию. Живут же там люди. Как и повсюду — живут себе, кто как Кому как судилось — рядилось. Судьба, она выдумщица. Такого иногда с человеком сотворит... Хотя, если

вдуматься, то в конце концов всем выходит почти одинаково. Бывают, правда, счастливицы. Глянешь на них — все у них есть. А присмотришься — тоже несчастливые люди. Не умеют ни хлебу порадоваться, ни солнцу после дождя. Тупеют, будто косы, которыми никто не косит. А другие есть — мельтешат всю жизнь, бегают, крутятся, и вроде с выгодой все делают, а жизнь пройдет, оглянутся — ничего.

Про все это думал дед Степан уже после того, как Маруся уехала.

Уехала Маруся и старый Степан заметил вдруг, что день, в котором он вот сейчас живет, — ясный, искристый, щедрый. Степан вышел на дорогу и посмотрел в одну сторону и в другую, вздохнул полной грудью воздуха и решил вдруг, весело решил, что если уж болезнь отпустила, то жить можно. Можно жить! Даже тут. Даже так, как он. Главное — жить. А все остальное — разве так важно?

Степан не ведал, что жить ему осталось несколько часов. Что на следующее утро приедет в село чудная машина с выдвигной вышкой — та, с которой в городе фонари ремонтируют — и остановится эта машина возле их маленькой сельской церкви, даже в тридцатые годы уцелевшей. А это полезет один болван медного креста снимать — в Литву, на лом цветных металлов

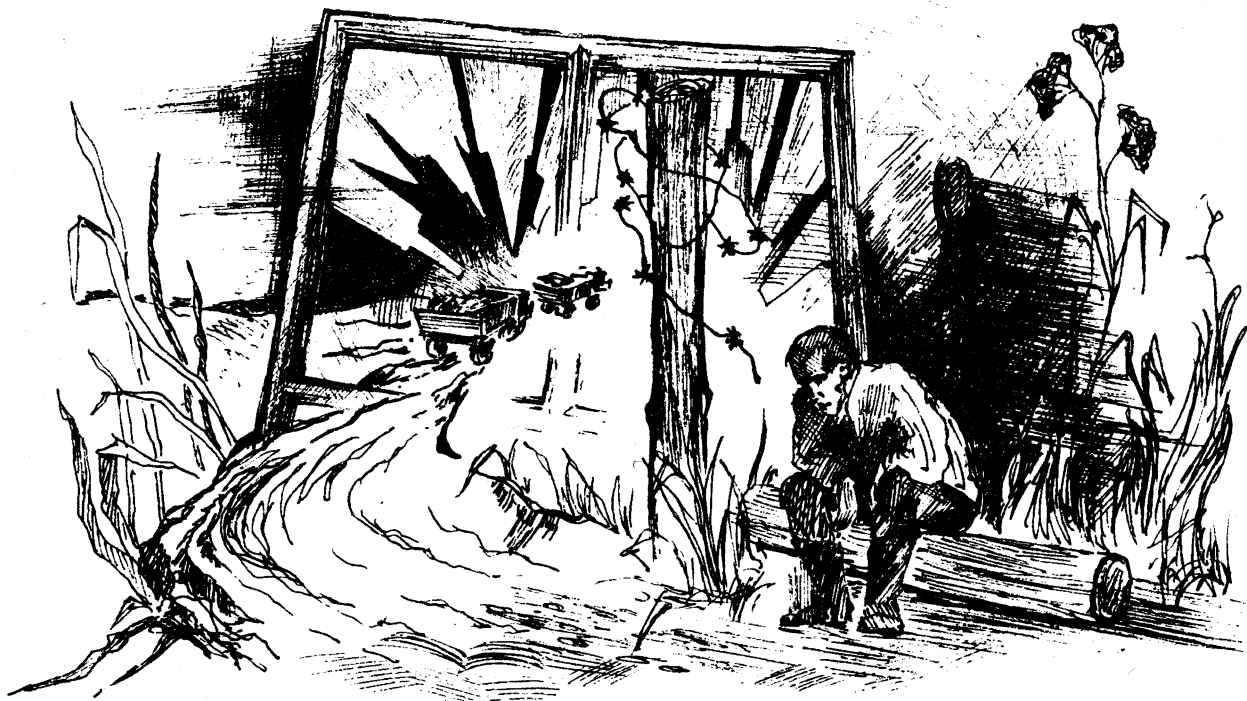
за доллары. Напарник его на земле останется. Степан подойдет к нему, догадываясь про то страшное, что они затеяли. Подойдет близко, кричать начнет, стыдить. Напарник болвана засмеется, толкнет деда в грудь. Не ударит, а так только толкнет кулаком. Степан захрипит вдруг: хлынет у него из горла ярко-красная кровь. Хлынет щедро. Степан упадет на белый песочек, на папёрть и умрет, захлебываясь, понимая, что умирает. Но умрет он быстро. Два перепуганных вора еще даже не успеют завести свою вдруг заглохшую машину.

Степану посчастливится после смерти. Воронье не выключает его широко открытых глаз. Через три часа его труп найдет под церковью голландский корреспондент, который почему-то отстанет немного от своей свиты из местных чиновников. Тучный фламандец закричит и никогда в жизни не забудет своей поездки в зону.

Степана похоронят.

А крест те двое все равно снимут через неделю...

Но все это будет только завтра утром... А сегодня, вот сейчас, вот а это мгновение старый самосел Степан стоит в пустом селе на дороге, которая ведет к Чернобылю, и умиротворенно, с тихим наслаждением смотрит на спокойный весенний день.

Олег КУТЬЕВ

ДЕЛО О КОЛДОВСТВЕ

Редкий раз, бывая в деревнях района, не услышишь рассказа о местных колдунах или знахарях. Практически в каждом селе были, да и сейчас продолжают жить люди, обладающие, по словам рассказчиков, неведомой силой, особыми знаниями. Только одни из них употребляют их во вред, напуская «порчу», «икоту», «килу», «осье гнездо» и т.п., другие же наоборот — помогают исцелять людей.

Существовало и много способов «закрыть» колдуна — заставить его принародно признаться в колдовстве. Из поколения в поколение передаются знания, как своими силами уберечь себя от колдовских действий. Не обращаясь же на колдуна в суд или местные органы власти? Хотя... Оказывается, и такой случай был в истории села Ильинского.

В Российском государственном архиве древних актов я случайно обнаружил папку под названием «Дело об оштрафовании кривецкого крестьянина Матвея Соловьева и крестьянской девки Василисы Ждановой с матерью, уличенных в колдовстве. Начато 27 июня 1850 г.»

Суть «колдовского дела» такова. «Служащая» при доме господина Главноуправляющего крестьянская девка Василиса Жданова «попыталась» околдовать хозяйина вместе с семей-

ством, прибегнув к помощи кривецкого крестьянина Матвея Соловьева, занимавшегося знахарством. По этому случаю Ильинское вотчинное правление провело специальное следствие. Выяснилось, что «девка Жданова из желания приобрести от своих хозяев будто бы особое к ней доброжелательство и, напротив, возбудить со стороны их ненависть к прочим прислужным... 21 апреля 1850 г. привела через свою мать в прачечную господина Главноуправляющего кривецкого крестьянина Матвея Соловьева, который и дал ей несколько соли и неизвестной травы, истертой в порошок, советуя примешивать в чай или кофе...»

Чтобы исполнить задуманное, Жданова обращается за помощью к «девке Ушаковой», работающей при доме кухаркой, но «сия последняя, подав вид согласия, объявила обо всем своим хозяевам, перед тем временем, когда должен был прийти Соловьев в дом». В прачечной избе была устроена засада и Соловьев «был захвачен там со своими веществами».

Следствие установило, что «крестьянин Соловьев, 60 лет, но еще довольно бодр и может несколько управлять сохой, имеет жену и дочь — девуку 42 лет с двумя сыновьями 17 и 12

лет, состояния бедного..., поведения же старик Соловьев недобрительного и слывет в деревне за колдуна или знахаря, занимается лечением людей, сопряженным с весьма вредными последствиями».

Доказательством сего служит «записка», в которой зафиксированы показания другого кривецкого крестьянина Артамона Соловьева: «Артамон Тимофеев Соловьев показал, что в прошлом 1849 г. весной жена его почувствовала в левом боку и брюхе боль». За лечение взялся знахарь Матвей Соловьев. «Сначала поил вином, которое он принес с собой, чем-то настоенное, смешивал его с уксусом и неизвестной травой, истертой в мелкий порошок, причем произвел по обыкновению нашептывание». С большой сделался, как сказано, припадок, а потом открылось изо рта и носу кровотечение и на третий день она умерла.

Суммируя все эти действия, Ильинское вотчинное правление «заключило: переселить его Соловьева на всегдашнее жительство в Ростес, а девуку Жданову с матерью ея, ведущей худой образ жизни, выдержать в штрафной работе 3 недельное время». Село Ростесское находилось на самом севере Пермской губернии в Чердынском уезде, там у Строгановых имелись золотые прииски.

Окончательное решение по столь необычному делу было принято самим графом. 8 июня 1850 года С.Г. Строганов напи-

сал на присланных ему бумагах следующую резолюцию: «Предписываю отправить Соловьева в Добрянский завод на 5 месяцев,

употребив в карауле, а Жданову с матерью выдержать при мельничных работах 3 недельное время».

г. Пермь

Нина ГИЛЕВА

«Я, ГРАЖДАНИН ЧЁРМОЗА...»

Эти слова взяты из завещания жителя Чёрмоза Константина Григорьевича Михалева, передавшего в дар родному городу свою библиотеку. Завещание написано в 60-х годах нашего века, но традиция книжных дарений уходит глубоко в историю Чёрмоза.

Начать с того, что наша городская библиотека одна из старейших в Пермской губернии. Вскоре после учреждения в Чёрмозе училища (а это 1811 год), возникло у нас библиотечное общество. Его составили учителя, чертежники, конторщики. На их 10-рублевые взносы куплены были первые книги. Владелец завода одобрил инициативу крепостной интеллигенции. 1 апреля 1812 года появилось официальное постановление о создании чёрмозской общественной библиотеки. Членами ее стали также местные чиновники.

Но годом основания библиотеки в Чёрмозе считается 1815 год. Автор книги «История Чёрмозского завода» сообщает, что кроме пожертвованных, в Нижнем Новгороде на ярмарке у книгопродавца Колотилина куплено книг на 950 рублей.

Библиотекой пользовались, платя 7 процентов от стоимости взятых для чтения книг. Обществу разрешено было по своему усмотрению выписывать периодические издания и заку-

пать «новейшие и полезные разного рода книги».

В 1830 году из Санкт-Петербурга пришла посылка с 65 книгами от владельца завода технического, медицинского и художественного содержания. В 1833-м — еще 33 экземпляра. 14 марта 1837 года датируется книжное дарение из личной библиотеки заводчиков Лазаревых.

Так, постепенно наполняясь, к 1848 году библиотека располагала фондом в 2354 экземпляра. В числе книг была литература о войне 1812 года, сочинения западноевропейских просветителей (Руссо, Вольтера, Монтескье), русских поэтов и писателей (Сумарокова, Державина и др.). Выписывались и журналы: «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Московский телеграф», «Труды вольного экономического общества».

Общественная библиотека сыграла свою роль в формировании свободолюбивой идеологии учеников горнозаводского училища — участников тайного «Общества Вольности». Основатель «Общества» Петр Поносов тоже пользовался библиотекой. К следственному делу был приложен список книг общественной библиотеки на 32 листах.

После суда над членами «Общества Вольности» в читальне

провели ревизию с изъятием книг с «признаками на вольнодумство». После нее в библиотеке осталось всего 504 экземпляра.

Много знала потом библиотека и дарений и изъятий. Но вернемся к дару чёрмозского гражданина.

Жили в городе брат и сестра Михалевы. Жили вдвоем, семьей не обзавелись. Всю жизнь работали и учились. А все свои сбережения завещали чёрмозскому горисполкому.

Итак, завещание:

«Я, гражданин города Чёрмоз, Михалев Константин Григорьевич, проработал на бывшем Чёрмозском металлургическом заводе 55 лет, из них 40 лет старшим конструктором.

Моя сестра, Михалева Анастасия Григорьевна, проработала в чёрмозской больнице 40 лет фельдшером-акушером.

Получая хорошую зарплату, а по старости пенсию и ведя скромный образ жизни, у нас получились сбережения и имеются дом и ценные вещи. Мы оба решили после нашей смерти все наши сбережения и деньги от продажи имущества, на что у нас составлены завещания, передать чёрмозскому горисполкому с целевым назначением — «на постройку в гор. Чёрмозе кирпичного здания для библиотеки и передать это здание с нашей личной библиотекой в дар гражданам гор. Чёрмоз».

После смерти в 1965 году Константина Григорьевича Анастасия Григорьевна пишет еще одно завещание, передавая городу все свое имущество - дом, пианино, телевизор, семь шкафов с книгами и т.д. На эти сбережения сделан пристрой к библиотеке, где сейчас располага-

ется читальный зал. Имущество и книги тоже сохранены. В шкафах не теперешней работы стоят книги дореволюционного и советских лет издания. Это собрание сочинений Пушкина, Достоевского, Островского, Кольцова, Тютчева, Мережковского, Аксакова, Бажова, Бло-

ка и др., а также зарубежных классиков Диккенса, Мопассана, Метерлинка, Боккаччо, Вольтера, Ибсена и еще многих других. Богатейшее и содержательное собрание. Оно продолжает служить нынешнему поколению чёрмозцев.

г. Чёрмоз

Олег ОТАВИН

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

В семидесятых годах сотрудники Ильинского музея собирали материалы об участниках Гражданской войны. Подготовили неплохую экспозицию. В один из дней ко мне с претензией обратился пожилой мужчина: он, мол, участник Гражданской войны, а его фотографии на стендах нет. Чтобы исправить ошибку, я с готовностью начал записывать рассказ посетителя: «...в октябре 1917 года стоял в Красном Селе. Тогда я служил в полку Чапаева разведчиком. Нервная, нужно сказать, работа. Много раз встречался с Лениным, Троцким, Калининим. Разговаривали в основном на политические темы. Особо запомнилось 25 октября. Получил Василий Иванович из штаба пакет, прочитал его, вскочил на коня и скомандовал: «Пашки наголо, нам поручили взять Зимний. За мной!» и т.д.

Пришлось навести справки о «чапаевце». Он оказался действительно известным человеком: в 1918 году промышлял разбоем и бандитизмом на до-

роге между селами Ильинским и Слудкой, за что и отсидел шесть лет в тюрьме.

***

Летом 1976 года один из посетителей принес в музей поллитровую банку с колорадскими (живыми) жуками и сказал: «На Урале их нет, а вот на Украине — тьма, возьмите для отдела природы...»

***

Самым первым иностранцем, посетившим наш музей в советское время, был этнограф из США Ричард Моррис. Ни разу не видел живого империалиста, мы встречали его с честью. В подарок преподнесли красивый половик. Он никак не мог понять его назначения, в конце концов решил, что это накидка вроде мексиканских, и обмотал им свою шею.

Восторгался американец и подаренными валенками: «Какие теплые носки и без единого шва!» А отдавая нашей бригаде, Моррис заявил, что Иль-

инский — самое лучшее место на Земле, и он останется здесь жить.

***

Пришлось как-то проводить экскурсию для шведских бизнесменов. Рассматривая фотографию ильинских купцов Грохотова и Рукавицына заснятых вместе, швед, демонстрируя свои познания, заметил: «Они разных гильдий» — «Почему вы так думаете?» — озадаченно спросил я. — «Один в валенках, а другой в сапогах. Значит, второй будет богаче», — ответил гость. Не оставшись в долгу, я ответил иностранцам: «Да нет, просто один заснят летом, а другой зимой».

***

Один из французских туристов никак не мог понять, что церковь св. пророка Ильи сломали мы сами. Показывая на то, что от нее осталось, он повторял: «Это война, это Гитлер!..»

п. Ильинский

Олег ОТАВИН

ВАСИЛЬЕВСКИЕ ГОРШЕЧНИКИ

В Васильевской округе Ильинского района минувшим летом работала историко-бытовая экспедиция краеведческого музея. Участвовали в ней и художники из Пермского художественно-промышленного объединения «Парма».

Объектом экспедиции были мелкие крестьянские промыслы конца XIX — начала XX века.

Тему выбрали не случайно. Ильинский округ Строгановского имения не имел горнозаводской промышленности, а поэтому в пореформенное время здесь развивались мелкие промыслы.

Экспедиция выявила интересные сведения о занятиях крестьян Васильевской и Челвинско-Русаковской волостей. Здесь были развиты заделья, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, отхожие промыслы, а также

бондарный, пимокатный, мебельно-столярный.

Наиболее полные сведения удалось собрать о гончарном производстве. Керамическую посуду, например, изготавливали в деревнях Мухлыги, Меречата, Егоршино, Паничи, Попонино.

Местные жители называли мастеров горшечниками. Они, как и все, были земледельцами, а в свободное от полевых работ время гончарили. И зачастую этим занималась вся семья.

Главным материалом гончаров была красная глина, которую добывали вблизи дома. Изготавливали черную обварную посуду, а в более позднее время — и глазированной. Черную посуду делали в жилых избах, для чего обыкновенную русскую печь выкладывали больших размеров. Формировали изделия на ручных кружилах. Продукция сбывалась на ярмар-

ках и рынках в селах Васильевском и Ильинском.

Фонды Ильинского краеведческого музея в результате экспедиции значительно пополнились. Найдены интересные предметы: сельскохозяйственные орудия труда, орудия крестьянских промыслов, гончарные изделия. Не остались внакладе и художники Пермского объединения «Парма». Надо сказать, что за основу своих росписей по дереву они решили взять нашу обвинскую роспись.

Жители Васильевского сельсовета хорошо помогли экспедиции. Особая благодарность С.Т. Вонявкиной из деревни Логачи, Д.И. Вонявкиной из деревни Игоницы, П.Я. Косовских из деревни Полунята, В.Я. Москокову из деревни Сержата и многим другим. Сейчас материалы экспедиции изучаются и обрабатываются, а потом они займут свое место в коллекциях музея.

Гончарные изделия. Ильинский район. Конец XIX - начало XX века. Фото автора.

«Уральский следопыт» - 1998

Проза

- Войтенко С. «Снайпер» ----- №4-6
 Голдин В. «Деревенские мотивы» ----- №2
 Кошкин А. «Собака» ----- №10-12
 Крапивин В. «Рассекающий
 пенные гребни» ----- №7,8,9
 Нечипоренко В. «Самосел» ----- №10-12
 Поляков С. «Вердикт мэтра» ----- №3

Поэзия

- Востриков Ф. «Мы с тобою, друг,
 бессмертны...» ----- №3
 Глушков Ю. «Июля золотые дни...» -- №4-6
 Игнатенко Н. «Реки бессмертная душа» №4-6
 Кудрявцева В. «Заполняются ведра
 картошкой...» ----- №2
 Меркульев С. «Слушать звенящие
 далью ключи...» ----- №10-12
 Сорокин Л. «Вернуться бы в лето...» - №4-6
 Станцев В. «Я готов был
 к верной смерти» ----- №8
 Чуманов А. «Изломана мачта...» ----- №9

Аэлита. Заочный КЛФ

- Брызгалов Е. «Сегодня, 25 апреля» -- №4-6
 Булычев К. «Пашка-троглодит» ----- №4-6
 Веретенников Н. «Искушение...» ----- №4-6
 Гаркушев Е. «Древние
 и новые предания об Авалоне» ----- №2
 Гаркушев Е. «Когда все животные
 равны» ----- №8
 Гончаров В. «Попытка возвращения...» №4-6
 Ипатов А. «Путь жаворонка» ----- №4-6
 Казанцев С. Криптограмма ----- №7
 Клименко В. «Наказанье божеское» - №4-6
 Колосов А. «Злые сумерки
 невозможного мира» ----- №10-12
 Крапивин В. «Летучие семена жизни» №4-6
 Мазова Н. «Отрада русской фэнтези» №10-12
 Матузина Г. «Хромая удача» ----- №10-12
 Немировский Б., Талалаев В.
 «Риадан» ----- №1,2
 Немченко М. «Миропролетяне» ----- №4-6
 Петросов А. «Дорога в жизни —
 «Млечный путь» ----- №3
 Попков А. «Пять яблок» ----- №7
 Прашкевич Г. «Соавтор» ----- №3

- Прашкевич Г. «Из записных книжек» №4-6
 Халымбаджа И. «Вести фэндома» ---- №7-8
 Халымбаджа И. «Новости фэндома» №10-12
 Халымбаджа И. - старший,
 Халымбаджа И. - младший
 «На перекрестках времени: год 1998» -- №1
 Халымбаджа И. «Аэлита — жива!» -- №4-6
 Харитонов Е. «Будущего нет!» ----- №2
 Чуманов А. «Пессимистические комедии» №7
 Щепетнев В. «Седьмая часть тьмы» - №8,9

- В мире прекрасного. Клуб собирателей.
 Книжная полка «УС». Кто во что горазд.
 Музыка и мы. Музеи. «УС» на привале.
 На обочине. Павленковская библиотека.
 Валов А. «Такие родные полотна» ----- №6
 Воронцов Г. «Пушкиниана
 Флорентия Павленкова» ----- №7
 Горбунов Ю. «Серебрянка,
 ее первопроходцы и благодетели» ----- №9
 Горбунов Ю. «Чусовая
 Виктора Трясцина» ----- №7
 Дебердеев В. «Еще один пермский
 треугольник» ----- №2
 Живаева В. «Пейзаж после Бродского» №2
 Казаринова Н. Кисть крепостного
 живописца» ----- №10-12
 Каменских Н. «Воскресение Хмелевки» №3
 Командорская каюта ---- №1,2,3,4-6, 10-12
 Сентябрев Ю. «Человек пришел
 на Урал» ----- №8
 Таланцев А. «Аметист —
 февральский талисман» ----- №2
 Тропинка в сельскую читальню ----- №1
 Щетинин О. «Найден на золотом
 руднике» ----- №8

- Астрономия. Ведовство. Версия.
 Космонавтика. На грани фантастики.
 Наука и техника. Спорт. Огород «УС».
 По белу свету. Человек и природа.
 Уфология. Экзоты на окнах.
 Домов М. «Как русы мадьяр «просили» №5
 Домов М. «Князь Игорь против Хазар» №2
 Ивкина К. «Аквамарин, жемчуг, янтарь...» №2
 Каравдин П. «Закон Черкуна,
 или конец косной материи» ----- №7

- Костров М.** «Милым рай в шалаше» --- №9
Ковтуненко К. «Цезарь» ----- №4
Матафонова Ю. «Есть родина у нас!» -- №7
Моисеев А. «Где твоя могила,
Зороастр?» ----- №6
Молчанов Э. «Тайны
шахматного двора» ----- №4-6
Молчанов Э. Шахматный пилигрим №10-12
Мухачев А. «Находчивый заяц» ----- №5
Нарицын С. «Непорочное зачатие,
или тайна нормальных явлений» ----- №4
Пуронен В. «Сокровища магараджи» -- №2
Семенин А. «Столетник
из страны агав» ----- №5
Смычагин П. «Чужой среди своих» ---- №7
Уваров В. «Один плюс два и
великая пирамида» ----- №8
Щербинина О. «Я утверждаю,
что — невинна» ----- №10-12
Щербинина О. «Растекаясь мыслю
по «Слову...» ----- №9
- Краеведение: Давным-давно.**
Краеведческая копилка. Портреты.
Прогулки в прошлое. Путешествие. России
царской ордена. Старые журналы.
Женщины древней Руси. Тропой поиска.
Арапова Е. «На острове Красном» ---- №3
Бажов П.П. «У мраморских кустарей.
Там, где делают жернова
и точильные брусья» ----- №1
Бортникова О. «Наставники
каторжников» ----- №1
Береснев В. «Сын крепостного» ---- №10-12
Васёв С. «О чем молчит
гудок Чёрмоза» ----- №10-12
Воронов Г. «Максим Походяшин» ---- №4
Гилева Н. «Я, гражданин Чёрмоза» №10-12
Голохвастова Н. «Капитал -
не в материальном наследстве» --- №10-12
Горбунов Ю. «Мать новгородская» --- №1
Горностаева Е. «Егоркины куранты» №10-12
Дебердеев В. «Два лика побратима» --- №1
 Историей заповедано ----- №10-12
Качусов В. «Тихий» бунт
в Кыласово» ----- №10-12
Клюшников Ю. «Надобно
прожить недаром» ----- №3
Клюшников Ю. «Усмирля
человеколюбивою ласковостию» ----- №7
- Клюшников Ю.** «Чирковская галерея» - №8
Ковтуненко К. «Тайны
бронзового века» ----- №2
Кутьев О. «Дело о колдовстве» --- №10-12
Маракулина Л. «Неумолчный
хор О. Алексея» ----- №6
Мезенин Н. «Заводчики Ушаковы» ---- №2
Моисеев А. «Уральская амазония» ---- №8
Молчанов Э. «С Уральских гор -
на Пушкинские горы» ----- №5
Наугольных Г. «Пермские слуги
Гиппократы» ----- №5
Непеин И. «Награждая, поощряем...» -- №3
Нечаева М. «Черный поп Иона
и царь Борис Годунов» ----- №9
Осинцев Л. «Осеевский мост» ----- №3
Осинцев Л. «Сады на дрова?» ----- №5
Осинцев Л. «Шадринская пристань» --- №7
Отавин О. «Ильинское на Обве» --- №10-12
Отавин О. «Невыдуманные истории» №10-12
Отавин О. «Васильевские горчешники» №10-12
Павлов В. «Варвар рода человеческого» №1
Павлов В. «Главное дело
генерала Данненберга» ----- №8
Петров М. «Как в наши дни
вошел водопровод» ----- №2
Плотников И. «Командир охраны
«золотого эшелона» ----- №8
Плотников И. «Эти неудобные
Ардашевы» ----- №5
Позднякова Н. «Сад Кузьмы Рудого» -- №2
Понина Л. «Прогулки в палеозой» ---- №3
Седегов В. «Обитель Аники Строганова» №6
Семенчик И. «Две медали краеведа» -- №5
Семибратов В.
«Клубок неведомой судьбы» ----- №6
Симонов В. «Отобрано
у французов» ----- №10-12
Симонов В. «Обвинки -
сказка или быль» ----- №10-12
Симонов В. «Это было, было...» --- №10-12
Соболева Л. «Рукописи
крестьян Демидовых» ----- №10-12
Сытников Ю, Злоказов Л.
«Александровский мост» ----- №5
Харламов И. «Слепой» полет
«Осоавиахима» ----- №1
Чех И. «Капитан амазонской роты» ---- №7
Щербинина О. «Злой дух
у гроба и колыбели» ----- №3

Ведущие рубрики
Международный мастер Людмила Саднина
и кандидат в мастера Эдуард Молчанов

РАВНЕНИЕ НА ЧЕМПИОНКУ

В 1950 году, когда было учреждено звание международного мастера по шахматам, одной из первых в стране оно было присвоено Валентине Михайловне Борисенко (Беловой). В середине 50-х она переехала жить в наш город. Судьбу этой женщины можно считать легендарной. Студентка филологического факультета, освоившая в годы Великой Отечественной войны профессию шофера, она уезжала в эвакуацию по ледяной дороге через Ладожское озеро с чемоданом, в котором, наряду с самым необходимым, лежала шахматная доска с привычными ее рукам и сердцу шахматными фигурами. Никто из тех, кто ехал тогда на фронтовом грузовике, не мог, конечно, и подумать, что через три года она станет чемпионкой страны. Начиная с 1945 года, она принимает участие в 24-х чемпионатах СССР и добивается наивысшего среди шахматисток результата (так гласит энциклопедический словарь «Шахматы») в этих турнирах.

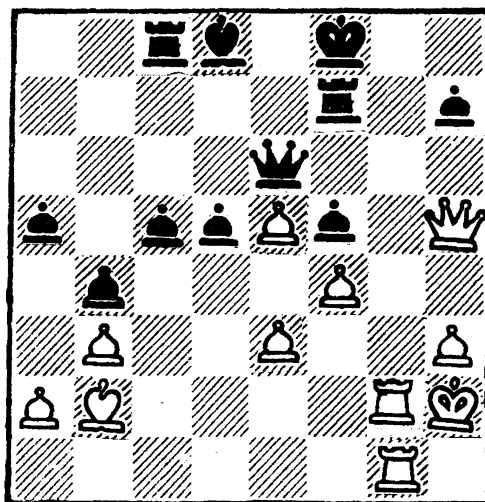
Еще до войны, в юности, ее героиней стала чемпионка мира, талантливая чехословацкая шахматистка Вера Менчик. В 1929 году, когда к Валентине пришло увлечение шахматами, она узнала, что на турнире в Рамсгете Вера Менчик разделила второе и третье места с гроссмейстером Рубинштейном, отстав лишь на пол-очка от эксчемпиона мира Капабланки. Каким-то странным образом это обстоятельство оказало влияние на судьбу русской девочки Вали Беловой, которая именно тогда стала мечтать о шахматной карьере и решила держать равнение на Веру Менчик. ...В июне 1946 года был проведен радиоматч СССР — Великобритания. В столичном зале Центрального дома работников искусств, где проходила игра, присутствовали, кроме уча-

стников и судей, английские дипломаты, работники радио и газет, шахматная общественность. В команду нашей страны входили известные гроссмейстеры Михаил Ботвинник, Пауль Керес, Василий Смыслов, Исаак Болеславский, Сало Флор, Давид Бронштейн, Александр Котов и другие. Впервые в истории международных матчей на одиннадцатой и двенадцатой досках выступали женщины - Валентина Белова и Людмила Руденко. 19 июня состоялся первый тур, 21 июня — второй. Партнеры находились за тысячи километров друг от друга. У каждого из команды был секундант. Он передавал очередной ход участника на телеграф (в соседнюю комнату) и сообщал ответный ход. Английские шахматисты при подготовке к соревнованию, конечно извлекли уроки из радиоматча СССР-США 1945 года, но избежать поражения, причем с крупным счетом 6-18, им не удалось. Валентина Белова в этом матче встретилась за доской с чемпионкой Англии Эйлин Тренмер. В первый же вечер их партия была отложена в примерно равном положении. Позиция, в которой игра была прервана, не выходила из головы Беловой. В гостинице Валентина еще и еще раз анализировала ее, есть ли путь к выигрышу? Она не без оснований считала, что ее позиция предпочтительнее и шансы на победу у нее сохранились. Ночью ей приснился удивительный сон: на колхозном полевом стане она играет в шахматы с незнакомой английской чемпионкой. Во время войны Белова после окончания Саратовского университета получила назначение в Усть-Ордынский национальный округ Иркутской области. И вот она оказалась в небольшом селе Хогот, в бурятском колхозе, где тогда работали в основном женщины, старики и

подростки. Летом они выезжали со стадами коз и овец на пастбища и жили в юртах, а зимой — в деревянных домишках колхозной усадьбы — «зимниках». Валентина преподавала в школе русский и немецкий языки, в колхозной участковой амбулатории работала врачом и ее мать, Анна Анисимовна. Когда в колхозе стало известно о том, что при МТС без отрыва от работы открыли курсы по подготовке трактористов, Валентина решила освоить еще одну профессию (водительские права у нее уже были). После окончания учебного года ее зачислили в тракторную бригаду. Пахотных земель в колхозе было много и работать приходилось от зори до зори. Играть в шахматы было некогда, хотя в бурятском селе любителей этой игры было немало. Изредка ей все же удавалось читать привезенные с собой шахматные книги. Трактористка в потрепанном комбинезоне, читающая на полевом стане в свободные минуты мудреные фолианты с шахматными диаграммами... Валентина не была лично знакома с соперницей по радиоматчу, но знала, что Эйлин Тренмер по профессии музыкант, несколько старше ее по возрасту и, должно быть, опытнее за шахматной доской. Радиоматч оценивался бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции как одно из значительных спортивных событий того времени. Во втором туре секундант Беловой (она играла черными) сообщил о том, что Тренмер сделала ход e2-e4. Валентина ответила ходом королевской пешки на два поля. Была разыграна испанская партия, белым не удалось извлечь преимущества из дебюта. Эта партия также была отложена, и шансы на выигрыш оказались у черных. Подводя итоги международного радиоматча, журнал «Шахматы в СССР», в частности, отмечал: «Защищать честь советской

команды выпало В.Беловой и Л.Руденко. И они успешно выполнили эту задачу, выиграв все четыре партии у англичанок». В бытность свою в нашем городе, Валентина Михайловна четыре раза завоевывала звание чемпионки России и трижды — чемпионки СССР, успешно выступала в международных турнирах и матчах, была участницей соревнований на первенство мира. Эстафету мастерства международный гроссмейстер В.М.Борисенко уезжая с Урала, передала Л.Ф.Сауниной, которая в 70-е и 80-е годы также, как и она, четыре раза становилась чемпионкой России. В заключение приводим окончание партии, которую Валентина Борисенко выиграла на чемпионате СССР в 1949 году у будущей чемпионки мира Ольги Рубцовой.

В. Борисенко — О. Рубцова

Эта позиция возникла после 39 ходов. У белых некоторый позиционный перевес при материальном равенстве. Борисенко добивается победы эффективным путем.

Юрий МАТАФОНОВ

ТИШКА

Кончалось лето. Новое поколение пернатой дичи встало на крыло. У птиц-родителей отпала забота кормить своих прожорливых детей. Утки кулички, трясогузки, гуси, готовясь к отлету на юг, стали собираться в табунки.

С приходом ранней осени многие звери занялись заготовкой пропитания на долгую зиму. Для меня же наступило время охоты. Каждый вечер, после работы, со своей собакой Тарзаном уходил от избышки берегом реки Чёрной, вверх или вниз по ее течению, в тайгу. Пройдя два-три километра, я добывал несколько рябчиков, а если посчастливится, то и глухаря. Этого нам с Тарзаном вполне хватало.

Но не об охоте мой рассказ, а о Тишке. Тишкой я прозвал бурундука.

Вверх по течению реки, километрах в двух от моего жилища находился небольшой сосновый бор. В этом бору Тарзан частенько находил и облаивал глухарей, которые в нем кормились. Несколько раз, не доходя до бора, я вспугивал бурундука, не обращая на него поначалу никакого внимания. Но поскольку он повстречался мне несколько раз в одном и том же месте, я понял, что где-то здесь его норка. Тарзан же, пробегая мимо бурундука, не удостаивал его даже взглядом. А тому только и оставалось делать, что недовольным цвырканием выражать свое негодование: ходят, мол, тут всякие, делом — подготовкой к зиме — мешают заниматься.

Я быстро привык к встречам с бурундуком, захотелось даже подружиться с ним. А помочь этому могли кедровые орехи. К сожалению, кедровые орехи в тех местах были редкостью. Поэтому мне стоило больших трудов найти и собрать около двух десятков шишек. И, направившись через день на охоту в ту сторону, где обитал Тишка, я прихватил с собой десять орешков для угощения.

Бурундучок выскочил неожиданно, почти из-под ног Тарзана, легко и проворно взбежал по

стволу ближайшей сосенки, негодуя цвыркающей при этом. Тарзан же, как всегда, равнодушно протрусил мимо.

Рядом с этой сосёнкой находился обросший мхом и брусничником полусгнивший пенёк. «Тишка, Тишка!», — пропел я ласковым голосом, примял ладонью податливый мох и, как в блюдечко, положил в углубление орехи. Затаившись в хвое, Тишка наблюдал, очевидно, за тем, что я делаю. «Тишка, Тишка!», — певуче повторил я свой призыв и не спеша удалился вслед за собакой.

Два последующих дня я жил в томительном ожидании: взял ли Тишка мой гостинец? И, конечно же, был доволен, обнаружив углубление пустым. Значит, съел или унес в свою «кладовую», пополнив запасы на зиму. Я осторожно походил в пределах его «владений», пока не услышал знакомое недовольное цвыркание. Дождавшись, пока он успокоится, я подошел к пенёчку и пропел снова «Тишка, Тишка!», положив очередную порцию орехов. И опять, заглянув туда в следующий раз, увидел, что орехи исчезли.

Похоже, Тишке пришлось по душе мои визиты, тем более подарки. Я решил проверить, так ли это на самом деле. Проходя однажды мимо знакомого пня, я не остановился у него, не положил, как всегда, орешки, не произнес волшебные слова. Тишка, увидев из своего укрытия такое предательство, обиженно свистнул — как свистят бурундуки перед дождем. Я остановился, огляделся вокруг — никого. Он же меня, конечно, видел и ждал гостинца. Вернувшись к пенёчку, я положил в ямку орехи и, как обычно, ласково пропел: «Тишка, Тишка!»

К сожалению, ореховые запасы закончились у меня раньше, чем Тишка лег спать в своей норке. Приходить же к нему с пустыми руками я не мог. Но почему-то я был уверен, что Тишка и зимой, просыпаясь, чтобы поесть, вспоминал обо мне, лакомясь кедровыми орехами.

ЕЖИНОЕ СЕМЕЙСТВО

Погода в начале лета была изменчивой. Вес май выдался холодным и ветреным. Да и в начале июня сухие, жаркие дни чередовались с ненастными, зачастую с нудными дождями.

В такие дни оставалось одно — сидеть в избушке. И если днем за работой скучать было некогда, то длинные летние вечера тянулись очень медленно. Да и по ночам почему-то плохо спалось. Единственным живым существом, скрашивающим мое ночное одиночество, была мышка. Я клал для нее сухарик такой величины, чтобы она не смогла утащить его к себе в норку. Лежа под пологом, я слушал, как мышка грызет сухарик и засыпал под этот хруст. Через некоторое время «моя» мышка исчезла и больше не появлялась: сухарик оставался нетронутым.

Однако вскоре, вместо мышки, у меня поселился другой «сосед». Как-то ночью я проснулся от непонятных звуков. По комнате кто-то бегал, не особенно стараясь делать это бесшумно. Гулко в ночной тишине избушки стучали по полу коготки. А когда стук прекращался, то слышалось частое принюхивание. Один раз этот «кто-то» чихнул. Я лежал не шевелясь, слушал и терялся в догадках: кто же это может быть? «Скорее всего ёжик», — наконец-то догадался я. И до меня в этой избушке жили люди, у них была кошка, для которой они сделали лаз в подпол. Через этот лаз и проник ёжик в комнату.

В ночной тишине ёжик бесцеремонно обследовал мою избушку. Он бегал по комнате, обнюхивал углы, пыхтел, погромел об пол сухарем, после чего ушел в подпол.

На следующий день я сделал из консервной баночки чашечку и вечером налил в нее разбавленного водой сгущенного молока. Ёжик не заставил себя долго ждать. Все так же по-хозяйски, не стесняясь, побегал по комнате, посопел, пока не наткнулся на баночку с молоком. Обнюхал ее, потоптался вокруг, снова понюхал, лизнул и, распробовав, что это вкусно, зачастил языком. Вылакав все молоко, ёж долго елозил банкой по полу, пока не опрокинул ее. Банка, загремев, покатила по полу, а он, как напроказивший ребенок, убежал в подпол.

Я старался никак не выдавать себя, хотя, думаю, ёжик отлично знал о моем существовании. Он стал приходить каждую ночь. И уже не бегал по комнате, не обнюхивал углы, а направлялся напрямик к своей посудине. Выпивал молоко, пыхтя, вылизывал банку и, убедившись, что в ней уже ничего нет, уходил к себе. Из-за пасмурных безлунных ночей мне не удавалось

рассмотреть своего ночного гостя. Надеюсь, что настанет лунная ночь, я стал ставить баночку по середине комнаты. И такая ночь наступила. Приподняв край полога, я мог отчетливо видеть ежа. Проворно выбежав из-за печки, ничего не опасаясь, он сразу же подбежал к своему «столу». По обыкновению повозив опустевшую баночку по полу, приподнял мордочку, посмотрел в мою сторону, понюхал воздух, чихнул или фыркнул, как бы поблагодарив меня по-своему, по-ежиному, и не спеша отправился восвояси.

Вот так мы и подружились с этим ёжиком. Я стал раскладывать по углам размоченные в молоке сухари, чтобы он подольше гостил у меня. Ёжик принял правила игры. Мое присутствие несколько не смущало его. Лишь иной раз оторвется от баночки, поведет своим острым носиком в мою сторону — и снова за дело. Однажды он почему-то долго не решался подойти к угощению. Долго копошился, несколько раз выходил из-за угла печки и возвращался обратно. Когда же он, наконец, добрался до баночки с молоком, то рядом с ним я увидел четыре маленьких комочка. Я понял: ежиха-мать привела своих детишек. Они сидели рядом со своей мамашей и, наверное, с любопытством смотрели, как она лакает молоко.

Теперь можно было подытожить — ежиха не могла охотиться далеко от места нахождения своих ежат, и поэтому встала на «довольствие» у меня. Пришлось на следующий день сделать из жести корытце, чтобы из него могло питаться все ежиное семейство. «Иждивенцев» прибавилось и нужно было больше готовить молока. Но мне это было в радость. Кусочки сухарей я уже не раскладывал, как прежде, по всей избушке, а крошил их прямо в корытце. Ежата вместе с матерью дружно ели, посапывая носиками, фыркающая от удовольствия.

С каждой ночью они все больше осваивались, дольше оставались в комнате, повторяли все мамини действия: бегали, обнюхивали углы, что-то искали. Со временем они совсем перестали обращать на меня внимания и, наевшись, устраивали, как и все малыши, такую возню, что иной раз приходилось прикрикнуть на них, напомнить, кто здесь хозяин.

Около месяца прожила у меня веселая ежиная семья. К моему сожалению ежиха-мать увела своих детенышей. Посчитала, наверное, что пришла пора учить их самостоятельно добывать себе корм. Не на всю же ежиную жизнь уповать на чье-то угощение.

Нина КАЗАРИНОВА

КИСТЬ КРЕПОСТНОГО ЖИВОПИСЦА

Старожилы Ильинского и сейчас покажут вам то место, где в конце века стояла иконописная мастерская. В ней, по преданию, работал и Семён Петрович Юшков, крепостной живописец Строгановых.

Десять портретов и три иконы — весомое творческое наследие, сохранившееся до наших дней.

Работы Юшкова разбросаны по уральским музеям. Они хранятся в Пермской художественной галерее, областном и других краеведческих музеях, в Екатеринбурге.

Но бывают и счастливые открытия. Так в 1971 году краевед и знаток истории села Ильинского И.С. Пепеляев сообщил в Пермскую художественную галерею, что на чердаке старого дома учительницы Селезневой найден портрет, подписанный Семеном Юшковым. Причем, на старом холсте прочитывается и год создания — 1850.

Владелица портрета рассказала семейное предание о том, как холст оказался в ее семье. Юшков написал портрет дочери ильинского священника Петра Серебренникова — Таисьи. Изобразил ее в кокошнике с вуалью, в платье с прозрачными рукавами и глубоким вырезом, обнажающим плечи. Этот слишком «вольный» наряд вызвал в селе возмущение, поползли разные слухи. Молодая поповна тем не менее портрет не уничтожила, а отдала на хранение своей подруге. В этой семье портрет и сохранился. Реставратор художественной галереи И.В. Арапов дал вторую жизнь старому обветшавшему холсту. Его теперь можно увидеть в коллекции галереи.

В 1984 году врач и художник из поселка Ильинского Р.Е. Тюрин передал в художественную галерею икону, подписанную С. Юшковым. Не так давно сотрудники Ильинского краеведческого музея обнаружили еще одну, подписанную мастером, икону.

Большая часть известных ныне работ Юшкова

обозначена 1850-ми годами. Видимо, это самое плодотворное десятилетие его творчества.

Дошедшие до нас архивные документы дают возможность проследить занятия живописца на протяжении почти тридцати лет: от ученичества до освобождения от всех должностей.

В «Формулярном списке служащих Главного Ильинского правления» за 1842 год в разделе «по мастерствам» есть запись: «Живописец Николай Семенов Македонов 36 лет. С 1820 г. и поныне маляром и живописцем. Ученики Семен Петров Юшков. Холст. 20 лет. С 1838 г. при обучении живописи. С сентября 1841 — живописцем и обучает пению и музыке». За краткими формулярными сведениями встает судьба талантливого человека из крепостных, разносторонне одаренного. Узнаем, кроме того, что в Ильинском обучали музыке и пению. Это не случайно. Село в прошлом столетии было не только административным, но культурным центром обширных строгановских владений. Его можно сравнить с демидовским Нижним Тагиллом.

В «Списках на лиц разных званий на 1823 г.» названы живописцы И. Красов, А. Ермаков, Н. Македонов, И. Коротин, П. Черемисин, резчики В. Малых, И. Плюсин. Причем, И. Красов и В. Малых обучались искусству в Москве.

По неполным данным в конце XVIII — первой половине XIX веков живописной, золотарной и резной «наукам» в Ильинске принадлежали около 30 мастеров и их учеников. По официальным данным в селе тогда проживало немногим более 2000 человек. Сюда из Нового Усолья была переведена иконописная мастерская. Мастера работали по заданию Строгановых в Билимбае, Очере, Оханске и других вотчинах.

В Главном правлении служили крепостные, которые имели какой-то уровень образования. Со-

средоточение в Ильинском управленческого аппарата и специалистов разных отраслей, выделяло село из других. Здесь в 1794 году открылось первое в губернии приходское училище. По сведениям историка Н.К. Чупина, в 1830-х годах в Ильинском была библиотека, «которую пользовались и жители Перми — чиновники». Уже в 1820-х годах здесь был театр крепостных актеров с собственным зданием и оркестром, певческим хором. «Особенно в моде в то время были водевили с пением, — пишет историк А. Вологдин. — Музыку для водевилей поставлял местный музыкант и вместе художник Юшков, талантливый человек, но страдавший пристрастием к крепким напиткам».

Таким образом, в Ильинском сложилась определенная художественная «среда», которая способствовала появлению талантов.

Но вернемся к Юшкову. Вот сухие строчки «Послужной книги на служащих Ильинского округа». Они год за годом сообщают о занятиях художника: «С сентября 1841 г. по май 1845 живописцем, регентом и музыкальным учителем. С мая 1845 по май 1846 живописцем, регентом и музыкальным учителем.» И так год за годом, вплоть до 1860-го, когда Юшков был «от службы уволен». Больше в архивных делах Строгановых имя С. Юшкова не упоминается. Его судьба теряется в море судеб других крепостных.

О занятиях Юшкова иконописанием сохранилось несколько архивных документов. В «Донесениях» управляющего на 1852 год есть просьба направить в Билимбай для написания икон ильинского живописца С. Юшкова, «который при тщательном изучении старинного письма, по эскизам и иконам, полученным от Вашего сиятельства (С.Г. Строганова. — Авт.) в настоящее время хорошо пишет иконы в старинном вкусе».

Из расписок мастера о получении денег узнаем, что в 1860 году «за написание иконы в часовню Фоминской станции получил три рубля» и «за написание иконы Казанской Божией матери для Русаковского училища 2 рубля».

О портретном творчестве Юшкова источники не содержат никаких сведений. Но портреты, как зеркало времени, и сами могут многое рассказать. Из десяти сохранившихся холстов — пять это портреты крепостных крестьян села Ильинского: П. и И. Шариных, П. Пепеляева, М. Симанова. Эти фамилии и ныне встречаются довольно часто в Ильинском районе.

Не бедные же крепостные крестьяне заказывали живописцу свои фамильные портреты. Они требовались для утверждения рода, достатка. В Прикамье, а в Ильинском в особенности, многие крепостные торговали хлебом, лошадьми, богатели, но перейти в другое сословие — купеческое — смогли только после отмены крепостного права. Богатый торговый крестьянин — тот же купец. Представление зажиточного крестьянина о себе, претензии и амбиции — ярко воплощены в портретах работы С. Юшкова. Они на первый взгляд незамысловаты и просты. Однотипные фронтальные позы. Фигуры мощно вписаны в прямоугольники холстов, предстают в застывшей устойчивости. Письмо doskonaльное, тонкое. Нет сомнения в том, что сходство абсолютное. Если бы кто-нибудь из современников в нем усомнился, это было бы расценено как недоброкачественность работы.

Но при всей внешней простоте герои портретов «не открыты» зрителю, «не пускают» в свой внутренний мир. Они полны собственного достоинства. Нечто постоянное, по народному основательное, запечатлел художник в своих современниках и односельчанах. Это — цельный замкнутый и закрытый мир, портреты-«мироздания». Важен лишь сам человек, а не его занятия и дела. Художник отсекает все ненужное, временное. Вот почему каждый портрет — это и вполне конкретный человек, и характер целого класса, его «амбиции».

Юшков, как и многие другие крепостные живописцы, копировал портреты обширного рода Строгановых с оригиналов русских и европейских профессиональных художников: Виже-Лебрен, Ж.-Л. Монье, А.Г. Венецианов — чтобы люди обширных прикамских земель знали своих господ. Копируя, стремясь к максимальной точности, крепостной мастер приобщался к приемам портретной живописи, выработанной профессиональной школой, осваивал секреты колорита. Иногда это порождало в собственном его творчестве совершенно неожиданное преломление. Чудное воплощение мечты об идеальной красоте выразилось в образе вполне реальной поповны своего села — Таисьи Серебренниковой.

Судя по большому количеству сохранившихся работ Юшкова, их берегли, знали им цену. Они нравились потому, что живописец смог выразить народное представление о мире, жизни и ее ценности, о красоте и достоинстве человека.

Фоторепродукции работ С.П. Юшкова — на 3 стр. обложки.

С. Юшков.
Портрет Таисии Серебренниковой.
Пермская художественная галерея.

С. Юшков. Богоматерь Иверская.
Ильинский районный краеведческий музей.

С. Юшков.
Портрет С.Г. Строганова. Копия.
Пермская художественная галерея.